

ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДНОЕ

**Воспоминания
участников гражданской
войны в Оренбуржье**

Южно-Уральское
книжное издательство

Челябинск

1969

В книге «За счастье народное» продолжается публикация воспоминаний активных участников гражданской войны в Оренбургской губернии.

Воспоминания, вошедшие в этот сборник, сообщают ряд новых фактов, характеризующих борьбу трудящихся за власть Советов, против контрреволюционных войск Дутова, «Самарской учредилки» и Колчака, содержат много ранее неизвестных подробностей о действиях отдельных частей и соединений, о партийно-политической работе в Красной Армии, среди прифронтового населения и в тылу противника.

В предисловии к книге освещаются главным образом военные вопросы истории гражданской войны в Оренбургской губернии, а также комментируются статьи авторов настоящего сборника.

Материалы этого сборника подготовлены Военно-историческим обществом при Центральном музее Вооруженных Сил СССР и архивным отделом Оренбургского облисполкома на общественных началах.

Книга адресуется самым широким кругам читателей, интересующимся славными революционными традициями нашего народа, историей гражданской войны в Оренбуржье.

**Общественная редакционно-составительская
коллегия:**

Кандидат исторических наук **Б. Н. Чистов**,
П. К. Десятерик, генерал-полковник в отставке
М. А. Шалин, **Г. П. Липов**, **С. В. Мелентьев**.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта — взволнованный рассказ о незабываемых днях Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Оренбуржье. Авторы — активные участники борьбы за Советскую власть, с оружием в руках защищавшие завоевания Великого Октября. Они рассказывают о героических днях своей молодости, без колебания отданной делу пролетарской революции, делу разгрома внутренней контрреволюции и иностранной интервенции; рассказывают о том, как оренбургские рабочие и крестьяне в тяжелых условиях вели вооруженную борьбу за освобождение края от белоказачьих банд Дутова, громили полчища «Самарской учредилки» и Колчака.

С ноября 1917 года до конца 1919 года Оренбургская губерния являлась ареной ожесточенной вооруженной борьбы с врагами революции. Многие города, станицы и села по несколько раз переходили из рук в руки. Борьба красногвардейских отрядов П. А. Кобозева и С. Д. Павлова зимой 1917/18 года, Г. В. Зиновьева, В. К. Блюхера и братьев Кашириных весной и летом 1918 года против мятежа Дутова, оборона города Орска летом и осенью 1918 года, наступление 1-й и Туркестанской армий зимой 1918/19 года, героическая оборона Оренбурга весной и летом 1919 года, разгром Южной армии Колчака золотыми буквами вписаны в историю борьбы за Советскую власть на Южном Урале.

Рабочие и крестьяне Оренбургской губернии, оказавшись на переднем крае гражданской войны, смело приняли удары врагов революции. Из местных красногвардейских отрядов были созданы дивизии Красной Армии: 31-я Оренбургская стрелковая, 3-я кавалерийская и 49-я Оренбургская стрелковая. Местные форми-

рования дрались против войск Дутова и Колчака на Южном Урале вместе с частями и соединениями, присланными Советским правительством из центра страны. В дивизиях, сформированных в Оренбуржье, были и отряды, прибывшие из Москвы, Петрограда, Смоленска, Казани, Самары, Жлобина и других городов. В ходе борьбы советское командование направляло в Оренбургскую губернию целые армии. Победоносный боевой путь прошли на Южном Урале 24-я Симбирская Железная и 20-я Пензенская дивизии 1-й Революционной армии, 25-я Чапаевская дивизия 4-й армии и 26-я дивизия 5-й армии, Приволжская татарская бригада и другие соединения Восточного и Туркестанского фронтов.

Задача настоящего сборника воспоминаний — осветить боевые действия частей и соединений Красной Армии в Оренбуржье, показать решающее значение помощи рабочим и крестьянам губернии со стороны Коммунистической партии и Советского правительства, В. И. Ленина, рассказать о героическом подвиге трудящихся в борьбе за власть Советов. В книге помещены воспоминания как оренбургских партийных и советских работников, так и воинов 1-й и Туркестанской армий.

Сборник открывается воспоминаниями С. М. Цвиллинга, С. В. Мелентьева, С. Р. Фильченко, А. С. Шереметьева, Г. П. Липова, Я. М. Суворова, П. П. Олеандера о борьбе с мятежом атамана Дутова, далее рассказывается о победе пролетарской революции в Оренбургской губернии и о начале социалистического строительства.

Дутовщина была важным звеном в плане всероссийской контрреволюции, подготовлявшей еще до Октября свои военные базы на казачьих окраинах на случай победы социалистической революции в стране. Каледин на Дону, Дутов на Урале должны были не только не допустить распространения пролетарской революции на окраины, но и предпринять карательный поход для разгрома ее сил в центре страны. Дутов, получив известие о свержении в Петрограде Временного правительства, захватил власть в Оренбурге и обрушил жестокие репрессии на большевиков и Советы рабочих и солдатских депутатов. Он воспользовался тем, что военные силы контрреволюции здесь заранее были собраны в кулак, а военные силы революции еще не были подготовлены. Непос-

представленной опорой дутовщины являлись оренбургская городская и сельская буржуазия, казачья офицерско-кулацкая верхушка. Полную поддержку Дутову оказали эсеры и меньшевики. Они прикрывали контрреволюционные дела атамана именем Учредительного собрания и «комитета спасения родины и революции». Дутов был связан с американскими и английскими интервентами, получал от них материальную поддержку и вооружение, выполнял их империалистические директивы.

Главную ставку дутовцы делали на казачество, как массовую военную силу. Они рассчитывали превратить трудовое казачество в послушное орудие борьбы за восстановление власти эксплуататоров.

Однако эти надежды не сбылись. Дутовская авантюра не вышла за пределы Оренбургского края. Контрреволюционные очаги Дутова на Урале, как и Каледина на Дону, были сметены триумфальным шествием Советской власти. Они рассыпались под ударами сил революции. Авторы воспоминаний показывают, какие общественные силы обеспечили крушение контрреволюции на Южном Урале.

Основной силой, ликвидировавшей дутовский мятеж в Оренбурге, явился героический пролетариат города, прежде всего рабочие железнодорожных мастерских и ближайших участков дороги. Замечательный вдохновляющий пример показывали местные большевики. Их руководители проявили себя настоящими пролетарскими революционерами, не знающими страха в борьбе с классовым врагом. С. М. Цвиллинг показывает, как решительно сплотился оренбургский пролетариат вокруг большевиков, какое он проявил высокое сознание своего классового долга в борьбе за установление Советской власти. Проведенная оренбургскими рабочими трехмесячная всеобщая политическая стачка в тылу белогвардейцев — одна из крупных в истории гражданской войны в СССР. С. В. Мелентьев рисует неодолимое стремление рабочих-железнодорожников к установлению Советской власти. В то время как Дутов зверствовал в Оренбурге, власть по станциям Ташкентской железной дороги фактически была в руках рабочих организаций. Прекращение железнодорожного движения нанесло огромный удар дутовщине.

В статье П. П. Оландера показан интернациональ-

ный характер борьбы трудящихся за диктатуру пролетариата. Бывшие военнопленные — рабочие западных стран решительно отказались стать штрейкбрехерами, к чему их принуждали белогвардейцы. Интернационалисты примкнули к всеобщей стачке оренбургских рабочих и, в частности, сорвали строительство бронепоезда и погрузку снарядов для дутовских войск.

Стаечная борьба рабочих подрывала дутовщину политически, сыграла огромную роль в подготовке вооруженных сил для разгрома контрреволюции. Стаечники под руководством большевистской подпольной организации образовали нелегальную Красную гвардию, готовились к вооруженному восстанию. Энергичная деятельность большевиков-подпольщиков, непоколебимость стачечников оказывали революционизирующее влияние и на крестьян и прежде всего на солдат гарнизона. Дутовцы поспешили демобилизовать и распустить солдат по домам, оставляя в гарнизоне лишь верные им казачьи части. Тяга к Советской власти проникала и в среду трудового казачества.

Установление Советской власти в стране партия большевиков осуществляла силою революционного союза рабочих и деревенской бедноты, нейтрализуя при этом средние трудовые слои, такие как среднее крестьянство, трудовое казачество. Но нейтрализация предполагала не простое исключение из борьбы, а завоевание сочувствия и поддержки со стороны нейтрализуемых слоев. Могучими средствами этого являлась политика партии в вопросах о мире, земле.

Решение этих насущных вопросов не проходило и мимо казачества. Казаки-фронтовики говорили станичникам, что мир принесли большевики. Происходившая в крестьянских районах аграрная революция врывалась и на территорию казаков, волновала их. С. Р. Фильченко сообщает, как в Орском уезде под влиянием крестьянской борьбы против помещиков казачья беднота говорила о необходимости отобрать у станичных офицеров незаконно захваченную ими войсковую землю. Революционные влияния подрывали устои закоснелой сословной психологии казаков, ломали их слепое подчинение атаманам.

В воспоминаниях приводятся примеры самоотверженной работы большевистских агитаторов среди каза-

чества. С. М. Цвиллинг рассказывает, как дутовцы расстреливали арестованных большевиков по станицам в расчете, что казаки покончат с коммунистами самосудом, но всюду эта затея оборачивалась против атаманов. Высланные большевики сближались с казаками, разъясняли им декреты Советской власти, газетные статьи.

Интересны и воспоминания Г. П. Липова. Чтобы убедить сомневавшихся, действовавшая в Краснохолме группа революционных фронтовиков организовала посылку делегации станичников в Бузулук, в штаб советских войск к П. А. Кобозеву. Сообщение возвратившихся делегатов о политике Советской власти в отношении казачества склонило колеблющихся на сторону Советов. Большинство краснохолмцев встало на путь разоружения дутовских отрядов, содействуя тем разгрому контрреволюции. Пример Краснохолма и других шедших с ним станиц свидетельствовал о глубоких политических сдвигах, начавшихся в среде трудового казачества. О том же свидетельствовал раскол на казачьем круге III отдела Оренбургского войска в станице Кособродской. Этот круг под влиянием революционных фронтовиков решил «воздержаться от военных действий против Советов», как пишет в своих воспоминаниях Я. М. Суворов. Именно такое политическое состояние казачества не позволило дутовцам создать зимой 1917/18 года массовую контрреволюционную армию и явилось важной причиной провала дутовской авантюры.

Силы Дутова состояли из белогвардейских отрядов, в которых служили офицеры, юнкера, кадеты и кулачество. Они превосходили численно местные военные силы революции: нелегальную Красную гвардию в Оренбурге и красногвардейские отряды ближайших городов, собираемые в Бузулуке. К тому же белогвардейцы были опытнее в ведении боя.

Для ликвидации южноуральского очага контрреволюции решающее значение имела политическая и военная помощь Советского правительства, организованная В. И. Лениным. Непосредственным организатором борьбы против дутовской контрреволюции был посланец В. И. Ленина — чрезвычайный комиссар Советского правительства в Западной Сибири и Средней Азии П. А. Кобозев.

Я. М. Суворов рассказывает о военной помощи цент-

ра Оренбургскому фронту. Его воспоминания позволяют уточнить ряд интересных деталей относительно создания 1-го Северного летучего отряда. Отряд был образован по указанию В. И. Ленина после посещения его делегацией оренбургских железнодорожников 26 ноября (9 декабря) 1917 года. Отряд составил из гельсингфорских моряков с линейных кораблей «Гангут» и «Петропавловск» и революционного 17-го Сибирского стрелкового полка, командиром которого уже в походе был избран Я. М. Суворов. Общее командование было возложено на командира Гельсингфорского отряда мичмана С. Д. Павлова. Отряд балтийцев явился стержневой ударной силой советских войск Бузулукского фронта.

Воодушевленные и спаянные прибывшей в части большой партийной силой советские войска перешли в решительное наступление. В результате дружного натиска советских войск с фронта и под ударами оренбургских рабочих, восставших в белогвардейском тылу, дутовцы потерпели поражение. 18(31) января 1918 года Оренбург был освобожден.

Военная победа над дутовцами еще выше подняла революционную активность масс пролетариата, крестьянской и казачьей бедноты. С подъемом проходило избрание Советов в городах, селах и во многих казачьих станицах. Выбирались делегаты на уездные и губернский съезды Советов.

С. Р. Фильченко пишет о революционном подъеме трудящихся Орска и уезда. Рабочих здесь было мало, но они тесно сплотились вокруг большевиков. Крепкую революционную силу представляли солдаты-фронтовики. В результате энергичной борьбы местных большевиков с эсерами и меньшевиками в Орске была установлена власть Советов 23 декабря 1917 года (5 января 1918 года), за 26 дней до освобождения Оренбурга от дутовцев. Автор подробно останавливается на вопросах об укреплении местных большевистских организаций.

Труднейшей задачей советского строительства в Оренбуржье являлось вовлечение в него трудового казачества, составлявшего около одной трети всего населения губернии. А. С. Шереметьев в своих воспоминаниях пишет о борьбе коммунистов за трудовое казачество. Многие местные советские и партийные работники вначале не имели ясного представления о путях реше-

ния казачьего вопроса. Некоторые из них не понимали, что своеобразие этого слоя населения требует особого подхода и рассчитывали преодолеть его сословные особенности скоропалительными административными мерами. Другие видели в казачестве сплошную реакционную массу, не понимая, что и в этом, хотя и привилегированном в прошлом сословии, уже создались социальные предпосылки, дающие возможность, опираясь на казачью бедноту и с помощью революционных фронтовиков, бороться за привлечение масс трудового казачества к Советской власти.

Исправляя вредные крайности, оренбургские большевики вырабатывали правильную партийную линию в отношении казачества, вовлекая его в строительство новой жизни на советских началах в общем союзе рабочих и крестьян.

Особенностью перехода к мирному социалистическому строительству в Оренбургском крае было то, что трудящиеся должны были вести его буквально с винтовкой в руках.

Весной 1918 года положение в крае стало осложняться. Силы контрреволюции, разбитые, но недобитые, не отказались от вооруженной борьбы. Банды атамана Дутова продолжали сопротивляться в районах Верхнеуральска и Оренбурга. Не было времени, когда бы в той или иной части губернии не происходили вооруженные схватки с врагами Советской власти.

Провалившись в попытке вовлечь основные массы казачества в гражданскую войну зимой 1917/18 года, атаманы рассчитывали добиться этого весной 1918 года. Станицы были охвачены острой политической борьбой. Революционная казачья и «иногородняя» беднота, при поддержке рабочих городов, стремилась установить Советскую власть в своих станицах. Большевики боролись за то, чтобы повернуть среднее трудовое казачество от половинчатого «нейтралитета», основанного на отказе воевать с Советами, к нейтралитету, основанному на поддержке Советской власти. С другой стороны офицерско-кулацкие станичные верхи яростно стремились не допустить дальнейшей советизации казачества и удержать его за собой. Они боролись за то, чтобы повернуть трудовое казачество от «нейтралитета» к активной борьбе с Советами.

Г. П. Липов пишет о победе революционного казачества станицы Краснохолма над реакционной верхушкой, о сплочении большинства трудовых казаков на платформе Советской власти.

Но и в Краснохолме, а тем более в станицах, где казачья беднота оказывалась менее сплоченной, действовали и контрреволюционные силы. Они пускали в ход обман, и террор, и провокации, чтобы натравить трудовых казаков против революционных станичников, извращенно изображали политику Советской власти в отношении казачества. Меры, направленные против эксплуататорской верхушки, изображались ими, как угроза всему казачеству в целом. Играя на сословных предрассудках, они толкали трудовых казаков на войну против Советской власти. Белогвардейское офицерье сколачивало вооруженные банды, а богатеи, маскируясь под «трудовых казаков», политически прикрывали подготовку новой войны против Советов.

Богатые казаки и их идеологи из буржуазно-казачьей интеллигенции не прочь были использовать советскую демократию в своих целях. Они выступали и на станичных собраниях, и на съездах Советов, и на казачьих съездах, созываемых Советской властью. Под личиной «трудовых казаков» они пролезали в станичные Советы, в их руках оказался президиум Окружного казачьего исполкома, избранного в феврале 1918 года V съездом казачьих депутатов 1-го войскового отдела. Все это они использовали для срыва советской политики налаживания правильных отношений с казачеством.

Чтобы толкнуть массы колеблющегося казачества на вооруженную борьбу с Советами, белогвардейцы прибегли к подлой провокации. Они предприняли кровавый набег на Оренбург в ночь на 4 апреля. Расчет белогвардейцев вызвать обострение обстановки в крае в известной мере удался. Втянутое обманом и насилием в налет на город небольшое количество трудовых казаков стало соучастником зверства белых над рабочими-красногвардейцами. Боясь возмездия Советской власти, эти казаки пошли и дальше за белогвардейскими вожаками.

С другой стороны, налет белоказачков вызвал возмущение у красногвардейцев и рабочих Оренбурга, вылившееся в озлобление против казачества вообще. Стихийно возник ряд враждебных актов в отношении казаков.

А это в свою очередь отрицательно отзывалось и в тех слоях трудового казачества, которые не склонны были воевать с Советами. Таким образом, белогвардейцам удалось в марте—апреле втянуть в борьбу новые слои казачества, создать благоприятную обстановку для вербовки казаков в свои отряды.

Оренбургские комитет партии, губисполком, комисариат трудового казачества предприняли меры к нормализации положения, к исправлению ошибок, допущенных отдельными советскими работниками. Под знаком поддержки Советской власти прошел в мае Оренбургский окружной съезд казачьих депутатов, впервые описываемый А. С. Шереметьевым. Революционные казаки почувствовали за собой силу государственной власти.

Однако решающего сдвига трудового казачества в сторону поддержки Советской власти на этом этапе достичь не удалось. Во многих станицах открыто верховодили белогвардейцы, они вели злобную антисоветскую агитацию, запугивая колеблющихся. Карательные отряды белых терроризировали непокорные им станицы. Несмотря на большую работу советских и партийных органов губернии, несмотря на героизм рабочих, крестьянской и казачьей бедноты, отстаивавших Советскую власть, положение в крае к концу мая ухудшилось. Белоказачьи банды создали серьезную угрозу Оренбургу.

Успех дутовцев в этот период нельзя объяснить только их злостной агитацией и провокационными приемами или отдельными ошибками советских работников. Более глубокие причины лежали в изменении расстановки классовых сил в стране весной 1918 года.

Мелкобуржуазные массы, поддержавшие советскую революцию ради мира, земли, национальной свободы, теперь заколебались в сторону контрреволюции. Они заколебались в связи с углублением классового раскола в деревне и переходом Советской власти к социалистическим мероприятиям, необходимость которых они еще не осознали. Торгашеская стихия захватила и мелких держателей хлеба, они потянулись в сторону буржуазно-кулацкой вольной торговли, против советской хлебной монополии. Это относилось и к трудовым казакам — обладателям значительных запасов хлеба. Поворот среднего казачества к поддержке Советской власти не достиг такой степени, какой он достиг у среднего крестьянства. Основная

масса казачества еще не освободилась от сословных пут, от влияния казачьей верхушки. Колебания трудового казачества в Оренбуржье были сильнее, чем среднего крестьянства соседних районов Поволжья и Урала. В мае — июне контрреволюции удалось втянуть большие массы казачества в войну против Советской власти. Контрреволюционное выступление белочехов активизировало белогвардейские банды, в губернии развернулись боевые действия.

В этой обстановке Оренбургский губком партии и губисполком предприняли новые шаги по организации частей Красной Армии. Еще I губернский съезд Советов в марте 1918 года принял решение о формировании частей Красной Армии. Съезд исходил из ленинских установок о необходимости готовиться к новым схваткам с врагами социалистической революции. В Оренбурге был образован Военно-революционный штаб. Стал формироваться 28-й стрелковый полк, рос численно Интернациональный легион.

В мае 1918 года белоказачий мятеж усилился. Губисполком при горячей поддержке профсоюзов и широких рабочих масс пошел на чрезвычайные меры. Была объявлена общая мобилизация в ряды Красной Армии. Все рабочие и служащие Оренбурга, Ташкентской и Орской железных дорог в возрасте от 18 до 45 лет проходили военное обучение, продолжая работу. Губисполком обратился к крестьянской и казачьей бедноте с особыми призывами о защите Советской власти. Во многих селах и деревнях бедняки и батраки, руководимые сельскими коммунистами, создавали отряды Красной гвардии. Станичная беднота заявляла о желании образовать отряды красного казачества. В июне 1918 года был создан 1-й Оренбургский советский полк трудового казачества. Он покрыл своей знаменой славы в боях с врагами Советской власти.

В создавшейся в губернии обстановке ликвидация контрреволюции могла быть осуществлена главным образом военными средствами. Быстрая победа Советской власти над дутовщиной стала бы фактором, сдерживающим колебания казаков.

Между тем, положение под Оренбургом продолжало ухудшаться. Белоказаки прервали железнодорожное сообщение города с Самарой и Ташкентом. Советский Оренбург имел лишь ненадежную трактовую и теле-

графную связь с Уфой.

Чрезвычайный комиссар Советского правительства П. А. Кобозев и председатель Самарского губревкома В. В. Куйбышев информировали центр о тяжелом положении Оренбурга. И на этот раз Советское правительство, лично В. И. Ленин приняли меры немедленной помощи. В Оренбурге посылаются войска из Среднего и Северного Урала, из городов Поволжья. В середине мая уральские отряды под общим командованием В. К. Блюхера прибывают на станцию Кинель, а затем в Бузулук.

В. В. Куйбышев

Из Смоленска сюда подошел боевой отряд Западного фронта под командованием Г. В. Зиновьева. В Оренбург прибыли красноказачий полк Н. Д. Каширина и Богоявленский отряд М. В. Калмыкова и другие части.

Военным действиям отрядов Г. В. Зиновьева и В. К. Блюхера посвящены воспоминания Г. В. Зиновьева и Я. М. Суворова. В них впервые рассказывается о том, как отряды Блюхера и Зиновьева прорвались через белоказачье окружение к Оренбургу.

От белоказачей был очищен железнодорожный участок Бузулук—Оренбург. В губернском центре сосредоточились большие советские силы. Все это создало условия для разгрома белоказачей и в районе Оренбурга.

Я. М. Суворов пишет, что советское командование с участием местных партийных и советских органов разработало план решительных действий против белогвардейщины, окружавшей Оренбург. Намечалось проведение рейдов в глубь казачьей территории для ликвидации опорных очагов контрреволюции и поддержки станиц, сопротивлявшихся белым. Эти рейды предполагалось сочетать с политическими мероприятиями, напра-

введенными на отрыв казачьих масс от контрреволюции. Красные войска получили указания не прибегать к ответным репрессиям в станицах, освобожденных от белогвардейцев. После очищения большого числа станиц намечалось проведение нового чрезвычайного окружного казачьего съезда. Директиву В. И. Ленина о мерах по отрыву трудовых казаков от контрреволюции привез из Москвы казак-коммунист И. Ф. Киселев, назначенный помощником командующего Урало-Оренбургским фронтом.

Однако намеченные действия остались неосуществленными. Произошло это, как указывает Г. В. Зиновьев, по вине командующего Урало-Оренбургским фронтом Яковлева, оказавшегося изменником и сбежавшего потом к белочехам.

Этот ставленник Троцкого сковал инициативу командующего Оренбургским участком фронта, навязал ему вместо решительного наступления тактику отдельных «коротких ударов» по скоплениям белоказачьих вблизи Оренбурга. В силу этого не осуществился и план политической работы, основывавшийся на продвижении советских войск в глубь казачьих станиц.

Таким образом до начала мятежа белочехов советское командование не успело провести решительной операции против белоказачьих.

Начавшееся в конце мая антисоветское выступление белочехов резко изменило стратегическую обстановку. Захват белочехами Челябинска и Самары, образование белогвардейско-эсеровских «правительств», начавших снабжать белоказачьих оружием, сильно ухудшило положение советских войск и в районе Оренбурга. Г. В. Зиновьев и Я. М. Суворов, дополняя друг друга, в деталях воспроизводят малоизвестные попытки командования советских войск в Оренбурге задержать продвижение белочехов и сохранить железнодорожное сообщение с Уфой через Кинель.

Многодневное упорное сражение с белочехами под Бузулуком кончилось поражением советских войск. Это произошло потому, что некоторые советские командиры допустили серьезные ошибки в ведении боя, а также вследствие белогвардейского мятежа в Бузулуке, в тылу советского фронта. Встал вопрос об оставлении Оренбурга красными войсками.

Части Красной Армии, собравшиеся в Оренбурге в июне 1918 года, способны были оборонять город. Но следовало учитывать и другие факторы. Оренбург, будучи отрезан от центра и Ташкента, не мог получать ни директив, ни вооружения. Отрезанные от сел и станиц город и гарнизон скоро оказались бы обреченными на голод. Эти обстоятельства грозили, в конечном счете, бесполезной гибелью многочисленных, испытанных в боях отрядов, весьма нужных для борьбы с вооруженной контрреволюцией. В воспоминаниях Г. В. Зиновьева, Я. М. Суворова, М. А. Башилова и других товарищей полнее, чем до сих пор, раскрываются обстоятельства, приведшие к решению советского командования, губкома партии и губисполкома об эвакуации Оренбурга.

Участники отхода советских войск из Оренбурга в своих воспоминаниях уточняют, почему он был совершен в трех расходящихся направлениях: на юг — к Актюбинску, на восток — к Орску и на север — к Белорецкому заводу. Как показал ход событий, именно такой отход, несмотря на разъединение сил, был самым целесообразным. Он сыграл важную роль и в укреплении войск Восточного фронта, и в спасении Советской Туркестанской республики от английских интервентов, и в образовании Туркестанской армии, активно боровшейся за освобождение Оренбурга от дутовцев.

Во время этого отхода десятки тысяч оренбургских рабочих, взявшихся за оружие, проявили высокое революционное патриотическое сознание. Они уходили от своих жилищ, от работы, от семей, шли на трудную боевую жизнь, сознавая, что эти жертвы необходимы для революции, для ее конечной победы. Эвакуация Оренбурга прошла с замечательной организованностью, без какого-либо подобия паники. Для белоказаков этот отход оказался неожиданным и они не смогли причинить какого-либо серьезного ущерба советским войскам. В статье Г. В. Зиновьева уточняется, какие именно отряды, какой численности и с какими командирами эвакуировались на Актюбинский фронт. Я. М. Суворов так же данные сообщает об отрядах В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина. Они двинулись на север и этим начали свой легендарный двухтысячеверстный поход по горам Урала, в тылу белых, закончившийся соединением с Красной Армией в районе Кунгура.

3 июля 1918 года дутовцы вошли в Оренбург. Вновь в крае воцарился контрреволюционный режим. Внешне он снова был прикрыт ширмой Учредительного собрания. Формально Дутов «подчинялся» Самарскому белоэсерскому правительству — комитету членов Учредительного собрания. Но на деле он являлся военным диктатором и поддерживал связь с названным комитетом лишь потому, что подлинные хозяева всех контрреволюционных сил — империалисты США, Англии и другие — ставили в этот период главную ставку на так называемую «демократическую» контрреволюцию. Связь с комитетом членов Учредительного собрания нужна была Дутову и для получения вооружения. Но как только интервенты передвинули свою ставку на буржуазно-генеральскую военную диктатуру, Дутов немедленно заявил о своей солидарности с сибирским диктатором Колчаком.

Дутовщина, восстановив частную собственность капиталистов и помещиков, обрушилась с невероятно зверскими репрессиями на рабочих, крестьян и революционных казаков. Трудящиеся края еще раз убеждались в том, что для спасения своих судеб им необходимо бороться за восстановление Советской власти и поддерживать Красную Армию.

Большое число воспоминаний, публикуемых в сборнике, посвящено борьбе Красной Армии за освобождение Оренбурга.

Первоначальные успехи белочехов и белогвардейцев в Сибири, на Урале и в Поволжье создали смертельную опасность для Советской республики. Великий стратег социалистической революции В. И. Ленин проницательно указал летом 1918 года: «Сейчас вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара».¹

Для решения этой военной задачи Коммунистическая партия и Советское правительство подняли трудящихся на Отечественную войну против империалистических интервентов, создали летом 1918 года на Восточном фронте пять регулярных армий. Они, эти армии, призванные разбить интервентов и белогвардейцев на Востоке страны, стали той решающей военно-политиче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 133.

ской помощью, которая была организована и направлена Советским правительством для освобождения трудящихся Поволжья, Урала, Сибири от контрреволюции и для восстановления там Советской власти.

В сентябре—октябре советские армии на средневожском фронте добились перелома в свою пользу. 1-я Революционная армия Восточного фронта вышла в За-волжье и с середины октября развернула победоносное продвижение на Оренбург. Успешное наступление на этом направлении должно было в перспективе привести к соединению с Советским Туркестаном.

Для разгрома поволжской контрреволюции и для обороны Советского Туркестана огромное значение приобрели советские войска бывшего Оренбургского фронта, отошедшие под командованием Г. В. Зиновьева в район Актюбинска и Орска. Они, опираясь на Советский Туркестан, продвигались к Оренбургу, навстречу соединениям 1-й армии. Вместе с этим они явились для Советского Туркестана надежным заслоном против попыток Дутова соединиться с английскими интервентами и с туркестанской контрреволюцией.

Армия, образованная из бывших оренбургских отрядов, получила наименование Туркестанской. Часть ее войск была выделена в помощь Советскому Туркестану, прежде всего, для отпора английским империалистам на Ашхабадском фронте. О бывших оренбургских отрядах во время пребывания их на Актюбинском фронте рассказано в воспоминаниях Г. В. Зиновьева, М. А. Башилова, С. В. Мелентьева, П. П. Оландера и других. Авторы указывают на огромную роль оренбургских партийных и советских органов в укреплении Туркестанской армии, в подготовке и проведении ее операций за возвращение Оренбурга. Руководство Оренбургского комитета партии образовало из своих членов (Г. А. Коростелева; И. Д. Мартынова и других) Реввоенсовет при командующем Туркестанской армией Г. В. Зиновьеве. Работники эвакуированной оренбургской партийной организации цементировали ряды армии. Оренбургский губисполком развернул работу в Актюбинском районе по хлебозаготовкам, по снабжению войск, по укреплению ближайшего тыла, по призыву в Красную Армию местного крестьянского населения, значительно пополнившего ряды Туркестанской армии.

О проявлениях международного братства в революционной борьбе мы узнаем из воспоминаний П. П. Олехандера. В составе полка имени III Интернационала в Актюбинске были созданы дополнительные 2-й и 3-й легионы из венгров и немцев.

М. А. Башилов пишет о героической трехмесячной обороне Орска, осажденного дутовцами. Он описывает смелый маневр орских отрядов, проведенный в сентябре. Но пока советским войскам еще не хватало слаженности в действиях.

Г. В. Зиновьев объясняет, почему Актюбинская группа опоздала с наступлением на Оренбург и почему оно на этот раз не удалось. Советская Туркестанская армия стала готовиться к новому и решительному наступлению.

В. И. Ленин, Советское правительство следили за ходом борьбы на Оренбургско-Туркестанском фронте. Нашим войскам в Актюбинске не доставало боеприпасов. Из центра была отправлена через Каспийское море и туркестанские пустыни экспедиция под командованием Алибия Джангильдина, смелого военного деятеля казахского народа. Она доставила Туркестанской армии боеприпасы, что явилось одним из факторов, обеспечившим успех второго наступления на Оренбург. Оно началось 29 декабря 1918 года.

Наступление Туркестанской армии не сдержали ни тридцатиградусные морозы, ни жестокие бураны. На этот раз войска отказались от эшелонной войны и наступали по всем уставным правилам полевой войны. Была достигнута одновременность ударов по врагу Туркестанской армии с юга и 1-й армии с запада. Дутовцы, вынужденные делить свои силы на два фронта, были не в состоянии сдерживать наступление советских войск.

Самое упорное сопротивление белоказаки оказали у Мертвых Солей. Авторы описывают эти бои, героизм войск интернационалистов и бойцов 28-го Уральского полка, которые, хотя и понесли большие потери, но сбили врага с этой решающей позиции.

Событиям на фронте 1-й Революционной армии посвящены воспоминания М. Д. Великанова, П. Ф. Савкина, Л. М. Дашевской, И. С. Башкирцева и других.

Перед Оренбургской операцией командующим 1-й армией вместо назначенного на Южный фронт М. Н. Тухачевского был утвержден Г. Д. Гай.

На главном Самаро-Оренбургском направлении действовала 24-я дивизия. В командование ею вступил В. И. Павловский. Это была одна из наиболее боевых дивизий Восточного фронта. Она отличалась дисциплинированностью, большой наступательной силой и смелой маневренностью.

После блестящих операций по взятию Бугуруслана и Бузулука, проведенных в конце октября, части дивизии к концу декабря подошли к рубежу станции Новосергиевская.

1-я армия еще в середине декабря получила от высшего командования директиву: «Придать первенствующее значение Оренбургу».¹ Однако 24-я дивизия, нацеленная на Оренбург, не смогла непосредственно приступить к этой операции. Фронт дивизии выдвинулся выступом вперед, тогда как соседи — 25-я и Пензенская дивизии — отставали. Белогвардейцы пытались использовать это для обхода частей 24-й дивизии с флангов. Тяжелая обстановка на Южном фронте и на северном фланге Восточного фронта в районе Перми не позволяла выделить какие-либо резервы для усиления 1-й армии. В этих условиях командование 1-й армии вынуждено было провести Оренбургскую операцию только своими наличными силами путем перегруппировки их.

В. И. Ленин считал весьма важной Оренбургскую операцию 1-й армии. 23 декабря он запросил главнокомандующего Республики: «Верно ли, что две недели назад издан Вами приказ о взятии Оренбурга и, если это верно, почему приказ не приводится в исполнение?»² Этот запрос являлся по существу стратегической директивой.

Оренбургская операция назрела и стала неотложной. Она необходима была и для ликвидации дутовской «оренбургской пробки» на пути в Туркестан, и для расчленения Уральской и Оренбургской казачьих армий. Она необходима была и для отвлечения сил колчаковцев с Челябинского и Пермско-Вятского направлений. Огромную помощь в организации наступления 1-й армии оказал прибывший в ее расположение член Реввоенсовета Республики П. А. Кобозев.

10 января 1919 года начались ожесточенные сраже-

¹ ЦГАСА, ф. 4, оп. 1, д. 35, л. 109.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 378.

ния 1-й армии. 1-я и 2-я бригады 24-й Железной дивизии развили стремительный удар по обеим сторонам железной дороги на Оренбург. Севернее 3-я бригада той же дивизии двинулась от Стерлитамака на юго-восток, в обхват Оренбурга. Еще севернее 3-ю бригаду поддерживала бригада Пензенской дивизии. Кроме того в оперативное подчинение командующего 1-й армией была передана 25-я дивизия 4-й армии. Перед ней стояла задача — взять Уральск, развить успех на Илецкий городок и этим поддержать удар и обеспечить правый фланг 24-й дивизии.

М. Д. Великанов знакомит в своем дневнике с действиями полков 1-й бригады 24-й дивизии в ходе решительного наступления на Оренбург. Революционная стойкость и самоотверженность советских воинов оказались выше механической выучки солдат врага, не знавших, за что они воюют.

П. Ф. Савкин — командир батальона 212-го Московского полка 2-й бригады 24-й дивизии рассказывает о незабываемых героических подвигах московских рабочих на подступах к Оренбургу.

Контрреволюционные войска, теснимые со стороны Бузулука и Актюбинска, не смогли оказать серьезного сопротивления. Их охватили разложение и паника. Многие белогвардейские части и сам Дутов со своим штабом бежали из Оренбурга. 22 января 1919 года в Оренбурге произошла братская встреча частей двух советских армий — Туркестанской и 1-й Революционной. Позднее Туркестанская армия была преобразована в 31-ю Оренбургскую стрелковую дивизию в составе 1-й армии. Начальником новой дивизии был назначен Г. В. Зиновьев.

Победы Красной Армии под Оренбургом были результатом не только ее боевой мощи, выкованной Коммунистической партией. Огромное влияние оказал поворот к Советской власти средних трудовых масс, середняков и значительной части трудового казачества. На советской территории он происходил в результате политического и экономического освобождения трудящихся масс и под влиянием проведенного Коммунистической партией массового похода рабочих в деревню для изъятия хлеба у кулаков, для организации классового подъема бедноты. В полосе военных действий, в тылу у дутовцев этот поворот наступил в результате собственного опыта масс, сопоста-

вивших порядки народной Советской власти со зверским режимом белогвардейской диктатуры. Рабочие, крестьянская, казачья и мусульманская беднота, организуемые коммунистами-подпольщиками, получив сочувствие и поддержку середняцких масс, усилили свое сопротивление белогвардейским властям.

Большинство коммунистов Оренбурга летом 1918 года ушло в Красную Армию. Организованного большевистского подполья в занятом дутовцами городе оставлено не было. Многие партийные и непартийные большевики сперва скрывались в сельских местностях. Постепенно они связывались с рабочими, с революционными крестьянами и казаками, переходили к организации подпольных групп сторонников Советской власти и партизанских отрядов. О деятельности таких групп и партизанских отрядов говорится в ряде публикуемых воспоминаний. Г. П. Липов рассказывает о смелой подпольной работе в станице Краснохолм группы революционных казаков во главе с П. С. Федориновым, П. Т. Глотовым, И. Н. Волобаевым. Л. М. Дашевская пишет о самоотверженной борьбе в тылу белоказачьих двух партизанских отрядов, перешедших потом фронт и влившихся в ряды 24-й дивизии.

Враждебность трудящегося населения к дутовской власти влияла и на войска белых, расшатывала их дисциплину. Г. П. Липов показывает, как насильственно мобилизованные трудовые казаки Краснохолма становились в белогвардейских частях революционными агитаторами, зачинщиками неповиновения офицерам, переходов на сторону Красной Армии.

Явления распада в белогвардейских войсках особенно усилились после перехода Красной Армии в решительное наступление.

Убеждаясь в превосходстве Красной Армии и оказываясь перед необходимостью отступать от родных станиц, трудовые казаки стали уходить из белогвардейских частей, открывая фронт.

Дутов в бессильной ярости взывал к казакам-старикам, приказывал им разоружать своих сыновей, не желающих сражаться, и самим идти в бой. Стремясь остановить развал своих войск, Дутов уверял, что его фронт устойчив, что падение Оренбурга лишь результат предательства некоторых частей и станиц.

Охваченные революционным энтузиазмом, трудящиеся Оренбуржья горячо подхватывали указания губкома партии и губисполкома о восстановлении и укреплении Советской власти, о возобновлении социалистического строительства.

Собравшаяся 4—5 марта 1919 года II Оренбургская губернская конференция РКП(б) приняла ряд решений по укреплению Советской власти в губернии, остававшейся еще прифронтовой. Сплочением деревенской бедноты и сельских рабочих необходимо было обеспечить недопущение кулаков во вновь избираемые Советы. Развертывалась широкая работа по созданию коммунистических ячеек на местах. Избрав в губком партии испытанных уже деятелей А. А. Коростелева, И. Д. Мартынова и других, конференция усилила его и новыми работниками. Председателем губкома был избран старый большевик И. А. Акулов, присланный Центральным Комитетом РКП(б).

Возобновляя деятельность в новых условиях, губком партии с особым вниманием отнесся к вопросу о развитии советского строительства среди казачества. Губком учел как успехи, достигнутые в политическом размежевании казачества, так и то, что отрыв трудового казачества от контрреволюции еще не закончен и представляет большие трудности. Значительная часть казачьей территории оставалась еще в руках дутовцев, большие массы казаков еще находились в их армии. Губисполком на специальном заседании по докладу А. А. Коростелева решил, что при существовавшем военно-политическом положении в губернии особенно важна деятельность специальных советских органов по работе среди казачества, осуществление на деле самостоятельности Советов казачьих депутатов в управлении станциями, организация новых красноказачьих воинских частей.

Линия губкома партии свидетельствовала, что он по-большевистски извлек уроки из нелегкого, подчас неудачного опыта работы с казачеством и стоит на ленинских позициях вовлечения трудового казачества в общий союз рабочих и крестьян для защиты Советской республики и для социалистического строительства.

Мощным политическим орудием Советской власти в гражданской войне была партийно-политическая работа в Красной Армии. Созданный партией аппарат поли-

тического воспитания и руководства войсками действовал и среди прифронтового населения, помогая местным партийным и советским органам в деле укрепления рабоче-крестьянской власти. В сборнике публикуются воспоминания бывших политработников Туркестанской и 1-й Революционной армий М. А. Башилова, И. С. Башкирцева, Л. М. Дашевской, А. А. Дановской и С. Л. Рукавицина. Они сообщают интересные сведения о политико-воспитательной работе в армии, среди населения, в войсках врага, показывают деятельность комиссаров в связи с решением военно-оперативных задач. Описан ряд замечательных примеров авангардной роли коммунистов в боях.

Военные и политические победы Советской власти на Южном Урале в начале 1919 года создали благоприятные условия для дальнейших операций Красной Армии на этом участке фронта. Ввиду этого командование Восточного фронта поставило две большие стратегические задачи, непосредственной базой которых стал Оренбург: а) продвижение в западную Сибирь с Юго-Запада, б) поход через Уральскую и Тургайскую области в Туркестан.

Для решения первой задачи 1-я армия, повернув фронт на северо-восток, должна была наступать на Челябинск, чтобы вместе с 5-й армией развернуть борьбу против Колчака. Вторая задача возлагалась на 31-ю Оренбургскую дивизию, которая была в марте 1919 года развернута в Туркестанскую армию под командованием Г. В. Зиновьева.

Выполняя эти планы, 24-я и 31-я стрелковые дивизии приступили к дальнейшим боевым операциям. 26 февраля была взята Орск и 24-я дивизия начала наступление на Троицк, а 28 февраля 31-я дивизия восстановила связь с советскими войсками в Актюбинске, которая была прервана белоказаками.

Однако намеченные операции весной 1919 года развития не получили ввиду начавшегося похода Антанты. Колчак, получивший огромную помощь от США, Англии и других империалистических государств, сосредоточил превосходящие силы и, воспользовавшись отсутствием резервов у советского Восточного фронта, обрушился на 5-ю армию, взял Уфу и прорвал советский фронт.

Направляя главный удар к Волге, колчаковцы через

Стерлитамак повели наступление и на Оренбург, и в обход его с целью отрезать от Самары. Успехи белых в центре Восточного фронта оживили и дутовцев, помогли приостановить развал в белоказахской армии и двинуть ее в наступление на Орск—Актюбинск—Оренбург. Занятие колчаковцами Белебея, Стерлитамака, а затем Бугуруслана и их продвижение к Самаре создали угрозу глубокого обхода и окружения 1-й армии, начавшей отход из Зауралья, а также Туркестанской армии, которой был передан в начале марта Оренбургский сектор Восточного фронта от Актюбинска до Орска и станицы Таналыкской. Возникла угроза нового захвата контрреволюцией Оренбурга и его района.

Наступление Колчака к Волге создало грозную опасность для всей Советской Республики. Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство предприняли энергичные меры помощи Восточному фронту. Были проведены партийные, профсоюзные, комсомольские и общие мобилизации, которые обеспечили необходимые подкрепления фронту.

Вместе с тем Центральный Комитет партии принял военно-стратегические меры для разгрома Колчака. Под командованием выдающегося советского полководца М. В. Фрунзе была образована Южная группа войск Восточного фронта, в которую вошли 4-я, Туркестанская, 1-я и 5-я армии. Перед Южной группой была поставлена задача: нанести контрудар во фланг колчаковской армии с Юга на Север. Для этого в составе Южной группы создавались две ударные группы: главная—севернее Бузулука (Туркестанская армия, 25-я дивизия 4-й армии, 26-я дивизия 5-й армии) и вторая — в районе Шарлыка (24-я дивизия 1-й армии).

М. В. Фрунзе, собирая максимум сил в ударных группах, смело шел на ослабление своего тыла в районе Уральска и правого фланга в районе Оренбурга. 24-я дивизия 1-й армии, занимавшая до того фронт северо-восточнее Оренбурга, была отведена с уральских гор и расположена в 100—130 километрах северо-западнее Оренбурга. Отступавшая от Стерлитамака 20-я Пензенская дивизия 1-й армии была поставлена по правому берегу Салмыша, не достигая Оренбурга. Туркестанская армия, которой вначале было поручено оборонять Оренбург, с 14 апреля 1919 года почти целиком перевозилась

в район Бузулука. Для усиления обороны Оренбурга из ее состава оставался 277-й Орский полк.

Таким образом, все соединения 1-й и Туркестанской армий, сражавшиеся до того за Оренбург, отводились от него в интересах контрудара по Колчаку. Но в то же время удержание Оренбурга имело самое первостепенное значение для сохранения плацдарма, на котором сосредоточивались и с которого должны были развить контрнаступление советские ударные группы. В случае занятия Оренбурга противник подошел бы с

М. В. Фрунзе

фланга непосредственно к расположению советских ударных групп. В этих условиях сосредоточение ударных групп и тем более их маневренное наступление стали бы невозможными. Сорвался бы весь оперативный план контрнаступления Красной Армии.

М. В. Фрунзе раньше всех на фронте оценил особую роль оренбургского выступа и заявил о необходимости решительного удержания Оренбурга, как важного опорного пункта. Настоятельной необходимости удержания Оренбурга не понял вначале командующий 1-й армией Г. Д. Гай, он высказывался за оставление Оренбурга. Однако Гай вовремя был поправлен М. В. Фрунзе и в дальнейшем дисциплинированно проводил в жизнь директивы последнего. Позиция М. В. Фрунзе в отношении Оренбурга, как и вся его идея контрнаступления, получила полную поддержку Центрального Комитета партии и лично В. И. Ленина. Владимир Ильич неоднократно телеграфно запрашивал Фрунзе о ходе обороны Оренбурга.

Но как было удержать Оренбург, если основные силы 1-й и Туркестанской армий отводились от него?

Как истый большевик-ленинец, М. В. Фрунзе прибег к политическому решению вставшей нелегкой задачи. Он обратился к революционному патриотизму трудящихся Оренбурга, к инициативе местной партийной организации. И оренбургские коммунисты, рабочие выполнили свой долг. Созданные ими местные формирования образовали Оренбургскую группу 1-й Революционной армии, героически отстоявшую Оренбург от превосходящих сил врага и внесшую тем свой вклад в успех советского контрнаступления на главном направлении.

Вклад оренбуржцев в дело разгрома Колчака отнюдь не ограничивался только обороной самого Оренбурга. Тысячи оренбуржцев были и в тех полках 31-й и 3-й кавалерийской дивизий Туркестанской армии, которые сложились в боях за Оренбург еще в 1918 году, а теперь наносили главный удар по колчаковцам от Бузулука к Уфе.

С другой стороны, и оборона Оренбурга не являлась только делом одних оренбуржцев. Оренбургская группа обороны состояла из новых местных и из нескольких старых частей 1-й и Туркестанской армий. Для удержания Оренбурга огромное значение имел тот отпор, который был оказан колчаковцам 24-й дивизией в районе Шарлыка и 20-й дивизией севернее Оренбурга. Этим отпором были ликвидированы попытки 12-й Уральской дивизии и Стерлитамакского корпуса белых продвинуться к станциям Переволоцкая и Новосергиевская. Нечего и говорить, что, например, 24-я дивизия, начав еще 19 апреля контратаки из района Шарлыка, с каждым шагом своего продвижения на север укрепляла положение Оренбурга с северо-запада.

В данный сборник включены лишь воспоминания о действиях Оренбургской группы, о борьбе на подступах к Оренбургу. Особый интерес представляет стенограмма воспоминаний председателя Оренбургского губкома партии И. А. Акулова. Оренбургский губком партии и губисполком, передав полноту власти Реввоенсовету 1-й армии, однако не отстранились от борьбы, не эвакуировались, а выступили инициативными помощниками военного командования в деле организации обороны города. Председатель губисполкома А. А. Коростелев стал политическим комиссаром Орен-

Бургской группы войск. И. А. Акулов был активным участником всех военно-политических решений об обороне города. М. В. Великанов в своем дневнике подчеркивает, что успех обороны был во многом результатом энергичного участия партийных и советских деятелей Оренбурга в организации ее. Он с благодарностью называет многих местных коммунистов, занявших военные посты и сыгравших важную роль в обороне города. Широкое вовлечение местных работников в армию было особенно ценно ввиду недостатка командных и комиссарских кадров в 1-й армии. Все коммунисты, в том числе и немногие оставшиеся на гражданской работе, постоянно вели агитационную работу в частях, а в критические моменты во главе с членами губкома партии шли на передовые позиции, участвовали в контратаках.

Вначале и для армейского командования, и для губкома партии был неясен вопрос: не будет ли Оренбург оставлен ввиду переброски почти всех частей 1-й и Туркестанской армий в состав Ударной группы под Бузулук? Но тесно связанный с рабочими губком партии чутко уловил зреющую в массах решимость не допустить сдачи родного города и грудью встал на его защиту. Губком партии возглавил это движение, целиком совпадавшее с позицией М. В. Фрунзе. На призыв губкома партии отстоять город рабочие ответили созданием новых полков: 210, 217, 218-го, а позднее Илецкого батальона и запасного полка.

Рабочие целыми семьями — отцы и сыновья — вступали добровольцами в формируемые полки. А когда под городом начались бои, то жены и дети рабочих взяли на себя снабжение воинов питанием и под обстрелом доставляли на позиции все необходимое. Оборона Оренбурга была поистине народной борьбой за Советскую власть.

За рабочими последовали крестьяне Оренбургского и Орского уездов, образовавшие из добровольцев 216-й полк. По призыву исполкома Совета Оренбургского казачьего войска революционные казаки образовали новый 4-й Советский казачий полк. Г. П. Липов описывает, как все способные носить оружие трудовые казаки Краснохолма на своих конях явились в Оренбург и вступили в Советский казачий полк.

18 апреля формирование рабочих полков в Оренбурге было в основном закончено, они заняли позиции вокруг города.

Публикуемые воспоминания помогут историкам в уточнении вопроса об основных этапах обороны Оренбурга. Даваемые авторами описания боевых действий свидетельствуют о беспредельном мужестве и стойкости советских воинов. Глубочайшей основой этого явился новый этап еще большего политического сплочения трудящихся масс вокруг Советской власти, укрепления союза рабочих и крестьян всех национальностей на основе реализации решений VIII съезда партии. Середняцкие массы Поволжья и Заволжья не поддерживали кулацкие антисоветские мятежи весной 1919 года. Они предпочли Советскую власть Колчаку и поднялись на ее защиту. Огромный революционный патриотический подъем в глубоком и прифронтовом тылу питал и высокий морально-боевой дух Красной Армии. Это полностью проявилось и на Оренбургском фронте. Ведомые умелыми, находчивыми командирами, вдохновляемые коммунистами, комиссарами, полки группы обороны великолепно дрались против численно превосходящего врага, проявляли массовый героизм.

В знаменитом Салмышском сражении 277-й Орский полк 31-й дивизии, один батальон и артиллерия 211-го Курского полка 24-й дивизии разгромили 4-й армейский корпус белых. В бою 26 апреля 277-й полк шел в контратаку с развернутым знаменем. Командиры и коммунисты были впереди. Комиссар полка М. И. Терехов с группой бойцов истребил пулеметный расчет белых, лично захватил пулемет и обратил его против белых. Враг был опрокинут.

Бывший комиссар 217-го рабочего полка М. А. Башилов описывает, как в неудачном бою 8 мая у Менового двора расчлененные и окруженные конными белоказаками группы рабочих-красноармейцев погибали, но не сдавались, с поразительной храбростью пробивались из вражеского кольца. С замечательным мужеством бойцы 217-го Оренбургского полка и Илецкого батальона во главе со своими комиссарами М. А. Башиловым и С. В. Мелентьевым под жестоким обстрелом совершили переход по мосту через Урал и смелой атакой опрокинули белых. С неменьшей храбростью форсировали

Урал на лодках бойцы прибывшего на помощь оренбуржцам Тверского коммунистического отряда.

Морально-политическая мощь Красной Армии была главным фактором успеха обороны Оренбурга.

Боеспособность войск противника падала. Бои под Оренбургом с первых дней сопровождались массовыми переходами рот и батальонов белой армии на сторону Красной Армии. Особенно много переходило солдат, мобилизованных в Троицком и Кустанайском уездах, где происходили массовые восстания против колчаковщины. В. Д. Вершинин и Д. Е. Лебединский пишут о восстании полка белой армии и переходе его на сторону Красной Армии под влиянием коммунистов-подпольщиков. Вначале на сторону Красной Армии переходили главным образом сибирские и уральские крестьяне, мобилизованные в армию Колчака. Но стойкость защитников Оренбурга постепенно подтачивала боеспособность и казачьих войск Дутова. Падение дисциплины и боеспособности среди казаков ускорялось под влиянием поражений Колчака, неудач белоказаков под Оренбургом и большой политической работы, проводимой коммунистами в рядах врага. Среди казаков нарастало движение против войны с рабоче-крестьянской Россией, однако этот процесс не следует представлять слишком прямолинейным и быстрым.

Падение боеспособности белоказаков и грызня в связи с этим в командовании контрреволюции, несомненно, способствовали успехам обороны Оренбурга. Но и сам развал в стане врага происходил прежде всего под влиянием непоколебимой стойкости защитников города.

ВЦИК наградил оренбургских рабочих Почетным Революционным знаменем за героизм, проявленный при защите города в 1919 году.

С большим успехом, чем командование дутовской армии, держало казаков в узде сословно-войсковой дисциплины командование Уральской белоказачьей армии. Илекский белоказачий корпус выполнял директиву Колчака о действиях в тылу Советской Южной группы с целью сорвать ее наступление на Белебей и Уфу. При поддержке 1-го Оренбургского корпуса он захватил село Илек и начал действия на правом берегу Урала, стремясь перехватить железную дорогу.

Для борьбы с уральскими белоказаками командованием 1-й армии была спешно создана особая группа войск, названная Новосергиевской. Попытка уральских белоказачков разрушить советские тылы и отрезать Оренбург была отражена.

Однако борьба на правом берегу Урала севернее Илека затянулась, мешая развитию советского контрнаступления от Оренбурга на Орск и Актюбинск. И только прибытие на этот участок Поволжской татарской бригады под командованием Ю. И. Ибрагимова, бронепоезда имени Розы Люксембург и других частей создало условия для решительных действий против Илекского корпуса белоказачков. К этому времени все части, действовавшие на Оренбургском и Новосергиевском направлениях фронтом на Юг, были сведены в 49-ю Оренбургскую дивизию под командованием Г. К. Восканова в составе 1-й армии. Эта дивизия была детищем трудящихся оренбуржцев и прибывших к ним на помощь воинских частей из центра и Поволжья. Ей предстояло сыграть большую роль в завершении борьбы с силами контрреволюции и интервенции в Оренбургском крае. Оттеснение белоказачков за Урал у Илека обеспечило правый фланг Оренбургского участка фронта.

К августу 1919 года Красная Армия на востоке страны подошла к осуществлению двух стратегических задач: продвижение в Сибирь и поход в помощь Советскому Туркестану. Для проведения этих операций Восточный фронт был разделен на Восточный и Туркестанский. Командующим последним был назначен М. В. Фрунзе. Туркестанская армия, входившая в Южную группу войск Восточного фронта, была расформирована после взятия Уфы.

Под руководством М. В. Фрунзе был проведен разгром Южной колчаковской армии генерала Белова, которая, оставаясь вблизи Оренбурга и Верхнеуральска, преграждала путь в Среднюю Азию. Непосредственно этой операцией, возложенной на 1-ю армию, руководил ее новый командующий Г. В. Зиновьев.

В. И. Ленин придавал большое значение разгрому белых на Оренбургском фронте и завершению привлечения оренбургского трудового казачества и башкирского населения на сторону Советской власти. Еще

3 июня 1919 года он, учитывая, что в рядах Красной Армии уже много оренбургских казаков и башкир и чутко улавливая дальнейшие политические сдвиги в их настроениях, телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта:

«Обратите сугубое внимание на оренбургских казаков и на башкир, ибо при предыдущем наступлении мы наглумили, прозевали и не использовали этих сил».¹

Политическая обстановка в крае благоприятствовала успеху Красной Армии и завершению сплочения казачьих и башкирских масс вокруг Советской власти. Процессы революционизирования трудового казачества все более усиливались. На казаков белой армии огромное влияние оказало распространенное среди них обращение ВЦИК и Совнаркома за подписями В. И. Ленина и М. И. Калинина к казакам России. А трудящиеся башкиры, в том числе солдаты, оставшиеся у Колчака, горели желанием воссоединиться со своим народом, который уже обрел настоящую национальную свободу в условиях Советской Башкирской автономной республики. Поэтому первые же наступательные действия 24-й дивизии южнее Верхнеуральска сопровождались большой политической победой. На сторону Красной Армии перешла остававшаяся до того у Колчака башкирская бригада М. Л. Муртазина и включилась в активную борьбу против белогвардейцев.

Однако эти политические успехи не означали, что операция по разгрому Южной армии Колчака была простой прогулкой по Зауралью. В. И. Ленин 24 августа предупредил советское командование о том, что несмотря на поражения белогвардейцев на Урале, «враг далеко еще не уничтожен. Он даже не сломлен окончательно».² Это предупреждение было верно и в отношении Южной армии Колчака. Ее войска, не сломившие оборону Оренбурга, однако, сами еще не подвергались сокрушительным ударам Красной Армии. Боеспособность их была подорвана, но они еще могли сражаться.

1-й армии предстояло решить нелегкую задачу — сломить, окружить и заставить капитулировать серьез-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 336

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 151.

ную, притом численно превосходившую ее силу. План операции против Южной армии Колчака заключался в нанесении двух охватывающих ударов. На правом оренбургском участке такой удар, притом главный, наносили 49-я стрелковая, 3-я кавалерийская дивизии и отдельная Приволжская татарская бригада. На левом фланге от Верхнеуральска на юг к Орску наступала 24-я дивизия. 20-я дивизия обеспечивала действия фланговых групп. Этой замечательной операции в сборнике посвящено несколько статей. Комиссар прославленного, действовавшего на главном направлении, 435-го (бывшего 277-го) Орского полка М. И. Терехов и командир того же полка М. А. Шалин, ныне генерал-полковник, пишут о неудержимом натиске красноармейцев. Орскому полку принадлежала одна из главных ролей в пленении десятков тысяч солдат и казаков Южной армии Колчака. В. Е. Токарев пишет о боевых действиях прибывшего под Оренбург бронепоезда № 10 имени Розы Люксембург. Генерал-лейтенант Я. Д. Чанышев, бывший командир артиллерии Приволжской татарской бригады, описывает смелое форсирование полноводного Урала в трудных природных условиях на участке станиц Зубочи́стинская—Тати́шево—Рычовская. В дальнейшем эта бригада наступала вместе с частями 3-й кавалерийской дивизии в направлении Илецкой Защиты—Темир—станция Джурун. В. Д. Вершинин и Д. Е. Лебединский, продолжая рассказ об истории полка имени В. И. Ленина, пишут об участии его в упорных боях под Актюбинском.

13 сентября 1919 года у станции Мугоджарская произошло соединение советских войск, наступавших от Оренбурга, с частями Советского Туркестана, в которых тоже было немало оренбуржцев.

Решительные удары Красной Армии по Южной армии Колчака и оттеснение ее в безводные степи — все это послужило последним испытанием, переполнившим терпение солдат и казаков белой армии. Они не хотели более воевать за безнадежное дело буржуазии, помещиков, империалистов. Началась массовая сдача солдат и казаков частям Красной Армии. М. А. Башилов в своих воспоминаниях показывает, как этому способствовала деятельность политработников Красной Армии, которые проникали в расположение противника и

разъясняли солдатам необходимость прекратить сопротивление. Оренбургский фронт был ликвидирован. Полная военная победа была вместе с тем и политической победой Советской власти. Оренбургское трудовое казачество, передовые силы которого уже давно боролись в рядах Красной Армии, теперь встало под знамена Советской власти. Переходя на сторону Красной Армии, казаки заявляли о готовности искупить свою вину перед рабоче-крестьянской Россией.

Разгром Южной армии Колчака проходил в период тяжелой борьбы Красной Армии с деникинскими войсками. Он явился и помощью советскому Южному фронту, поскольку интервенты предполагали использовать армию генерала Белова для захвата Туркестана и соединения через Закаспий и Уральскую область с Деникиным.

Разгром Южной Армии Колчака был одной из блестящих операций Красной Армии в гражданской войне ввиду полного достижения в ходе ее поставленной цели — ликвидации противника.

К материалам о ликвидации Оренбургского фронта гражданской войны примыкает воспоминание С. Л. Рукавицина, оренбургского рабочего-коммуниста, ставшего комиссаром 439-го стрелкового полка 49-й дивизии. Автор пишет о разгроме Уральских белоказаков. Им охарактеризованы особенности борьбы с подвижными конными частями противника. Воспоминания богаты описаниями героических подвигов командиров и бойцов полка.

Воспоминания сборника «За счастье народное» ярко показывают, как в годы гражданской войны в защите завоеваний Великого Октября складывались революционные, боевые традиции нашего советского народа, его Вооруженных Сил. Участники гражданской войны показывают, в чем состоит непреоборимая сила народа и армии, ведущих священную и справедливую войну в защиту Социалистического Отечества. Источниками непобедимости Советской Армии были и есть ее неразрывное единство с народом, организующая и руководящая роль Коммунистической партии в народе и войсках, воспитанная партией готовность советских воинов и трудящихся сделать все для обороны своего социалистического государства.

Авторы и составители настоящего сборника надеются, что он послужит делу воспитания советской молодежи в духе беспредельной верности своему народу, делу коммунизма, готовности отдать все силы, а если потребуется и жизнь, для защиты социалистической Родины. Воскрешая в памяти революционные традиции нашего народа, настоящий сборник поможет формированию нового человека, воспитанию советских людей в духе благородной патриотической гордости за героизм и мужество своих дедов и отцов.

*Б. Н. ЧИСТОВ.
П. К. ДЕСЯТЕРИК.*

В ДУТОВСКОМ ЦАРСТВЕ¹

Дутовская контрреволюция организована на деньги оренбургской буржуазии. Эти деньги даны буржуазией для того, чтобы здесь была организована беспощадная борьба со смертельными врагами — большевиками и Советской властью.

Еще до моего приезда², когда в Оренбург пришло известие, что в Петрограде свергнут Керенский, вся власть в Оренбурге перешла к Дутову. Правда, номинально власть перешла не к Дутову, а к так называемому «комитету спасения родины и революции», который состоял из представителей эсеров, меньшевиков, кадетов и других «социалистических» и «демократических» партий, но фактически все они являются простыми пешками в руках атамана Дутова, возглавляющего эту «милую компанию». Первым проявлением этой власти было закрытие в самый разгар избирательной кампании нашей большевистской газеты. Вместе с закрытием газеты был арестован и редактор газеты Коростелев. Он просидел под арестом всего два часа, так как по настоянию Оренбургского гарнизона и рабочих Дутов принужден был его освободить.

На другой день был закрыт большевистский клуб.

¹ После первого неудачного наступления красновардейских отрядов П. А. Кобозева на Оренбург в конце декабря 1917 года С. М. Цвиллинг выехал в Челябинск и Екатеринбург (ныне Свердловск) за помощью. В начале января 1918 года он сделал доклад Челябинскому Совету рабочих и солдатских депутатов «Об оренбургских событиях». Доклад был опубликован 11(24) января в газете «Уральский рабочий» и с небольшими сокращениями 20 января (2 февраля) в газете «Правда» Публикуется текст доклада, напечатанный в «Правде». (Прим. сост.).

² Имеется в виду приезд С. М. Цвиллинга в Оренбург 4(17) ноября 1917 года из Петрограда со II Всероссийского съезда Советов, делегатом которого он являлся (Прим. сост.).

С закрытием клуба мы нашу работу не остановили, а наоборот, стали вести ее с удвоенной энергией. В цирке при огромном стечении народа были устроены два доклада, в которых мы открыто разоблачили контрреволюционную политику Дутова и соглашательских партий. Третий доклад состояться не мог, ибо цирк был оцеплен и никто в него не пропускаялся. Начались аресты...

Во всех постановлениях об арестах участвовали правые эсеры и меньшевики. Совету было предложено в категорической форме признать власть «комитета», иначе за последствия они не ручаются. Совет отказался. Тогда арестовали Коростелева и других. Среди рабочих начались волнения. 12 ноября в Оренбург приехал Кобозев, который сообщил о предполагаемом наступлении на Оренбург революционных солдат соседних городов. Мы стали готовиться к бою: устроили пере выборы Совета, которые дали обычный успех большевикам, и организовали Военно-революционный комитет, который издал постановление, что отныне весь гарнизон переходит в его распоряжение. Но Дутов решил первым открыть бой. Все здание, где помещался Совет, было оцеплено казаками и туда ворвались юнкера (казаки отказались идти внутрь здания). В это время в Совете шло заседание, на котором присутствовали члены исполнительного комитета, железнодорожного стачечного комитета и Военно-революционного комитета. Все они были арестованы. Из арестованных были выделены трое — я, делегат на Всероссийский съезд Советов, Корнилов и Макарова, которых повели отдельно. По приезде меня бросили в какое-то помещение, где на меня набросилась целая свора юнкеров и началось избиение. Били нагайками, прикладами и револьверами...

Когда я окровавленный протер глаза, то увидел, что в комнате присутствует целый ряд видных меньшевиков и правых эсеров. Избиение, оказывается, происходило у них на глазах, и они хладнокровно наблюдали, как били социалиста и даже пальцем не пошевелили, чтобы прекратить это издевательство. Правда, после избиения они послали в аптеку за микстурой, но я от этой «любезности» господ «социалистов» отказался.

Когда я узнал, что меня собираются куда-то увезти, я обратился к Дутову с вопросом: гарантирует ли он мне, что надо мной не будут снова издеваться? После долгих

казаний, что он не власть, а только исполнитель воли «комитета спасения», который состоит из «социалистов», он при мне же позвал казаков и отдал им строгий приказ, чтобы больше ничего подобного не повторялось. Приказание Дутова было исполнено и меня больше не трогали.

Я был увезен в станицу Павловскую, находящуюся в 20 верстах от Оренбурга. В станице я был встречен как разбойник, толпа разъяренных казаков требовала надомной самосуда... Но вскоре отношение ко мне в корне изменилось. Один какой-то благоразумный казак уговорил толпу прежде чем что-нибудь против меня предпринимать, спросить меня, кто я такой и за что меня преследуют. Я начал объяснять. Около избы стало собираться собрание. Лед был сломан и через несколько дней между нами наладились самые

С. М. Цвиллинг

дружественные отношения. Ежедневно у меня собирались станичники, которым я читал и объяснял принесенные ими газеты. Такие же точно картины наблюдались и в других станицах, куда были водворены наши товарищи...

Начатая забастовка разрасталась и превратилась во всеобщую. Под напором этого движения нас перевезли в оренбургскую тюрьму.

Сидеть без дела, в то время когда кругом так нужны работники, было очень тяжело. Мы решили бежать. Тюрьму прежде охраняли казаки, но затем они отказались. После них были поставлены офицеры, но и они отказались охранять большевиков.

Тогда нас поручили «ударникам» и «белой гвардии», состоящей из подонков общества и учеников местных

средних школ. Разделившись на три группы, мы обезоружили стражу, заперли ее в одну из комнат и, положив у двери свеклу, погрозили, что в случае, если они попробуют отворить дверь, то «бомба» разорвется и они погибнут. Побег удался блестяще. Убежали все 32 человека. Часть из них немедленно уехала¹, а другая совершенно свободно ходит по городу, ибо Дутову теперь не до них.²

Я узнал, что в тот момент, когда мы бежали, шло заседание «комитета спасения», и когда ему было доложено, что из тюрьмы бежали арестованные, то председатель Барановский воскликнул: «Последние деньки доживаем — большевики бежали».

В это время среди казаков начались волнения. 4-й и 13-й Оренбургские казачьи полки отказались подчиняться Дутову. Против нас согласились выступать юнкера, «белая гвардия» и офицеры. Нас было около полутора тысяч человек всех родов оружия. Был организован ударный революционный отряд, который шел впереди и проявлял чудеса храбрости. Станицы нас встречали хлебом-солью. Много станций и разъездов было взято без боя, но затем нас стали встречать пулеметным огнем и артиллерией. Все несчастье заключалось в том, что мы не закрепили занятые нами позиции, благодаря чему одна из станиц нас встретила весьма радушно и вручила приговор, что против нас выступать не будет, но изменила нам. Мы стали замечать, что нас окружают, и решили временно отступить. Отступать приходилось с боем. Пути позади нас оказались разобранными. Мы их восстановили и прорвались.

¹ С. М. Цвиллинг, А. А. Коростелев и другие нелегально переехали в Бузулук, где находился П. А. Кобозев с отрядами Красной гвардии. (Прим. сост.).

² С. М. Цвиллинг имел неточные сведения. Дутовские жандармы усиленно искали в Оренбурге бежавших из тюрьмы большевиков, производили массовые обыски. (Прим. сост.).

В СУРОВЫЕ ГОДЫ

ПОБЕДА НА СЪЕЗДЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

Ко времени Октябрьского вооруженного восстания я работал в железнодорожном депо станции Акбулак.

На собрании акбулакских железнодорожников острая борьба развернулась вокруг выбора делегата на II съезд железнодорожников Ташкентской дороги. Делегатом избирали меня. Съезд проходил в Оренбурге. Работа его совпала с победой Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.

Но в Оренбурге власть была захвачена атаманом Дутовым, поддерживаемым кулацко-офицерской верхушкой казачества и буржуазией, а также меньшевиками и эсерами. Дутов ввел в городе режим жестокого белого террора, а меньшевики и эсеры из кожи лезли вон, чтобы расположить трудящихся в пользу диктатора. Социал-предатели намеревались поставить на службу контрреволюции и II съезд железнодорожников Ташкентской дороги. Меньшевикам и эсерам различными махинациями удавалось подтасовать состав съезда. В результате они имели 85 делегатов, а большевики только 22.

На первое же пленарное заседание съезда прибыли атаман Дутов и губернский комиссар Временного правительства эсер Архангельский. Последний выступил с антисоветской речью. Соглашатели были уверены, что им легко будет повести за собой съезд. Но наша большевистская фракция оказала им упорное сопротивление, не уставая разоблачала предательскую политику правых социалистов. Мы встретили выступление Архангельского обструкцией и не давали ему говорить, потребовали ухода его с трибуны. Заседание было прервано.

Когда оно возобновилось, председатель меньшевик Гудович хотел снова предоставить слово эсеру Архангельскому. Но наша большевистская фракция решитель-

но протестовала против его новой речи. Эсеры и меньшевики вскочили с мест, схватились за стулья, готовые броситься на нас. Но мы, несмотря на угрозу расправы, продолжали кричать: «Долой с трибуны предателя рабочего класса!».

Дутов, сидевший в первом ряду, встал, повернулся в нашу сторону и угрожающим тоном заявил: «Господа большевики, если вы не прекратите шум, то я вас предупреждаю, завтра вы не досчитаетесь кое-кого из своих рядов». Но и прямая угроза не испугала большевистскую фракцию. Делегат Н. В. Шумилов предложил послать от съезда железнодорожников Ташкентской дороги приветственную телеграмму Рабоче-Крестьянскому правительству. Меншевистско-эсеровское большинство съезда отклонило предложение большевиков. Тогда тов Шумилов заявил, что телеграмма все же будет послана от имени большевистской фракции.

Съезд избрал исполнительный комитет, в состав которого вошли в большинстве эсеры и меньшевики. После этого мы, делегаты-большевики, на своем коротком заседании выразили недоверие эсеров-меншевистскому исполкому и потребовали срочного созыва нового, III съезда железнодорожников Ташкентской дороги.

Было проведено также совещание членов большевистской фракции с представителями Оренбургского Совета рабочих депутатов и большевистской организации, на котором обсуждался вопрос о вооруженном выступлении рабочих против дутовцев.

Большевистское меньшинство съезда, выполняя свой революционный долг, своими смелыми выступлениями разоблало позорный сговор меньшевиков и эсеров с монархистом Дутовым. Этим большевики отвоевали на свою сторону значительную часть делегатов съезда. Многие прежние сторонники соглашателей уезжали со съезда сторонниками Советской власти.

Выступления большевиков на съезде имели еще больший отклик в массах железнодорожников. Опираясь на эту поддержку, большевики неустанно требовали созыва нового съезда железнодорожников, высказывая твердую уверенность, что он даст победу сторонникам Советской власти.

По возвращении в Акбулак на общем собрании железнодорожников я сделал доклад о победе революции

в центре, об итогах II съезда железнодорожников, о положении в Оренбурге. Выступал также на собрании акбулакских солдат-фронтовиков. И рабочие, и солдаты с горячим энтузиазмом встретили сообщение о победе революции в центре страны. Единодушным было требование о разгоне дутовской шайки в Оренбурге и поддержке всеобщей политической стачки оренбургских рабочих.

Рабочими Акбулака была направлена в Оренбург следующая телеграмма:

«На общем собрании служащих, мастеровых и рабочих службы тяги Акбулака, заслушав доклад товарища Мелентьева о течении забастовки в Оренбурге в связи с арестом наших товарищей и не освобожденных до сего времени, постановили: прекратить работу с 25 ноября 1917 года впредь до освобождения товарищей из-под ареста.

Об освобождении сообщите. Председатель общего собрания Мелентьев. Секретарь Насонов»¹.

Распространение стачки на акбулакский участок еще более ограничило территорию дутовцев и срывало их мероприятия. Рабочие Ташкентской дороги требовали немедленного созыва III съезда железнодорожников. Соглашательский исполком дороги не смог противостоять всеобщим требованиям и вынужден был пойти на созыв нового съезда.

В конце ноября на общем собрании железнодорожников Акбулака меня избрали делегатом и на III съезд железнодорожников Ташкентской дороги. Он собрался в начале декабря в Оренбурге. Состав делегатов теперь уже был иным: большевики имели 87, эсеры и меньшевики только 18 мандатов.

Съезду грозило нападение дутовцев. Поэтому на первом заседании по предложению большевиков было решено перенести работу съезда в советский Бузулук.

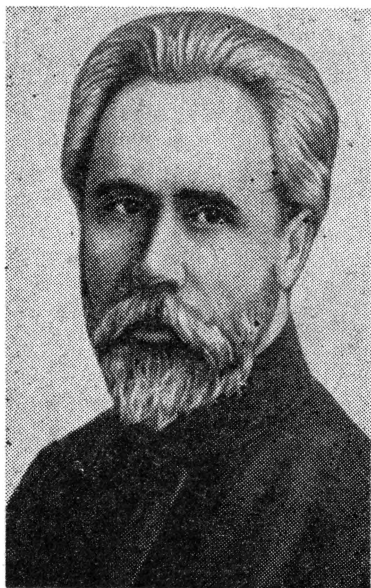
«Принимая во внимание,—говорилось в постановлении съезда,—что в контрреволюционном гнезде Дутова продолжать работу съезда невозможно, перенести его для плодотворной работы в Бузулук и обязать начальника дороги предоставить для делегатов вагоны и паровоз».

¹ Архив автора.

Делегаты съезда выехали в Бузулук. Помню, что в пути мы удивлялись, как это Дутов не арестовал наш съезд. А дело было в том, что дутовский режим уже слабел. Оренбургские рабочие бастовали второй месяц, их поддерживало большинство рабочих и служащих Ташкентской дороги.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ ПРОТИВ ДУТОВЩИНЫ

Начав свою работу в Бузулуке, III съезд железнодорожников призвал всех бастующих рабочих, мастеровых и служащих продолжать забастовку до окончательной победы над врагами рабочего класса. На очередном заседании съезда с докладом выступил чрезвычайный комиссар Советского правительства П. А. Кобозев. За-

П. А. Кобозев

таив дыхание, мы слушали о революционных событиях в Петрограде, о победе революционного пролетариата. Работа съезда проходила с высоким революционным подъемом. Главным вопросом стал вопрос о разгроме дутовщины.

В Бузулуке в это время шло собрание сил Красной гвардии и готовилось наступление на дутовцев, захвативших Оренбург. Съезд призвал железнодорожников немедленно присоединить свои силы к советским отрядам.

В середине декабря в Бузулук прибыли бежавшие из дутовской тюрьмы члены Оренбургского Военно-революционного комитета во главе с С. М. Цвиллингом. Самуил Моисеевич рассказал съезду о героической забастовке оренбургского пролетариата, решившего не возобновлять работу до прихода Красной гвардии.

По окончании съезда делегаты взяли винтовки и включились в ряды бойцов.

Под руководством П. А. Кобозева и С. М. Цвиллинга красногвардейские отряды двинулись от Бузулука в наступление на Оренбург. Мне и группе красногвардейцев пришлось ехать до станции Новосергиевка в вагоне с тов. Кобозевым.

БОЕВЫЕ ЗАДАНИЯ

С восхищением наблюдал я за энергичной деятельностью П. А. Кобозева, казалось, не знавшего усталости. Он отдавал распоряжения, проверял их исполнение, не раз сам двигался впереди наступающих, показывая пример мужества и решимости.

Мне довелось присутствовать при направлении П. А. Кобозевым по телеграфу со станции Новосергиевка ультиматума Дутову в Оренбург. Кобозев требовал передачи власти в руки Советов. Ответа от Дутова, как известно, не последовало.

После этого Кобозев обратился ко мне:

— Товарищ Мелентьев, даю Вам боевое задание! Вы сами видите, что эшелоны с демобилизованными из старой армии, скопляющиеся в нашем тылу, представляют огромную опасность для нашего дела. На станции Новосергиевка их скопилось до десятка и каждый день прибывают новые. Белогвардейское офицерье и проникающие в эшелоны дутовцы провоцируют солдат на вооруженное выступление против нас под предлогом, что мы не пропускаем их дальше. Надо устранить эту угрозу, изъять из эшелонов белогвардейцев. В эшелонах много вооружения, а оно нам очень нужно.

Задание было сложное. Многотысячная толпа офицеров и солдат угрожающе требовала отправки эшелонов на Оренбург. Начальник станции заперся у себя в кабинете и не выходил. Наши попытки успокоить возбужденную толпу ни к чему не приводили. Провокаторы действовали вовсю.

Кобозев в своем вагоне уже отбыл со станции. Тогда мы соединились по аппарату с С. М. Цвиллингом, находившимся на передовой позиции, и сообщили ему обстановку.

С. М. Цвиллинг ответил, что немедленно выезжает на станцию Новосергиевка. Через три часа он прибыл на паровозе с отрядом красногвардейцев в товарном вагоне.

У станции на путях к этому времени собралось до шести тысяч взволнованных солдат, не знавших, что им делать, кого слушать.

С. М. Цвиллинг обратился к ним с паровоза. Пламенный оратор нашел пути к сердцам солдат. Он напомнил, что большевики вели их и на свержение царизма, и правительства Керенского, привели к победе Советской власти, разоблачил контрреволюционные замыслы белогвардейщины и подлую роль провокаторов, толкающих солдат против Красной гвардии.

Смелое большевистское выступление тов. Цвиллинга произвело сильное воздействие на солдат. Не раздалось ни одного протестующего голоса. Солдаты помогли нам арестовать офицеров, занимавшихся антисоветской агитацией.

Некоторое число солдат изъявило желание вступить в красногвардейские отряды и принять участие в освобождении Оренбурга от дутовщины.

Наша группа красногвардейцев, выполняя указание товарища Цвиллинга, организовала разгрузку станции.

Первое наступление Красной гвардии на Оренбург окончилось неудачно. Наша группа отошла из Новосергиевки вместе со всеми к Бузулуку. Началась подготовка второго наступления, для которого группировались более серьезные силы.

В связи с этой подготовкой тов. Кобозев вновь вызвал меня к себе. Встретил он меня, как хорошего знакомого, и сказал:

— Даю вам новое боевое задание. Необходимо связаться с Ташкентским красногвардейским отрядом,двигающимся против Дутова с юга. Надо информировать его командира о нашем наступлении от Бузулука, чтобы согласовать действия. Для этого вам придется пробраться в район Актюбинска нелегально через Оренбург. Другого более короткого пути нет...

П. А. Кобозев дал мне письмо для передачи командиру Ташкентского красногвардейского отряда.

3 января 1918 года я выехал из Бузулука с одним, пропущенным для этой цели, эшелоном. На станции Оренбург белогвардейцы строго проверяли каждый вагон с демобилизованными солдатами, отбирая у них оружие. Проверка для меня прошла благополучно. Вскоре эшелон пропустили дальше.

В Акбулак прибыли ночью. Выяснил, что Ташкентский красногвардейский отряд стоит на станции Яйсан. В Акбулаке находилась белоказачья застава, дальше, в сторону Ташкента, территория «дутовского царства» кончалась. Дутовцы пропустили наш эшелон, и через 2 часа он был на станции Яйсан. Здесь я нашел командира отряда и подробно информировал его о подготовке наступления на Оренбург со стороны Бузулука.

— Завтра же наступаем на Акбулак, — заявил командир отряда. — Надеюсь, будете участвовать в этом деле! — предложил он мне. Я охотно согласился.

9 января мы освободили от дутовцев Акбулак. Железнодорожники и солдаты-фронтовики встретили нас восторженно. В тот же день было организовано общее собрание железнодорожников и фронтовиков. Я сделал доклад о работе III съезда железнодорожников Ташкентской дороги, рассказал о помощи этого съезда т. Кобозеву в борьбе с дутовщиной. На этом собрании был создан Акбулакский революционный комитет. Меня избрали его председателем.

Из добровольцев железнодорожников и солдат-фронтовиков организовали красногвардейский отряд. Опираясь на него, мы подавляли сопротивление кулачества, не желавшего выполнять постановления ревкома.

Деятельность Акбулакского ревкома и наступление красногвардейцев с юга создали немало трудностей для Дутова и ускорили поражение белогвардейщины в Оренбурге. В ночь на 31 января атаман Дутов под напором красных войск бежал из Оренбурга.

Акбулакская волость входила в Актюбинский уезд Тургайской области, но Акбулакский ревком имел теснейшую связь с Оренбургским Военно-революционным комитетом, от него получал руководящие указания.

Из сел и деревень Акбулакской волости приезжали крестьяне-делегаты в ревком с просьбами оказать по-

мощь в установлении у них Советской власти. Всюду сельские и волостные собрания принимали приветствия Рабоче-Крестьянскому правительству. Декреты о мире и земле создавали Советской власти огромный авторитет.

В начале марта собрался Акбулакский волостной съезд Советов рабочих, солдатских и мусульманских депутатов. Решения об установлении и укреплении Советской власти в волости принимались съездом с полным единодушием.

Между тем, обстановка в районе обострилась.

С. В. Мелентьев

Богатые казаки и кулаки-крестьяне не хотели сдавать продовольствие Советской власти по государственным ценам, а продавали его по ценам, взвинченным спекулянтами и мешочниками. Классовые враги пытались использовать продовольственные трудности для возбуждения населения против Советской власти в целях ее свержения. То же самое происходило и в районе Илецкой Защиты. Там развернулись настоящие кровавые бои.

Еще до волостного съезда Советов имелось указание Оренбургского Военно - революционного

комитета о переводе меня на работу в Илецкую Защиту. Но переехать туда я еще не успел. Однажды оттуда поступила телеграмма о гибели председателя Совета большевика тов. Персиянова. Он с небольшим отрядом красногвардейцев выезжал в станицы Мертвецовскую и Ветлянскую для установления в них Советской власти.

Контрреволюционные казаки и кулаки напали на отряд и зверски изрубили тов. Персиянова и красногвардейцев.

Ревком Илецкой Защиты просил оказать помощь в подавлении контрреволюционного мятежа. Акбулакский

Совет организовал небольшой отряд, с которым я выехал в Илецкую Защиту. Приезд нашего отряда совпал с приездом туда из Оренбурга красногвардейского отряда во главе с С. М. Цвиллингом. После краткого заседания в Совете Самуил Моисеевич взял на себя руководство отрядами. Выступления Цвиллинга в Совете свидетельствовали, что он не ожидал серьезного сопротивления в казачьих станицах. Он недооценил врага, и эта ошибка стала роковой.

В БОЮ

С. М. Цвиллинг разделил собранные силы на три группы и двинул их в направлении станиц Мертвецовской, Ветлянской, Изобильной. В середине по санному пути шел отряд во главе с С. М. Цвиллингом. В него вошли и красногвардейцы Илецкой Защиты и Акбулака. Две группы двигались на флангах. Мне пришлось идти на правом фланге.

Снега еще лежало много. Идти было трудно. Поздно ночью мы вышли на санный путь. Утром стали продвигаться на Изобильную. Вдруг видим: от станицы бегут красногвардейцы. Некоторые мчались на санях, крича о гибели тов. Цвиллинга. Озверевшие белые казаки нагоняли бежавших и зверски рубили их. Мы немедленно открыли ружейный огонь по преследователям и прикрыли отход остатков отряда Цвиллинга.

Вместе с ними мы стали отходить в сторону от дороги. Глубокий снег не давал возможности верховым белым казакам настигнуть нас. В бою погибли акбулакские красногвардейцы Васильев — рабочий депо и Васильев — телеграфист станции и другие. Мы отступили на станцию Илецк. Здесь узнали, что белое казачество станиц Григорьевской и Угольной готовится к нападению на Акбулак. Мы поспешили выехать в Акбулак.

Пополнив красногвардейский отряд новыми добровольцами из железнодорожников, мы стойко отбивали попытки белых захватить поселок, удерживали этот пункт на дороге Оренбург — Ташкент вплоть до эвакуации советских войск из Оренбурга. В первых числах июля вместе с оренбургскими рабочими отрядами мы с ожесточенными боями отступили в сторону Актюбинска.

Наш отряд послужил ядром для образовавшегося позднее Илецкого полка.

АКТЮБИНСК—САМАРА

В Актюбинске по заданию агитационного отдела штаба фронта мы, агитаторы, вели разъяснительную работу, призывая трудящихся вступать в ряды Красной Армии, укреплять Советы на местах. Крестьяне с огромным воодушевлением встречали призыв в Красную Армию. Это был добровольный призыв, и все же тысячи крестьян, молодых и пожилых, являлись в военный штаб. У всех было одно стремление — разгромить скорее контрреволюцию.

В конце ноября по заданию агитационного отдела штаба фронта я проводил работу по организации коммунистических ячеек в отрядах и полках. Наиболее активные товарищи вступали в ряды партии большевиков.

Все это было подготовкой к освобождению Оренбурга. Перед наступлением на Оренбург агитотдел прикомандировал меня к Илецкому полку, который находился на станции Мартук. В первый же день было организовано общее собрание коммунистов. Я доложил о передовой роли членов партии в войсках. Для постановки систематической партийной работы собрание создало полковой партийный комитет. В него были избраны А. О. Ерошенко, Кутенев и Сорокин.

Настроение в полках и отрядах на Актюбинском фронте было превосходным. Получая сведения из штаба фронта, мы информировали бойцов об успешных действиях частей Восточного фронта и об укреплении молодой Советской республики. После этого усилился приток бойцов в ряды Коммунистической партии.

В декабре наши войска двинулись в решительное наступление. 6 января 1919 года с боем заняли Акбулак, затем Илецкую Защиту. 22 января части Красной Армии, наступая со стороны Самары и со стороны Актюбинска, заняли Оренбург. Дутов был изгнан из города навсегда.

Оренбургский губком партии предложил мне остаться работать в Илецкой Зашите. Мы развернули политическую работу, организовали горсовет.

Но и на этот раз мирная работа продолжалась не-

долго. Весной активизировались колчаковцы, оживилось контрреволюционное казачество. Для подготовки обороны города был организован революционный комитет. Меня избрали его председателем.

Положение под Оренбургом сложилось напряженное. Ревкомом были получены телеграммы из Оренбурга от Реввоенсовета 1-й армии и губисполкома об эвакуации ценностей, о подготовке к полной эвакуации. Обстановка вынуждала оставить Илецкую Защиту.

Готовясь к эвакуации, мы развернули широкую работу по пополнению частей Красной Армии. За короткое время в городе сосредоточилась масса крестьян, добровольцев, особенно много из Актюбинского уезда. Революционные крестьяне не желали оставаться на территории, занимаемой белыми, и предпочитали сражаться с ними. Формирование частей шло в Оренбурге, туда мы отправляли добровольцев. Вагонов на железной дороге было недостаточно, часть добровольцев шла пешком.

Илецкий полк мы формировали, вернее пополняли, у себя. Начало его шло от партизанского отряда, который теперь превращался в регулярную часть. В полк влилось до 250 добровольцев из горожан: рабочих, служащих, бывших фронтовиков. Командиром полка был С. И. Светочев. Он обратился в ревком с предложением добиться разрешения Реввоенсовета 1-й армии об оставлении полка для защиты города. На оставлении полка в городе для решительного боя с белогвардейцами настаивали командиры и бойцы.

Я связался по телеграфу с Оренбургом. К аппарату подошел командующий 1-й армией тов. Гай, который дал указание удерживать Илецкую Защиту до последней возможности, даже в случае взятия Оренбурга противником.

Но наступление колчаковской армии усилилось. Мы оказались под угрозой окружения. Поэтому из Илецка нам пришлось все же отступить в сторону Оренбурга. Потом Илецкий полк вошел в состав Туркестанской армии, проводившей бугурусланскую операцию.

По распоряжению коменданта станции наш эшелон из Оренбурга был отправлен в Самару. Там комендант станции предложил мне немедленно явиться в штаб Южной группы войск Восточного фронта к тов. Фрунзе. В штабе М. В. Фрунзе находился член Реввоенсовета Юж-

ной группы В. В. Куйбышев. Я доложил, кто мы и откуда прибыли. Тов. Куйбышев подошел ко мне, взял за руку и подвел к карте, висевшей на стене.

— Вот смотрите, товарищ Мелентьев, — сказал он, — на фронте положение резко изменилось в пользу наших войск. Оренбург мы удержали, Колчаку не сдадим. Сейчас будет дано указание, чтобы ваш поезд вернуть в Оренбург.

Товарищи М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев пожали мне руку и пожелали героическому оренбургскому пролетариату дальнейших боевых успехов. Когда я вернулся на станцию, наш поезд уже был подготовлен к обратному рейсу.

НА ЗАЩИТЕ ОРЕНБУРГА

В Оренбург мы прибыли 5 мая. Полки оренбургских рабочих готовились для переброски в сторону станции Гребени, потому что противник усилил наступление с этой стороны. И. А. Акулов и М. Д. Великанов дали распоряжение об отправке туда и нашего эшелона. У нас было до 250 человек. Многие не имели оружия. Но все товарищи были готовы идти на фронт.

Все было быстро подготовлено, выданы винтовки, и наш Илецкий батальон, так называли его тт. Акулов и Великанов, прибыл под Гребени. Здесь мы пошли на передовую линию. В ночь белоказачи повели наступление. Завязался ожесточенный бой. Из нашего батальона в нем погибло несколько бойцов, в том числе тт. Павлов, Сорокин и другие рабочие соляного рудника.

Через некоторое время батальон включили в 217-й Оренбургский полк и перебросили к реке Уралу. До 22 мая батальон находился у железнодорожного моста. В ночь на 22 мая мы сделали настил на мост, перешли в наступление и отбросили белых за станцию Меновой Двор. В августе началось наступление в сторону Илецкой Защиты. 17 августа город был освобожден от белых.

СНОВА В ИЛЕЦКОЙ ЗАЩИТЕ

После занятия Илецкой Защиты меня отозвали из полка для работы в горисполкоме. Вскоре я был избран его председателем.

В первое время после изгнания дутовцев в станицах создавались ревкомы и только в феврале — марте 1920 года были избраны сельсоветы, созван районный съезд Советов. Мне довелось также вести работу председателя райисполкома.

Надо было перестраиваться на хозяйственный лад. Трудности были невероятные. Исполком уделял большое внимание восстановлению местных кустарных предприятий. Много делалось для налаживания гужевого транспорта, так как железнодорожное движение на линии Илецк — Оренбург было разрушено.

Большую помощь нам в этой работе, как и в военной борьбе, оказали Оренбургские губком партии и губисполком.

Уже 24 августа 1919 года к нам приехали члены губкома партии председатель губсовнархоза Г. А. Коростелев и губпродкомиссар И. Д. Мартынов, чтобы помочь в налаживании мирной строительной работы. Состоялось объединенное заседание райисполкома, комитета партии, райпродкома. Товарищи Коростелев и Мартынов в качестве первейших задач трудящихся нашего района выдвинули восстановление добычи соли на Илецком руднике и борьбу за хлеб. Тем и другим наш район должен был помочь не только своему краю, но и всей Советской республике, Красной Армии, добивавшей врагов уже на других фронтах. Забота о соли и хлебе стала главным в работа райисполкома.

Обязывая ускорять налаживание добычи соли, губисполком подтвердил национализацию соляного рудника. Было реорганизовано рудничное управление. Меня ввели в его состав. Приходилось часто выезжать на рудник и выступать перед рабочими, помогать управлению предприятия в решении организационных вопросов.

21 сентября в Илецкую Защиту прибыл М. И. Калинин с агитационно-инструкторским поездом «Октябрьская революция». Мне довелось встречать и сопровождать Михаила Ивановича. Он проявил исключительный интерес к политическим настроениям рабочих, крестьян и особенно казачества после разгрома войск Дутова и Колчака на Оренбургском фронте. В центре города на большой площади состоялся многолюдный митинг. Присутствовало почти все взрослое население, красноармейцы и командиры местного гарнизона, многие пленные ка-

заки-дутовцы. Михаил Иванович подробно рассказал об успехах Красной Армии и о тех трудностях, которые были порождены гражданской войной и иностранной интервенцией, о путях их преодоления. Он призвал трудящихся всемерно укреплять власть Советов, как свою власть, активнее помогать продовольствием Москве и Петрограду, перейти к мирному строительству.

Потом М. И. Калинин выступил во дворе тюрьмы перед пленными дутовскими солдатами и офицерами. Это была беседа, которая развеяла политические заблуждения многих казаков, сражавшихся против власти Советов. Михаил Иванович заявил казакам-старикам, что им нечего делать здесь, отпустил их по домам. Беседа произвела большое впечатление на пленных. Молодые казаки и некоторые офицеры тут же выразили желание добровольно вступить в ряды Красной Армии.

Ознакомившись с добычей соли, Михаил Иванович дал указание Сергеевскому заводу отгрузить на наш рудник двести пудов пороку.

Развертывание добычи соли тормозилось отсутствием рабочих рук, главным образом мужских. Почти все рабочие ушли в Красную Армию. В 1920 году райисполком обратился к командованию армии, в которой находился Илецкий полк, об откомандировании на рудник части рабочих. Шла решающая борьба с Врангелем, каждый боец был на счету. И все же командование армии, учтя важность снабжения республики солью, демобилизовало некоторое число опытных рабочих. Добыча соли в нашем районе пошла лучше.

В Илецкой Защите я работал до июня 1921 года, когда, как член губкома, был отозван в Оренбург на партийную работу.

ОРСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Орская организация большевиков начала создаваться после Февральской революции 1917 года и окончательно оформилась весной 1918 года.

До революции в этом маленьком степном торговом городке с населением 10—12 тысяч человек не было крупной промышленности. На небольших мукомольных предприятиях и в кустарных мастерских работало сотни полторы рабочих и ремесленников. Среди рабочих и интеллигентов были люди, резко настроенные против царского режима. В годы первой мировой войны их стало больше.

Выделялся своей активностью Аркадий Николаевич Малишевский, приехавший в 1912 году на работу в Орскую почтово-телеграфную контору. Сын мещанского старосты горьда Самары, он после окончания шестиклассного городского училища поступил чиновником в Самарское окружное почтово-телеграфное управление. За участие в забастовке почтовиков был отчислен из управления и направлен в Орск. Здесь Малишевский прослыл человеком радикальных взглядов и атеистических воззрений.

Далее следует назвать Игнатия Ивановича Малянова, рабочего, выходца из крестьян Вятской губернии. В период революции 1905 года он работал помощником машиниста на одной из железных дорог в Сибири. За участие в политической забастовке преследовался полицией и поэтому часто менял место своей работы. Скрываясь от полиции, вынужден был переехать в Орск, где поступил работать машинистом на Башкировскую паровую мельницу. У него были связи с рабочими других мельниц, строящихся вокзала и железнодорожного моста.

Можно предположить, что А. Н. Малишевский,

И. И. Малянов имели ранее эпизодические связи с социал-демократами-большевиками, сочувствовали их взглядам.

Февральская революция всколыхнула широкие слои населения города. К политической жизни потянулись рабочие, мелкие кустари, ремесленники, приказчики, служащие, городская беднота. Плохо разбираясь в политике, многие из них оказались сначала в плену меньшевистско-эсеровской агитации.

В обстановке засилия эсеров и меньшевиков началась в Орске деятельность большевика А. Н. Малишевского. На почте в первых числах марта 1917 года им был создан комитет почтовых работников. Это был первый профсоюз в городе. Председателем комитета почтовых работников был избран Малишевский. От молодых почтовиков в состав комитета вошел и автор этих строк.

А. Н. Малишевский

Вскоре А. Н. Малишевский проявил себя как большевистский оратор на городских митингах. Был он в городе единственным большевиком. Речи его отличались четкостью, ясностью, метко разили кадетских, эсеровских и меньшевистских краснобаев. Выступления его производили большое впечатление на рабочих, бедноту, которые впервые услышали правду о большевиках.

Вскоре на рабочих собраниях мельниц и строящейся железной дороги начали создаваться профсоюзы. На этих собраниях в поддержку Малишевского выступал и машинист паровой мельницы И. И. Малянов. Он умел вести спокойный разговор, убеждать рабочих в правоте большевиков. К большевистской партии потянулись рабочие, служащие, интеллигенты. Летом на митингах, собраниях

стали выступать с большевистскими речами и другие рабочие, а также раненые солдаты-фронтовики, отпущенные временно домой.

Популярным оратором был Д. Ф. Соколов, пожилой рабочий-печник. За солидные годы его звали дядей Данилом. Выступал он на митингах убедительно и доходчиво, но редко, чаще говорил в небольшом кругу рабочих, солдат и домохозяек. Он умел на фактах тяжелой жизни городской бедноты показать, на чем и как наживались местные торговые воротилы.

Скоро завоевал авторитет А. Т. Васильченко — столяр-модельщик с железной дороги — своим умением разбираться в вопросах текущей жизни и ясно определить, что нужно делать рабочим дальше. Он был в городе первым организатором профсоюза строителей, а впоследствии долгое время работал председателем Орского уездного совета профсоюзов.

Ярким агитатором был Т. Ф. Варенов, пожилой рабочий, который до революции брался за многие дела, лишь бы прокормить свою большую семью. Он был черноработчим, печником, собирал тряпье и кости по деревням. В одной из поездок по деревням его сбила и сильно покалечила лошадь. Теперь этот небольшого роста человек с горбом и искалеченным лицом, в заплатанном пиджаке, стал произносить зажигательные большевистские речи на митингах.

В начале лета на митингах стал выступать большевик Степан Андреевич Долгоруков, недавно приехавший из Москвы в Орск на должность агронома земской управы. Он происходил из крестьян, окончил в 1912 году Вятское сельскохозяйственное училище. Несколько лет работал агрономом, затем переехал в Москву, где работал и учился в коммерческом училище. В Москве, в Замоскворецком районе вступил в 1917 году в члены РСДРП(б). Долгоруков был подготовленным марксистом. От него мы впервые услышали о программе большевистской партии. Выступала на митингах и его жена, Софья Николаевна Долгорукова, тогда единственная женщина-большевичка в нашем городе.

Летом в городе было уже три большевистские группы. На почте под руководством А. Н. Малишевского была создана группа большевиков в составе Ф. Савельева, С. Фильченко, Карагодина и других. На митинги и со-

брания, где выступал Малишевский, ходили всей группой и коллективно поддерживали его выступления. Наиболее политически подготовленной была группа большевиков, работавших в земской управе, возглавляемая С. А. Долгоруковым. Самой многочисленной была группа большевиков, работавших на железной дороге, на

С. А. Долгоруков

мельницах. В нее входили И. И. Малянов, А. Т. Васильченко и другие. Влияние большевиков в городе росло, их стало больше, но партийный комитет еще не был создан.

Отчасти это объяснялось отъездом А. Н. Малишевского в июле в Самару на работу в окружной комитет почтово-телеграфных работников. Фактическим руководителем большевиков в Орске остался С. А. Долгоруков, но он мало еще был связан с местными людьми. Отсутствие выборного партийного органа затрудняло мобилизацию

масс, снижало возможности политической борьбы, нарушало связь с партийным центром.

В то же время большевики Оренбурга мало уделяли внимания орским делам, так как в Оренбурге лишь в сентябре 1917 года была оформлена самостоятельная большевистская организация. В этой связи нетрудно объяснить отсутствие нашего представителя на губернской партийной конференции, состоявшейся в сентябре.

ВЛАСТЬ — СОВЕТУ

В октябре в Орске и уезде развернулась политическая кампания по выборам в Учредительное собрание. От большевистской партии кандидатом в члены Учредительного собрания по Орскому уезду был выдвинут служа-

щий Баймакского горнорудного предприятия Н. Ф. Верзилов. Баймакская организация большевиков была в губернии одной из самых многочисленных и крепких.

Орские большевики развернули агитацию за список № 8 с большевистскими кандидатами в Учредительное собрание. А. Н. Малишевский возвратился в это время из Самары в Орск, побывал в Оренбургском комитете партии и получил там необходимые директивы.

Оренбургский комитет партии выслал орским большевикам много предвыборной литературы. К раздаче ее была привлечена и молодежь, учащиеся городского училища. Впервые была организована разноска большевистской литературы по квартирам.

Большевики требовали, не дожидаясь Учредительного собрания, наделить землей так называемых иногородних крестьян за счет казачьих войсковых земель. Это требование было подхвачено крестьянской беднотой. Иногородние крестьяне из казачьих поселков Грязнушенского, Уральского и Тереклинского захватили войсковую землю, произвели покосы.

На митингах, проходивших еще в дни подготовки к выборам в Учредительное собрание, большевики выдвинули требование о перевыборах Советов рабочих и солдатских депутатов. Дело в том, что в городе существовал Совет солдатских депутатов, избранный еще 22 марта 1917 года из представителей местной воинской команды. В нем не было ни фронтовиков, ни большевиков. Был в городе и Совет рабочих депутатов, избранный из представителей учреждений и предприятий города, но в нем также не было ни одного большевика. Эти Советы находились под влиянием эсеров, собирались редко и штамповали указания представителя Временного правительства.

Октябрьский переворот в Петрограде вызвал решающий перелом в настроении масс. Создались условия и для установления Советской власти в Орске:

Состоялись перевыборы Советов. На предприятиях, в учреждениях и на собраниях солдат-фронтовиков в Орский Совет рабочих и солдатских депутатов были посланы сторонники большевиков. В частности, от работников Орской почтово-телеграфной конторы были посланы в Совет А. Н. Малишевский, А. З. Яковлев, С. Р. Фильченко, Ф. Савельев.

Итоги выборов в Учредительное собрание по Орску показали рост влияния большевиков среди населения города. За большевиков голосовало свыше 30 процентов участвовавших в выборах.

14 (27) ноября 1917 года состоялось заседание вновь избранного Орского Совета рабочих и солдатских депутатов. Оно проходило в небольшом одноэтажном доме, где раньше проводились выездные заседания окружного суда. Небольшой зал, еле освещенный керосиновой лампой, был заполнен до отказа. В президиум избрали А. Н. Малишевского, С. А. Долгорукова, А. З. Яковлева и других. После горячих выступлений единогласно приняли решение о переходе в городе власти в руки Советов и роспуске органов Временного правительства. Председателем Совета был избран А. З. Яковлев, секретарем Совета Ф. Савельев.

А. З. Яковлев приехал в Орск в первые годы войны на работу линейного механика в почтово-телеграфную контору. После Февральской революции был левым эсером, но работал в контакте с большевиками. Будучи избранным на пост председателя Орского Совета, активно включился в его работу. В марте 1918 года избирался делегатом 1 Оренбургского губернского съезда Советов.¹

На этом же заседании был избран исполком Совета во главе с председателем А. Н. Малишевским.

Уездный комиссар Временного правительства, опираясь на караульную роту уездного воинского начальника, милицию и поддержку городской думы и земской управы, в ночь на 15 ноября арестовал А. Н. Малишевского и отправил его в поселок Кумак под охрану казаков.

Своей вооруженной силы Совет тогда еще не имел, чтобы воспрепятствовать этому. Арест вызвал большое возбуждение в городе. На ряде мельниц, на кожевенном заводе были проведены собрания и митинги протеста против самоуправства уездного комиссара. Особенно решительно выступали солдаты-фронтовики, требовавшие освобождения арестованного председателя исполкома.

¹ По возвращении с губернского съезда Советов Яковлев в первых числах апреля уехал на рыбалку на Урал, был схвачен белоказаками и расстрелян. По словам очевидцев, он до конца держался мужественно, и его последними словами были: «Вам, станичники, все же Советскую власть не победить». (Прим. автора).

Неуверенно чувствовал себя уездный комиссар Временного правительства прапорщик Бриц. Власть Дутова в Оренбурге подходила к концу. Красногвардейские части П. А. Кобозева продвигались от Бузулука к Оренбургу. В дутовских войсках, оборонявших Оренбург, происходило падение воинской дисциплины. На митингах казаки-фронтовики выносили резолюции об отказе воевать против Советской власти.

Большевистская пропаганда стала проникать и в казачьи поселки, станицы вокруг Орска. В первых числах декабря казаки-фронтовики поселка Кумак сами освободили А. Н. Малишевского и он вернулся в Орск.

К этому времени положение в Орске изменилось. В город вернулась большая группа большевистски настроенных солдат-фронтовиков, ставших вскоре активными строителями Советской власти. Среди них были В. П. Березовский, А. Иванов, А. Даутов, Д. Чебанов, Т. Р. Фильченко, С. Мусин и другие.

23 декабря состоялось заседание Орского Совета, на которое были приглашены солдаты-фронтовики, рабочие и служащие. Проходило оно в большом зале городской думы, было бурным и длилось всю ночь. Главари правых эсеров произносили «красивые» речи, призывая решать вопрос о власти после открытия Учредительного собрания. Заседание Совета, не взирая на крики эсеров и меньшевиков, поручило исполкому разогнать земскую управу и городскую думу. Наутро в городе не оказалось прапорщика Брица¹ и лиц из его окружения. Теперь Орский Совет стал полным хозяином в городе.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Наутро исполком Орского Совета приступил к созданию органов новой власти. Были образованы отделы земельный, финансовый, продовольственный, военный и штаб Красной гвардии. Заведующие отделами назывались комиссарами. Советская власть установилась в Орске в то время, когда в Оренбурге еще находился Дутов, помощи из других мест губернии получить было нельзя.

¹ Прапорщик Бриц тайно выехал из Орска в Башкирию, где впоследствии подвизался в качестве организатора белогвардейских отрядов. (Прим. авт.).

С начала января 1918 года в городе стала выходить газета Орского Совета рабочих и солдатских депутатов «Известия». Ее редактором стал С. А. Долгоруков. Вскоре мне пришлось побывать в редакции нашей газеты. Дело было так. В связи с разгоном Учредительного собрания местные эсеры открыли в своей газете кампанию ругани в адрес большевиков. В нашей газете была напечатана моя статья в поддержку разгона Учредительного собрания.

Эсеровская газета поместила статью с грубой бранью в мой адрес. Я был расстроен резким тоном публичного разноса и пошел к С. А. Долгорукову посоветоваться и узнать, что мне дальше делать.

Редакция газеты находилась в гостинице «Россия»¹, которая была единственным местом в городе для командировочных, делегатов различных съездов, в ней проживали советские работники. Комната на втором этаже, где жила семья Долгорукова, служила и помещением для редакции.

В комнате редактора было холодно, сумрачно и по-гостиничному пусто. Софья Николаевна — жена редактора, выглядела болезненно и все куталась в платок. Мой расстроенный вид и причина прихода очень рассмешили Степана Андреевича и Софью Николаевну. От них я впервые узнал, что для большевика даже похвально, если его ругают политические противники.

Получив совет не обращать внимания на выпады эсеров, писать как можно больше в нашу газету, я ушел от них ободренный.

С переходом власти в руки Орского Совета началось формирование Красной гвардии. Начальником Красной гвардии стал А. Н. Малишевский. В состав штаба вошли С. А. Долгоруков, А. З. Яковлев, И. И. Конценебин и другие. Активное участие в работе штаба принимали К. Т. Поздняков, М. И. Терехов, А. Иванов и другие. Начальником пехотного отряда был назначен И. И. Конценебин, бывший солдат старой армии, оказавшийся способным организатором.

¹ Гостиница «Россия» описана Л. Сейфуллиной в повести «Новый ковчег». (Прим. автора).

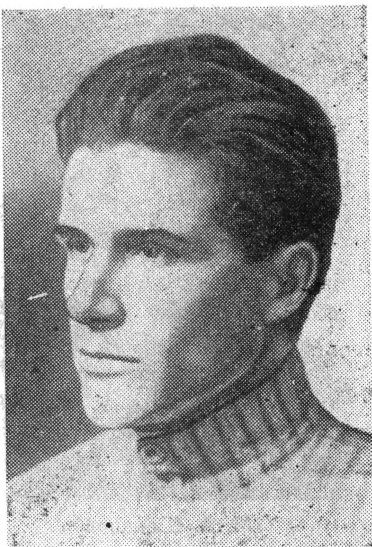
Штаб обратился с воззванием к трудящимся города, деревень и станиц, в котором призывал их добровольно вступать в ряды Красной гвардии. На призыв откликнулись многие рабочие и деревенские бедняки. В красногвардейский отряд перешли рабочие из охраны винного склада, часть солдат караульной команды, некоторые солдаты-фронтовики из числа рабочих мельниц, кожевенного завода, кустарей, чернорабочих. Организатором конного отряда стал С. Д. Руденко — крестьянин из-под Баймака, который прибыл в город с отрядом в 10 человек в полном снаряжении.

В феврале отряды пополнились добровольцами с хуторов, деревень, станиц Орского уезда, поселков Актюбинского уезда. Многие добровольцы, особенно казаки, прибывали на своих конях, с винтовками, в полном снаряжении. Вооружение и снаряжение для отрядов было изъято у личного состава местной воинской команды и уездной милиции, взято со складов казачьего интендантства и продовольственной управы. Штаб Красной гвардии провёл в городе перерегистрацию оружия и изъял его.

Для пополнения запасов оружия и снаряжения были посланы в казачьи станицы, в казахские аулы и на хутора М. И. Терехов, И. П. Клецов. Они привезли много военного снаряжения, сабель, винтовок.

Все же основную помощь в снабжении оружием оказал Оренбургский Совет, выдав представителю Орского штаба К. Т. Позднякову несколько сот винтовок, один пулемет, 50 тысяч патронов. Для всех красногвардейцев была установлена месячная заработная плата в сумме 50 рублей.

Укрепление дисциплины и порядка в штабе стало

С. Р. Фильченко

заметно после прихода в военный отдел исполкома Совета большой группы большевиков и сочувствующих им из офицеров и унтер-офицеров, прибывших в Орск в начале года. Это были сыновья орских рабочих, ремесленников, большей частью учителя в прошлом, получившие офицерские звания во время первой мировой империалистической войны. К ним надо отнести прежде всего большевика Михаила Андреевича Шарапова. Он выделялся своей собранностью, сосредоточенностью; говорил мало, четко, властно, не терпел суесть и был методичен в деле. В нем сочетались военное образование и знание марксизма. Все это вскоре сделало его одним из руководителей орских большевиков.

М. А. Шарапов

С середины февраля М. А. Шарапова назначили начальником штаба Красной гвардии. Вскоре в военный отдел исполкома Совета поступили работать Г. В. Березовский, М. П. Попов, М. А. Шалин, Н. В. Лысов и другие. Некоторые из них уже в 1918—1919 годах заняли командные должности в Красной Армии.

К марту орский отряд Красной гвардии вырос до 150 человек.

БЕГСТВО АТАМАНА

В начале 1918 года почти во всех казачьих станицах и поселках уезда все дела по-прежнему вершили атаманы, назначенные Дутовым. Они яростно выступали против Советской власти, тянули за собой казаков-середняков и бедноту, многие из которых не разобрались еще в существе советских порядков.

Атаман Дутов под напором красногвардейских от-

рядов Кобозева в ночь на 18 (31) января бежал из Оренбурга. С кучкой приближенных лиц в штатской одежде, в зимних крытых санях атаман отправился по казачьим станицам вверх по Уралу. Он останавливался во всех станицах и поселках Орского уезда и собирал сходы казаков. На собраниях развертывал захваченное им самое старое знамя Оренбургского казачьего войска и призывал к борьбе с Советами. При этом он говорил, что спасет святыню войска и не оставит ее, пока будет жив. Он расставлял по станицам свою агентуру, давал указания, как организовать борьбу против Советской власти. Не доехав до Орска 17 километров, Дутов ночевал в поселке Хабарном, а утром, минуя город, направился на север к станице Таналык.

Орский Совет узнал о проезде Дутова, когда тот был далеко от города.

В поселке Уртазым на сходке казаков Дутов встретил резкий отпор своей агитации. Против него выступили большевистски настроенный бывший политкаторжанин С. К. Колоколов и его товарищи. Они предложили арестовать Дутова. Сход заколебался. Только под напором станичного атамана Дутову и его свите дали подводы для поездки дальше на север в станицу Кизильскую.

В целях укрепления своей власти Дутов еще 16 декабря 1917 года разослал циркулярное письмо всем командирам оренбургских казачьих воинских частей, находившихся в действующей армии, с предложением возвращаться в свои округа целыми частями и вооруженными. Некоторые полки возвращались в округа вместе со своими офицерами, которые в большинстве были настроены против Советов.

Орскому Совету стало известно, что 4 марта через Орск должен пройти 11-й Уральский казачий полк в составе 600 сабель при 4 пулеметах. Было опасно такую военную силу пропускать через город, охраняемый небольшим красногвардейским отрядом при одном пулемете.

Навстречу полку в поселок Хабарный наш штаб выслал делегацию, которая заявила казакам, что в город они не будут допущены, если не сдадут оружия. Казаки отказались выполнить это требование. Тогда Совет мобилизовал все свои военные силы и отрядом в 150 человек занял западную часть города.

В полк отправилась новая делегация с извещением, что казакам будет оказано сопротивление, если они решатся войти в город. Наконец, было достигнуто согласие. Полк, минуя город, прошел через казачий выселок, а Орский Совет выдал казакам продовольствие и фураж.

В конце февраля в Орском уезде появились мелкие белоказачьи отряды, которые бродили по станицам, сколачивали из своих сторонников более крупные отряды, запасались оружием и продовольствием.

В марте в станице Нижне-Озерной состоялся съезд представителей казачьих станиц, который создал «Главный штаб фронтов по борьбе с большевиками».

В связи с активизацией белогвардейских элементов Оренбургский Совет еще в феврале предложил Орскому Совету послать красногвардейский отряд через казачьи станицы вниз по Уралу на Оренбург. Военным походом предполагалось «привести в чувство» казачьих офицеров и внести успокоение в бедняцкие и середняцкие слои казачества.

Красногвардейский отряд во главе с А. Н. Малишевским и М. А. Шараповым отправился из Орска на Оренбург. Отряд имел небольшие стычки с вооруженными казаками у поселка Подгорного, у станиц Ильинской, Красногорской. В остальных станицах по пути на Оренбург отряд встретил спокойную обстановку.

Во время отсутствия отряда в Орске казаки близлежащих поселков намеревались совершить налет на город. В связи с этим Малишевский, передав командование отрядом Шарапову, с небольшой группой красногвардейцев вернулся в Орск. Отряд же под руководством Шарапова дошел до Оренбурга, где пополнил свои запасы оружия и боеприпасов.

Это был первый боевой поход отряда, который помог личному составу, во многом еще неопытному, приобрести навыки походной жизни. Поход отряда по станицам и поселкам способствовал сплочению и активизации сторонников Советской власти. Задуманный белоказачьей верхушкой станицы Новоорской налет на Орск не состоялся. Он был сорван казаками-фронтовиками, которые наотрез отказались участвовать в белогвардейской авантюре.

Только что вернувшийся наш красногвардейский отряд был послан в станицу Новоорскую. Главари бело-

гвардейского мятежа сбежали. На богатых жителей станицы была наложена контрибуция в сумме 500 тысяч рублей («керенками»).

В СЕЛАХ И СТАНИЦАХ

В течение февраля—марта 1918 года по хуторам, деревням, в станицах возникают большевистски настроенные группы фронтовиков — солдат и казаков, которые устанавливают советские порядки на местах.

На станции Кувандык в феврале был создан ревком. Он организовал два красногвардейских отряда. Был образован Кувандыкский волисполком, объединивший все близлежащие деревни и хутора. Орский Совет помог Кувандыкскому ревкому, отпустив ему из запасов Саринского кредитного товарищества три тысячи пудов хлеба. В крупных поселках Шандаша и Романкуль, населенных выходцами с Украины, образовались большие группы большевистски настроенных солдат-фронтовиков, которые установили Советскую власть во всех селах бывшей Екатеринославской и Домбаровской волостей. В поселке Шандаша такую группу возглавлял Н. К. Пискунов, в поселке Романкуль — Д. И. Рудаков. Многие бедняки и середняки из этих поселков стали красногвардейцами Орского отряда, а позднее заняли командные должности в Орском полку. Так, Д. И. Рудаков, бывший унтер-офицер старой армии, в начале 1918 года был начальником команды разведчиков, а в 1919 году — одно время являлся командиром Орского пехотного полка. Н. К. Пискунов, бывший фельдфебель, стал командиром Орской батареи. М. Рубанов был начальником пулеметной команды. Некоторые из них после окончания гражданской войны остались в Красной Армии, участвовали в Великой Отечественной войне.

Группа большевиков обосновалась в Адамовской, Котансинской, Можаровской волостях Актюбинского уезда, экономически тяготевших к Орску. В поселке Котанси группу возглавлял М. М. Краснощеков, член партии с 1917 года, который, вернувшись после Февральской революции в поселок, установил связь с орскими большевиками. Вместе с Краснощековым работал И. П. Клецов из поселка Можаровского, впоследствии работ-

ник штаба Красной гвардии. Эта группа провела большую работу по созданию советских органов на территории указанных поселков.

Большая группа большевистски настроённых солдат-фронтовиков образовалась в селе Новопокровке. В нее входили Д. С. Косливцев, А. С. Ермаков и другие. В своей работе они опирались на актив из бедноты, возникший в ряде соседних хуторов. В феврале они создали в Новопокровке ревком под председательством А. С. Ермакова, а в конце марта — волисполком и сельсоветы на хуторе Аптула, в Краснополянке, Имелля-Покровке. Волисполком изъяс у кредитного товарищества хлеб в количестве 10 тысяч пудов и отправил его Орскому Совету. В феврале в Новопокровке был создан небольшой отряд Красной гвардии во главе с А. С. Ермаковым. Д. С. Косливцев впоследствии стал председателем Орского уездного исполкома.

В поселке Уртазым Таналыкской станицы большевистскую группу возглавлял С. К. Колоколов.

В марте она организовала ревком, создала отряд Красной гвардии, который летом того же года волился в Орский кавалерийский полк.

В станице Новоорской образовалась группа большевиков из рядовых казаков-фронтовиков во главе с А. М. Булдаковым. Она приступила к созданию органов Советской власти в поселках своей станицы, но ввиду появления белогвардейских банд волилась в Орский полк. Впоследствии А. М. Булдаков стал членом губисполкома и заведующим губдобесом.

На Айдырлинских золотых приисках образовалась группа большевиков, которую возглавлял Симакон. Она создала ревком, рабочий комитет по управлению производством. Комитет наладил добычу золота, а в июне по разрешению Орского уездного исполкома обменивал в казначействе слитки золота на бумажные деньги.

ВЫБОРЫ ПАРТИЙНОГО КОМИТЕТА

В первые три месяца 1918 года в Орске и уезде шло упрочение органов Советской власти, укрепление красногвардейского отряда, рост большевистских групп. Теперь уже в городе работали крупные группы боль-

шевиков в исполкоме, военном комиссариате, в штабе и отряде Красной гвардии, на почте.

Выборного партийного органа в городе все еще не было. Вопросы текущего советского строительства, военного дела обсуждались на заседаниях исполкома, в штабе Красной гвардии, на собраниях большевиков.

Одним из таких мест, где они собирались в те дни, была бывшая квартира воинского начальника — одноэтажное здание, окруженное густой зарослью акации. От прежнего хозяина в доме не осталось никакой мебели, и теперь в комнатах стояли простые скамейки и столы. В одной комнате стоял длинный стол с брошюрами и газетами. Над входной дверью дома была водружена вывеска с четкой надписью на голубом фоне: «Клуб большевиков».

По вечерам в помещении клуба всегда было людно, шумно. Сюда приходили бывшие фронтовики, горожане, солдаты и казаки, едущие к себе в станицы и поселки. Здесь они знакомились с руководителями орских большевиков, получали разъяснения, советы.

Давно назрела необходимость оформления орской партийной организации и выборов партийного комитета. Первое организационное собрание орских большевиков состоялось 1 апреля 1918 года. На нем присутствовал представитель Оренбургского губкома партии. Оно проходило днем в большом зале бывшей городской думы. Присутствовало до 50 человек. Собрание избрало Орский комитет большевиков в составе А. Н. Малишевского, С. А. Долгорукова, М. А. Шаропова, А. Иванова, М. И. Терехова, С. Р. Фильченко и других. Председателем Орского комитета был избран А. Иванов, секретарем М. И. Терехов. Мне был поручен прием заявлений, оформление вновь вступавших в партию.

В БОРЬБЕ ЗА ТРУДОВОЕ КАЗАЧЕСТВО

С ФРОНТА НА СЪЕЗД СОВЕТОВ

Во второй половине декабря 1917 года 2-я Туркестанская казачья дивизия находилась в Смоленской губернии. По газетам мы следили за движением красногвардейских отрядов т. Кобозева на Оренбург, посылали туда своих делегатов, но, как правило, они обратно в полк не возвращались.

16 (29) января 1918 года III Всероссийский съезд Советов принял Обращение к казакам. Казаки зачитывали его «до дыр». Потом пришла газета «Правда» от 24 января (6 февраля) с радиограммой Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина о ликвидации контрреволюционной Рады и дутовщины. Для нас это известие стало большим праздником. Усилилось стремление казаков к отъезду по своим округам. На заседании комитета дивизии мы решили немедленно приступить к сдаче оружия местным Советам.

10 февраля я, как выборный начальник дивизии, подписал приказ о ее расформировании. В конце февраля я вместе со своим 8-м полком поехал в Оренбург. Там нас приветствовали представители Военно-революционного комитета и исполкома казачьего Совета 1-го округа. Я выехал на родину, в Переволоцкую. Казаки полка разъехались по своим станицам.

В марте меня послали делегатом на Оренбургский губернский съезд Советов.

Шел четвертый день съезда. Я опоздал.

В Оренбурге встретился с товарищами С. М. Цвиллингом — председателем Военно-революционного комитета и А. А. Коростелевым — руководителем оренбургских большевиков.

Губернский съезд Советов отличался от чрезвычайного войскового круга, состоявшегося в сентябре 1917 года, в работе которого я тоже участвовал. Тогда

зал сиял офицерским обмундированием. Теперь золотопогонников не было. Но за показной «демократичностью» одеяний притаилось немало волков в овечьей шкуре. Офицеров заменили казаки-кулаки. Они были на съезде в меньшинстве, но в отношении к ним следовало быть начеку.

От делегатов узнал о наиболее примечательных событиях первых заседаний. Прежде всего упоминалось выступление делегата Краснохолма П. С. Федоринова, призвавшего трудовых казаков идти в ногу со всем народом России. Затем произошли перепалки по кандидатурам в состав президиума. Богатые казаки выдвинули своих идеологов — Турчанинова и Неклюдова. Они были отведены за их антисоветские выступления в газете совета казачьих депутатов 1-го округа «Казачья правда».

А. А. Коростелев

Она не отражала интересов казачьей бедноты и власти Советов. Товарищи С. А. Кичигин и И. Тышко выступали с докладами об организации Советской власти в губернии. От казаков выступал Беляев. Он заявил, что казаки ехали на съезд, предполагая, что им дадут «автономию», что у делегатов-казаков нет, дескать, полномочий принимать решения по обсуждаемому вопросу. Это выступление показало, что немало трудового казачества находилось еще под влиянием реакционной верхушки. Она же стремилась отгородить казачество от Советов лозунгом «казачья автономия». Другие делегаты-казаки выступали с позиций «нейтралитета» в борьбе между большевиками и антисоветскими силами.

Тов. Цвиллинг в своем сильном выступлении призывал трудовых казаков отказаться от двойственной политики и встать на сторону Советской власти.

На съезде образовалась казачья фракция. Пред-

седателем ее был Фадеев, товарищами председателя — Турков и Толмачев, секретарями — Пименов, Кучкин и Нежинков. Во фракции были и революционные казаки, например, Толмачев и Пименов, но большинство ее состава и руководства принадлежало представителям верхушки, вроде Турчанинова, Бочкарева, Туркова. Это кулачье шло под флагом «казацкой автономии» и «единого казачества». Они обманывали казаков якобы существующей сословной общностью между богатыми и белными станичниками. На первом заседании фракция большинством голосов решила не примыкать ни к какой партии. Фактически же большинство фракции встало в оппозицию к Советской власти.

19 марта фракция обсуждала призыв С. М. Цвиллинга к казакам отказаться от нейтралитета и поддерживать Советскую власть. Бочкарев и Турчанинов доказывали, что отношение Советской власти к казакам стало якобы ухудшаться и что их лишают «самоуправления». Н. Захаров, Юдин и другие призывали казаков идти вместе с рабочими и трудовым крестьянством страны. На другой вечер фракция собралась для обсуждения резолюции. Большинство по-прежнему шло за кулацко-казацкой верхушкой. Нас, противников кулацкого большинства, было 23 из 120 присутствовавших. Наши представители заявили, что мы не согласны с резолюцией большинства, которая в замаскированной форме выступает против Советской власти. В своем выступлении я говорил о том, почему мы не можем согласиться с резолюцией большинства, и требовал, чтобы не мешали нам, трудовым казакам, идти вместе с рабочими и крестьянами. Большинство я был принят недружественно. Объяснялось это тем, что меня знали по моим действиям в 8-м полку и на чрезвычайном казацком кругу в 1917 году.

После этого заседания фракции делегаты-казаки, стоявшие на платформе Советской власти, собрались отдельно и выработали свою резолюцию.

На съезде 21 марта Н. Захаров выступил с внеочередным заявлением от казаков, стоявших на платформе Совета Народных Комиссаров. Затем взял слово Толмачев и зачитал нашу резолюцию об отказе трудового казачества от нейтралитета и о поддержке им

власти Совета Народных Комиссаров. Съезд принял эту резолюцию с большим воодушевлением.

22 марта С. М. Цвиллинг, выступая по финансовому вопросу, констатировал, что большая часть делегатов-казачков придерживается «нейтралитета», а газета «Казачья правда» ведет травлю большевиков. Поэтому он предложил существующий совет 1-го округа распустить, а товарищам казакам-делегатам губернского съезда создать оргкомиссию для созыва нового съезда трудового казачества. Кроме того, он предложил организовать казачью секцию при губисполкоме, которая станет издавать свою газету вместо «Казачьей правды». От имени кулацкого большинства казачьей фракции выступил Турков. Он голобсловно заявил, что казачество не присоединяется к резолюциям съезда, так как на съезде, дескать, слишком мало казаков и они не могут выражать воли всего казачества.

Председатель губернского съезда С. М. Цвиллинг ответил на это выступление так:

— Много лет казацкая нагайка гуляла по русской земле и забивала все живое. Теперь мы освободились от опутывающих цепей самодержавия. Мы забыли все обиды. Мы простили все это вам, потому что вы не знали, что делали. Чем же вы отвечаете нам на наше предложение идти рука об руку с трудовым крестьянством? Вы отвечаете «нейтралитетом». Вы хотите сидеть между двумя стульями. Вы поняли, что с Дутовым идти вам не по пути, но вы не хотите идти вместе с трудовым крестьянством. Нужно окончательно решить или вы с нами, или против нас.

Речь т. Цвиллинга была встречена громом аплодисментов.

Съезд принял решение о закрытии газеты «Казачья правда» и о роспуске окружного казачьего исполкома. В ответ на это часть контрреволюционной головки казачьей фракции и делегатов-казачков ушла со съезда.

Перед выборами губисполкома состоялось заседание фракции большевиков, где было решено дать в исполкоме делегатам-казакам 10 мест. Выдвигали кандидатов на заседании казачьей фракции. Фадеев, Турков и другие заправила фракции смотрели на выборы с пренебрежением, подчеркивая этим непризнание избираемого органа власти. Несмотря на обструкцию, устроенную ку-

лацкими верховодами, удалось подобрать девять кандидатов. Некоторые из них были недостаточно грамотны и политически не зрелы. Но они представляли собой подлинную революционную казачью бедноту. Это были товарищи А. А. Галин — казак Оренбургской станицы; К. П. Лызлов — казак Новочеркасского поселка Красногорской станицы; Н. Захаров — из сводногвардейского казачьего полка, казак 2-го отдела, хорошо зарекомендовавший себя во время губернского съезда; Х. Г. Абузьяров — казак-татарин из Зубочистенской станицы; В. Л. Кутелев — из сводногвардейского полка, казак Перовской станицы; Г. Лыков из сводногвардейского полка, казак 3-го отдела; Журавлев — казак Донецкой станицы и Андрей Пименов — казак Оренбургской станицы.

Пишущий эти строки был выдвинут рядом делегатов, знавших меня с войскового круга и по службе в 8-м полку.

Губисполком был избран в составе 74 членов, в том числе 9 — от казаков.

В ГУБИСПОЛКОМЕ

На другой день члены губисполкома — казаки собрались для распределения обязанностей. Я был избран военным комиссаром Оренбургского казачьего войска. Войсковым комиссаром, а также председателем комиссариата трудового казачества избрали Н. Захарова, меня и А. А. Галина — заместителями председателя, а Пименова — секретарем комиссариата и казачьей секции губисполкома. На К. Лызлова возложили руководство страховым и дорожным отделами, на Абузьярова — отделом народного хозяйства, на Журавлева — отделом народного образования и здравоохранения. Трое были откомандированы для работы в важнейших губернских комиссариатах: А. А. Галин — в финансовом, Г. Лыков — в продовольственном и В. Л. Кутелев — в земельном. На меня дополнительно возложили обязанности председателя редакционной коллегии газеты «Казачья правда».

Таким образом трудовое казачество было представлено в органах Советской власти губернии. В их составе из представителей казаков были образованы специальные

органы, призванные обеспечивать учет особых условий советского строительства среди казачества.

Партийная организация старалась шире втянуть казаков в советскую работу. Их представители были во всех основных губернских комиссариатах, судебно-следственных органах. Например, председателем военно-следственной комиссии был казак, из восьми членов комиссии — двое казаки. В революционном трибунале заместителем председателя работал казак И. Ф. Киселев.

Вскоре Н. Захаров и я поставили перед С. М. Цвиллингом вопрос об окружном казачьем исполкоме. Цвиллинг согласился сохранить его, так как он в большинстве состоял из трудовых казаков, а вместо бежавшего Бочкарева председателем был избран И. Ф. Киселев.

Работа по организации власти Советов среди казачьего населения, после устранения ряда препятствий, стала входить в нормальное русло. В населенных пунктах 1-го округа создавались Советы казачьих депутатов и вся власть передавалась в их руки.

С 29 марта газета «Казачья правда» стала издаваться, как орган казачьей секции Оренбургского губисполкома.

Войсковой военный штаб, куда я вскоре направился как военный комиссар, находился на Неплюевской улице.¹ Он оставался в таком же виде, в каком был при Керенском и Дутове. Во главе его по-прежнему стоял полковник Дашкин, бывший командир 14-го казачьего пол-

И. Ф. Киселев

¹ Ныне Ленинская улица. (Прим. сост.).

ка. Я предложил Дашкину отвести мне комнату, передать гербовую печать. Тут же поручили ему подготовить проект приказа по штабу о том, что с сего числа я вступаю в исполнение обязанностей военного комиссара Оренбургского казачьего войска и что моя подпись должна стоять выше подписи начальника военного штаба. Регистратору я заявил, чтобы отныне ни одна деловая бумага без моей подписи из штаба не выпускалась, а все бумаги, поступающие почтой в штаб, передавались только мне. Дашкин спросил: «А как же с почтой, идущей из

А. С. Шереметьев

Верхнеуральска?» Я понял, что войсковой штаб, находясь на советской территории, все еще выполняет распоряжения врагов Советской власти.

Я сообщил казачьей секции губисполкома о посещении войскового штаба и о выявленных там беспорядках. Секция предложила тов. Пименову брать на просмотр всю почту, поступающую в войсковое правление.

Комиссариат трудового казачества разместился в здании войскового хозяйственного правления на Неплюевской улице. На дверях кабинета бывшего войскового атамана

слово «атаман» заклеили и написали «комиссар». Получилось: «войсковой комиссар». Здесь и обосновался Н. Захаров.

Вместе с Захаровым мы часто бывали у С. М. Цвиллинга. Надо сказать, что Цвиллинг очень быстро ориентировался в новых вопросах и действовал решительно. Однажды возник вопрос об уплате казакам за погибших лошадей на фронте, а также за снаряжение. Этот вопрос являлся особенно острым для бедных казачьих семей. Цвиллинг подробно расспросил меня, а затем сказал, что выплату надо проводить быстрее, этот шаг Совет-

ской власти покажет, что она стоит на защите интересов трудового казачества. Тут же был решен вопрос о финансировании этого мероприятия.]

НАЛЕТ БЕЛОКАЗАКОВ

Комиссариат трудового казачества развертывал работу по укреплению Советской власти в казачьих станицах. Контрреволюционеры тоже не дремали, но после разгрома Дутова действовали скрытно. Их антисоветские вылазки встречали дружный отпор казаков-фронтовиков, стоявших за Советскую власть.

Постепенно тайные контрреволюционные группы подбিরали недовольных Советской властью. Каждая ошибка местных, неопытных еще советских работников использовалась этими группами для распространения враждебных нам настроений. Контрреволюционеры из офицеров и кулаков использовали ту сумятицу, которую вызвали в станицах бежавшие с губернского съезда Советов реакционные казаки, распространявшие всякую небылицу о якобы враждебных намерениях большевиков. Начали возникать белогвардейские контрреволюционные банды. Воспользовавшись тем, что в станицах не было создано Красной гвардии, они стали терроризировать сторонников Советской власти.

Фронтовики-казаки давали отпор бандитам. Тогда верхушка казачьей контрреволюции встала на путь провокаций, чтобы толкнуть против Советской власти как можно больше казачьей массы.

[Вооруженная банда белого офицерства свергла Советскую власть в станице Красногорской.] Затем она насильственно мобилизовала рядовых казаков Красногорской и двинулась вниз по Уралу к Оренбургу. Войдя в ту или иную станицу, бандиты арестовывали сторонников Советской власти, разгоняли Советы, насильственно присоединяли к себе казаков.

Так эта банда под командой войскового старшины Лукина, добралась до станицы Нежинской. Белобандиты арестовали представителей нашего комиссариата Галина, Лызлова и Губарева, посланных туда для ускорения ликвидации управления конского запаса.

Поздно вечером 3 апреля 1918 года в помещении

губисполкома, как обычно, собрались советские работники. [Все были потрясены известием о разгроме белоказаками в станции Изобильной красногвардейского отряда и гибелью С. М. Цвиллинга.]

Решили послать красноармейцев на помощь илецкой Красной гвардии.

В Оренбурге также активизировалась белогвардейская свора. [Ночью отец — он работал в военно-следственной комиссии — предупредил меня по телефону, чтобы я был осторожным, но больше он не стал распространяться... Я проживал в Коробковых номерах. Встревоженный, я разбудил Коробейникова — члена губисполкома от Челябинского уезда и сообщил ему о разговоре с отцом. Мы решили немедленно поднять всех живущих в номерах советских работников. Я позвонил в губвоенревштаб, но там телефон не работал, прервалась связь с губисполкомом и военно-следственной комиссией. Было около часа ночи. Коробейников собрал десятка два людей, некоторые из них имели винтовки. Времени терять было нельзя. Послали товарища в номера на Гришковской улице¹, чтобы поднять наших людей.

Наконец удалось созвониться с вокзалом, где у телефона оказался помощник председателя губисполкома И. Д. Мартынов. Он сказал, что руководители губкома партии и губисполкома только что отбились от белой банды, которая напала на вокзал, и теперь организуют сбор рабочих-красногвардейцев, принимают меры к тому, чтобы вернуть отряд Красной Армии, предназначенный к отправке в Илецкую Защиту, и двинуться в город, куда проникли бандиты.

Мы выставили патрули в сторону Хлебной площади и около номеров. Недалеко послышались выстрелы. Несколько человек ушло в разведку. Усилили патрули, вторично отправили посыльных во все гостиницы на Гришковской улице для сбора своих людей. Явился член губисполкома И. Ф. Лысяков. После его информации мы с Коробейниковым решили идти в губвоенревштаб (дом Брагина в Хлебном переулке), а Лысякова оставили за старшего. Проходя через Хлебную площадь, слышали стрельбу. Остановились. В промежутках между стрельбой до нас стали доноситься разго-

¹ Ныне улица Чичерина. (Прим. сост.).

воры. Можно было различить специфический говор казачов верхних станиц (Красногорской, Каменно-Озерной и других). Стало ясно, что недалеко от нас залегла белоказачья цепь и она-то стреляет в сторону штаба.

Вернулись в номера. Вскоре пришли наши разведчики. По их данным, белоказачами были заняты Форштадт, Николаевская и Введенская улицы до Инженерной.¹ Последняя явилась как бы линией фронта в сторону вокзала. На углах улиц, занятых бандитами, находились патрули из 8—10 человек с белыми повязками. Они проверяли у проходящих документы. Белые из орудий, которые стояли на Гостинодворской улице,² обстреливали сначала дом Панкратова, затем дали несколько выстрелов в сторону Коробковых номеров. Видимо, бандиты получили сведения, что там группируются красногвардейцы.

Сильная ружейно-пулеметная перестрелка шла в районе Хлебного переулка у губвоенревштаба. Белые стреляли по штабу с двух сторон: с Введенской улицы и с Хлебной площади. В свою очередь, красноармейцы вели пулеметный огонь из окон штаба.

Рассвело. Стекались наши люди. Многие приходили без оружия. У некоторых были револьверы. Достать оружие было нелегко. Единственный выход — вооружиться за счет врага.

От дома Соколова были хорошо видны белые, стоявшие у здания бывшего жандармского управления. В разной одежде, они все имели белые повязки. Здесь были и бывшие чиновники с кокардами, гимназисты, реалисты, семинаристы и прочие. Наши начали их обстреливать, они отвечали.

Около 8 часов утра послышалась стрельба у вокзала и в районе Телеграфной улицы³, вблизи вокзала. Было ясно, что красноармейцы, оставив эшелон, пошли вместе с отрядом Красной гвардии на город.

Белые оставили Хлебную площадь. Наши главные силы, идущие от вокзала, к этому времени подошли к со-

¹ Николаевская — ныне Советская улица. Введенская — ныне улица 9-го Января. Инженерная — ныне улица Володарского. (Прим. сост.).

² Ныне улица Кирова. (Прим. сост.).

³ Ныне улица Цвиллинга. (Прим. сост.).

бору¹ и двинулись по Преображенской, Перовской и Николаевской улицам. Наша группа шла по Троицкой улице,² вышла к садику у театра. И. Ф. Лысяков энергично распоряжался, громко кричал: «Вперед, товарищи, по белогвардейцам!» С наганом в руке он бежал впереди. У театра засели белоказаки и обстреливали садик и Орскую улицу,³ на которой мы находились. Идти в лоб по открытой площади было нельзя. Около театра находилось десятка три белоказачьих-бородачей. Они вели обстрел с наружной лестницы. В это время наши основные силы, продвигавшиеся по Перовской и Преображенской улицам, уже дошли до Орской улицы. Заметив начавшееся окружение, белые бежали на Форштадт.

Лишь часть белоказачьих продолжала вести огонь. Мы усилили обстрел и они тоже стали отходить. В это мгновение И. Ф. Лысяков бросился со своей группой в атаку с Орской улицы. Это окончательно деморализовало бандитов и они побежали в сторону Форштадта. На месте боя у театра осталось 9 трупов белоказачьих.

От театра мы двинулись по Николаевской улице к дому на углу Эссенской улицы,⁴ где находилось управление Ташкентской железной дороги. Во дворе дома мы настигли группу белых, пытавшихся залезть на чердак, чтобы оттуда отстреливаться. Несколько наших товарищей через соседний двор забрались в тыл белогвардейцам и ликвидировали их.

За это время наши части продвинулись уже в Форштадт. Оставив отряд под командой И. Ф. Лысякова и Коробейникова, я пошел в губисполком. У здания реального училища группа красноармейцев вела наших советских казаков М. В. Карташева, Гиричева и других. Я подошел и спросил красноармейцев: «В чем дело, товарищи? Почему ведете этих людей?» Один из красноармейцев ответил, что казаки арестованы в здании епархиального училища и что их ведут, чтобы сдать начальству. Я стал разяснять, что эти казаки — наши, советские. Мои

¹ На месте собора — ныне сквер у Дома Советов (*Прим. сост.*).

² Преображенская — ныне улица 8-го Марта, Перовская — Пролетарская улица, Троицкая — улица Кобозева. (*Прим. сост.*).

³ Ныне Пушкинская улица. (*Прим. сост.*).

⁴ Ныне улица «Правды». (*Прим. сост.*).

слова на красноармейцев не подействовали. Тогда я попросил красноармейцев повести арестованных к своему командиру. Командира на месте не оказалось, был лишь его помощник. Я предъявил ему свой документ и попросил дать распоряжение об освобождении ошибочно арестованных. Помощник командира согласился и приказал освободить арестованных. Но не тут-то было. Поднялся шум, крики. Вмешались и другие красноармейцы, видевшие зверства, совершенные белоказаками над красноармейцами в юнкерском училище и в доме Панкратова. Красноармейцы требовали расстрела арестованных. Тогда я встал на скамейку и начал митинговать, говоря, что есть и советские казаки и я не хочу, чтобы над нашими красными казаками была учинена расправа за действия белогвардейцев. Мое выступление поколебало красноармейцев, но не решило вопроса об освобождении ошибочно арестованных красных казаков. После долгих словопрепений договорились так: арестованных под командой помощника командира отвести на вокзал и сдать их А. А. Коростелеву или И. Д. Мартынову. Я написал записку Коростелеву и попросил его заслушать сообщение помощника командира.

Из губисполкома я позвонил на вокзал А. А. Коростелеву, спросил его об арестованных красных казаках. Александр Алексеевич ответил, что еле уговорил возбужденных красноармейцев. Красные казаки пока остались в штабе, выпустить их не решались, не было гарантии, что их опять не арестуют.

К вечеру ко мне пришел Кузьма Лызлов и рассказал, как его, Галина и Губарева белобандиты арестовали в Нежинской и как они освободились. Военно-полевой суд, назначенный белым атаманом Лукиным, приговорил их к расстрелу. Но пока они сидели под арестом, банда, отступая из Оренбурга, прошла стороной от Нежинской, главарь белоказаков Лукин оказался в Нежинской с незначительным числом своих людей. Этим воспользовались революционно настроенные казаки во главе с фронтовиками Бакчевым и Черневым. Они подняли трудовых казаков, освободили трех представителей нашего комиссариата и арестовали Лукина. Затем они передали Лукина нашим товарищам, которые повезли его в Оренбург, хотели сдать в губвоенревштаб для следствия. Но разъяренные красноармейцы отняли его и расстреляли.

[Белогвардейским бандам удалось добиться обострения гражданской войны в губернии.] Часть казаков была обманным и насильственным путем вовлечена в налет на Оренбург. А при отступлении из города, боясь наказания, она пошла и дальше за белогвардейскими офицерами.

[Это с одной стороны. А с другой — дикий налет белоказачков на Оренбург вызвал взрыв возмущения в отрядах Красной гвардии и частях Красной Армии, вылившийся в недоверие к казачеству вообще. Произошло несколько самосудов. Оренбургский губком партии и губисполком приняли меры, чтоб направить ликвидацию последствий налета белобандитов в организованное русло. Но это удалось не сразу. В городе арестовывались контрреволюционные элементы. Но одновременно ошибочно и огульно арестовывались казаки, приехавшие на рынок за покупками и не причастные к налету. Последнее неблагоприятно отражалось на настроениях тех слоев трудового казачества, которые до этого не склонны были воевать с Советской властью. Таким образом, казачьей верхушке удалось толкнуть новые слои казачества на вооруженную борьбу с Советской властью и усилить ряды своих контрреволюционных отрядов. Обстановка вокруг Оренбурга стала ухудшаться.]

Утром 5 апреля состоялось объединенное заседание комиссариата трудового казачества и казачьей секции губисполкома по поводу происшедших событий. Мне поручили договориться с А. А. Коростелевым и с губвоенревштабом о прекращении самочинных арестов, обысков. Коростелев сказал, что надлежащие указания губвоенревштабу он уже дал.

Белоказачий набег на Оренбург ухудшил условия нашей работы в станицах. До набега наши представители могли бывать во всех казачьих станицах и открыто выступать там на общих собраниях, проводить инструктирование Советов, агитационную работу. После набега наши представители могли ездить уже не во все станицы.

В станицах казачья верхушка распространяла контрреволюционную агитацию, будто весь Форштадт большевиками уничтожен вместе с женщинами и детьми. Болтали, что Советская власть хочет отобрать землю у казаков

и выгнать всех их в глухую Сибирь. Такой наглой ложью богатеи и офицеры затуманивали головы трудовых казаков. В ряде станиц контрреволюционные банды стали организовываться открыто. Начались террористические нападения на крестьянскую бедноту и на казаков, выступавших за Советскую власть.

СПЛОЧЕНИЕ ТРУДОВОГО КАЗАЧЕСТВА

В противовес контрреволюции, собиравшей свои силы, органы Советской власти губернии предприняли новые меры для укрепления своих военных сил и усиления политического влияния среди трудового казачества. Встал вопрос о вооружении казачьих беженцев, покинувших свои станицы вследствие белого террора, и использование их для борьбы с белоказаками. Переговоры в губвоенревштабе по этому вопросу вначале результатов не дали. Между тем число бежавших из станиц казаков с каждым днем увеличивалось. Часть их добровольно вступала в воинские подразделения Оренбурга, но большинство ожидало создания советского казачьего полка.

Учитывая положение в станицах и селах, губисполком принял обращение к крестьянской и казачьей бедноте. Оно способствовало сплочению бедноты. Но одновременно губвоенревштабом был сделан неудачный шаг, мешавший привлечению трудовых казаков к Советской власти. Был объявлен так называемый «ультиматум», в котором говорилось, что станицы, замеченные в действиях против Советской власти, будут уничтожаться. Некоторые станицы стали обращаться в губисполком, сообщая, что основная масса казаков в станицах не виновна, что казаков против Советской власти заставляли выступать силой оружия офицеры и кулачье.

На четвертый день после набега приехали к нам из центра два члена ВЦИК: казак Тарасов и писатель Степной (Афиногенов). Я попросил Афиногенова помочь нам с восстановлением газеты. Сам я в газетном деле ничего не понимал, и мне не удалось возобновить нормальный ее выход после налета белых. Вскоре губисполком решил переименовать газету «Казачья правда», назвав ее «Голос трудового казачества». 17 апреля вышел первый номер этой газеты, выпущенный с помощью Афиногенова.

Комиссариат трудового казачества по согласованию с губисполкомом подготовил два воззвания. Первое «Всем партизанам и сторонникам атамана Дутова и станичникам-старикам» было опубликовано в первом номере нашей газеты. На следующий день в ней же было опубликовано второе обращение: «К фронтовому и рядовому казачеству». Трудовые казаки призывались встать на защиту Советской власти. Стариков призывали не поддерживать офицеров и казаков-кулаков, а фронтовики — активнее противодействовать контрреволюционным бандам. Трудовых казаков обращения звали в ряды красных казачьих полков. Обращения были отпечатаны также отдельными листовками и разосланы по станицам с предложением зачитать их на общих собраниях. Листовки раздавались командируемым в станицы и приехавшим оттуда.

По предложению комиссариата трудового казачества губисполком запретил отдельным отрядам самочинно налагать какие-либо контрибуции на казачьи станицы. Это способствовало нормализации обстановки в станицах.

Укрепляя вооруженные силы, губвоенревштаб 16 апреля расширил свой состав. В него вошли А. Н. Успенский, Ф. Б. Корнилов, Ярыгин, Лидак, И. И. Андреев, А. И. Мешанов, А. Е. Левашев, В. Н. Ходаков. Председателем штаба был назначен Ф. Б. Корнилов, начальником гарнизона и всех пехотных частей в его составе — П. С. Курач. Через неделю губисполком откомандировал для работы в губвоенревштабе меня и С. П. Терехова. Председателем штаба вместо Корнилова избрали Терехова.

В Оренбурге в то время существовали и отряды Красной гвардии, и части Красной Армии. Отряд Красной гвардии — это рабочие, находившиеся у станка, готовые в любой момент по гудку собраться для боевого дела. Начальником отряда был Левашев. Части Красной Армии состояли из добровольцев и находились на казарменном положении. Они строились как регулярные войска и были сведены в шесть легионов. Один из легионов до набега белых на город размещался в здании бывшего юнкерского училища, другой — рядом со зданием бывшей городской управы. Из этих шести легионов и одного мусульманского легиона в первых числах мая 1918 года был сформирован 28-й Уральский полк.

Сильным источником укрепления наших военных сил могла быть казачья беднота, фронтовики. Но многие местные советские руководящие работники еще не решались на призыв трудового казачества в Красную Армию. Надо было еще шире привлечь трудовое казачество к поддержке Советской власти, еще организованнее выступить против контрреволюции. С этой целью губисполком и созвал съезд казачьих депутатов 1-го войскового округа.

СЪЕЗД КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ

Съезд казачьих депутатов в Оренбурге был назначен на 2 мая. Агитации за созыв его способствовало то, что 8 мая в Москве собирался 1 Всероссийский казачий съезд. Такое совпадение подчеркивало заботливое отношение Советской власти к трудовому казачеству. На съезд в Москву казачья секция губисполкома решила послать от войскового комиссариата Х. Г. Абузярова и от исполкома казачьего Совета 1-го округа И. Ф. Киселева.

Офицерско-кулацкая верхушка станиц приложила немало усилий, чтобы сорвать созыв окружного съезда.

Чрезвычайный съезд трудового казачества 1-го округа открылся в Оренбурге 6 мая в здании войскового хозяйственного правления. Прибыло 50 делегатов. Открыл съезд исполняющий обязанности председателя губисполкома Б. М. Филонов. С приветствиями выступили от комиссариата трудового казачества — пишущий эти строки, от казачьего исполкома 1-го округа — Ишкенин, от губисполкома — К. С. Голубцов, от агитотдела комитета партии — Б. М. Филонов, от комиссариата труда — А. З. Здобнов, от редакции газеты «Голос трудового казачества» — Афиногенов, от Тургайского облисполкома — И. Тышко. В работе съезда участвовали местные активные большевики И. Д. Мартынов, С. А. Кичигин, М. Н. Бурзянцев, Б. Я. Нуриманов и председатель губвоенревштаба С. П. Терехов. Председателем съезда был избран Кадошников из казаков Пречистенской станицы.

Тышко и Мартынов информировали съезд о политическом положении Советской страны. В третий день съезда слушались заявления делегатов станиц: Краснохолмской — П. О. Кузнецова, Алексеевской — Деденева и

Самойлова, Пречистенской — Князева и других. В выступлениях много говорилось о продолжавшихся беспорядках на местах, мешавших развитию советского строительства в казачьих станицах. Эти беспорядки возникали от неопытности советских работников и командиров отрядов, а подчас устраивались белогвардейскими провокаторами для возбуждения недовольства казаков Советской властью. Все еще имели место незаконные контрибуции, незаконные аресты.

Представители губисполкома по несколько раз брали слово, чтобы разъяснить делегатам, что подобные беззакония идут не от Советской власти, а совершаются вопреки ее политике. В связи с этим в ходе съезда губисполком принял специальное постановление, которое тут же было оглашено:

«Губернский исполнительный комитет казачьему съезду... заявляет, что по-прежнему всякие самосуды и расстрелы им осуждаются, против них он совместно с губернским военно-революционным штабом всеми силами борется и использует все способы для уничтожения всяких бесчинств, творимых преступными лицами, кто бы они ни были».¹

Товарищи Б. М. Филонов, С. А. Кичигин, М. Н. Бурзянцев и другие работники губисполкома в своих выступлениях конкретнее говорили о мерах против беззаконий на местах. Было объявлено, что казаки, арестованные без санкции губисполкома, немедленно освобождаются, а в отношении других военно-следственная комиссия разбирает дела безотлагательно. Председатель губвоенревштаба С. П. Терехов сообщил, что им издан приказ о рассреле виновных за самочинные аресты и расстрелы. Съезд с удовлетворением принял сообщение о всех этих мерах губисполкома и выделил из своей среды нескольких делегатов в состав военно-следственной комиссии.

В докладе «О целях и задачах съезда» я говорил о набегах белых на Оренбург и о его последствиях, а также поставил вопрос, доверяет ли съезд комиссариату трудового казачества и считает ли он его своим органом, осуществляющим Советскую власть в казачьем войске? На этот вопрос делегаты ответили дружными аплодисментами.

¹ ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 3, л. 23.

Несмотря на наличие некоторого числа враждебных, а также колеблющихся делегатов, съезд в своем решающем большинстве был настроен в пользу Советской власти. Делегаты желали советского решения казачьего вопроса. Закреплению этого настроения способствовала и телеграмма, переданная казачьим отделом ВЦИК от нашего делегата на Всероссийском съезде. В ней говорилось:

«Проект о казаках и земле разработан, надеемся утвердить. Доклад будем делать 13 мая; по утверждении срочно телеграфирую. Не верьте слухам, что казаки упраздняются. Это ложь. Выеду 14 мая. Киселев».¹

С большим интересом съезд отнесся к вопросу о привлечении трудовых казаков в состав советских военных сил. Председатель губвоенревштаба Терехов сообщил, что предложение комиссариата трудового казачества об организации отдельных казачьих отрядов отклонено ввиду того, что подобные отряды, действуя партизански, выходят из подчинения советскому командованию. Казаки призывались вступить в общие части Красной Армии, особенно в кавалерийские. Это была полумера. Она не соответствовала предложению комиссариата трудового казачества, который считал целесообразным создание отдельных красноказачьих частей. Не отвечала она и практике. Во 2 и 3 отделах войска (Верхнеуральском и Троицком) были созданы и действовали красноказачьи отряды братьев Кашириных, полк им. Степана Разина под командованием А. Е. Карташева и другие.

На заседании губисполкома я выступил с предложением об организации красного казачьего отряда для борьбы с контрреволюцией, указав на затяжку решения этого вопроса губвоенревштабом. Губисполком приветствовал стремление трудового казачества вступить в ряды Красной Армии и поручил военному штабу практически осуществить это.

Казачьему съезду была предоставлена возможность избрать в губисполком еще 15 депутатов. 14 мая съезд одобрил это предложение. Но когда стали намечать кандидатов, то многие старались отказаться по всевозможным причинам: по болезни, в связи с расстройством хозяйства, недостаточной грамотностью. Приходилось не-

¹ Личный архив автора.

сколько раз выступать и отводить эти выдуманные причины, вскрывать подлинные причины отказа. А они заключались в опасении расправы со стороны контрреволюции. Все же выборы состоялись, казачья секция губисполкома увеличилась.

18 мая губисполком опубликовал обращение к рабочим, крестьянам, трудящимся казакам и красноармейцам, в котором заявил:

«Советы Оренбурга и губернии в смертельной опасности.

Банды Дутова, бессознательные казаки, руководимые и обманутые белыми офицерами и юнкерами, с четырех сторон наступают на Оренбург, не давая трудовому казачеству обсеменять поля. Белогвардейцы, кулаки-казаки, офицеры и юнкера объявили Советам беспощадную войну без раненых и пленных, вырезают поголовно все крестьянство и хутора, разрушают железные дороги, жгут мосты и расстреливают всех сторонников Советской власти.

Меньшевики и правые эсеры вместе с буржуазией, мобилизовав все свои силы, ударили Советам в спину внутри города».¹

Губисполком призывал с оружием в руках дать отпор контрреволюции.

19 мая съезд трудового казачества закрылся. Делегаты, разъезжаясь по станицам, были снабжены газетами, воззваниями, листовками. В пути некоторые делегаты были арестованы белыми бандитами и увезены в контрреволюционные штабы.

Съезд трудовых казаков I-го округа оправдал те цели, которые ставились перед ним. Трудовые казаки-фронтовики почувствовали за собой силу организации и власти. В ряде станиц положение улучшилось по сравнению с тем, какое создалось сразу после набега белых на Оренбург. Советы расширили свою базу, привлекли новую группу казаков в состав губисполкома.

Эти успехи были частичными. Решающего политического сдвига в борьбе за трудовое казачество на этом этапе достигнуть не удалось. У нас не доставало сил, чтобы контролировать положение в большинстве станиц. А в

¹ Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919). Оренбург, Кн. изд., 1958, стр. 132, 133.

них во многих случаях положение оставалось неопределенным, а зачастую и тяжелым для советских людей. Рядом станиц открыто верховодили белогвардейцы. Они усиливали свои отряды, убивали советских активистов, вели разнузданную антисоветскую агитацию, запугивали колеблющихся.

Карательные отряды белых начали терроризировать непокорные им станицы. Те просили у нас помощи оружием. Удовлетворить эти просьбы мы не могли из-за острого недостатка оружия.

ПОМОЩЬ ЦЕНТРА

Во второй половине мая в Оренбург стали прибывать отряды из Центра и с Урала. Из Смоленска прибыл отряд Г. В. Зиновьева, из Тамбова — отряд Вагина, из Екатеринбурга — отряд В. К. Блюхера, из Челябинска — отряд С. Я. Елькина. 16 июня прибыл из Верхнеуральска красноказачий отряд Н. Д. Каширина и из Орска — красногвардейский отряд М. М. Краснощекова. В городе разместился штаб командующего Оренбургским фронтом Г. В. Зиновьева.

Состоялось заседание казачьей фракции совместно с многими другими членами губисполкома. Собралось более 40 человек. Мною было сообщено, что комиссариат трудового казачества и бюро казачьей фракции считают нецелесообразным существование самостоятельной казачьей фракции при губисполкоме, так как ее работа дублируется комиссариатом, что интересы трудовых казаков одинаковы с интересами трудовых крестьян, ввиду чего необходимо организовать единую казачье-крестьянскую секцию. Это предложение было принято. Председателя секции решили избрать от крестьян, так как их в губернии больше, а секретаря — от казаков. К. Голубцов был избран председателем, а Князев — секретарем. Наша газета была переименована в «Голос трудового казачества и крестьянства».

3 июня вернулся из Москвы И. Ф. Киселев. В губисполкоме он доложил о своей поездке и сообщил, что В. И. Ленин назначил его помощником главнокомандующего войсками Урало-Оренбургского фронта, действующими против дутовских банд, что ему поручено вести

работу по привлечению трудового казачества на сторону Советской власти. Киселев просил губисполком сделать распоряжение штабу о начале мирных переговоров с казаками и заявил, что, по мнению В. И. Ленина, трудовое казачество должно быть с Советской властью, что мы должны ему помочь встать на этот путь, оторвать его от контрреволюции. Губисполком одобрил выдвинутые докладчиком предложения о мирных переговорах с казаками.

Выражение «мирные переговоры с казаками» было неточным. Оно исходило из того, что все казачество едино, политически не расколото и все находится в состоянии войны с Советской властью. Это не отвечало действительности. Передовая казачья беднота уже сражалась за Советскую власть. Речь, конечно, шла о том, чтобы оторвать от контрреволюции те слои трудового казачества, которые обманом, провокацией, насилием и по неосознанности были вовлечены в белые войска. Безнадежно было думать, что контрреволюционное командование белоказачков пойдет на эти переговоры. Возможны были только переговоры через голову белого командования с массами трудовых казаков.

Решение этой задачи в обстановке, сложившейся весной 1918 года, было делом весьма трудным. Оно предполагало огромную и требующую времени терпеливую работу советских представителей со многими десятками колеблющихся, нейтральных и враждебных казачьих станиц. Может быть, нужно было провести какой-то новый съезд. Может быть, такие меры, при наличии собранных в районе Оренбурга больших советских военных сил, и могли бы дать свой плод. Начавшийся мятеж белочехов сорвал эти возможности.

РОЖДЕНИЕ ПОЛКА

В конце мая на заседании губисполкома было решено командировать меня в Москву для выяснения вопроса о положении Оренбургского казачьего войска. После захвата Самары белочехами вопрос о поездке в Москву осложнился. А. А. Коростелев разговаривал по этому поводу с председателем высшей военной инспекции Н. И. Подвойским, который находился в то время в Уфе. Из

его слов вытекало, что Уфа будет держаться и через нее можно будет проехать в Москву.

За несколько дней до выезда в Москву мне вместе с другими советскими казачьими представителями пришлось пережить большую радость. Был создан 1-й Советский казачий полк. И. Ф. Киселев убедил Г. В. Зиновьева в необходимости его образования. Полк укомплектовали революционными казаками, бежавшими от белогвардейщины. Они некоторое время находились в общегжитии казачьего комиссариата и с нетерпением ждали получения оружия для борьбы с «контрой». И это было теперь разрешено.

22 июня 1918 года состоялся парад войск Оренбургского гарнизона в связи с вручением знамени 1-му Оренбургскому советскому трудовому казачеству полку. Знамя было ему вручено под звуки марсельезы. Затем с приветствием выступил С. Я. Елькин. Он сказал:

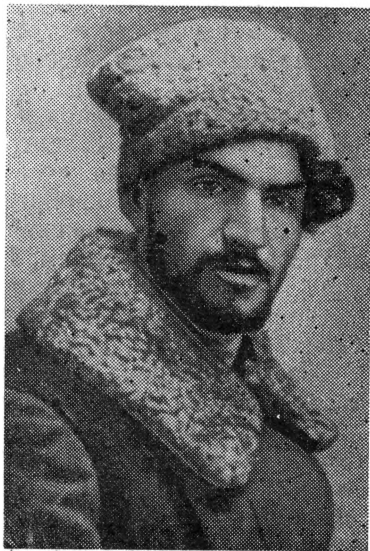
— 1-й Советский полк трудового казачества никогда не осрамит Красное знамя свободы и выведет трудовое казачество с того тернистого пути, на котором оно стояло до сего времени... Он честно окончит свое дело и со славой вернется в свои родные уголки. Да здравствует Оренбургский социалистический трудовой казачества полк.

В ответ гремело дружное «Ура!».

1-й казачий полк оправдал доверие Советской власти. После освобождения Оренбурга, в конце января 1919 года, А. А. Коростелев отметил

на заседании губисполкома, что 1-й Советский казачий полк является примерной боевой частью.

Надо отдать должное руководителям полка: командиру Василию Тимофеевичу Обухову, его помощнику

П. С. Курач

П. С. Курачу, И. И. Морозову, В. В. Яценкову, Круцких, Иванову, И. Ф. Лысякову, Паниюкову и другим. В составе полка был ныне здравствующий Герой Советского Союза генерал-полковник Виктор Тимофеевич Обухов. Все эти товарищи стали замечательными командирами и храбрыми бойцами за власть Советов.

В конце июня 1918 года в Исаево-Дедово созывалось заседание Оренбургского уездного исполкома. Я, как член исполкома, выехал на это заседание, предполагая после него отправиться из Исаево-Дедово через Уфу в Москву. Но до Уфы я не добрался и должен был скрываться у крестьян на территории, захваченной белыми.

СОВЕТЫ В СТАНИЦАХ

В середине января 1919 года фронт белых у Новосергиевки не выдержал натиска Красной Армии. Дутовские войска, охваченные паникой, бежали в сторону Оренбурга.

В ночь на 18 января я с группой советских людей обзоружил белых солдат, отступавших через деревню Филипповку. Они даже не сопротивлялись.

В ту же ночь я пробрался в Переволоцкую. В станицу входили подразделения Красной Армии, радостно встречаемые населением. На общем собрании я рассказывал землякам о политическом положении Советской России. Затем состоялись выборы нового станичного Совета.

Из Переволоцка я выехал в Мамалаевку, где выступал с докладом на общем собрании жителей. И здесь выбрали Совет. Так было и в Рыбкино, Радовке, Александровском, 1-й Зубочистке и других. Потом выехали в Краснохолм. Еще раньше мне рассказывали о революционной стойкости Краснохолма. В пути возчик-татарин говорил:

— Едем в наш Петроград.

Я спросил:

— Почему Петроград?

Возчик пояснил:

— Разве вы не знаете, что тут в мае прошлого года было? Белые все свои войска стащили на него, а он все

оборонялся и не хотел подчиниться белым.. Чистый Петроград.

В казачьем «Петрограде» я встретился с П. С. Федориновым, П. О. Кузнецовым, П. Т. Гловым, М. И. Поляковым, И. Дубским и другими. Утром состоялось общее собрание станицы. Актив настаивал на немедленном созыве съезда нижних станиц в Краснохолме. Я дал об этом телеграмму в Оренбург А. А. Коростелеву. На другой день он ответил и рекомендовал мне немедленно приехать в Оренбург, где и решить вопрос о съезде.

В Оренбург я прибыл в конце января. Товарищи Коростелев и Мартынов предложили мне взяться за свою работу в комиссариате.

На заседании губисполкома 6 февраля А. А. Коростелев выступал по вопросу о политике Советской власти в отношении казачества. Он указал, что за год борьбы казачество достаточно расслоилось и в станицах теперь есть значительные слои, на которые Советская власть может опираться. Член казачьего отдела при ВЦИК Кириленко подчеркнул, что необходимо скорее провести в жизнь декрет Советского правительства от 1 июня 1918 года¹ и выразил уверенность, что это положит конец дутовской аванюре. Губисполком постановил: «на предстоящей конференции 1-го округа избрать Совет. Казачья секция губисполкома уполномочивается впредь до созыва войскового съезда представлять из себя исполком Оренбургского казачьего войска». Президиуму губисполкома было поручено установить надлежащие взаимоотношения с казачьим войсковым исполкомом. Временному казачьему Совету предлагалось организовать все необходимые отделы.²

На другой день казачья секция губисполкома приступила к организации их. Меня по совместительству назначили начальником войсковой казачьей милиции,

¹ Декретом Совета Народных комиссаров от 1 июня 1918 года устанавливались: 1) организация на казачьей территории органов Советской власти как отдельных самостоятельных административных единиц в форме губернских, уездных и волостных Советов казачьих, крестьянских и рабочих депутатов; 2) передача трудящимся войсковых, церковных и бывших частновладельческих земель, офицерских и прочих участков; 3) формирование казачьих частей Красной Армии и т. д. (Прим. сост.).

² «Коммунар», 1919, 8 фев.

К. Лызлова — председателем войсковой чрезвычайной комиссии.

В трех номерах газеты «Коммунар» была опубликована статья А. А. Коростелева «О советском строительстве казачьей территории». Она показала, что Оренбургский комитет партии по-большевистски извлек уроки из нелегкого опыта работы с казачеством и стоит на правильных ленинских позициях вовлечения трудового казачества в общий союз рабочих и крестьян для строительства и защиты Советской Республики.

7 февраля открылся съезд делегатов станиц 1-го округа, освобожденных от дутовских войск. Прибыло 43 делегата от 19 станиц. Съезд приветствовали А. А. Коростелев от губисполкома, Кириленко — от казачьего отдела ВЦИК, я — от исполкома Совета казачьего войска. Съезд заслушал доклады с мест и единодушно принял приветственные телеграммы ВЦИК и СНК, а также казачьему отделу ВЦИК.

На второй день на съезд прибыли еще 22 делегата от 10 станиц. Съезд наименовал себя конференцией, так как на нем были представлены не все станицы 1-го округа; мало было делегатов от станиц, расположенных вверх по Уралу. На конференцию прибыли представители Каширинского отряда и выступили с приветствием. Конференция одобрила декрет СНК от 1 июня 1918 года и потребовала немедленно проводить его в жизнь.

Конференция приняла следующее решение о мерах борьбы против антисоветской агитации и провокации:

«Власть в наших руках. Всех лиц, замеченных в подрыве авторитета Советской власти и как наших личных врагов, которых мы, трудовые казаки считаем гораздо опаснее врагов явных, надо немедленно задерживать всех без исключения, которым дурна наша власть, и препровождать их в войсковую милицию (г. Оренбург) и в чрезвычайную комиссию, которая, разобрав дело, должна поступить с подобными темными элементами по всей строгости закона, без всякого снисхождения».¹

Чтобы ускорить разложение дутовской армии и возвращение в станицы казаков, ушедших в войска контрреволюции по неосознанности, конференция обратилась к ним с воззванием. Воззвание было подписано

¹ ГАОО, ф. 25, оп. 1, л. 100, л. 40 об.

78 делегатами от 40 станиц и разослано по станицам, занятым дутовцами.

Конференция избрала исполнительный комитет казачьего Совета из 8 человек.

В скором времени после конференции состоялось совместное заседание казачьего окружного и войскового исполкомов. Оно постановило: впредь до освобождения всей территории казачьего войска ликвидировать исполком 1-го округа. Его функции должен выполнять войсковой исполком. Последний по освобождению всей территории должен созвать войсковой съезд для избрания нового войскового исполкома. Членов настоящего исполкома 1-го округа считать членами войскового исполнительного комитета Оренбургского казачьего войска. Председателем войскового исполкома был избран Я. заместителем и заведующим отделом управления И. Ф. Киселев, другим заместителем — Ишкенин, военным комиссаром — Захаров, заведующим земельным отделом — И. П. Любченко, заведующим отделом здравоохранения — Л. С. Шереметьев, председателем ЧК — Кузьма Лызлов, секретарем исполкома — Кириленко. Начальником войсковой милиции опять назначили меня.

Со второй половины февраля войсковой исполком стал издавать газету «Красный казак». Ее редактировал член казачьего отдела ВЦИК Скворцов, а затем — Ф. А. Могила. Газета «Красный казак» являлась боевым органом.

В начале марта по распоряжению Я. М. Свердлова о слиянии исполкомов мы стали свертывать свои отделы, переводя работников в соответствующие отделы губисполкома, ликвидировали и войсковую чрезвычайную комиссию.

ДЛЯ ОТПОРА КОЛЧАКУ

Начался поход Антанты. Белые заняли Уфу и продвигались на юг, на Стерлитамак и в сторону Кинеля. В середине марта я в целях укрепления прифронтового тыла выехал вверх по Уралу, посетил станицы Нежинскую, Каменно-Озерную, Островную, Красногорскую и Новочеркасский поселок. Всюду выступал с докладами, разъяснял политику Советской власти по

отношению к трудовому казачеству. Кроме того, я собирал бывших своих сослуживцев по старой армии. Собрания были многолюдными и проходили с большой активностью присутствовавших.

В начале апреля положение на фронте еще более осложнилось. 7 апреля нашими войсками был оставлен Орск, белые овладели Стерлитамаком и Белебеем. В Оренбурге был создан Революционный комитет и введено осадное положение. Началась мобилизация рабочих 1-го Оренбургского рабочего полка и набор крестьян в ряды Красной Армии. Было решено создать 4-й Советский казачий полк. Послали ряд товарищей в станицы для вербовки казаков. В ряды нового казачьего полка зачисляли и советский актив, приехавший из станиц Оренбургского и Орского уездов, с территории, захваченной белыми. Формирование полка было возложено на моего старшего брата Владимира Шереметьева, члена партии с 1918 года. Он вел запись казаков и распределял их по сотням и командам. Командиром полка назначили С. Т. Ловчикова. До этого он был помощником командира Советского казачьего полка имени Стеньки Разина.

В полк влился и отряд краснохолмцев. Кроме того, станица Краснохолм сформировала еще две сотни: одной командовал П. О. Кузнецов, другой И. Дубский. Обе они находились при 224-м стрелковом полку.

Многие казаки служили в оренбургских 210, 216, 217, и 218-м полках, участвовавших в обороне Оренбурга. 4-й Советский казачий полк по распоряжению М. В. Фрунзе был направлен в район Бузулука в Ударную группу войск Восточного фронта.

Я с войсковой казачьей милицией остался в Оренбурге и влился в 3-й рабочий (впоследствии 434-й) полк, был назначен его командиром. Началась героическая оборона Оренбурга.

КРАСНОХОЛМЦЫ

ОБРАЗОВАНИЕ БОЕВОГО ШТАБА

В ноябре 1917 года в Краснохолме стало известно о наступлении на Оренбург отрядов Красной гвардии под командованием П. А. Кобозева.

— А кто такой Кобозев?

— Как поступит Красная гвардия с казаками?

— Какое будет отношение Советской власти к казачеству?

Эти вопросы горячо обсуждались казаками по всем станицам. Контрреволюционные элементы упорно распространяли слухи о якобы предстоящей жестокой расправе большевиков с казаками, о лишении казачества его прав и земли.

Станичники Краснохолма послали делегацию для переговоров с Кобозевым. Делегация возвратилась с большими новостями: Советское правительство добивается мира с Германией и Австро-Венгрией. Казачество останется в прежних правах. Даже форму казаки могут носить. Землю у казаков не отберут. Отменяется лишь чиновничество и справа на военную службу (приобретение казаками за свой счет коня, обмундирования и оружия).

Все это являлось главным и решающим для того, чтобы трудовое казачество встало на сторону Советов. Большинство трудового казачества Краснохолма было настроено против Дутова, а поездка наших представителей к Кобозеву склонила на сторону Советов даже колеблющихся.

Положение в Краснохолме сказывалось и на настроении казаков ближайших станиц. В начале января 1918 года в Краснохолм по приглашению прибыли представители станиц Городищенской, Татищевской. 1-й и 2-й Зубочистенских, Чесноковской и Белогорской. Была образована специальная комиссия из 23 человек для опреде-

ления отношения казаков к Советской власти. Она решила командировать делегатов в Оренбург на малый круг и выработала наказ для них:

«1. Впредь до выяснения дела о гражданской войне оставаться нейтральными.

2. Предложить малому кругу и войсковому правительству немедленно заключить перемирие с большевиками и вести переговоры о мире с участием наших делегатов.

3. В случае отказа в нашей просьбе, то настоящим депутатам, помимо правительства, просить представителей всех станиц 1-го округа Оренбургского войска на предмет обсуждения вопроса о текущей гражданской войне с большевиками».

16 (29) января в Краснохолме состоялось многолюдное собрание под председательством одного из сторонников власти Советов И. В. Белецкого.

«Обсудив вопрос текущего момента в связи с наступлением большевиков на гор. Оренбург, общее собрание постановило:

1. Что все Оренбургское казачье войско не выступает против большевизма и реальных сил не дает.

2. Казаки, обученные боевой обстановке, все распущены по тем же причинам, а остальные оставлены только казаки сроков службы 1917 и 1918 гг.

3. Решили реальных сил из станицы Краснохолмской в гор. Оренбург не высылать и довести до сведения малого круга, чтобы казаки сроков службы 1917 и 1918 гг. против большевиков не высылались.

4. Так как на Оренбургском фронте, прикрываясь маской трудового казачества, состоят только кадеты, юнкера и офицеры, просим малый круг бойню прекратить.

5. Ввиду гражданской войны, которая повторяется вторично и которая ведется не трудовым казачеством, а лишь лицами, указанными в пункте четвертом, выносим недоверие войсковому правительству во главе с войсковым атаманом Дутовым..

8. Наказ, выработанный комиссией совместно с делегатами соседних станиц, принять».

Такие решения выражали линию казаков — сторонников власти Советов в борьбе с дутовщиной в крайне сложной обстановке.

В конце января 1918 года в Краснохолм прибыло не-

сколько групп вооруженных дутовских офицеров, отступавших из Оренбурга на Уральск. Наши казаки-фронтовики решили обезоружить белогвардейских офицеров.

Наступила ночь. Фронтовики, вооруженные винтовками и наганами, разбились на несколько групп. Я оказался в группе Павла Семеновича Федоринова. Мы отправились в дом крупного торговца Недоступова. Офицеры спали на полу. Федоринов с наганом в руке, вскочив в комнату, крикнул:

— Не вставать и не шевелиться!

Мы схватили винтовки, стоявшие в углу комнаты. Федоринов приказал офицерам сдать личное оружие.

В ту же ночь краснохолмцы во главе с П. О.

Кузнецовым обезоружили еще несколько групп офицеров. Одна из них, сдавая оружие, попросила расписку. Кузнецов выдал ее. Впоследствии белогвардейцы жестоко напомнили ему об этом.

Под влиянием революционных событий в Краснохолме образовалось сплоченное ядро фронтовиков, сторонников Советской власти, во главе с П. С. Федориновым. Они установили связь с фронтовиками станиц Татищевской, Филипповской, 1-й и 2-й Зубочистенских и других. Вокруг фронтовиков сплотилось большинство населения Краснохолма. Власть станичного атамана стала номинальной. К тому же атаман, Каллистрат Иванович Дацковский, был из бедняков и являлся личным противником Дутова.

В марте 1918 года в Краснохолме образовался боевой революционный штаб в составе Павла Семеновича Федоринова (организатора), Василия Васильевича Яценкова, Семена Нестеровича Дронова, Петра Осиповича Кузне-

Г. П. Липов

цова, Петра Тимофеевича Глотова и Михаила Ивановича Полякова. Несколько позже в состав штаба вошел Николай Григорьевич Панов. Боевой штаб являлся по существу революционным комитетом и сосредоточил в своих руках всю полноту власти в станице. Все собрания проходили под его руководством. Штаб часто проводил собрания фронтовиков.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Краснохолмский боевой штаб регулярно сносился с подобными ему штабами соседних станиц Красноярской, Подстепкинской, Городищенской, Никольской, Чесноковской и других и стал своего рода центром для них.

В марте 1918 года кулаки, вдохновляемые бежавшими из Оренбурга дутовскими офицерами, активизировали свою контрреволюционную деятельность. Офицеры появлялись в станицах Рассыпной, Нижнеозерной, Кардаиловской, Изобильной, Буранной, Линевской. Отряды белых создавались преимущественно из кулаков, их сыновей и казаков-бородачей.

Обстановка в округе осложнилась. По предложению нашего штаба собрание жителей Краснохолма большинством голосов постановило не давать своих казаков в белогвардейские отряды. Мотивировалось это решение «нейтралитетом» краснохолмцев в разгоравшейся гражданской войне. Такая мотивировка объяснялась рядом причин. В составе штаба не было опытных партийных большевиков. Краснохолм весной 1918 года был по сути отрезан белогвардейщиной от советского Оренбурга и не получал оттуда ни директив, ни вооруженной помощи. В тактике «нейтралитета» сказались как нежелание трудовых казаков воевать против Советской власти, так и их политическая неготовность к защите ее.

Всему трудовому казачеству пришлось пройти через длительные и тяжкие кровавые испытания, прежде чем оно сомкнулось всей массой вокруг Советской власти. Краснохолмцы в этом историческом процессе шли впереди других станиц, встав на верный путь еще весной 1918 года.

В конце марта в Краснохолме борьба между боль-

шинством населения и контрреволюционным меньшинством резко обострилась. Кулаки и старики-казаки упорно настаивали на том, чтобы Краснохолм дал свой отряд в состав белых банд. Фронтвики, при поддержке большинства трудового населения, давали отпор контрреволюционерам. Но все же кулаки, пользуясь своим влиянием, порой сбивали с правильного пути менее сознательных казаков.

В последних числах марта было созвано многолюдное собрание. Большинство решило: в белые отряды людей не давать, а послать в Оренбург делегатов для переговоров с губисполкомом. Представителями были избраны наиболее активные сторонники Советской власти: В. В. Яценков, П. О. Кузнецов и П. Т. Гловов. Им наказали подробно информировать оренбургских большевиков о положении в Краснохолме и окружающих станицах, просить губисполком о создании в Краснохолме отряда Красной гвардии и снабжении его оружием и боеприпасами.

Прибытие наших делегатов в Оренбург совпало с набегом белоказачков на город 4 апреля. Поэтому нашим представителям не удалось встретиться с руководителями губисполкома.

ОТПОР ОФИЦЕРАМ

Когда наша делегация выехала из Оренбурга, положение в Краснохолме еще более осложнилось. Зная, конечно, о набеге белоказачков на Оренбург, рыскавшие по станицам офицеры воспрянули духом. В Краснохолме появился поддесаул Богданов во главе небольшого белогвардейского отряда.

Но и прибытие этого отряда не сломило краснохолмцев. Многолюдное собрание вновь подтвердило решение не давать казаков в белогвардейские отряды, а Богданову было предложено немедленно покинуть станицу. Нашлось лишь несколько кулаков, которые тайно отправились с Богдановым.

Как только белый отряд выехал из Краснохолма, наш штаб сообщил о нем в Городищенскую и Никольскую станицы. Боевой штаб Городищенской станицы, собрав всех фронтвиков, дал такой отпор Богданову, что

тот еле убрался оттуда. В Никольской станице его постигла такая же участь. В станице Дедуровской отряду удалось немного пополниться, зато фронтовики Павловской станицы не только не дали пополнения Богданову, но и не пропустили его к Оренбургу.

П. С. Федорин

Отряд Богданова вернулся в Краснохолм. Опять состоялось многочисленное собрание. К тому времени уже возвратилась наша делегация из Оренбурга. На собрании выступили П. С. Федорин, П. О. Кузнецов, С. Н. Дронов, В. В. Яценков. Под дружное одобрение большинства собравшихся они разоблачали Богданова как душителя революции и свободы, показали, что он ведет казаков на гибель. Это дошло до сознания и тех краснохолмцев, которые ранее были вовлечены в отряд Богданова.

Белогвардейский офицер был окружен озлобленными краснохолмцами. Один из них выхватил клинок и с гневом замахнулся на Богданова. П. М. Кривожикин сорвал с офицера погон. Богданову было предложено немедленно покинуть Краснохолм и больше сюда не показываться.

После гибели С. М. Цвиллинга и набега белогвардейцев на Оренбург 4 апреля в Краснохолме началась еще более упорная борьба. Большинство населения продолжало поддерживать мероприятия своего революционного штаба. Даже некоторые зажиточные фронтовики были против Дутова и потом боролись против него с оружием в руках. Таким был, например, Илья Дубский, впоследствии командовавший краснохолмской сотней казачьих добровольцев, сражавшихся в составе Чапаевской дивизии весной и летом 1919 года. Зажиточный казак

П. Т. Глотов был активным членом революционного штаба, дважды арестовывался белыми. Да и В. В. Яценков был зажиточным. Но он еще на оренбургском войсковом казачьем кругу выступал против большинства этого круга. Впоследствии В. В. Яценков добровольно вступил в ряды 1-го Советского казачьего полка, летом 1918 года вступил в ряды большевиков, потом был комиссаром полка, а весной и летом 1919 года — комиссаром бригады, которой командовал Василий Обухов.

ПРОВАЛ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ЗАМЫСЛОВ

Белогвардейский главный штаб по борьбе с большевиками, разумеется, понимал, что дальнейшее развитие революционной деятельности в Краснохолме ведет к открытой борьбе против белых, за власть Советов. Белогвардейцы видели, что Краснохолм с его девяти тысячным населением становится настоящим очагом революционного движения трудового казачества станиц, расположенных юго-западнее Оренбурга. Поэтому белогвардейцы поставили себе задачу сломить сопротивление Краснохолма, ликвидировать его боевой штаб и заставить станичников пойти в контрреволюционные отряды.

Белогвардейцам удалось добиться отделения от Краснохолма его юго-западной части в качестве особой станицы. Здесь было около трети населения, засилье кулаков. Отделившаяся часть назвалась Краснопокровской. Там был избран свой атаман Василий Сивожелезов, крупный кулак, ярый контрреволюционер. Но в Краснопокровской далеко не все были на стороне белых. Почти все фронтовики, бедняки и часть середняков примкнули к Краснохолму в борьбе против Дутова.

В мае 1918 года съезд контрреволюционного казачества, заседавший в Линевской станице, предъявил Краснохолму ультиматум. Белогвардейцы требовали прекратить политику «нейтралитета», поскольку она помогала большевикам; выдать руководителей нашего штаба и активных фронтовиков; не чинить препятствий проходу белогвардейских отрядов, а затем принять участие в борьбе против Советов. Ультиматум был единодушно отклонен большинством краснохолмцев. Они сплотились еще больше.

Ввиду обострения обстановки наш штаб создал свои вооруженные силы для отпора белогвардейщине. Станица была разделена на отдельные воинские подразделения. Казаки соответствующих улиц образовали взводы, а затем сотни. Первой сотней командовал С. Н. Дронов, второй — И. В. Белецкий и третьей — П. И. Михайлюков. С одобрения казаков командиром вооруженной обороны был назначен В. В. Яценков. Отряды самообороны несли круглосуточную охрану. Ночью почти все казаки находились в цепи обороны. У нас имелось около 500 винтовок, но патронов было мало. Имелись штыки, шашки, пики. Краснохолм представлял из себя не столько военную, сколько большую политическую силу в тылу белых.

В первых числах мая в Оренбурге был назначен съезд казачества. Одновременно в Краснохолме был получен очередной ультиматум белогвардейского штаба. В нем требовалось немедленно прекратить проведение «нейтралитета», присоединиться к белоказакам в их борьбе против Советской власти; выслать в штаб представителей Краснохолма для переговоров. И вновь общее собрание станицы единогласно отклонило ультиматум и избрало на съезд трудового казачества в Оренбурге делегацию в составе В. В. Яценкова, П. О. Кузнецова, П. Т. Глотова и А. Я. Панова.

...Был весенний, солнечный день. Вдруг раздался тревожный набат. В Краснохолм прибыл большой отряд белогвардейцев. Состоялось самое многочисленное собрание. На нем, кроме краснохолмцев, находились казаки, бежавшие к нам из станиц Городищенской, Никольской, Красноярской и Подстепкинской после разгрома там боевых штабов белыми. Из Городищенской и Никольской станиц было более сотни казаков. Конный отряд белогвардейцев плотным полукольцом охватил собрание. Среди белогвардейцев была сотня уральских казаков и много офицеров. Блестели их новые погоны. Настроение белогвардейцев по отношению к собравшимся было подчеркнуто враждебное.

Как никогда, краснохолмцы проявили решительность. Боевой штаб оказался предусмотрительным. П. С. Федоринов и некоторые фронтовики вооружились пистолетами, спрятав их в карманы. На углу, против здания правления и площади залегла вооруженная засада.

Собрание открылось возгласами возмущения по адресу белоказачков. Выступивший от них офицер потребовал от краснохолмцев теперь же присоединиться к прибывшему отряду и вместе с ним двинуться против Советов.

— В противном случае, — заявил золотопогонник, — краснохолмцы будут силой принуждены встать на сторону наших войск.

Оратор обвинил краснохолмцев в измене казачеству. Из его уст сыпались угрозы и увещевания. Офицер заявил, что прибытие в Краснохолм отряда уральских казаков показывает единство всего казачества против большевиков.

Раздались одобрения уральцев, а некоторые из них выхватили из ножен клинки. Их примеру последовали и остальные белогвардейцы. Но это не возымело нужного для белых действия. Выступил бородатый уральский казак, называл нас изменниками. Собрание бурно протестовало. Уралец удалился с трибуны с нескрываемым озлоблением, освищенный и осмеянный собравшимися.

Затем выступил П. С. Федоринов, окруженный плотным кольцом фронтовиков.

— Никакие угрозы оружием, ни ультиматумы, — заявил он, — нас не запугают, и воевать на стороне Дутова казаки Краснохолма не будут!

Собрание дружно одобрило слова оратора. В заключение П. С. Федоринов угрожающе крикнул белогвардейцам:

— Убирайтесь вон из нашей станицы!

Выступил С. Н. Дронов. Говорил он ярко и смело, мобилизуя краснохолмцев на борьбу против белогвардейщины.

Выступили Федор Краюшкин и Максим Сурков, бежавшие к нам из станицы Красноярской.

Во время вторичного выступления П. С. Федоринова кто-то из офицеров крикнул:

— Взять Федоринова!

Несколько белогвардейцев защелкали затворами, другие выхватили шашки. Полукольцо конников сжалось вокруг собрания. Часть спешившихся казаков и офицеров бросилась к оратору. Федоринов, будучи очень воз-

бужденным, кинулся было к белогвардейцам, но наши фронтовики не пустили его. Поднялась во весь рост наша засада.

Некоторые из собравшихся бросились к белогвардейцам, ухватили их лошадей за удила.

Выступил один из офицеров. Он уже смягченным тоном заявил, что они-де никого из нас не принуждают идти с ними, но хотят услышать слово всего населения Краснохолма, как оно поступит: «за большевиков или за казачество?»

Собрание продолжало грозно протестовать. Раздавались голоса:

— Долой насильников!

— Вон из нашей станицы!

Председательствующий Каллистрат Дацковский, обращаясь к собранию, спросил, показывая рукой на вооруженных и озлобленных белоказачков:

— Пойдет ли народ с этой бандой золотопогонников или не пойдет?

Собрание дружно зашумело:

— Не пойдем с бандой! Долой золотопогонников! Им старый режим нужен!

Толпа стала наседать на белоказачков.

— За кого вы, станичники, хотите кровь проливать? Вы защищаете буржуев! — в упор спрашивали белоказачков наседавшие на них краснохолмцы. Слышалась перебранка, кое-кто из белоказачков заявлял:

— Мы ведь несознательные, мы не хотим кровопролития. Мы только за казачество.

Началось братание между краснохолмцами и прибывшими казаками. Только уральцы зло хмурились, выражая ненависть к красным. Потом раздалась команда, и белогвардейский отряд отправился в сторону Заречья. Часть белоказачков была размещена на ночь в домах краснохолмцев.

Как только белоказачки расположились на ночлег в домах сторонников «нейтралитета», началась взаимная агитация. Горячие споры длились до рассвета. Подчас на помощь хозяину дома приходили соседи или родственники. К утру немало казаков из белого отряда вернулось домой.

При возвращении из Оренбурга со съезда трудового казачества наши делегаты были арестованы у станицы Дедуровской. Вскоре В. В. Яценков и А. Я. Панов были освобождены, а П. Т. Глотов и П. О. Кузнецов направлены в станицу Линевскую, в главный штаб белоказачков. По дороге их жестоко избивали. В штабе П. О. Кузнецов тоже был освобожден. Военно-полевой суд оправдал и П. Т. Глотова, но офицеры запротестовали против такого приговора и потребовали осуждения нашего товарища к расстрелу.

Тем временем П. О. Кузнецов, прибыв в Краснохолм, информировал о предстоящей расправе над Гловым. На выручку арестованного делегата в Линевскую были посланы Н. Г. Панов и И. В. Киченко. Получили они и другое задание: перед казаками, воюющими против Красной Армии, поставить вопрос о прекращении гражданской войны, рекомендовать им послать в Оренбург представителей для ведения переговоров с Советской властью. Наши представители добились освобождения П. Т. Глотова. Н. Г. Панову удалось склонить съезд белоказачков в Линевской на мирные переговоры. Съезд своим постановлением № 23 в мае 1918 года избрал делегатов для поездки в Оренбург. В делегацию вошел и Н. Г. Панов. Но вскоре главный штаб белых и наиболее контрреволюционная часть съезда белоказачков выступила против переговоров с большевиками. Съезд отменил свое прежнее постановление и решил делегатов в Оренбург не посылать.

ОБОРОНА КРАСНОХОЛМА

Под Оренбургом шли упорные бои.

Усилился нажим контрреволюционных сил на революционное казачество. Все же белогвардейские отряды пока не решались проходить через Краснохолм. Зато в «новоявленную» станицу Краснопокровскую все чаще наезжали представители контрреволюционного казачества. Там они получали информацию о настроениях и положении в нашей станице.

Начались напряженные дни и ночи. Связь с Оренбургом была прервана. Наш боевой штаб решил направить туда своего представителя, чтобы установить связь, проинформировать о положении в Краснохолме и окружающих станицах, а также добиться выделения оружия и боеприпасов. Выполнить это задание добровольно согласился П. П. Давыдов. Но он был пойман белыми в лесу у Городищенской и расстрелян после пыток и допросов. Попытка послать гонцов на станцию Переволоцкую также не имела успеха.

В Краснохолме стало еще напряженнее. Взрослые казаки днем и ночью находились в боевой готовности, занимали линии обороны, копали окопы, делали укрытия, вели наблюдение за дорогами.

...Как-то вечером в правлении было много народу. Вдруг видим: по большой улице к зданию правления скачет мальчик. Он торопливо сообщил: его послал дед Назар с мельницы, расположенной верстах в двадцати от Краснохолма. Туда еще днем прибыл карательный отряд белогвардейцев. Между казаками шли разговоры о внезапном нападении на Краснохолм в предстоящую ночь.

Немедленно последовал приказ: всем мужчинам занять места обороны. Главные силы, преимущественно из фронтовиков, были сосредоточены за церковной каменной оградой на площади. Там же находились и все казаки, бежавшие к нам из других станиц. Наступила короткая летняя ночь. Почти все население не спало. На колокольне и пожарной каланче дежурили наблюдатели. В сторону Заречья никого не пропускали и оттуда тоже. На рассвете слышался конский топот. В станицу скакали белогвардейцы. Главные их силы проскакали по улице, где жил П. С. Федоринов. Там слышалась стрельба. Она усиливалась по мере продвижения бандитов к зданию правления, близ которого располагались наши главные силы. Трое тяжело раненных белогвардейцев повалились с коней. Другие раненые ускакали. У белых произошло замешательство. Карательный отряд отступил из станицы. Раненых белоказakov мы подобрали и оказали им медицинскую помощь, чем они были крайне изумлены. К вечеру раненых передали зареченцам, где располагался карательный отряд.

Так с 4 июня 1918 года Краснохолм оказался в ок-

ружении. В церковной ограде круглые сутки находились наши главные силы, вооруженные огнестрельным оружием. Наш штаб неоднократно обсуждал вопрос о прорыве белогвардейского кольца.

На третий день окружения штаб направил пять человек в Оренбург, чтобы предупредить командование советских войск о возможном прорыве белогвардейского окружения и прибытии в Оренбург отряда краснохолмцев. Посланцы вышли ночью втайне даже от участников обороны. Но скоро стало известно, что их схватили белогвардейцы и замучили до смерти.

Стояли жаркие дни. Народ был измучен тревогами и бессонными ночами, напуган слухами о предстоящем поджоге станицы и жестокой расправе над краснохолмцами. Продолжалось укрепление обороны станицы, устраивались баррикады, копались рвы так, чтобы по улице было невозможно проскакать на коне. Почти на всех центральных улицах были вырыты окопы с выходами во дворы.

Командование белых почти ежедневно предъявляло нам ультиматум: сложить оружие, выдать руководителей штаба и других активных фронтовиков, а также всех казаков, бежавших из других станиц. Со стороны кулацкой части казаков усилилась агитация за принятие ультиматума. Так продолжалось восемь суток. Днем и ночью участники обороны находились в боевой готовности. К Краснохолму стягивались новые отряды белогвардейцев. Вскоре там набралось свыше 1200 отборных головорезов. Они были вооружены не только винтовками и пулеметами, но и пушкой.

Обстановка становилась все тяжелее. Однако большинство станичников не падало духом, веря в победу Красной Армии. Старики и женщины с детьми укрывались в погребах, подвалах, а больше всего в каменной церкви, которая вмещала несколько сот человек. За церковной оградой находились и главные силы нашей обороны. Повсюду стояли бочки и кадки с водой на случай пожара. Началась настоящая осада. В станицу никого не пропускали и выход из нее тоже был запрещен. Наш штаб непрерывно заседал. Ежедневно он созывал многолюдные собрания, информируя население о своих решениях.

В первые дни осады Краснохолма кулаки, церковники и старухи-кликуши распространяли слух о появлении ночью над куполом церкви ангела в саване. Церковники устроили молебствие. Собралось много людей всех возрастов, но больше всего старух и стариков. Молебствие длилось несколько часов. Среди богомольцев велась антисоветская агитация, что «чудесное появление ангела» есть не что иное, как знамение всевышнего против большевиков и им сочувствующих. Шли разговоры о необходимости сдаться на милость белогвардейщины, распространялись ложные слухи и всякие небылицы.

ПАДЕНИЕ КРАСНОХОЛМА

Утро 12 июня 1918 года началось в Краснохолме крайне тревожно. Кольцо белогвардейских отрядов сжималось. Если раньше противник как-то маскировал свои силы, то теперь он их открыто демонстрировал. Командование белых предъявило очередной ультиматум. В нем повторялись прежние требования, кроме того, делалось предупреждение, что в случае отклонения ультиматума, станица будет обстреляна из пушек, уже установленных в трех верстах юго-западнее. Белобандиты угрожали поджогом станицы, если мы не сдадимся. Штаб решил ультиматум отклонить, а казакам-фронтовикам и прибывшим к нам казакам из других станиц предложил с боем пробиваться через белогвардейское кольцо к Оренбургу. Мы знали, что белогвардейское командование сосредоточило свои основные силы именно со стороны Оренбурга. На правом берегу Урала у белых находились дополнительные конные отряды из казаков Чесноковской и Зубочистенских станиц.

В тот день, как и ранее, участники обороны занимали свои позиции. На площади у правления толпились сотни людей. Среди них были и кулаки, которые настоятельно предлагали сложить оружие и принять ультиматум белых. К ним начали примыкать и колеблющиеся. Сотни женщин с детьми и стариками продолжали укрываться в церкви. Оттуда тоже раздавались

голоса о прекращении сопротивления, слышался плач, рыдание детей и причитание женщин.

Узнав об отклонении ультиматума, каратели начали артиллерийский обстрел Краснохолма. Затем затрещали пулеметы и раздались винтовочные выстрелы. Бандиты наступали. К зданию правления бежали мужчины, свободные от участия в обороне за неимением оружия. Некоторые казаки, покинув место в обороне, спешили туда же. Скоро на площади скопилась огромная возбужденная толпа. Сторонники белых и колеблющиеся, количество которых увеличивалось, требовали принятия ультиматума. В это время прибыли кулаки из Краснопокровской станицы и от имени командования белых потребовали выслать представителей Краснохолма для переговоров о принятии ультиматума. Представителями же выдвигались кулаки Н. Яценков, П. Дубский и П. Кандоуров. Эти самозванцы и начали переговоры с командованием карателей.

В рядах обороны чувствовалась растерянность, усиливалось колебание. Люди сновали по улицам. Кто спешил к правлению, а кто бежал в церковь спастись там или повидать свои семьи. Ранее за церковной оградой находились основные силы обороны, теперь там осталось несколько суевившихся, слабо вооруженных людей, а фронтовиков было мало. В ограду пришел священник и начал доказывать, что сопротивление бессмысленно.

Возвратились самозванные парламентарии. Они доложили новый ультиматум. Командование белых требовало все имеющееся у нас оружие сдать немедленно и привезти его в Заречье, срочно сравнять все окопы, убрать заграждения. Краснохолмцев предупреждали, что за малейшее сопротивление виновные будут расстреляны.

Белые приказали созвать на собрание поголовно всех краснохолмцев-мужчин. Собралось несколько сот человек, из них большинство кулаков и казаков-бородачей. Они решили полностью принять ультиматум. Наш штаб уже был отстранен от событий.

Каратели не занимали станицы до сдачи нами всего оружия. Вначале было сдано около 50 винтовок и несколько штыков. Сдавали оружие нехотя. Оно было доставлено на сторону белых. Их командир потребовал безоговорочной сдачи всего огнестрельного оружия. Он

Напомнил краснохолмцам и об отобранном у белых оружии в начале января, упомянул о расписке, выданной П. О. Кузнецовым при обезоруживании офицеров. Белые предупреждали, что при обнаружении оружия владельцы его будут расстреляны без всякого суда; то же будет со всеми, знавшими о несданном оружии и не сказавшими об этом. После этого было сдано еще несколько винтовок; но каратели не унимались, не веря, что у нас оружия больше нет. И действительно, наши казаки часть винтовок уже спустили в колодцы, бросили в речку, много винтовок было разобрано по частям и спрятано, а их владельцы скрылись.

Вскоре на улицах Краснохолма появились конные белоказаки. Они требовали немедленной выдачи всех руководителей штаба и активных фронтовиков, в том числе казаков из других станиц. Бандиты подскакали к правлению станицы. На площади было несколько пожилых казаков и любопытных мальчишек. Командование белых потребовало сбора взрослых казаков. Неявка рассматривалась как неповиновение. Был дан тревожный набат и посланы гонцы. Вначале шли старики и женщины, шли подростки и ребятишки. И не только из любопытства, а от тревоги за своих отцов или братьев. Что-то с ними будет на этом тревожном собрании? Вслед за ними, понурив головы, молча шли и участники обороны.

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЙ ТЕРРОР

На собрании фронтовиков было мало, а из членов штаба — никого. Собравшиеся сразу же были окружены белогвардейцами, они, как псы, рвались к толпе. Краснохолмцы безмолвствовали, не реагируя на злые выходки карателей. Выступали кулаки и предатели, призывая к покорности.

Неожиданно в толпе заговорили, послышался возмущенный шепот. Пригнали несколько десятков казаков, бежавших к нам из других станиц. Их выловили, избили и под конвоем доставили на собрание. Это были преимущественно фронтовики Городищенской и Никольской станиц.

Каратели, как озверевшие, набросились на них: били по головам прикладами, рубили клинками, а упавших били пинками, хватали за волосы. Все это сопровождалось

дикой бранью. Слышались душераздирающие крики женщин, детей, ругань, стоял невероятный шум. Избивали даже стариков.

Толпа бросилась бежать. Мы с отцом перескочили плетень. Несколько человек, в том числе и мы, оказались во дворе Д. Поликарпова и спрятались в сарае. Но туда заскочили каратели. Белобандиты вытолкнули нас во двор, где оказался и помешанный Виктор Давыдов. Он ругал белых, называя себя большевиком. Бандиты бросились на него. Воспользовавшись суматохой, мы ускользнули.

По улицам вели наших товарищей, пойманных на лугах, избивали их прикладами и клинками. Из краснохолмцев было схвачено до 50 человек. И. В. Белецкий (в 1919 году он был заместителем командира 4-го Советского казачьего полка), П. М. Кривожихин, Г. В. Калашников, И. А. Поляков, Г. Ф. Гребенников, Н. Р. Кандоуров, Н. Д. Пешков, П. А. Данишевский, И. В. Липов, В. С. Слюсарев, П. Т. Выприцкий, Н. Дронов (отец Семена Дронова, командира 1-й сотни обороны) и другие.

Всех схваченных белогвардейцы посадили в амбар на краю станицы. Скоро 25 арестованных перевели в зареченскую школу. По дороге пленников опять избивали. В школе каратели построились в два ряда в большом зале, а затем всех арестованных прогнали «сквозь строй». Бандиты секли арестованных нагайками и рубили клинками, избивали прикладами.

У здания школы толпилась масса народу. Окна школы были открыты и оттуда доносились душераздирающие крики и стоны избиваемых, окрики палачей, слышались удары прикладами и свист нагаек. Толпа стонала от ужаса, кое-кто из женщин — родственники и близкие арестованных — пытались ворваться в школу, но конвой отбрасывал их.

В станице производились массовые обыски, ловили активных фронтовиков. Кто-то распространил слух, что активный фронтовик Алексей Иванов имел пулемет. Его палачи схватили сразу же и настоятельно требовали сдать пулемет. Над Ивановым бандиты издевались особенно изощренно. Отрубили ему пальцы, уши, рассекли голову, после чего он в муках скончался. Брата его, Ивана Иванова, каратели тоже тяжело мучили, а потом несколько месяцев держали под арестом, продолжая истязать.

зять. А. М. Гребенников, загнанный в школу вначале расправы, лег среди избитых, измазал себе кровью лицо и одежду. Он притворно стонал, дабы миновать рук палачей. И ему это удалось. Потом он подробно рассказал о многом, что происходило в помещении школы.

К вечеру все уличные заграждения были убраны, но окопы кое-где остались. Потом поступил строгий приказ: сравнивать все окопы до заката солнца.

После длительных поисков палачи схватили Николая Григорьевича Панова. Его выдал кулак Г. Садчиков, впоследствии бежавший за границу. Белобандиты ликovali, что им удалось разыскать одного из руководителей красных.

Ночью белоказаки скакали по улицам, не разрешая жителям собираться даже небольшими группами. Обыски, аресты, избиения продолжались.

Ночью стало известно, что на правой стороне Урала пойманы несколько наших товарищей: С. Н. Дронов, П. Михайлюков, С. С. Устимовский, Ф. Краюшкин и М. Сурков. Они подвергались жестокому избиению. М. Сурков и Ф. Краюшкин потом были расстреляны белыми в станице Татищевской. Остальные пойманные были переданы в руки командования карательного отряда капитана Васильченко. Спустя месяц С. Н. Дронов был тоже расстрелян в станице Буранной. До того, в течение месяца белые перегоняли его из станицы в станицу, подвергая жестокому истязаниям.

В день разгрома революционных сил Краснохолма от рук палачей удалось уйти В. В. Яценкову и А. Козолупову. Они добрались до Оренбурга, где информировали председателя исполкома войскового Совета, члена губисполкома А. С. Шереметьева о положении в Краснохолме и окружающих его станицах.

Ранним утром около 50 человек арестованных, содержащихся в амбаре, погнали из Краснохолма в станицу Городищенскую. Среди них находился и член нашего боевого штаба Н. Г. Панов, а также И. А. Поляков, П. М. Кривожикин. Последние двое и другие краснохолмцы позже рассказали, что творилось в Городищенской.

Арестованных там загнали в большой деревянный амбар. Началась новая, еще более жестокая расправа. Особенно палачи изощрялись в отношении Н. Г. Панова. От истязаний, избиений он в течение дня несколько раз

терял сознание. Его били прикладами, секли нагайками, топтали ногами. Когда Панов терял сознание, его обливали холодной водой, чтобы он пришел в себя. Пить не давали. Когда он уже не мог сам подняться, палачи поставили его на ноги и стали издевательски спрашивать:

— Скажи, за сколько проданся большевикам в 1905 году? Сколько они тебе заплатили за предательство?

Один из палачей, обнажив острый клинок, зашел сзади Панова и пронзил его. Панов вскрикнул:

— Кровопийцы! Палачи!

Это были его последние слова. После зверского убийства Николая Григорьевича белогвардейцы продолжали расправляться с остальными пленниками.

За несколько часов до гибели Н. Г. Панов говорил товарищам:

— Если кто-либо останется в живых, обязательно надо написать о зверствах белоказаков, чтобы наши потомки знали, как дорого доставалась свобода народу...

В течение двух месяцев в Краснохолме почти каждую ночь появлялись небольшие белогвардейские отряды. Они устраивали обыски и облавы. Многократно обыскивались избы П. С. Федоринова, П. О. Кузнецова, В. В. Яценкова, П. Т. Глотова, И. В. Белецкого и других активных сторонников власти Советов. По приказу Дутова на сторонников Советов была наложена большая контрибуция хлебом и деньгами в пользу Донецкой и Татищевской станиц. Схвачен был скрывавшийся фронтовик И. Н. Волобоек и приговорен к расстрелу. Но ему удалось убежать.

Уроки обороны Краснохолма, а затем белого террора помогли многим станичникам правильно осмыслить революционные события в стране. Если раньше в Краснохолме и окружающих станицах некоторые трудовые казаки колебались, или даже сочувствовали белым, то после этого они твердо перешли на сторону Советов.

НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ

Долгое время Дутов не решался призывать краснохолмцев в свою армию. Его командование не доверяло оружие краснохолмцам, боялось, что они внесут разложение в ряды белоказаков. В то же время пребывание

в тылу белых свыше 1500 пригодных к военной службе казаков Краснохолма было для белых далеко не без-
опасно. Советская агитация у нас не прекращалась, а это
ничего хорошего белогвардейцам не сулило.

Наступила осень 1918 года. Белые несли потери, во-
инские части нужно было пополнять. Тогда дутовское
командование требовало от станицы формальных за-
верений в благонадежности наших казаков в случае их
призыва в белую армию. После длительных обсуждений
в станице был вынесен приговор, которым общество
ручалось за благонадежность мобилизованных в белую
армию краснохолмских казаков. Затем последовал при-
каз о мобилизации нескольких возрастов, исключая
фронтовиков. Потом призвали и последних. В нарушение
казацких традиций наших мобилизованных разделили
на небольшие группы и отправили служить в разные
подразделения других станиц. Оружие краснохолмцам
долгое время не давали, используя их на тыловой службе.
Они находились на положении штрафников и подверга-
лись преследованиям, а порой и репрессиям. После пе-
рехода на сторону Красной Армии нескольких красно-
холмцев белогвардейское командование решило расстре-
лять каждого двадцатого краснохолмского казака. В
число «двадцатников» попал один из активных борцов
против белых Федор Григорьевич Панов, брат Н. Г. Па-
нова. Лишь благодаря стремительному наступлению
Красной Армии «двадцатники» остались в живых.

Однажды в Краснохолме были обнаружены несколь-
ко листовок, написанных от руки, но печатными буквами.
Они были подброшены во дворы наиболее активных сто-
ронников Дутова, живших в Заречье. В листовках содер-
жались угрозы по адресу белых, говорилось, что Крас-
ная Армия скоро освободит Оренбург и тогда сторонни-
кам Дутова «быть в ответе». Кто был автором этих ли-
стовок, кто стрелял в ночное время — оставалось загад-
кой. Потом прошел слух, что все это делали П. С. Фе-
доринов, П. Т. Глотов и другие наши казаки, скрывав-
шиеся в Краснохолме. Через некоторое время белогвар-
дейцы совершили очередной налет на избы Федоринова
и других революционных казаков. Но это не дало резуль-
татов. Через несколько дней в станице повторились вы-
стрелы и вновь появились листовки.

Опасение дутовского командования в отношении краснохолмцев оправдалось. В первых наступательных боях Красной Армии осенью 1918 года краснохолмцы группами и одиночками начали переходить на ее сторону. Например, П. Д. Яценков перешел на участке Чапаевской дивизии. В штабе 24-й Железной дивизии был получен характерный документ, он назван «Извещением». Привожу из него выдержки:

«Первой попавшей части Советской власти.

Покорнейше просим Вас, товарищи, в том, что мы, оренбургские казаки станицы Краснохолмской..., не хотим вести войну против Вас, а хотим как бы то ни стало сойтись с Вами вместе. Поэтому, дорогие товарищи, покорнейше просим Вас, чтобы нас известили Ваше мнение и отношение к нам и о приеме нас к Вам... Затем товарищи... Вы не медля нисколько, произведите наступление, а то все добро из гор. Оренбурга отправят на Сибирь. Силы наших слабы, офицеры старшего состава начинают скрываться. Стали трусить здорово, так что если Ваша разведка в какую деревню едет, то туда наши никак не выезжают. Просим подружнее производить наступление по возможности сообщить нам... Затем да здравствуйте товарищи и вся Советская власть!»

А вот еще один документ, который также подтверждает, как краснохолмцы настойчиво боролись против дутовщины, призывая других переходить на сторону Красной Армии.

Это написанное в 1918 году письмо краснохолмца Петра Калашникова к своим родственникам, находившимся в белой армии:

«Братья и друг Ефим Иванович!

...Брат, прошу вас и всех близких друзей, опомнитесь, бросьте слушать напевы буржуазии, они вас завлекут в непроходимое болото. Мы и так попали в волчью яму, но из этой ямы еще можем выбраться посредством бегства, Вы этим будете спасены, а нет, то вы будете знать, за что умираете. И как прекрасно и весело будем умирать вместе с трудовым и рабочим народом, с такими же людьми, как и мы, а вы в настоящее время находитесь и защищаете тиранов и кровопийцев народа... Но я думаю, братья и друзья мои, опомнитесь и последуйте моему примеру...»

Письмо это, как и многие другие, не попало по назна-

чению. Дутовская цензура перехватила его. Автор письма бросились разыскивать. В делах белогвардейской цензуры это письмо имеется с такой резолюцией:

«Командиру 13-го Оренбургского казачьего полка. Команданту г. Уральска.

В пос. Святодуховка Уральской области скрывающийся дезертировавший казак вверенного мне полка Петр Калашников, посылающий в полк на имя своих родственников письма провокационного и большевистского направления. Прошу распоряжения соответствующему начальнику милиции о принятии мер к его задержанию и доставлению в Уральскую тюрьму для предания суду». А на обороте написано: «Представителю Оренбургского войска Извозчикову. Поселка Свято-Духово в Уральской области нет! Как видно, Петр Калашников указал вымышленный свой адрес».

Наступила зима 1918/19 года. Дутов продолжал призывать в свою армию казаков старших возрастов. Мобилизовали краснохолмцев уже без всяких общественных приговоров. Однажды в нашу станицу нагрянул белогвардейский отряд. Белоказаки провели силой мобилизацию младших возрастов. Многие призывники, в том числе и автор данного воспоминания, укрылись от мобилизации. Потом и взятые в белую армию мои сверстники сбежали домой.

В РЯДАХ КРАСНОЙ АРМИИ

В начале января 1919 года части Красной Армии заняли Краснохолм. С каким нетерпением ожидали у нас прихода Красной Армии! На улицы вышли все, даже старики и старухи, женщины с детьми. Вспоминается первая встреча с одним из военных комиссаров подразделения 209-го Витебского полка Железной дивизии. Он даже выразил удивление по поводу столь необычайной встречи Красной Армии в казачьей станице.

Вечером, в день прихода Красной Армии, на площади против здания правления станицы состоялось тысячное собрание краснохолмцев. Население станицы узнало, что в дни дутовского террора Павел Федоринов, Петр Глотов, Иван Волобоев и другие скрывались в Краснохолме. Это они распространяли листовки, произ-

водили ружейные выстрелы в ночное время. На собрании выступил П. С. Федоринов. Он призывал к образованию революционной власти и сплочению боевых рядов краснохолмцев.

На второй день в Краснохолме был образован военно-революционный комитет. Председателем комитета был назначен Иван Николаевич Волобоев.

26—28 января в Краснохолме состоялось совещание делегатов трудовых казаков станиц Краснохолмской, Городищенской, Никольской, Кардаиловской, 1-й Зубочистенской, 2-й Зубочистенской, Чесноковской, Татищевской, Алексеевской, Дедуровской, Новоилецкой, Белогорской, Филипповской и Линевской. Присутствовало 30 делегатов. Вначале на совещании присутствовал председатель казачьей секции Оренбургского губисполкома А. С. Шереметьев, а потом совещанием руководил политический комиссар Витебского полка тов. Семенидо. Совещание обратилось с воззванием к казакам, находящимся в дутовской армии. В нем говорилось:

«Братья станичники!

Под натиском красноармейских полков... взяты Оренбург и Уральск. Дутов и его приспешники заблаговременно позаботились о своей шкуре и скрылись. Мы, казаки, нагайками и пулеметами выгнанные на войну, решили положить конец позорному делу и больше не поддерживать авантюриста Дутова, ибо нам с ним не по дороге. Если кто еще до сих пор сомневался, что красноармейцы нам братья, то сейчас каждому ясно, что это был обман и заблуждение, мы видим сейчас, что красноармейцы — это рабочие и крестьянская беднота, взявшиеся за винтовку, чтобы положить конец своему вековому рабству и завоевать себе свободу. И не нам, трудовому казачеству, служить могильщиком для своего брата...

В настоящее время мы возвратились в свои станицы и начинаем мирную работу у себя дома. Мы обращаемся к Вам, нашим братьям, казаки, по своему малодушию продолжающие оставаться в дутовской армии, возвращайтесь в свои станицы к своим очагам. Мы ручаемся за вашу неприкосновенность. Вам нечего делать с Дутовым и его приспешниками, ибо их гибель неизбежна. Они понесут свою кару по заслугам и не ваше дело ставить преграды к этому.

Возвращайтесь, братья станичники, не медля ни одной минуты. Помните, что дальнейшее пролитие братской крови ляжет на вашу голову, так возвращайтесь же, мы ждем вас!»

Совещание специально обсудило вопрос о борьбе с белогвардейскими бандами и решило:

«Обязать все население станицы при появлении одиочных агентов Дутова немедленно их арестовывать и направлять в станичный Совет. При появлении отрядов каждый станичный Совет обязан сообщить в ближайшие отряды Красной Армии и предупредить соседние станицы».

Принято было также решение о посылке делегатов в Оренбургский губисполком. Единогласно было принято воззвание, призывающее казаков добровольно вступить в ряды Красной Армии.

Наступила весна 1919 года. На Восточном фронте положение было крайне напряженное. Под Оренбургом начались ожесточенные бои с белогвардейщиной. В Краснохолме с нетерпением ожидали сообщений из Оренбурга. Непосредственная связь была установлена с членом губисполкома и губкома РКП(б) И. Д. Мартыновым. Опять начались многолюдные собрания, порой народ собирался без созыва.

На этот раз большинство мужчин краснохолмцев решило не оставаться в станице в случае наступления белых на Оренбург. Это было решено в пору весеннего сева, а для земледельца расстаться с хозяйством в такое время было чрезвычайно трудно. Но интересы борьбы с дутовцами для краснохолмцев оказались выше интересов хозяйства.

Тогда в Краснохолме начальником почтово-телеграфного отделения был наш станичник С. С. Никитенков, ему шел двадцатый год. Он все время поддерживал связь с Оренбургом, непосредственно с И. Д. Мартыновым, передавал нашему Совету полученные сведения. Когда краснохолмцы приготовились к выступлению, председатель станичного Совета П. О. Кузнецов через Никитенкова передал в Оренбург такую телеграмму: «Идет массовый улов рыбы, когда ее отправлять — телеграфируйте». Это означало, что краснохолмцы готовы к выступлению в Оренбург и спрашивают, когда следует им выступить?

18 апреля связь с Оренбургом прервалась. Надо было выступать из станицы. Был канун пасхи. Это тоже создало некоторые затруднения. Религиозные предрассудки были еще сильны. Как же выехать из дома, не отпраздновав пасху? Но и с этим пришлось расстаться. 19 апреля ранним утром более 1300 человек, почти все на своих лошадях, поднялись в поход.

Несколько сот подвод спешили к Оренбургу. Станицу Городищенскую проехали стороной. В пути отряду встретились мужчина и женщина. Они сообщили, что Оренбург белыми не занят, но что под городом идут упорные бои. За станицей Дедуровской нам повстречались двое. Они уверяли, что Оренбург уже занят белыми. Такие сведения внесли тревогу в наши ряды. Но никто не решился возвратиться домой.

Руководство обсуждало вопрос: как поступить? Заговорили о переправе через Урал. Но был сильный разлив реки, на четыре-пять километров. Решили следовать дальше. От станицы Павловской послали гонцов в Оренбург с тем, чтобы сообщить там о продвижении нашего отряда. Иначе наблюдатели обороны Оренбурга наше продвижение могли принять за наступление белогвардейских сил.

...И вот мы у Оренбургского железнодорожного моста. Рабочие города наложили на него специальный настил, по которому и прошел наш отряд. Переправа заняла несколько часов. В городе, на площади у цирка состоялся массовый митинг, на котором было много рабочих с оружием. На митинге выступали от оренбургских большевиков и от частей Красной Армии.

Всех краснохолмцев разместили на ночлег в Форштадте. Вечером краснохолмцы были зачислены в 4-й (впоследствии 11-й) Советский казачий полк, получили оружие. Заместителем командира полка был назначен краснохолмец Иван Васильевич Белицкий, бывший командир сотни обороны Краснохолма в 1918 году. За несколько дней до прибытия нашего отряда в Оренбург из Краснохолма приехало несколько человек, служивших в милиции. Потом они участвовали в обороне Оренбурга весной и летом 1919 года.

На другой день краснохолмцы выступили из Оренбурга в направлении Бузулука. В районе Донецкой станицы П. С. Федоринов и П. О. Кузнецов оставили отряд

и на лошадях срочно выехали в Краснохолм. В Краснохолме они устроили большой митинг, рассказали, как наш отряд добрался до Оренбурга, о тяжелом положении под Оренбургом и вообще в Советской России. Затем наши товарищи обратились с призывом к казакам, чтобы и они не оставались в станице, а кто способен носить оружие, вступили в ряды Красной Армии. После митинга около 300 казаков на своих лошадях перебрались через холодные воды Урала на правую его сторону. Из этих казаков были сформированы два эскадрона во главе с П. О. Кузнецовым и И. Дубским. Они были прикомандированы к Чапаевской дивизии.

Светлую память о товарищах, погибших за дело Великой Октябрьской социалистической революции, свято чтут краснохолмцы. На Советской площади, в центре Краснохолма воздвигнут обелиск в память о павших в борьбе за Советскую власть. На обелиске записаны имена наших товарищей, погибших за счастье трудового народа.

В БОЯХ С ДУТОВЦАМИ

ИЗ ПЕТРОГРАДА ПОД ТРОИЦК

На основе указаний В. И. Ленина в конце ноября 1917 года в Петрограде для борьбы против Дутова был создан 1-й Северный летучий экспедиционный отряд. В него вошли: 400 матросов с линейных кораблей «Гангут» и «Петропавловск», 17-й Сибирский стрелковый полк в 1800 человек с полным стрелковым вооружением, с двумя пулеметными командами «Максима» и одной — «Кольта». Командующим отрядом был назначен мичман Сергей Дмитриевич Павлов. Был создан отрядный комитет.

2 декабря 1917 года отряд выступил из Петрограда. В пути абсолютное большинство офицеров, в том числе командир полка, дезертировали. Нас, офицеров, в полку остались считанные единицы. Мне пришлось взять на себя административное управление полком, а в Троицке меня выбрали командиром полка.

22 декабря мы прибыли в Челябинск, где нам было приказано двигаться в Троицк и освободить его от белоказаков. Утром 25 декабря наши эшелоны втянулись на станцию Троицк. Железнодорожники встретили нас с красными флагами, а белоказаки, зная о нашем движении, еще накануне покинули город.

Через два дня мы распрощались с матросами. Они двинулись обратно в Челябинск, чтобы отправиться для освобождения от дутовцев Оренбурга. 17-й Сибирский стрелковый полк остался в Троицке. Дутовцы пытались внести разложение в наши ряды. В городе начали появляться антисоветские обращения к стрелкам, их призывали разойтись по домам. Малоубедительными и запоздалыми были эти призывы. Родной дом редко кого не притягивал. Но наши солдаты оставались верны революционному долгу, своему обещанию выполнить задачу, поставленную товарищем Лениным.

Нам стало известно, что в станице Кособродской созывается казачий съезд III округа. Ко времени этого съезда белоказачья верхушка перешла от провокационной агитации к запугиванию и шантажу. Ко мне в штаб полка явились два казака с белыми повязками на рукавах и вручили ультиматум от белоказачьего полковни-

С. Д. Павлов

ка В. Н. Половникова. Он требовал сложить оружие и распустить наш полк. Ультиматум нас не испугал, мы были уверены в своих стрелках. Кроме того, нам было известно настроение казачества. Фронтовикам на-

доела война, поэтому поднять их против солдат было не так легко. Содержавшееся в ультиматуме выражение: «достаточно бросить клич к казакам» подсказывало нам, что реальных сил у Половникова нет. У него имелся лишь небольшой отряд.

Стало также известно, что на казачьем съезде в станице Кособродской до половины участников будут казаки-фронтовики. Мы были уверены, что на съезде произойдет раскол между казаками-фронтовиками и казаками — сторонниками Половникова.

27 января на казачьем съезде действительно произошел раскол между сторонниками Половникова и казаками-фронтовиками. Победило мнение: воздержаться от военных действий против Советов.

Для переговоров с Троицким ревкомом от съезда прибыла делегация: от сторонников Половникова какой-то есаул, от казаков-фронтовиков В. М. Свешников. Во время переговоров ревком поставил перед делегатами вопрос: «признают ли они Советскую власть». В. М. Свешников, не задумываясь, ответил, что он признает Советскую власть и ей подчиняется, а есаул высокомерно заявил: «Кроме большого войскового круга и его решений, я никого и ничего не признаю».

Ревком, в свою очередь, выделил делегацию и предъявил съезду следующие требования: 1) распустить отряд Половникова, 2) установить Советскую власть по станицам, 3) сдать ревкому оружие отряда Половникова, 4) делегацию, посылаемую ревкомом, гарантировать от каких бы то ни было эксцессов.

Эти условия съездом были приняты, но выполнены были не все.

Делегация ревкома в составе трех товарищей во главе с Дерibasом по прибытии в Кособродскую была арестована белоказаками. Однако казаки-фронтовики освободили ее.

Делегаты съезда потребовали от Половникова распустить отряд, что он и вынужден был сделать. Сам он бежал, но вскоре был схвачен и заключен в Троицкую тюрьму.

Выполнение требования об установлении Советской власти встретило упорное сопротивление казачьей верхушки в станицах. Ревком предпринял меры, чтобы привлечь трудовое казачество на сторону Советов. Находи-

лись героические люди, отправлявшиеся для агитации по станицам.

В середине марта в Троицк прибыл Уральский краснотроцкий отряд под командованием Циркунова и, невзирая на наши предостережения, сразу двинулся в бой. Операция его, как и следовало ожидать, кончилась неудачей. На подходах к станице Степная отряд встретил упорное сопротивление, вынужден был отходить, а на Черной речке попал в окружение. Создалось почти безвыходное положение. Но в отряде нашелся опытный командир-инструктор артиллерийского и пулеметного дела Генгрос, бывший гвардейский офицер. С согласия Циркунова, Генгрос объединил все орудия и пулеметы отряда и массированным огнем пробил брешь во вражеском кольце. Благодаря этому отряд, потеряв до 40 человек, вышел из окружения.

В эти же дни под Троицком в поселке Складистком сгруппировались до 700 человек белоказаков. Получив об этом сведения, мы, под прикрытием конной разведки, побывали в правлении поселка, потребовали сбора и сдачи оружия. Но дутовцы, сидевшие в правлении поселка, оружие не сдали. Сосредоточение же белоказаков в поселке продолжалось с явным намерением ударить по Троицку.

Однако действиями нашего полка и прибывшего из Перми отряда Лупова это было предупреждено. Мы атаковали поселок. Белоказаки, боясь окружения, ушли из него.

В этот день героически погиб командир одного из батальонов нашего полка Ильин. Он попросил разрешения до боя пустить его в поселок в качестве парламентаря. Я отговаривал его, убеждая, что дутовцы не допустят его до трудовых казаков и могут убить. Но он считал, что этого не случится, а если даже случится, то его смерть заставит казаков задуматься. Дутовцы не посчитались с белой повязкой на рукаве Ильина, нанесли ему 16 пиковых ран и мертвого повесили.

После ухода дутовцев казаки поселка собрали и сдали нам оружие. Кроме того, они передали в руки Советской власти священника своей церкви и двух казачьих офицеров, занимавшихся агитацией против сдачи оружия.

Широко задуманный Дутовым план разгрома на Черной речке отряда Циркунова и в Троицке нашего 17-го Сибирского стрелкового полка полностью провалился. Но Дутов с еще большим упорством продолжал анти-советскую кампанию.

Между тем Уральский областной Военно-революционный комитет решил покончить с дутовцами в Троицком и Верхнеуральском уездах Оренбургской губернии. Для этого в начале апреля 1918 года в Троицк прибыл со значительными силами Василий Константинович Блюхер. Под его общим командованием были отряды: Екатеринбургский — С. В. Мрачковского, Челябинский — С. Я. Елькина, две роты мадьяр, Челябинская батарея.

В Троицке в состав войск В. К. Блюхера вошли также отряды Циркунова и Лупова. 17-й Сибирский полк оставался как гарнизон Троицка. Для руководства боевыми действиями был создан штаб войск, действовавших против Дутова. Председателем штаба и командующим всеми войсками был назначен В. К. Блюхер, членами штаба — Циркунов, Яунзем и пишущий эти строки.

Дутов со своими отрядами располагался в станице Красинской. Войсковой округ с отрядом до 2,5 тысячи бойцов при 14 пулеметах находился в Кассельской.

В первые же дни нашим штабом были получены сведения, что вербовщики Дутова орудуют в ближайших к Троицку станицах. Было решено послать туда Челябинский отряд С. Я. Елькина. Маршрут для похода был на-

В. К. Блюхер

мечен такой: Троицк—Лейпцигская—Бородиновская—Тарутино—Берлинская—Троицк. Задача ставилась не только боевая, но и политическая. Надо было разоблачить дутовских вербовщиков, провести в станицах разъяснительную работу о сущности Советской власти.

Во время этого похода вооруженных столкновений с белоказаками не произошло. В станице Лейпцигской вербовщики Дутова не появлялись, в станице Бородиновской они побывали, но ни один казак не вступил в отряд Дутова, согласились лишь выделить 20 верховых лошадей с полной амуницией. В обоих пунктах С. Я. Елькин проводил беседы с казаками. В Бородиновской он свою беседу закончил обращением: «Если вы Дутову дали 20 верховых лошадей, то для Советской власти мобилизуйте не меньше коней с полной седловкой». И станичники это охотно выполнили.

В борьбу против Дутова, кроме войск, подчиненных штабу, включились Верхнеуральский отряд Н. Д. Каширина и Уфимский отряд М. С. Кадомцева.

План боевых действий предусматривал не простое выталкивание полчищ Дутова из Троицкого и Верхнеуральского уездов, а окружение и разгром их согласованными действиями отрядов советских войск Троицка и Верхнеуральска.

С этой целью нашим штабом было принято следующее решение:

1) не дать возможности отрядам Дутова уйти за линию железной дороги Троицк—Карталы и южнее по дороге через станицу Елизаветпольскую;

2) обеспечить участок железной дороги Троицк—Карталы подвижным летучим отрядом при артиллерии и пулеметах;

3) от Троицка нанести удар на логово Дутова в районе станиц Краснинской—Кассельской;

4) группой войск занять конечный пункт железной дороги—станцию Карталы, очистить от белоказачьих район станции, вести наступление в направлении станиц Парижской и Черниговской и здесь замкнуть кольцо окружения;

5) выгрузить группу на станции Саламат, вести наступление на станицу Натальинскую через Лейпцигскую, Бородиновскую;

6) добиться от отрядов Н. Д. Каширина и М. С. Кадомцева согласованных действий.

Н. Д. Каширин с начала действий подчинил себя общему командованию и выполнял все приказы, а М. С. Кадомцев старался действовать самостоятельно.

Боевые действия развернулись следующим порядком:

1) 1-й батальон 1-го сводного полка, усиленный артиллерией, 9 апреля 1918 года выступил из района Троицка и, очищая от белоказаков станицы Санарскую 2-ю, Белоключевскую, Осиновскую, Подгорную, Чернореченскую, Стрелецкую, 17 апреля занял Степную;

2) 2-й батальон того же полка, следуя за первым, производил очистку тыла и выслал небольшой отряд на станицу Бирюковскую. В этом районе состоялась связь с конным Верхнеуральским отрядом;

3) вторая группа отрядов с орудием и пулеметами 11 апреля заняла Карталы, произвела очистку от белоказков станиц Катенинской, Новониколаевской, Полтавской, Новокатенинской, Варшавской, Неплюевской, Анненской. 16 апреля эта группа заняла станицу Великопетровку, 17 апреля — Парижскую, где имела столкновение с белоказачьими разъездами;

4) третья группа при орудии и пулеметах, высадившись на станции Саламат, 16 апреля заняла станицу Лейпцигскую, 17 апреля — Бородиновскую и Московскую, затем Натальинскую, где имела перестрелку с разъездами противника.

По выходе наших отрядов на линию станиц Бирюковской, Сухтелинской, Натальинской, Неплюевской Дутов со своим основным ядром, состоящим из 250 офицеров и 5 дружин, числом каждая от 70 до 150 человек, при 11 пулеметах отошел 18 апреля из Краснинской в Кассельскую. В этот день нашим штабом было послано приказание отрядам Н. Д. Каширина и М. С. Кадомцева занять станицы Наваринку и Новобуранную.

19 апреля при приближении нашего 1-го сводного полка к Краснинской Дутов отступил вдоль реки Гумбейка на Остроленскую. В этот же день отряд второй группы, наступавший от Парижской на Черниговскую, имел столкновение с передовыми частями Дутова. Одновременно эта станица была атакована отрядом от третьей группы, который и занял ее.

1-му сводному полку было приказано организовать преследование отступающего Дутова. Но проводимая операция осложнилась тем, что Уфимский отряд М. С. Кадомцева не выполнил требования командования занять Наваринскую и Новобуранную, хотя и находился от них в каких-нибудь 20 километрах. Поэтому на юге кольцо вокруг Дутова не замкнулось. Дутов воспользовался этим, выбрался на простор и стал уходить на юг.

Отряд Бобылева из состава 1-го сводного полка, преследовавший по пятам убегающего противника, утром 22 апреля догнал его у Бриентской, в 30 километрах западнее Кваркено. Отряд открыл артогонь по отступающему противнику, вступил в бой с его арьергардом. Но Дутову все же удалось оторваться от наших войск. Он форсировал р. Суундук и ушел в Тургайские степи. За сутки эта река сильно вздулась, вышла из берегов. Подошедшие наши отряды не смогли форсировать ее вброд. Попытки переправиться на плотках не удались, плоты, спущенные на воду, уносились течением и разбивались.

Дальнейшее преследование было остановлено. 28 апреля 1918 года все отряды были отозваны и отправлены по местам их формирований.

НА ПОМОЩЬ ОРЕНБУРГУ

4 мая 1918 года В. К. Блюхер выехал из Троицка в Челябинск, а затем в Екатеринбург с докладом о боевых действиях уральских отрядов против Дутова.

8 мая Уральский областной военный комиссариат назначил В. К. Блюхера командующим войсками Оренбургского фронта. На него была возложена задача ликвидировать банды белоказаков, активизировавшихся в районе Оренбурга.

Для выполнения этой задачи из гарнизона Екатеринбурга были выделены: 1-й Уральский стрелковый полк и Екатеринбургский кавалерийский эскадрон в 70 сабель. 1-й Уральский полк был сформирован из рабочих уральских заводов (Верхнеисетского, Нижнетагильского, Каштымского, Туринского, Билимбаевского) и крестьян окрестных селений. К этой группе войск Челябинский Совет добавил отряд рабочих «Народных

копей» в 300 штыков, одну батарею, взвод второй батареи и кавалерийский отряд в 25 сабель под общим командованием С. Я. Елькина.

12 мая 1918 года Челябинский отряд С. Я. Елькина в двух эшелонах и Екатеринбургский отряд в трех эшелонах (первый со станции Челябинск, второй со станции Екатеринбург) выступили на Оренбург.

С одним из эшелонов Екатеринбургского отряда выехал и штаб командующего В. К. Блюхера. В качестве начальника штаба ехал пишущий эти строки.

Эшелоны Челябинского отряда, двигаясь через Уфу, 15 мая прибыли на станцию Кинель. 15 мая туда прибыл и отряд Западного фронта под общим командованием Г. В. Зиновьева. В составе этого отряда было 1200 штыков и одна легкая батарея в 4 орудия, командиром которой являлся капитан старой армии Д. Д. Тризна.

Челябинский отряд С. Я. Елькина был передан в оперативное подчинение Зиновьеву, и оба отряда — Челябинский и Западного фронта в дальнейшем движении к Оренбургу представляли собой авангард.

16 мая на станцию Кинель прибыл Екатеринбургский отряд со штабом командующего. Эшелоны авангарда в этот день достигли станции Бузулук, имея в голове отряд Зиновьева.

В Бузулуке, обеспечив себя вспомогательным поездом с материалами для ремонта пути, достаточным количеством рабочих

специалистов-железнодорожников, эшелоны авангарда выступили на станцию Новосергиевку, куда и прибыли 17 мая. 18 мая прибыли сюда и эшелоны Екатеринбургского отряда. В пути столкновений с противником не было.

С. Я. Елькин

Из опросов служащих дороги и населения выяснилось, что на станции Новосергиевка стояла советская охрана в 70 человек от Жлобинского отряда. 11 мая отряд белоказakov совершил налет на станцию, захватил охрану врасплох, и только человек 15 успело отойти на станцию Платовка. Отряд белоказakov испортил пути и отошел на станицу Алексеевскую.

Восстановление разрушенного белоказакскими пути было закончено быстро благодаря героизму железнодорожников. В ночь двинулись дальше и достигли станции Платовка. Из опросов жителей села Покровского выяснилось, что белоказакки этого района артиллерии не имеют, вооружены плохо. Главный очаг организации и скопления белоказачьих отрядов находился в станице Татищево, 25 километров южнее станции Переволоцкая. Офицерско-кулацкая банда силою принуждала казаков вступать в белогвардейские отряды. Поддержку татищевские белогвардейцы находили в Донецкой, которая дала много добровольцев для борьбы с Советской властью.

19 мая эшелоны выступили на станцию Переволоцкая. Но на перегоне движение эшелонов осложнилось, чаще стали встречаться разрушенные участки полотна. Кроме этого, белоказакки стали совершать наскоки, стремясь препятствовать работам по восстановлению путей. Ввиду этого наша кавалерия была направлена на освещение местности по обеим сторонам железной дороги. С наступлением темноты эшелоны подошли к станции и остановились на ночевку, приняв все меры охранения. Наш конный разъезд, высланный в Алексеевскую, доложил, что противника не встретил. Жители сообщили, что сборным пунктом и местом стоянки белоказakov служит «Коровий дол», в 10 километрах северо-восточнее Татищево, где устроены летние бараки и стойла для лошадей. Отсюда, пользуясь логом, выводящим к железной дороге, белоказакки и устраивали свои налеты.

20 мая В. К. Блюхер, допуская возможность столкновения с противником, выслал вперед сильный конный разъезд и роту пехоты в 70 человек. Эти наши отряды, продвинувшись от головного эшелона километра на два вперед, заметили группу белоказakov в 120 сабель, разрушавшую полотно железной дороги. Против них был брошен Екатеринбургский кавэскадрон с задачей отре-

зять белоказакам пути отхода. Эскадрон, подойдя с южной стороны, атаковал белоказачков. Последние стали поспешно убегать — одни в сторону Татищево, другие на станицу Донецкая. Преследование продолжалось 7—8 километров. Эшелоны продвинулись от станции Переволоцкая в сторону станции Сырт на 10—11 километров и заночевали между 13 и 14 разъездами.

Ночью белоказаки, силою до 80 сабель, со стороны Донецкой устроили налет на стоянку эшелонов, но обстрелянные быстро скрылись.

21 мая в распоряжение эшелонов явились казаки Донецкой в числе 22 человек, состоявшие ранее в Красной Армии. Они рассказали, что их было 31 человек, но 9 убиты белоказаками. Эти красные казаки скрывались в полях. Они сообщили, что в станице Донецкой имеется до 400 белоказачков, но у них существует раскол между старыми казаками и фронтовиками.

Командиру 1-го Уральского стрелкового полка было приказано силою до одного батальона при поддержке артиллерии Д. Тризны занять Донецкую, а Г. В. Зиновьеву — со своим отрядом повести наступление вдоль железной дороги в направлении станции Сырт с задачей отрезать пути отхода казакам. В 11 часов батальон 1-го Уральского стрелкового полка под командованием Броницкого, при поддержке огня двух орудий, начал наступление на Донецкую и занял ее. Станица от арт-огня загорелась. Белоказаки отошли в северном направлении.

Во время боя у станицы Донецкой нами были отмечены разрывы снарядов не наших орудий. У белоказачков этого района орудий не было. У нашего командования, естественно, возникло предположение, что Сырт занимается отрядом Красной Армии, действующим от Оренбурга.

По восстановленному железнодорожному проводу нами об этом был запрошен Оренбург. Последовал ответ: станция Сырт действительно занимается отрядом красных войск Оренбурга.

22 мая в 13 часов состоялась встреча представителей нашего штаба и военно-революционного штаба Оренбурга, возглавляемого М. В. Сангурским.

23 мая по приказу командующего Блюхера в Оренбурге сосредоточились все эшелоны, за исключением

одного батальона 1-го Уральского стрелкового полка, оставленного гарнизоном на станции Сырт. В Оренбурге они были встречены частями Красной Армии и представителями советских, партийных и военных органов.

Обстановка в районе Оренбурга была следующая. После разгрома Дутова в январе 1918 года офицерство рассеялось по казачьим станицам и повело контрреволюционную агитацию, подбивая казачество к выступлению против Советской власти. Эта агитация, поддержанная духовенством и кулачеством, смутила некоторые слои трудового казачества. Наибольших успехов белогвардейцы достигли в станице Татишево, где была сформирована 1-я белогвардейская конная сотня. Командиром сотни стал подъесаул Дегтярев. Используя провокации и обман, белогвардейцы стали распространять свое влияние и на другие станицы. Против упорствующих белоказаки высылали карателей и силой заставляли давать людей в белогвардейские отряды.

Белоказачьим офицерством был образован главный штаб фронтов против большевиков, который к подходу наших отрядов был перенесен из станицы Кардаиловской в Линевскую, в 110 километрах юго-западнее Оренбурга.

Белоказаки станиц, расположенных по Уралу между Оренбургом и Илеком, были сведены в отряд, которым командовал подъесаул Богданов.

Из белоказачьих станиц, расположенных по правому берегу Урала, между Орском и Оренбургом, были сформированы три отряда: 1-й Красногорский отряд под командованием есаула Жукова, отряд подъесаула Кузнецова и Ильинский отряд.

Отряды белоказачьих захватили и держали в своих руках железнодорожные участки: от станции Новосергиевка до станции Сырт, районы станций Донгузская и Саракташ.

Таким образом, Оренбург оказался отрезанным с трех сторон. Связь имелась только с Уфой, но в ту сторону не было железной дороги. С подходом наших отрядов была восстановлена связь Оренбурга с Самарой по железной дороге.

Задача ликвидации выступления белоказаков в районе Оренбурга, порученная Уральским областным военным комиссариатом В. К. Блюхеру, требовала от него немедленных действий. Подавление белоказаков в районе Оренбурга позволило бы восстановить связь по железным дорогам между Оренбургом и Ташкентом, Оренбургом и Орском, что обеспечивало бы проталкивание хлебных эшелонов в центр Советской Республики.

При разработке плана действий имелось в виду добиться политического раскола в казачестве и отрыва трудовых казаков от контрреволюции. Наш военно-политический план сводился к следующему. В Оренбурге оставить гарнизон небольшой, но достаточный для отражения возможных нападений со стороны белоказаков. Обеспечить охраной станцию Меновой Двор, участок железной дороги станция Сырт — станция Переволоцкая за счет сформировавшихся в Оренбурге 28-го Уральского стрелкового полка, кавалерийского полка красных

Я. М. Суворов

гусар и Жлобинского отряда. Главные силы — Уральские отряды — оттянуть на станцию Переволоцкая, откуда перейти в наступление через Алексеевку и Зубочистенку 1-ю на Зубочистенку 2-ю, далее, форсировав Урал, продолжать наступление на Краснохолм, пройти по станицам, расположенным по левому берегу Урала, в направлении на Оренбург. Первым отрядом от Зубочистенки 1-й пройти на Татищево.

Операция должна проводиться без применения каких бы то ни стало расправ. Было решено ни в коем случае не предавать огню станицы, организованно изы-

мать оружие, не расстреливать даже активных белогвардейцев, пойманных с оружием. По выполнении операции намечалось созвать в Татищеве съезд казаков района Оренбурга, на котором ознакомить делегатов с сущностью Советской власти и со всеми ее мероприятиями, разрешить наболевшие вопросы.

Если бы удалось провести в жизнь этот план, то возможно, что мы вырвали бы рядовое казачество из-под влияния офицерства, духовенства и кулачества и перетянули его на свою сторону.

24 мая 1918 года в Оренбург из Самары прибыл некий Яковлев. Троцкий назначил его главнокомандующим Урало-Оренбургским фронтом. Этот «главком» не согласился с предложенным Блюхером планом борьбы против белоказачьей контрреволюции. Яковлев или не понимал социальной природы казачества, его неоднородности, или подавление выступления белоказачков в районе Оренбурга было не в его интересах.

В. К. Блюхер, не соглашаясь с политической линией Яковлева в отношении казачества, попросил снять с него полномочия командующего. Тогда Яковлев спросил:

— Кто может взять командование оренбургским участком фронта?

Этим вопросом Яковлев дал понять, что он отстраняет Блюхера.

В. К. Блюхер заявил, что, по его мнению, хорошим командующим может явиться Г. В. Зиновьев. Разговор этот происходил в штабном вагоне, на станции Оренбург. При этом, кроме Блюхера и Яковлева, были Зиновьев и я, как начальник штаба.

Новому командующему Яковлев дал указание не развивать глубоких и широких операций, а ограничиться удержанием участка железной дороги Бузулук—Оренбург.

Таким образом, прибывшие в Оренбург отряды и гарнизон города были обречены на бездействие и топтание на месте. Яковлев 27 мая отбыл в Самару. После его отъезда В. К. Блюхер, передав командование Г. В. Зиновьеву, принял командование прибывшими с ним отрядами Уральских войск. Общий фронт не создавался. Распоряжений и указаний от Яковлева не поступало. Связи с ним не было. Положение создавалось самое запутанное.

Связанный сомнительной директивой Яковлева (через две недели после восстания белочехов Яковлев сбежал к белым), Зиновьев вынужден был только обороняться. Наши основные силы лишь маячили на железнодорожных станциях Сырт, Оренбург, Меновой Двор. Железнодорожниками Оренбурга был создан бронепоезд, он курсировал между станциями Сырт и Новосергиевка.

НАКОПЛЕНИЕ СИЛ

6 июня в Оренбург из Перми прибыл на усиление фронта 8-й Уральский полк в составе 600 человек, вооруженных винтовками. Полк был включен в состав Уральских войск.

В ночь на 7 июня Челябинским пароднокопейским отрядом и 1-м Уральским стрелковым полком были проведены обыски в Оренбурге с целью разгрома тайной контрреволюционной организации, поддерживавшей связи с белоказацким командованием. Несколько человек было арестовано, перехвачена переписка и протоколы заседаний этой организации. В одном из протоколов указывалось, что в целях добычи оружия для белоказачков было решено: «членам организации добровольно записываться в Красную Армию и через агентов передавать оружие восставшим». Два командира из 28-го Оренбургского стрелкового полка состояли в тайной организации. Одного из них мы арестовали, а второй успел скрыться. Белоказачье командование было прекрасно осведомлено через эту организацию о всей системе обороны Оренбурга.

В эти же дни штабу стало известно, что отряд белоказачков силою до 800 сабель занял станицу Благословенку. Второй отряд силою до 1500 сабель занял станицу Павловку. 8 июня с утра к Благословенке был выслан 1-й эскадрон Оренбургского кавалерийского полка при одном пулемете на тачанке. В его задачу входило выяснить подступы к станице и уточнить сведения о противнике. Двигаясь по дороге, проходящей по левому берегу Урала, эскадрон в 7—8 километрах от Менового Двора наткнулся на противника, завязал перестрелку и под давлением превосходящих сил вынужден был отойти.

Тогда наше командование решило нанести короткий удар по группе противника, занимавшей Благословенку. Задача эта возлагалась на Уральские отряды, усиленные одной батареей и полуброневином с тремя пулеметами. В ночь на 9 июня эти части были переброшены со станции Оренбург на станцию Меновой Двор. Туда же на паромах были переправлены части 28-го Уральского полка. Общее командование было возложено на В. К. Блюхера.

Тремя колоннами части выступили со станции Меновой Двор, имея впереди походные заставы. По дороге, проходящей по левому берегу Урала, была выслана конница с полуброневином. Не дойдя 4—5 километров до станицы, где Урал делает крутой изгиб на юг, этот отряд натолкнулся на окопы противника, откуда был обстрелян из винтовок. Полуброневику, подойдя ближе, открыл огонь из пулеметов. Белоказики не выдержали, бросились в рожицу, где стояли их лошади. Вскоре казаки в конном строю намеревались захватить полуброневику, но встреченные его огнем, быстро ускорили. Наша кавалерия попыталась преследовать их, но из-за тумана потеряла противника. Главные силы, пройдя 6—7 километров, развернулись в боевой порядок перед Благословенкой.

Белоказики оказали упорное сопротивление, цеплялись за каждый рубеж. Наша артиллерия из-за тумана не могла оказать реальной помощи наступающим отрядам. Белоказики, сбитые с первой позиции, отошли на высоты западнее станицы. Наконец, вторая позиция противника тоже была взята, и белоказики отступили долиной реки Бердянки.

По выполнении задачи наши отряды были отведены в исходное положение на станцию Оренбург.

12 июня в Оренбург прибыл и вступил в состав Уральских войск отряд с Богоявленского завода под командованием М. В. Калмыкова. Он был прислан Уфимским губернским штабом для усиления войск Оренбургского фронта.

К 14 июня 1918 года разведка подтвердила сосредоточение значительных сил белых в станице Павловке. Командование решило нанести короткий удар и в этом направлении. Выполнение его было возложено на Челябинский отряд «Народных копеек», батальон 1-го

Уральского стрелкового полка и части Оренбургского гарнизона. Общее командование возлагалось на М. В. Сангурского, комиссаром был назначен С. Я. Елькин. На рассвете следующего дня войска со станции Меновой Двор выступили по дороге на Павловку. Белоказакки, застигнутые врасплох, после небольшого боя оставили станицу и отошли вниз по Уралу. После этой операции наши отряды были отведены на станцию Оренбург.

Учитывая тяжелое положение гарнизона Илецкой Защиты, командующий фронтом Г. В. Зиновьев приказал Жлобинскому отряду, под командованием Розенберга, силою до 1200 бойцов, при одной батарее и 20 пулеметах, восстановить железнодорожный мост через реку Донгуз и пробиться в Илецкую Защиту. Отряд эту задачу выполнил и восстановил связь Оренбурга с Ташкентом по железной дороге.

16 июня в Оренбург прибыл Южный отряд Н. Д. Каширина в составе 140 сабель, Белорецкого пехотного отряда в 145 штыков, Верхнеуральско-Кирсановского отряда в 90 штыков, 40 сабель и 9 пулеметов. Этот отряд по распоряжению Уфимского губернского штаба выступил из Верхнеуральска 25 мая по тракту Верхнеуральск—Орск—Оренбург. Отряд выдержал ряд боев у хутора Подгорное, станицы Ильинки, хутора Никольского и станицы Красногорской с Ильинским отрядом белых казаков, отрядом подъесаула Кузнецова и с 1-м Красногорским отрядом есаула Жукова. В Красногорской до 200 белоказачков сложили оружие и выдали своих главарей.

УХУДШЕНИЕ ОБСТАНОВКИ

Наши силы продолжали расти. Обстановка на Оренбургском фронте складывалась благоприятно.

Однако начавшийся мятеж белочехов против Советской власти, захват ими Челябинска и Самары создали новую и неблагоприятную обстановку. Падение Советской власти в Челябинске и Самаре повлекло за собой моральное состояние бойцов и командиров Уральских войск. Сидение в Оренбурге расценивалось ими, как бессмысленная трата времени и людей, тогда как на Урале

вставала задача защиты родных городов от белочехов.

На запросы В. К. Блюхера о возможности переброски Уральских отрядов на Челябинский фронт, представитель центра Н. И. Подвойский, находящийся в Уфе, отвечал категорическим отказом.

По приказу командования Восточного фронта 23 июня из состава войск Оренбургского фронта были отправлены на Бузулук Челябинский отряд «Народных копей» под командой С. Я. Елькина, Екатеринбургский отдельный кавэскадрон Гергенса, отряд и батарея Западного фронта Д. Тризны, а 24 июня — Южный отряд Н. Д. Каширина и 1-й Уральский стрелковый полк со штабом командующего отрядами Уральских войск В. К. Блюхера. Части, вышедшие из Оренбурга 23 июня, без задержек прибыли на Бузулукский фронт. Части, вышедшие 24 июня, вынуждены были задержаться на целые сутки у 14-го разъезда, так как белоказаки разрушили здесь полотно железной дороги более чем на 300 метрах. Восстановительных материалов на вспомогательном поезде было недостаточно, требовалась дополнительная доставка их из Оренбурга.

Командующие отрядами В. К. Блюхер и Н. Д. Каширин решили использовать время вынужденной остановки для разгрома стойбища белоказачков в логу «Коровий дол». О принятом решении был информирован Г. В. Зиновьев. 25 июня в 4 часа две сотни отряда Каширина, высланные для просмотра местности, в 4 километрах от эшелона наткнулись на передовые части белоказачков и завязали перестрелку. На поддержку конникам послали батальон 1-го Уральского стрелкового полка. В дело было пущено орудие. Наконец, белоказачков сбили с позиции у лога «Коровий дол», где их находилось до 1500 сабель. Бараки и стойла в логу «Коровий дол» были разрушены. Белоказачки отошли к станции Татищево. 26 июня эшелоны двинулись на Бузулук.

СДАЧА БУЗУЛУКА

К 18 часам 26 июня эшелоны отряда Каширина прибыли на станцию Сорочинская, а эшелоны 1-го Уральского стрелкового полка и штаба — на станцию Ново-

Сергиевка. Каширин получил сведения, что части Бузулукского фронта отступают. Это было сообщено Блюхеру. Последний предложил Каширину оставаться до его приезда на станции Сорочинская и использовать время для выяснения обстановки под Бузулуком.

Эшелоны 1-го Уральского стрелкового полка заняли позицию для обороны на станции Новосергиевка. В. К. Блюхер и пишущий эти строки прибыли на паровозе на станцию Сорочинская. К нашему удивлению, там уже был командующий фронтом Бузулук—Кинель Колостов со своим штабом.

Что же произошло под Бузулуком? Что заставило его защитников оставить город и отскочить на 75 километров? Командующий Бузулукским фронтом не мог объяснить свои действия.

Последними эшелонами прибыли батарея Западного фронта Д. Тризна и отдельный Екатеринбургский эскадрон Гергенса. Тризна и Гергенс познакомились нас с событиями под Бузулуком. Неизжитая еще партизанщина довлела над войсками. Отряды по своей собственной инициативе выбирали и занимали позиции и также свободно их покидали, не считаясь с соседями и вопреки всяким распоряжениям штаба. Связь между соседями поддерживалась слабо, плохо была организована и связь штаба с войсками. При такой организации бой под Бузулуком был пущен на самотек. Неразбериха привела к тому, что войска, общим числом в 5—6 тысяч человек, при достаточном количестве артиллерии, обратились в бегство перед белочехами.

Части, отступившие от Бузулука, в большинстве были деморализованы и повернуть их обратно нечего было и думать. Потеря веры в свои силы охватила не только рядовых, но и командный состав и даже командующего фронтом. Он в присутствии командного состава, собранного для выяснения обстановки, бросил такую фразу:

— Товарищ Блюхер, я свой фронт ликвидировал, теперь вы возьмите моих людей и командуйте.

Эта фраза подчеркнула, что Бузулук для нас потерян и фронта там больше не существует.

Части Уральских войск: Челябинский отряд «Народных копей» и Екатеринбургский отдельный кавалерийский эскадрон, отошедшие последними, понесли значи-

тельные потери. Челябинский отряд «Народных копей» потерял под Бузулуком своего командира С. Я. Елькина, медицинскую сестру и до 40 бойцов.

Учитывая состояние отступивших частей, было решено немедленно отвести их в район Оренбурга, спешно объединить мелкие отряды и создать полки. Отвод эшелонов на Оренбург начался 26 июня и был закончен 27 июня.

Дабы задержать белочехов, наскоро была создана летучка с 12 добровольцами-подрывниками из состава отряда Н. Д. Каширина. Летучка побывала в 8 километрах от Бузулука. При обратном движении она взорвала несколько мостов, на нескольких участках разрушила полотно железной дороги. На станции Гамалеевка был сформирован боепоезд, вооруженный двумя пулеметами при одном взводе пехоты с задачей прикрыть летучку. Вечером 27 июня летучка и боепоезд соединились на станции Гамалеевка и остались здесь, прикрывая отходившие эшелоны.

По распоряжению В. К. Блюхера мне пришлось руководить боепоездом и летучкой. Разрушив железнодорожный мост через реку Воробьевку, летучка и боепоезд 28 июня с рассветом тоже отошли на станцию Новосергиевка. При переходе 9-го разъезда они были перехвачены отрядом белоказаков сабель в 200, которые подожгли железнодорожный мост через реку Ветлянку. Под сильным огнем нашего боепоезда белоказки отошли. Восстановив мост, оба поезда прибыли на станцию Новосергиевка, где нашли эшелоны отряда Каширина, 1-го Уральского стрелкового полка и штаба командующего. 29 июня, подорвав железнодорожный мост через реку Лебяжью, эшелоны с войсками, летучка и боепоезд отошли к станции Сырт.

ОСТАВЛЕНИЕ ОРЕНБУРГА

В связи с продвижением белочехов по железной дороге от станции Кинель на Уфу, Богоявленский отряд М. В. Калмыкова по распоряжению Уфимского губернского штаба 29 июня выступил походным порядком на Уфу по тракту Оренбург—Стерлитамак.

Ввиду общей неблагоприятной обстановки командо-

вание Оренбургского фронта, комитет партии и губисполком приняли решение эвакуировать город и войска в Актюбинск.

Отряд Н. Д. Каширина, скомплектованный из казаков и рабочих Верхнеуральского уезда, узнав об этом намерении, решил отойти на Верхнеуральск и соединиться там с советскими войсками.

1-й Уральский полк и штаб Уральских войск 29 июня перешли со станции Сырт на станцию Каргала. В этот же день здесь состоялось совещание командного состава и представителей рот и команд. В. К. Блюхер ознакомил участников с обстановкой и решением командующего эвакуировать город и войска в Актюбинск. Совещание выразило единодушное желание пробиваться на Екатеринбург. В. К. Блюхер лично ознакомил командующего фронтом В. Г. Зиновьева с решением совещания, но не получил от него согласия на отход Уральских отрядов на Екатеринбург. Между тем штабом фронта уже была начата эвакуация города и намечался отвод войск в Актюбинск.

30 июня штабом Уральских войск принимается окончательное решение пробиваться через Уфу на Екатеринбург. Из Оренбурга в район станции Каргала были переброшены эшелоны Екатеринбургского отдельного кавалерийского эскадрона и Челябинской батареи. Отряды немедленно приступили к подготовке для движения походным порядком.

До сих пор боевые действия наших отрядов носили эшелонный характер, продвигались мы вдоль железнодорожных магистралей. Если иногда отряды и отрывались от эшелонов, то только для нанесения коротких ударов по тем или иным объектам с обязательным возвращением к своим эшелонам. Теперь же предстояло отказаться от эшелонов и от железной дороги. Отряды не были обеспечены для действий в полевых условиях, не имели гужевого транспорта, чтобы везти огнеприпасы, вещевое и другое имущество, продовольствие, необходимые на ближайшие дни, хотя бы до выхода из полосы, охваченной белоказаками. Были разосланы представители отрядов в окрестные поселки для мобилизации через местные Советы нужного количества подвод. 1 июля отряды Уральских войск еще до рассвета приступили к разгрузке эшелонов.

Около 6 часов в 7—8 километрах к западу от станции Каргала сотни завязали арьергардный бой с противником. Белоказики, обстрелянные нашим артогнем, быстро повернули обратно. В этот же день из Оренбурга прибыл 8-й Уральский полк, сменил 1-ю и 2-ю сотни отряда Каширина и надежно прикрыл дальнейшую разгрузку эшелонов. В боевом составе отрядов к моменту отхода насчитывалось более 1600 человек.

Так Южноуральские отряды под командованием Н. Д. Каширина, а после его ранения — В. К. Блюхера начали свой легендарный рейд, завершившийся соединением с частями Красной Армии в районе Кунгура.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОРЕНБУРГА¹

Наш Боевой отряд Западного фронта в начале 1918 года вел борьбу с белополяками на участке Бобруйск — Борисов.

Когда возникла надобность посылки вооруженных сил внутрь страны, где вспыхивали очаги контрреволюционных восстаний, нас направили в Самару.

Здесь мы получили приказ отправиться для участия в борьбе с казачьей контрреволюцией. В Оренбурге мы застали большое оживление. Выступления белоказачков всполошили всех. В рабочих массах царило сильное возмущение, все взялись за оружие. Шла лихорадочная работа по сколачиванию вооруженных сил.

Боевыми операциями руководил «Оперативный штаб» во главе с Колостовым. Я потребовал у него план ближайших боевых действий, сведения о состоянии войсковых частей фронта.

Выяснилось, что никаких планов у «Оперативного штаба» нет, все идет самотеком. Мотивировалось это тем, что белоказаки не представляют из себя регулярной силы, а действуют партизанским методом, нападая небольшими отрядами на станции железных дорог, разрушая мосты. При этом совершенно невозможно угадать, где и когда появится противник.

В ответ на белоказачьи набеги мы со своей стороны наносили им короткие удары. Наконец, после целого ряда таких ударов мы пришли к необходимости создать фронт и действовать по заранее выработанному плану. Для этого выделили части, назначили день выступления.

¹ Стенограмма выступления Г. В. Зиновьева на собрании Оренбургского землячества хранится в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Печатается с разрешения института. (Прим. сост.).

Но к этому времени произошли события, которые повернули наши планы в другом направлении.

Первое из этих событий — набег казаков на Новосергиевку. Там стоял Покровский отряд в составе 300—400 бойцов. Этот отряд, как и многие прочие отряды Красной Армии того периода, был наспех сколочен, не спаян боевой дисциплиной. Бойцы не умели воевать, обороняться от бандитских набегов. Отряд расположился в поселке как у себя дома, никакой охраны не выставил. Белоказаки в количестве 500—600 всадников напали на рассвете, сожгли составы. Я видел сам этих белоказачков. Они были плохо вооружены, многие не имели винтовок, были с саблями, часто без седел. И все же им удалось разбить наш хорошо вооруженный отряд.

Второе событие — это занятие чехословаками Сызрани. Вследствие этого мы потеряли связь с центром. Поэтому мы решили немедленно направить все свои силы на помощь Самаре, для ликвидации белочешского восстания.

К этому времени относится прибытие к нам в Оренбург небезызвестного Яковлева. Он назвал себя командующим вооруженными силами Красной Армии на Урале. Впоследствии этот пройдоха выявил себя как изменник и очутился в лагере белых. Яковлев своей деятельностью способствовал сеянию розни между отрядом В. К. Блюхера и отрядом, которым командовал я. Прибытие Яковлева ознаменовалось организацией Бузулукского фронта. Командование этим фронтом было возложено на Колостова. Мне был поручен Оренбургский фронт.

На участке между Бузулуком и Оренбургом находились следующие отряды: Московский полк, отряд Б. Н. Иванова, Сызранский отряд тов. Усманова и значительное количество бузулукских красновардейцев, впоследствии сведенных нами в 3-й советский Бузулукский полк. По первоначальному нашему плану эта группа предназначалась для охраны железной дороги и наступления на казачьи станицы в направлении Уральска. Теперь вторая задача отпадала, и этим отрядам поручили охрану линии, так как после удачного нападения на Новосергиевку и восстания белочехов очень сильно активизировались белоказачьи отряды.

Для установления более тесной связи я сам выехал в

Бузулук. Там устроили совещание с работниками штаба, обсудили способы оказания помощи Самаре, которой угрожала в то время опасность со стороны Сызрани. Поведение Колостова на этом совещании произвело на нас тяжелое впечатление: он не принимал участия в обсуждении вопросов, считая наше дело потерянным, даже прослезился и просил снять с него полномочия. Но я ему ответил, что он назначен приказом командующего фронтом и должен исполнять свои обязанности. Это несколько успокоило его, и он принял участие в нашей подготовке. Мы с ним вызвали к аппарату Самару, выявили нужды и разработали план посылки туда вооружённых сил. В первый эшелон были включены следующие отряды: Челябинский отряд С. Я. Елькина, Боевой отряд Западного фронта, отряды В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина. Вслед за первым должен был двинуться второй эшелон в составе: 28-го Уральского полка, Покровского отряда и 1-го Советского казачьего полка.

Г. В. Зиновьев

Возвратившись в Оренбург, я приступил к отправке отрядов. Первыми пошли Боевой отряд Западного фронта и челябинцы. За ними следовали отряды Блюхера и Каширина.

Тем временем чехами была занята Самара. Часть отрядов Красной Армии, уцелевшая от разгрома, отступала на Бузулук, взрывая за собой мосты, разбирая путь и тем самым задерживая белочехов. Это давало возможность Бузулуку готовиться к обороне.

Когда белочехи подступили к Бузулуку, они здесь натолкнулись на упорное сопротивление. Первые два дня бой развивался успешно для нас. Д. Тризна из орудия

подбил белочешский бронепоезд. Со стороны Оренбурга подоспели Боевой отряд Западного фронта и челябинцы, которые вступили в бой.

На второй день, часов в пять вечера, в городе поднялась стрельба. Начался контрреволюционный мятеж. Накопилось большое количество офицеров, которые были связаны с белоказаками и белочехами, и эта группа в решающий момент нанесла нам удар с тыла. Это решило участь борьбы за Бузулук. Наши части, узнав о восстании в тылу, бросаются к эшелонам. Начинается паника. Один за другим выкатываются из Бузулука поезда, которые уже на следующий день достигают Оренбурга.

Сдачей Бузулука заканчивается первый период борьбы за удержание Оренбурга. Создается новая, более сложная обстановка. Белоказаки получают от чехов оружие в большом количестве. Из мелких отрядов создаются крупные регулярные части, у них появляются пулеметы, орудия. Между Орском и Оренбургом наши отряды входят в соприкосновение с отрядами под командой Дутова. Вокруг нас все теснее сжимается вражеское кольцо. Встает во весь рост продовольственный вопрос. А. Коростелев все чаще задумывается над вопросом о питании бойцов и населения города.

В Оренбурге к этому времени скопилось большое количество отрядов. Я постараюсь по памяти перечислить, какие это были отряды: Московский и Казанский полки, Челябинский отряд, нижегородцы, отряды Блюхера—Каширина и мелкие отряды из бывших военнопленных. Это были отряды, отступившие из Бузулука. Оренбургский гарнизон состоял из 1-го Оренбургского рабочего полка, Покровского отряда, легиона интернационалистов, мусульманского батальона и 1-го Советского казачьего полка.

Кроме упомянутых частей, имелись еще отряды орских железнодорожников, охранявших линию железной дороги. Таким образом, мы располагали вооруженной силой почти в пятнадцать тысяч бойцов. Количество для того времени очень значительное, достаточное для самостоятельного проведения любой боевой операции.

Иначе обстояло дело с моральным состоянием отрядов, отступивших из-под Бузулука. После перенесенных поражений, мятежа в тылу, потери орудий и пулеметов

они крепко засели в вагонах и хотели не задерживаясь катить дальше на восток, в Туркестан. Оттуда через Закаспий и море они надеялись попасть в центр России, ближе к родным гнездам. Особенно сильно эти тенденции проявлялись в частях, сформированных в Москве и Казани. В Московском полку обнаружилось наличие крепкого ядра анархистов. Хотя во главе полка стоял тов. Перфильев, старый большевик-подпольщик, тем не менее в нем была сильна тяга в Туркестан.

Как на очень важный момент в нашей обстановке надо указать на недостаток боеприпасов. В свое время мы приняли меры в этом направлении, послали в центр людей за патронами и снарядами. Центр отпустил нам их в достаточном количестве. Но тут злым роком для нас явился Яковлев, который, пользуясь своим руководящим положением, задержал наш транспорт. Нам досталась ничтожная часть отпущенных боеприпасов. А расходы у нас были огромные. В частях патроны тратились без всякой меры. Ко всему этому надо прибавить растущую активность врага, наглекущего с каждым днем, повсеместное отступление Красной Армии без серьезного сопротивления белочехам и белогвардейцам, раскрытие и ликвидацию контрреволюционного заговора группы офицеров в самом Оренбурге.

Вот в такой обстановке у нас зародилась мысль о более решительных шагах для выхода из создавшегося положения. Сначала в узком кругу партийного актива был поставлен вопрос об эвакуации. В этом совещании, которое происходило в моем вагоне, приняли участие Коростелевы Александр и Георгий, И. Д. Мартынов и В. К. Блюхер. Оно скорее носило характер обмена мнениями. Необходимость эвакуации была признана всеми единодушно. Но в выборе направления для отступления выявились две точки зрения. В. К. Блюхер предложил отступление на север, на соединение с частями Красной Армии Урала. Остальные высказались за туркестанское направление.

Второе совещание происходило с участием П. А. Кобозева, приехавшего к нам из Уфы. Он тогда имел чрезвычайные полномочия от В. И. Ленина и поэтому его мнение имело для нас большое значение. Тов. Кобозев решительно высказался за туркестанское направление. Он указал нам, что белочехи находятся не дальше чем

в 200 километрах от Уфы. В случае нашего продвижения на север они опередят нас, займут Уфу и преградят нам путь на Урал. Он советовал нам базироваться на Туркестан, где, по его словам, мы могли найти обильные запасы продовольствия, снаряжения и боеприпасов. В пользу туркестанского направления говорило еще и то обстоятельство, что там был наш тыл в виде Илецкой Защиты, крупного населенного пункта, который до сих пор отбивался собственными силами — от белоказачьих банд. В случае ухода на север мы были бы вынуждены оставить Илецкую Защиту, а также весь хлебобродный район Тургайской области в полное распоряжение белых. Уход на север, кроме того, лишал нас возможности отступать по железной дороге и вывозить семейства наиболее активных рабочих, которым угрожала реальная опасность расправы со стороны белых.

В силу этих соображений второе совещание остановилось твердо на отступлении в туркестанском направлении.

После принятия этого решения я занялся расчисткой пути нашего отступления. Вместе с Е. П. Дубицким с помощью Жлобинского отряда, стоявшего на охране железнодорожной линии, нам без большого труда удалось пробраться до Илецкой Защиты.

По возвращении в Оренбург было создано расширенное совещание. На этом совещании мы поставили во всей конкретности вопрос об эвакуации и направлении нашего отступления. Обсуждалось два предложения: Блюхера и мое. Предложение, принятое подавляющим большинством, было приблизительно в такой редакции: «отступать в ташкентском направлении, установить связь с Центром и в дальнейшем действовать по указанию оттуда». На этом совещании был выработан детальный план эвакуации, выбрана комиссия для ее проведения, установлен срок. Для того чтобы не создать паники в частях, мы созвали совещание командного состава, разъяснили ему создавшееся положение. И здесь подавляющее большинство одобрило наше решение.

После того, как вопрос об эвакуации был решен окончательно, мы поставили о нем в известность наше командование.

Яковлев к тому времени успел снять маску. Вместо него командующим Восточным фронтом был назначен

Муравьев, бывший подполковник, левый эсер, впоследствии изменник и предатель. С этим Муравьевым в первые дни его вступления в командование у меня произошло столкновение по следующему вопросу. Он тогда вызвал меня к аппарату и приказал направить на Уфу отряд в 850 человек. Это было в первые дни бузулукского боя. Белочехи в то время продвигались на Уфу, бой шел у станции Чишма. Я указал Муравьеву на нецелесообразность посылки небольшого отряда на такое далекое расстояние. Было ясно, что отряд туда не успеет дойти, будет отрезан и разбит. В ответ Муравьев прекратил переговоры. Через некоторое время получаю приказ по телеграфу в том же духе. А на следующий день он вторично вызывает меня к аппарату и спрашивает, исполнил ли я его приказ. Я ему отвечаю: не исполнил и не собираюсь исполнять, так как считаю это дело необдуманным и могущим стоить жизни сотням людей. Таким было первое наше знакомство.

На этот раз мы с Дубицким вызвали его к аппарату, обстоятельно изложили создавшуюся обстановку и наше решение об эвакуации. В ответ он приказал:

— Никаких отступлений. Сражаться до последнего человека!

Я ему сообщаю о моральном состоянии войск, о неустойчивости некоторых отрядов, особенно тех, которые перенесли поражение под Самарой и Бузулуком. Тогда он приказывает:

— Очистить гарнизон от неустойчивых элементов. Если понадобится — перерезать одну половину войск и оставшейся половиной по колени в крови защищать город.

Это возмутило меня, и я спросил его:

— Это что же, рецепт второго «Муравьевского галстука»?

На этом наш разговор прервался.

Через некоторое время губвоенком С. П. Терехов получает телеграфное приказание арестовать меня и направить под конвоем в Уфу. Терехов с этой телеграммой идет в губисполком к А. А. Коростелеву, заявляет, что он не намерен исполнять этот приказ. И приказ остается неисполненным.

Тот образцовый порядок, который позволил нам в течение двух дней эвакуации вывезти из Оренбурга более ста десяти поездов с людьми, имуществом, был резуль-

татом дружной согласованной работы партийного и советского актива с командованием, четкой работы штабного аппарата. Кроме того, успеху эвакуации способствовало убеждение многих бойцов в том, что отступаем на короткий срок, исчисляемый неделями, что после перестройки рядов, получив подкрепление из Туркестана, двинемся обратно и займем Оренбург.

К вечеру 2 июля из города ушли последние составы. Основная группа отступала по ташкентской дороге. Орский отряд двинулся на Орск, забирая по пути мелкие красновардейские отряды.

В первый момент наше продвижение происходило сравнительно спокойно. Белоказаки не тревожили нас, если не считать мелкие набеги и порчу железнодорожного пути. Впереди нашей колонны шел сапер И. Д. Федотчев со своими рабочими. Он в рекордно короткие сроки восстанавливал разрушенный путь, взорванные и сожженные казаками мосты.

Только спустя несколько дней, когда головные эшелоны нашей колонны миновали Акбулак, белоказаки очнулись. Они увидели перед глазами отступающую армию, растянутую в длинную кишку из ста десяти эшелонов. И у них явилось вполне понятное желание прорвать наш фронт. Они сделали попытку напасть на Акбулак. Я сам в это время был в Акбулаке. Когда поднялась стрельба, мне донесли, что белоказаки заняли Меловые горы за станцией, откуда ведут наступление. В это время к Акбулаку подходил наш 3-й советский Бузулукский полк. Я приказал полку выйти из вагонов и занять позиции. Полк не исполнил приказа, ссылаясь на то, что у него нет орудий. Я погорячился и заявил командиру полка В. А. Каширскому, что если приказ не будет исполнен, то я его расстреляю. Это подействовало, и полк занял позиции. Наступление белоказачков было отбито.

Из Актюбинска сообщили о приезде туда из Ташкента отрядов во главе с наркомом Туркестанской республики Осиповым. Я поехал, обгоняя эшелон, вперед и в Актюбинске встретил Осипова¹. Отнесся я к нему, как к

¹ Осипов К. оказался предателем, агентом английских империалистов, одним из руководителей контрреволюционной Туркестанской организации, в январе 1919 года возглавлял меньшевистско-эсеровское и буржуазно-националистическое восстание в Ташкенте. (Прим. сост.).

наркому, с уважением. В общем встреча носила дружественный характер. Представители местной Советской власти были рады нашему прибытию. Мы устроили совместное совещание. Я сделал подробную информацию о состоянии войск и предложил объединить руководство борьбой. Осипов информировал нас о своих фронтах, но на предложение об объединении ответил молчанием.

Второе наше совещание, более расширенное, было устроено на вокзале Актюбинска. На этом совещании присутствовал также прибывший из Орска М. А. Шарапов, бывший командующий Бузулукским фронтом Колостоз. Он произнес речь о том, что гибнет наше дело, гибнет Советская власть. Это выступление произвело на присутствующих очень неприятное впечатление. Но еще больше возмущение вызвал Осипов. В ответ на наши предложения насчет объединения командования и взаимной помощи он заявил, что ни один красноармеец с нашего фронта не будет допущен в Туркестан. А в случае насильственного проникновения он взорвет плотины на Сыр-Дарье, затопит долины, и мы окажемся надолго отрезанными от Туркестана.

Если вспомнить, какие надежды мы связывали с Туркестаном, как много помощи ждали мы от них, то будет не трудно представить себе наше разочарование и возмущение. Мы взяли в «шоры» Осипова.

Этим возмущением воспользовались жлобинцы, которые поставили совершенно открыто вопрос о перевыборах командующего и выдвинули в кандидаты своего командира Розенберга.

Этот Розенберг был красочная натура, способный и храбрый вояка. Политическая физиономия его была весьма неопределенна. Он крепко держал в руках свой отряд, состоящий наполовину из анархистских элементов. Но это был довольно боеспособный и хорошо вооруженный отряд и с этим следовало считаться. Очевидно, это выступление было заранее подготовлено в деталях, так как после внесения предложения в помещение стали набиваться жлобинцы.

В это время кто-то подошел ко мне и сказал на ухо, что Осипов повернул свой паровоз и уехал, проще говоря, убежал. У меня мелькнула одна мысль. Я подхожу к Розенбергу и приказываю немедленно отправляться с отрядом в погоню за Осиповым. Он без промедления ис-

подняет приказ. Таким образом нам удастся убить сразу двух зайцев: сорвать провокационное выступление жлобинцев и организовать погоню за Осиповым. У многих из нас уже тогда возникла уверенность, что в лице Осипова мы имели авантюриста с левоэсеровским партийным билетом в кармане.

На другой день у нас было совещание в киргизской школе. В нем участвовали братья Коростелевы, И. Д. Мартынов, Равдин, Е. П. Дубицкий, Ф. Г. Кравченко, Левицкий. На этом совещании мы решили погоню за Осиповым прекратить, расположить части вдоль линии железной дороги на участке Кара-Тугай—Челкар.

Я предложил занять фронт между Орском и Актюбинском, но М. А. Шарапов указал на нецелесообразность этого, так как там было всего два-три небольших поселка. Остановились на создании двух групп — Актюбинской и Орской. Для усиления орского гарнизона решили отправить туда 1-й Оренбургский рабочий и 28-й Уральский полки. Для того, чтобы избавиться от лишних едоков и неустойчивого элемента, решили сделать чистку, которую провели довольно оригинальным способом. Мы избрали в каждой части группы активных товарищей и поручили им провести в частях разъяснительную кампанию о целях и задачах нашего фронта. При этом каждому бойцу предоставили свободный выбор: уехать в Туркестан или остаться у нас при условии подчинения строжайшей дисциплине. Из всей группы нашлось немногим более двух тысяч человек, пожелавших ехать в Туркестан, которых мы отпустили без задержки. После этого наша армия хотя и уменьшилась в количестве, но значительно выиграла в качестве и боеспособности.

Одновременно с этим произвели укрупнение отрядов, формирование полков. Из мелких отрядов интернационалистов возник боевой полк под названием «Легион III Интернационала», куда влился и тов. Ш. Х. Усманов со своим мусульманским батальоном.

Оренбургский комитет партии влился в фронтовой комитет, заменявший у нас Реввоенсовет фронта. Губисполком слился с Актюбинским исполкомом. Занялись улучшением работы советского аппарата в Актюбинске и его районе. В окрестностях Актюбинска были зажиточные поселки. Жители их, украинские переселенцы, были мало задеты белоказачьим движением и предпочи-

тали сохранять нейтралитет, не вмешивались в борьбу. Но мы решили втянуть население в борьбу, провели мобилизацию нескольких возрастов. Она прошла довольно удачно и дала нам крепкое пополнение.

Основным вопросом для нас, однако, была связь с Туркестаном. Эта связь у нас началась при нескольких необычных обстоятельствах. Несколько дней спустя после отъезда Осипова, вечером, мы сидели в купе у Коростелева, где собирались почти каждый день. Вдруг из соседнего купе, где стояло радио, вбегает к нам радист и передает перехваченную радиограмму такого содержания: «Народному комиссару Ленину. Из Оренбурга в сторону Ташкента двигаются банды, разрушают железную дорогу и уничтожают Советскую власть. Во главе банд стоит Зиновьев». Подпись: вся власть Туркестана во главе с Колесовым и Осиповым.

Мы были взбешены такой выходкой ташкентцев и тут же, согласовав вопрос, решили вызвать наутро к аппарату весь Совнарком Туркестана. Заявили, что в случае отказа от переговоров с нами, прекращаем хлебозаготовку в Актюбинском районе. Они подошли. Мы потребовали, чтобы они немедленно послали по радио в Москву опровержение и добавили, что до удовлетворения нашего требования мы прекращаем отправку хлеба. Они поломались немного, но в конце-концов послали радио такого содержания, что в общем мы ребята организованные и никого не грабим. Хлебные операции мы возобновили только тогда, когда перехватили квитанцию из Москвы о приеме радио.

В этот момент началось контрреволюционное восстание в Ашхабаде, где белогвардейцами был расстрелян тов. П. Г. Полторацкий и открылся Закаспийский фронт. Ташкентский Совнарком обратился к нам с просьбой послать войска. Мы решили послать туда жлобинцев, Челябинский отряд, Московский, Синдеевский, Казанский полки, а также броневую часть. Кроме того, для более тесной связи выделили группу товарищей в составе Равдина, Дубицкого, А. Л. Клеймана. Во главе войск, в количестве четырех тысяч человек, был поставлен Б. Н. Иванов.

Дубицкий по приезде в Ташкент был назначен наркомом путей сообщения и это имело для нас большое значение.

После прибытия жлобинцев в Ташкент до нас стали доходить различные слухи о беспорядках. Говорили, что жлобинцы терроризируют все правительство, что кто-то бросил бомбу в вагон жлобинцев. Вскоре я получил телеграмму: «Приезжайте спасать положение». Дали паровоз. Я поехал спасать Ташкент от жлобинцев. Но приезде туда оказалось, что ничего особенно не случилось и все слухи преувеличены. Жлобинцы подчинились приказу и отправились на Ашхабадский фронт.

Первая моя встреча с туркестанцами характерна для наших взаимоотношений. В Ташкенте было засилье левых эсеров. Большевистская организация была там очень слаба.

Вслед за мной в Ташкент приехали братья Коростелевы, Мартынов и другие наши работники. Мы поставили перед туркестанцами вопрос о помощи нам патронами и снарядами. Нам категорически отказали, мотивируя тем, что у них самих фронт в Семиречье, в Бухаре. На это мы возразили, что судьба революции решается в Поволжье, в центре. После настоячивых требований нам отпустили очень небольшое количество патронов и снарядов.

Мы вернулись в Актюбинск и начали готовиться к первому нашему наступлению. Это наше наступление было результатом большой работы, проделанной фронтовой парторганизацией, результатом поднятия боевого настроения войск, когда каждый боец рвался вперед. Этому значительно способствовала и победа Красной Армии в центре.

План наступления представлялся в следующем виде: Орская группа под командой А. Е. Левашова должна была двигаться из Орска по Уралу и вдоль линии железной дороги (тогда недостроенной) на Оренбург. Мы начинали свое движение со станций Мартук—Каратугай по Ташкентской железной дороге, поддерживая своим правым флангом левое крыло орчан. По мере приближения к Оренбургу наш фронт должен суживаться и, наконец, под Оренбургом следовало нанести удар объединенными силами.

Было назначено время для совместного выступления, но с самого начала у нас вышла замяка. Выступление нашей группы откладывалось на 3—4 дня из-за задержки со сбором обоза. Таким образом, орская группа бы-

ла предоставлена своим силам. Она натолкнулась на ожесточенное сопротивление белоказаков. До Ильинки орчане двигались с крупными боями. Не получив обещанной поддержки с нашей стороны, орчане после ожесточенных боев повернули круто влево и покатились в нашу сторону, выйдя на линию железной дороги у станции Каратугай.

Наша группа продолжала продвижение, не встречая большого сопротивления на своем пути. Белоказаки откатывались назад, не выдерживая нашего даже незначительного натиска. Только один батальон, составленный исключительно из офицеров, сопротивлялся на каждом шагу. Двигаясь дальше, мы заняли станцию Яйсан. Здесь противник дал нам первый крупный бой. Он кончился благоприятно для нас, но тут обнаружилась одна большая неприятность: все чаще из частей стали поступать требования на патроны. Когда мы подсчитали, то оказалось, что на каждого бойца у нас не больше 200—300 патронов. Конечно, о широком наступлении с таким запасом не могло быть и речи. Если бы, допустим, нам удалось занять Илецк и Оренбург, то и тогда мы, не дойдя до Самары, оказались бы разгромленными. Нам ничего не оставалось, как укрепиться на занятой линии за Яйсаном у 31-го разъезда.

Когда мы привели в порядок части и стали подсчитывать свои ресурсы, то оказалось, что боеприпасов у нас гораздо меньше, на каждую винтовку имеется не больше 100 патронов. Между тем Дутов почувствовал давление со стороны центральных войск от Сызрани и Самары. Он прекрасно понимал, что в случае вынужденного отступления из Оренбурга Туркестан может стать для него отличной базой. Он имел хорошо налаженную через агентов связь с туркестанской буржуазией и решил расчистить себе тыл, покончив с нами одним ударом. Нам надо было ожидать в ближайшее время серьезных натисков со стороны белых. Так и случилось: начались нападения на наши станции. Были очень серьезные налеты на Мартук, Яйсан, Каратугай. Мы успешно отбили эти нападения, но они вызвали у нас непомерный расход патронов. Тогда мы вторично решили поставить перед Туркестаном вопрос о снабжении. Решили послать делегацию в составе двух братьев Коростелевых, Терехова, Зиновьева. Кроме того, для

поддержания порядка мы взяли с собою отряд интернационалистов, так как ехали туда с очень крепкими требованиями.

На специальном объединенном заседании ЦИК и СНК Туркестана я сделал доклад о положении дел на фронтах и указал, что необходимо сосредоточить все внимание на нашем фронте и направить силы на Оренбург. Ашхабадский и Ферганский фронты, хотя и были серьезны, но не имели такого решающего значения, как наш Оренбургский фронт. На Ашхабадском фронте они могли закрепиться у Аму-Дарьи. Ферганское басмачество имело местное значение. Наш же фронт имел тогда решающее значение и для Туркестана, который с ликвидацией оренбургской пробки получил бы из центра все необходимое.

Мы поставили очень резко вопрос о помощи и подготовке второго наступления. Но получили отказ. Тогда нам пришлось прибегнуть к угрозе. Я заявил, что буду вынужден отозвать Иванова с Ашхабадского фронта. Угроза подействовала. Они пошли на уступки и после наших очень шумных, настойчивых требований дали нам снаряды, патроны. Удалось даже «выцарапать» один самолет с летчиком, который полетел с нашим поручением через фронт и связал нас с Красной Армией центра.

Получив подкрепление, мы занялись подготовкой второго наступления.¹ Наша группа, пополненная к тому времени добровольцами из Туркестана, была разделена на четыре дивизии. Три из них предназначались для наступления, а четвертая оставалась в Актюбинске для прикрытия тыла и поддержки связи с Туркестаном.

В конце декабря началось наше второе наступление. Из трех дивизий две были ударные, третья — резервная. Быстрым движением с Яйсана и Сагарчина мы сбили противника и заняли Акбулак.

Особенность этого наступления заключалась в том, что мы волей-неволей должны были отказаться от на-

¹ Автор упустил, что в ноябре 1918 года Туркестанская армия получила оружие, боеприпасы, обмундирование и медикаменты, доставленные по указанию В. И. Ленина А. Джангильдиным через Каспийское море из центра страны. (Прим. сост.)

ступления в эшелонах, а действовать как настоящие полковые войска. Наши эшелоны двигались вслед за нами. Мы быстро шли вперед и заняли станции и мост через реку Чашкан за Акбулаком, затем Григорьевку и Угольный. Нам благоприятствовала погода. Морозы к этому времени спали, температура стояла на нуле. В ночь, когда мы заняли Угольный, мороз стал усиливаться. Было опасение, что морозы задержат нас, потому что наши части были тогда без теплой обуви. Знаменитые кошмовые чулки, надеваемые на ботинки или сапоги, заменяли нам валенки.

Быстрым движением мы достигли Иленкой Защиты и одним ударом завладели этим крупным пунктом. Здесь мы смогли несколько отдохнуть, привести части в порядок, а главное выбрать для дальнейшего движения лучше одетые части, потому что мороз к этому времени снова дошел до 30 градусов.

Несмотря на морозы, мы двинулись дальше и под Мертвыми Солями дали последний решительный бой. Здесь мы имели большие потери — около 400 человек обмороженных. В общем в своих эшелонах мы везли до тысячи раненых и обмороженных.

После боя под Мертвыми Солями мы больше противника не встречали. Связавшись с перешедшим через фронт агентом 1-й армии, мы победным маршем двинулись на Оренбург.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОЛК

СОЛИДАРНОСТЬ С РУССКИМИ РАБОЧИМИ

В центре России правительство Керенского было свергнуто большевиками. Однако в Оренбурге власть захватил атаман Дутов. Оренбургская большевистская организация призвала рабочих к всеобщей политической забастовке. Сперва железнодорожники, а затем и другие рабочие Оренбурга забастовали.

Для подавления забастовки дутовцы решили использовать нас, военнопленных. Нас стали принуждать оборудовать бронепоезд, грузить снаряды и продовольствие для армии Дутова. Но мы не хотели быть предателями пролетарского дела и присоединились к бастующим рабочим. В воскресенье последнего числа декабря 1917 года мы также не вышли на работу, как и русские товарищи. В 10 часов угра дутовский комендант станции, узнав, что и мы отказались выйти на работу, приказал юнкерам оцепить барак военнопленных. С десятью юнкерами он вошел в барак для расправы с непослушными. Первыми словами его были:

— Становитесь, сволочи!

Мы выстроились. Комендант грубо спрашивает:

— Кто среди вас переводчик?

Участковый инженер указал на меня. Комендант спрашивает меня:

— Сегодня вы получили распоряжение о выходе на работу?

Я отвечаю:

— Да.

— А почему не вышли? — спросил комендант.

— Сегодня воскресенье — день, который мы по нашему обычаю празднуем.

— Врешь, большевик — закричал комендант и нанес мне несколько ударов. — Ты такая же сволочь, как и все большевики, я расстрелял бы вас всех, как собак.

Юнкера начали бить меня прикладами в грудь по спине и лицу. У меня пошла кровь изо рта и ушей. Очнулся в приемном покое, куда меня перенесли рабочие-железнодорожники. Остальных моих товарищей выгнали на работу. Они работали до вечера, а ночью из барака разбежались по деревням.

ЗАРОЖДЕНИЕ ЛЕГИОНА

18 (31) января 1918 года Красная Армия заняла Оренбург. Однако борьба еще не была окончена.

4 апреля белые казаки совершили внезапный налет ночью на город, на спящих красноармейцев и зверски рубили их, среди зарубленных товарищей — 38 мадьяр¹.

Против ворвавшихся в город белоказачков с особым упорством дралась группа пулеметчиков-мадьяр, отстаивавших здание военно-революционного штаба. Горстка смельчаков держала улицу под пулеметным обстрелом, им удалось удержать за собой здание до прихода подкрепления.

Налет белоказачков глубоко возмутил рабочих и военнопленных и послужил толчком к вступлению в Красную Армию.

В Оренбурге создавалась значительная группа бойцов из мадьяр, немцев и военнопленных других национальностей.

Мы организовали Интернациональный легион и помогали наведению революционного порядка в городе.

П. П. Олеандер

¹ В этот набег от рук белогвардейцев пало 129 человек, среди них были женщины и дети. (Прим. сост.)

В июне 1918 года вследствие чехословацкой авантюры и захвата Самары, Бузулука, Челябинска и других городов, дутовцами была занята территория вокруг Оренбурга.

Единственным выходом было отступить на Актюбинск и держать связь с Советским Туркестаном. Интернационалисты, несмотря на то, что у них было сильное желание отправиться на свою родину, решили отойти с советскими рабочими отрядами в сторону Актюбинска.

ЭВАКУАЦИЯ

Отступление к Актюбинску происходило под прикрытием нашего Интернационального легиона и других красноармейских частей.

В Илецкой Защите, в саду, в центре города мы похоронили наших бойцов, павших в бою при этом городке. Среди них было 36 венгров. Но этим героям дутовские юнкера даже в земле не хотели дать покоя. После нашего отступления из Илецкой Защиты юнкера и белоказаки собрали население в сад и приказали вырыть всех похороненных красных бойцов.

Жители сначала отказывались, но юнкера стали угрожать им расстрелом.

Присутствовавшие были оцеплены казаками, их фамилии и адреса были записаны. Еще раз был дан приказ взяться за работу. Жители продолжали упорствовать. Началось избиение розгами.

Когда трупы были вырыты, юнкера шашками разрубили их на мелкие части, при этом они кричали: «Такой мадьярской сволочи не место в саду». Порубив мертвецов, юнкера приказали жителям вынести останки за город, на свалку. Зарывать трупы в землю было запрещено. От жары через несколько дней трупы разложились, а галки стали разносить заразу, начались эпидемии. Страдало и население, и белогвардейцы. Потом они распорядились убрать трупы.

Население приготовило братскую могилу на одной из ближайших гор, куда и были отнесены останки героев. При переносе трупов некоторые жители заразились и умерли.

На Актюбинский фронт отошло много рабочих, крестьян, красноармейцев и военнопленных. Последние пополняли наш Интернациональный легион. В Актюбинске мы приступили к дальнейшему формированию полка имени III Интернационала, пополняя его интернациональными отрядами, отступившими из Самары, Бузулука и Оренбурга. Командиром полка был назначен Белаевич, помощником Ф. А. Юричек, батальонным командиром Довид. После Белаевича командиром полка стал Малавинский. Но он был недолго, после него командиром был назначен Л. Ф. Шипка, а комиссаром — пишуший эти строки. По сформировании полка его состав вырос до 2000 бойцов, в большинстве мадьяры.

Сражаясь рядом с оренбургскими рабочими и крестьянскими частями, мы вместе с ними закалялись и готовились к решительному удару по армии Дутова.

В состав нашего полка вошел батальон, около 500 бойцов, татар. Этот татарский батальон состоял из молодежи, мало знакомой с военным делом, но горевшей желанием воевать с белогвардейцами. Во время сражения под станцией Яйсан противник захватил у татар два пулемета. Но мадьяры пришли на помощь, разбили белых и отняли у них эти пулеметы. Потом татары научились воевать. В следующем бою уже мадьяры, отступая, оказались в тяжелом положении. На этот раз подоспевший татарский батальон помог отбить противника.

Во время этих боев была получена радиограмма из Москвы с сообщением, что эсеры тяжело ранили нашего вождя В. И. Ленина. Сообщение это вызвало в наших рядах большое возмущение и гнев. Мы немедленно созвали общее собрание, на котором присутствовал весь состав Интернационального полка, а также много венгров, которые только что освободились из лагерей военнопленных. Собрание проходило под моим председательством. Докладчиками выступали Александр Здобнов и И. И. Лукач, которые призывали отомстить белогвардейцам за покушение на Владимира Ильича их полным разгромом. Собрание приняло резолюцию:

«Узнав о покушении эсеров на нашего дорогого вождя тов. Ленина, нас, интернационалистов, это покуше-

ние сильно возмутило, потому что покушение врагов на тов. Ленина является покушением на вождя рабочих и крестьян всего мира. Мы, бывшие военнопленные, считаем своим долгом с оружием в руках отомстить врагам за каждую каплю крови, вытекшую из ран товарища Ленина. За каждую такую попытку, которую мировые капиталисты совершат, мы не пощадим в борьбе свою жизнь, и пусть враги знают, что мы беспощадно сметем с лица земли тех, кто пытается затормозить путь к осуществлению диктатуры пролетариата. Да здравствует Российская Советская Республика! Да здравствует мировая революция!».

После собрания нами была послана радиogramма в Москву В. И. Ленину, в которой мы выразили ему сочувствие и пожелание скорейшего выздоровления.

Благодаря хорошему отношению к населению со стороны Красной Армии, мы сумели привлечь симпатии к себе крестьян, которые с оружием в руках стали переходить на нашу сторону и помогать нам в борьбе с белоказаками. Мы просили сельские Советы и крестьян посылать своих сыновей на военную службу в Красную Армию. Крестьяне отвечали согласием. После разъяснения на сельских собраниях о покушении на В. И. Ленина крестьяне нам заявляли:

— Лично мы Владимира Ильича не знаем, но знаем его дела, которые нам очень дороги, и для осуществления его дел мы дадим своих сыновей, которые по указанию тов. Ленина должны довести эту борьбу до окончательной победы.

Призыв в армию задерживался в связи с уборкой хлеба. До прибытия новых бойцов мы должны были держать фронт прежними силами. Но вот уборка хлеба кончилась, и в октябре 1918 года многие добровольцы крестьяне влились в ряды советских войск. Этот шаг крестьянского населения явился сильным ударом по белогвардейским бандам.

В Актюбинске нами было создано еще одно общее собрание бойцов Интернационального полка. Обсуждался вопрос: «Наша революционная задача в России». Докладчиками выступали Керекеш и я. В прениях участвовали товарищи, которые указывали на важность достигнуть нашей борьбой закрепления диктатуры пролетариата в России, чтобы через нее помочь переходу

к социалистической революции и наших стран. После долгого обсуждения вопроса общее собрание приняло следующую резолюцию:

«Мы, поработанные венгерскими магнатами мадьяры, признаем, что уехать нам в Венгрию нельзя до тех пор, пока не будут ликвидированы все враждебные фронты и пока не будет осуществлена Советская власть и диктатура пролетариата в России, при помощи которой русским рабочим и крестьянам возможно будет переходить от буржуазного строя к социализму. Для достижения этой цели мы пойдем вместе с русским пролетариатом и понесем нужные жертвы без всякой компенсации, чтобы только поскорей нанести последний сокрушительный удар всякому врагу трудящихся классов всего мира.»

После первых столкновений с белыми выяснилось, что они не оставляют в живых захваченных в плен мадьяр и надругаются над ними. Все это возбуждало в нас ненависть к врагу и побуждало не оставаться у него в долгу. Но вскоре мы отказались от подобных приемов, мы поняли, что жестокость никогда не приведет к лучшему, а наоборот, приведет к гибели того, кто применяет ее.

Правильность нашего взгляда мы тут же подтверждали. Когда были захвачены в плен казаки, то мы вместо расправы над ними рассказали им о целях Красной Армии и предложили вступить в ее ряды. Тех же, кто отказывался, мы отпускали домой, предупреждая, чтобы никто из них не появлялся более в белых войсках.

Чтобы укрепить наши силы, мы созвали на станции Каратугай новое собрание Интернационального полка. Здесь было решено призвать в Красную Армию всех военнопленных, желающих в нее вступить. Благодаря этому мы не только пополнили наш 1-й легион, но и создали 2-й и 3-й легионы в составе нашего полка.

Мне поручено было вести работу среди военнопленных в Актюбинском уезде. До этого эти военнопленные использовались на работе в хозяйствах крестьян. Нам приходилось буквально силой вырывать их. В одном селе, например, так было: один его конец был занят белоказаками, а другой нами. Когда противник узнал, что в деревню прибыли красные, то дал по нам несколько залпов. Но мы перешли в наступление и белоказаки бежали. Мною было собрано около 200 военнопленных, из которых часть вошла во 2-й легион нашего полка, команди-

ром которого стал Сабо. Мы организовали сапожную и портняжную мастерские, чтобы обусть и обшить наших бойцов. Остальные бывшие военнопленные были использованы на работах по восстановлению разрушенных противником железнодорожных линий и мостов.

Постепенно советские полки, усвоившие тактику полевой войны, стали стойкими и решительными в своих действиях, проявляли массовый героизм. На одной из стоянок эшелона с ранеными наши разведчики донесли, что показалась неприятельская кавалерия. Начальник эшелона сообщил об этом по телефону в штаб и просил немедленно прислать подкрепление. Ему ответили, что подкрепление сейчас прибудет. Но оказалось, что начальник говорил не с нашими, а со штабом белых, и те не замедлили двинуть на наш эшелон с ранеными свою конницу. Увидев надвигающуюся беду, раненые и больные как были в одном белье, с перевязками, так и ринулись на неприятеля и заставили его отступить и, таким образом, спасли эшелон до прибытия нашего подкрепления.

Под влиянием сведений о революционных событиях в Австро-Венгрии в рядах полка стала расти тяга домой. Чтобы сохранить и удержать мадыарские части для дальнейшей борьбы за Советскую власть в России, пришлось выдвинуть тактический лозунг следующего содержания. «Нужно спешить домой в Венгрию для освобождения наших семейств от бесконечной эксплуатации и гнета буржуазии. Но это можно скорее всего сделать, разбив белогвардейцев в России!». Этот животрепещущий лозунг послужил толчком к тому, чтобы мадыарские части снова ошметнили свои штывы и стали еще более стойкими в последующих боях.

ПОБЕДА НАД «ЗОЛОТОЙ РОТОЙ»¹

Слух о непобедимости «Золотой роты» доходил и до нас. Одна из первых битв мадыар с белыми офицерами произошла у станции Яйсан. Офицеры под командованием венгра, бывшего ротного командира 25-го венгерского

¹ «Золотая рота» — так называлась одна из частей войск атамана Дутова, состоявшая только из офицеров. Она отличалась особой жестокостью (Прим. сост.)

полка, напали на нас. Отряд белой конницы атаковал наши позиции. Против них мы пустили в ход пулеметы, а потом пошли в контратаку. Первой жертвой у белых был венгерский офицер, который на белом коне с вытянутой шашкой в руке вел отряд. Подъехав ближе к нам, он на венгерском языке крикнул:

— Бросай оружие, мадьяр, как ты смел взяться за него на чужой земле?!

Один из наших бойцов, венгерский цыган, рассердился, выскочил из окопа, бросился к венгерскому офицеру и мгновенно приколол его штыком. Мы все бросились в штыки и отбросили «Золотую роту».

После боя под Яйсаном на помощь к нам прибыл 28-й Уральский полк.

Вторая битва произошла под селом Сагарчином. Здесь ночью белые цепью в несколько рядов окружили нас, а утром неприятельская артиллерия начала обстреливать нас ураганным огнем. Обстрел продолжался долго, но мы не отвечали, чтобы противник не обнаружил, где мы находимся. Мы же ночью вышли из деревни и образовали кольцо вокруг нее. Поэтому ураганный огонь неприятеля не причинил нам большого урона. В 4 часа дня ураганный огонь прекратился. Белые пошли в атаку. Мы прибегли к неожиданной контратаке, бросились в рукопашный бой с криками, которых они еще никогда не слышали:

— Райта, райта, райта! — что означает: ура, ура, ура!

От нашей неожиданной контратаки первые ряды белых пошатнулись, мы стали действовать смелее и скоро достигли полной победы.

Когда бой кончился, мы увидели, что недалеко от нас поднялись несколько неприятельских солдат. Командир немецкой роты Брантер (в полку было шесть рот мадьяр и одна рота немецкая) подошел к ним. Это оказались 25 башкир из армии Дутова. Брантер поздоровался с ними и предложил им вступить в наш Интернациональный полк. Но они не решались. Тогда мы, разъяснив им, за что воюет Красная Армия, отпустили их по домам, снабдив агитационной литературой.

Успехи борьбы советских войск против атамана Дутова зависели от того, кого поддерживало местное население. Трудовое население скоро убедилось, что Крае-

ная Армия — его армия. При нашем вступлении в город или в деревню бедные жители с радостью выходили к нам навстречу, приветствовали и желали нам скорейшей победы. Такое доверие завоевал и наш полк. Крестьянство говорило о мадьярах «наши», и мы старались жителей не обижать. Не было такого места, чтобы нами не была оказана помощь местным жителям, где бы мы остались должны за харчи. Поэтому чем дальше, тем больше мы завоевывали симпатии местного населения.

ОТВЕТ НА ВОЗЗВАНИЕ ДУТОВЦЕВ

Однажды дутовцы прислали воззвание нашему Интернациональному полку. Они писали, что не могут понять, чего мы хотим достигнуть вооруженной борьбой против русских православных людей, почему бывшие военнопленные венгры не дают казакам мирно жить? Дутовцы в воззвании лгали нам, что будто бы в Венгрии большевики нападают на наши семьи, разоряют и уничтожают их, что здесь военнопленные обмануты комиссарами и агитаторами, их хотят использовать в своих корыстных целях.

«Ведь вам эта война в России не нужна, — говорилось в воззвании. — Если вы сражаетесь с нами, то только потому, что хотите пробраться к себе домой, и поверьте, мы вам в этом окажем всевозможную помощь. Для этого к 1 декабря вы должны отдать в наши руки всех большевистских агитаторов и комиссаров, а также все огнестрельное и холодное оружие. Ведь оружие вам после этого соглашения совершенно не нужно».

Дутовцы обещали после перехода к ним отправить нас на родину, в Венгрию, где мы будем жить как в раю, счастливо и свободно под руководством графа Котляра. «Пусть блестит мадьярам Венгрия!» — заканчивалось воззвание.

Красноармейцы-венгры Интернационального полка, ознакомившись с клеветническим воззванием дутовцев, приняли следующую резолюцию:

«Мы, венгры Интернационального полка, воюющие в рядах Красной Армии против русской и мировой контрреволюции, вполне убеждены в том, что мы идем по правильному революционному пути к действительному

осуществлению идей социализма и освобождению всех угнетенных народов от шовинизма и империализма: трудящихся всего мира — от эксплуатации помещиков, фабрикантов, банкиров и их слуг и агентов, посылающих к нам провокационные воззвания, чтобы посеять смуту в рядах борющегося венгерского пролетариата и свести нас с правильного пути.

Никакими воззваниями к нам и подстрекательствами населения против нас не удастся наемникам буржуазной контрреволюции — дутовцам, разбить единство в наших рядах, так как мы воюем не за наши личные интересы и не за интересы буржуазно-помещичьей Венгрии (как распространяют слухи контрреволюционеры-дутовцы и прочие среди местного населения, будто Интерполк-венгерцы желают отвоевать Туркестан для Венгрии), а мы боремся за полное освобождение всего мира; которому необходимо как воздух освобождение от векового гнета помещиков и капиталистов, а поэтому мы не остановимся в своей революционной борьбе до тех пор, пока не водрузим Красное знамя во всем мире».

Так писали мы дутовцам, а для себя провозгласили: — Держите, товарищи, крепче оружие в руках! Победа за нами. Да здравствует всеобщее наступление всего красного фронта против издыхающих уже контрреволюционных банд! Да здравствует борьба пролетариата до окончательной победы над угнетателями трудящихся всего мира! Да здравствует III, Коммунистический Интернационал!

ЛОМАЯ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВРАГА

В ноябре 1918 года наша Красная Армия Актюбинского фронта насчитывала до 30 000 человек. К этому времени из центра нами были получены через Каспийское море патроны и снаряды. Мы готовы были к выступлению против армии Дутова.

Подготавливая наступление, штаб армии созвал в начале декабря конференцию Актюбинского фронта. На ней и было решено перейти в общее наступление по всему фронту в самый кратчайший срок. Все делегаты голосовали за это, и только делегаты Жлобинского отряда воздержались.

Дутовцы, узнав о поведении жлобинцев, решили воспользоваться этим и прислали жлобинцам воззвание, в котором предлагали им присоединиться к армии Дутова. В случае согласия Дутов обещал предоставить самые лучшие условия и «полное прощение». Но к чести жлобинцев, они отвергли эти проiski Дутова.

В порядке подготовки к наступлению на Оренбург мы провели работу по усилению нашего Интернационального полка. По поручению штаба мною проведено формирование 3-го легиона полка из военнопленных, работавших в разных мастерских Актюбинска. Во главе нового легиона встал Шипка, политруком назначили Жукова и адъютантом Лейхнера.

Настроение в частях, в частности в нашем полку, было хорошее. Руководители полка старались удовлетворять наших солдат всем, что могло бы поддержать у них дух бодрости. Мы привлекли цыган к устройству концертов. За музыку цыган венгры готовы были отдать все на свете. Поэтому я задался целью организовать одно отделение из венгерских цыган. Эта задача была выполнена в самый короткий срок. Красные венгры были очень рады цыганским скрипачам. Слушали музыку наши красноармейцы не только во время отдыха, но и перед боем и после него. Родная музыка поддерживала бодрость в бойцах. Бывали случаи, когда скрипачи начинали играть чардаш, тогда не только здоровые, но и раненые венгры пускались в пляс. Цыгане скоро привыкли к нам и к войне и стали такими же хорошими бойцами, как и остальные товарищи.

При наступлении на Оренбург наши войска встречали отчаянное сопротивление неприятеля, особенно озлобленно действовали белоказаки. Но и среди них дисциплина рушилась. Между стариками и молодыми казаками шли распри, казачьи семьи раскалывались.

Стремление мадьяр к занятию Оренбурга было неописуемо, большинство из них жили в этом городе и работали как военнопленные. Они имели знакомых среди местного населения и настолько сблизилась с Оренбургом, что называли его «наш родной город». Это и влекло их вместе с коренными оренбуржцами к освобождению города. Никакое сопротивление неприятеля не могло остановить нас, тем более, что красные солдаты стали страшно нуждаться и в одежде, и в обуви,

и сознавали, что все это может быть приобретено только в Оренбурге.

Самые ожесточенные бои у нас произошли за Мертвыми Солями, где противник приготовился к обороне. Несмотря на сопротивление врага и на сильный бурян при 30-градусном морозе, наши войска шли вперед. Враг был разбит. При этом очень много наших людей пострадало от мороза. В бою погибло много наших интернационалистов. В числе убитых был Довид — командир 1-го батальона. В Венгрии он был простым крестьянином. Ввиду издевательства над военнопленными в лагерях он стал ненавидеть капиталистический строй, вступил в Красную Армию и стал командиром. В его отряде была примерная дисциплина. В ожесточенных боях у Мертвых Солей Довид до последней минуты стоял на своем боевом посту и руководил батальоном, пока неприятельская граната не взорвалась рядом с ним. Любимый командир погиб, и вместе с другими павшими бойцами перевезен в Оренбург и погребен в саду около станции, где и поставлен им памятник.

Совместными атаками мы сломили врага. 22 января 1919 года наша кавалерия вошла в Оренбург. Одновременно красная кавалерия 1-й армии заняла железнодорожную станцию Оренбург.

При встрече с представителями 1-й армии мы с удовлетворением узнали, что и в ее составе сражается Интернациональный полк, во главе которого стоит венгр Дьюла Варга. Этот полк сыграл большую роль в боях за Оренбург и в дальнейшем наступлении на Орск.

После занятия Оренбурга часть бойцов Интернационального полка пожелала уйти на Южный фронт согласно решению конференции иностранных коммунистов, принятому 4 ноября 1918 года. Вместо выбывших в наш полк вступили новые силы из военнопленных мадьяр, находившихся в городе.

Наш полк был присоединен к вновь образованной бригаде М. В. Сангурского и в марте 1919 года отправлен на Уфимский фронт против наступающей армии Колчака.

ИЗ ЗАПИСОК ПОЛИТБОЙЦА

В мае 1918 года в числе многих петроградцев, направленных Центральным Комитетом партии в разные районы страны для укрепления Советской власти, я был командирован в Оренбург. По приезде на место я явился к председателю Оренбургского губисполкома А. А. Коростелеву. Он внимательно расспросил о моей предшествующей партийной работе, взвешивая, видимо, как лучше меня использовать. В заключение он предложил мне работать в агитотделе губисполкома. Я согласился. Коростелев умел разбираться в людях, а массовая работа отвечала моему характеру и опыту.

Это назначение в агитотдел предопределило в известной мере и ту работу, которую мне довелось затем вести в Красной Армии в условиях развернувшейся в крае гражданской войны.

В мае вокруг Оренбурга сложилась весьма трудная и напряженная военная обстановка. Оренбургские и уральские белоказаки, с одной стороны, белочехи, захватившие Самару, с другой, наседали на район Оренбурга. Соотношение сил в ту пору в Оренбургском крае было не в нашу пользу. Поэтому партийное и военное руководство приняло решение временно оставить Оренбург и отойти на Актюбинск. Это было смелое и правильное решение. Осуществление его позволяло сохранить наши силы, обстоятельнее подготовиться к будущей решающей схватке с врагом.

Оренбургская партийная организация проявила в этот тяжелый момент высокую организованность и стойкость. Подготовка к отходу из Оренбурга заняла всего 5 дней. Было подготовлено свыше 100 поездов. В отходящие отряды вливались рабочие железнодорожных мастерских, депо, «Орлеса», кожевники, колбасники. Всего эвакуировалось до 30 тысяч человек. Эту ар-

мью следовало вооружить, обеспечить продовольствием. Все это было сделано надлежащим образом и в срок.

Моя роль в этом беспримерном героическом деле заключалась в том, чтобы быть в массах и поддерживать их революционный дух. Нас, агитаторов-коммунистов, забрасывали тысячами вопросов. Но при всем этом в рабочих массах не было и тени паники или растерянности. Наоборот, всеми владело боевое, здоровое настроение. Вера в правоту нашего дела, в то, что мы скоро вернемся с победой, воодушевляла отъезжающих и тех, кто провожал. Среди провожающих также царили спокойствие и порядок.

3 июля 1918 года последние вооруженные отряды оренбургских рабочих двинулись по железной дороге в сторону Актюбинска. Во время отхода красногвардейских отрядов на Актюбинск командующим был Г. В. Зиновьев — большевик и талантливый командир.

Лента поездов растянулась более чем на 30 километров.

Смелый маневр советского командования оказался, видимо, неожиданным для врагов. Правда, они поспешили поднять богатых казаков станиц, лежащих вдоль железной дороги, чтобы атаковать наши эшелоны. Отряды белых все время двигались параллельно с нами, обстреливали нас, производили нападения. Первое крупное столкновение произошло около станции Акбулак. Враг пытался задержать наше движение ружейно-пулеметным огнем, однако был отброшен. И так несколько раз. Впереди всей нашей лавины шел вооруженный отряд красногвардейцев, состоявший глав-

М. А. Башилов

ным образом из железнодорожников. Он пробивал белогвардейское окружение. За ним двигался ремонтно-вспомогательный поезд. Под обстрелом ремонтники героически восстанавливали пути, разрушенные противником.

На седьмые сутки мы достигли Актюбинска, там была Советская власть. После недели отдыха наша армия стала рассредоточиваться. Одна группа расположилась в Актюбинске, вторая — на станциях от Яйсана до Актюбинска, третья покинула эшелоны и походным порядком направилась в Орск. Ядром этой группы были: полк оренбургских железнодорожников и 28-й Уральский полк, с общим количеством до пяти тысяч человек. На эту группу возложена была защита советского Орска. Командиром группы был А. Е. Левашев — беспартийный, большевистски настроенный рабочий Оренбургских железнодорожных мастерских. В момент установления Советской власти в Оренбурге он командовал отрядом Красной гвардии. В старой армии он служил унтер-офицером и имел опыт германской войны. В штабе группы Левашева работали бывшие прапорщики Иван Логинов и Александр Митин. Последний был сыном оренбургского рабочего. Артиллерией группы командовал Василий Ходаков, бывший фейерверкер старой армии. В январе 1918 года он участвовал в освобождении Оренбурга от дутовцев. В марте того же года на Оренбургском губернском съезде Советов В. Ходаков был избран членом губисполкома.

Эти группы образовали Туркестанскую армию под командованием Г. В. Зиновьева. В массе своей она состояла из трудящихся Оренбургского края и отрядов, присланных из центра страны.

Имея личное задание председателя губисполкома А. Коростелева о ведении агитационной работы, я продолжал ее и в эшелонах во время отхода к Актюбинску и во время похода к Орску. Красногвардейцы тянулись к нам, агитаторам, за газетами, справками, разъяснениями. Это способствовало политическому сплочению бойцов вокруг коммунистов. Но это вначале не было понятно командиру группы Левашеву. В моем авторитете, как члена партии, он усматривал чуть ли не подрыв его авторитета, как командира. Еще перед выступлением из Актюбинска в вагоне губкома партии

Левашев потребовал от А. Коростелева, чтобы тот за-
претил мне работу в войсках. Всегда сдержанный и
мягкий, А. Коростелев вспыл и одернул Левашева.

— Ты не понимаешь огромного значения того, что
делает Башилов, — говорил Коростелев Левашеву. —
Политическое просвещение и сплочение наших людей
так же важно, как и твой командирский авторитет.
Больше того, именно агитационная работа укрепит
дисциплину в отрядах и поможет тебе.

Левашев потом еще некоторое время косился на
меня, пока не привык ко мне и к моей роли.

После утомительного похода по степи мы прибыли
наконец в Орск. В городе был небольшой гарнизон,
состоявший из Орского полка и нескольких мелких от-
рядов. Орским полком командовал А. И. Морозов,
прибывший с Баймакским отрядом. С приходом нашей
группы активную военно-организаторскую работу в Ор-
ске повели товарищи Ф. И. Подзоров — командир
28-го Уральского полка, И. А. Кривцов, М. М. Крас-
нощеков, Н. А. Кашин, Г. И. Занузданов. Эти командиры
стали активными руководителями боевых дел.

Еще до прибытия нашей группы белоказаки пред-
принимали попытки захватить Орск, но безуспешно.
Прибытие нашей группы укрепило военное положение
советского Орска, удержанию которого Г. В. Зиновьев
придавал большое значение в общем плане борьбы за
возвращение Оренбурга. Но одновременно и белое ко-
мандование, понимая роль Орска, стянуло к нему пре-
восходящие силы. Орск оказался на положении осаж-
денной крепости. Сам город лежал в котловине, а при-
мерно в пяти верстах вокруг него возвышались холмы.
Они господствовали и над городом и над окружающей
степью. Наше командование учло, что если оборонять
только самый город, то враг, заняв возвышенности,
сомнет нас. Поэтому оборона была вынесена на гребни
возвышенностей вокруг города. Правда, цепочки наших
отрядов, растянувшихся по круговой обороне, были
реденькими, но все же именно на этой линии мы с ус-
пехом отбивали почти ежедневно яростные атаки бело-
казаков.

Удерживаемого нами пространства было недоста-
точно, чтобы уберечь Орск от артиллерийского обстрела.

Противник часто бил через наши позиции по городу. Это создавало нам огромные трудности.

Мы в Орске были отрезаны от мира, не имели рации. Связь с внешним миром, получение хлеба и фуража, а также боеприпасов осуществлялись нами путем посылок время от времени специальных отрядов через фронт. Они прорывали цепи противника, проникали глубоко в его тылы, набирали там муку, фураж и с боем возвращались обратно. В некоторых случаях такие отряды добирались до Актюбинска, получали там боеприпасы, газеты, радиосводки и указания командования.

Устраивались внезапные нападения на противника, на его тылы. Так был произведен налет на станицу Хабаровую, чтобы захватить белогвардейский штаб Карнаухова и боезапасы. Полностью эта задача не была выполнена. Штаб противника, обнаруживший наш подход, разбежался, но все же мы захватили некоторые документы, много винтовок, патронов и другое военное имущество.

Повелось так, что газеты, листовки, радиogramмы, которые мы иногда получали из Актюбинска, поступали ко мне, как к агитатору. Мы их немедленно использовали в своей разъяснительной работе. Постепенно вокруг меня образовалась группа товарищей, членов партии, помогавших в агитационной работе. Это привело к образованию агитотдела при штабе группы Левашева. Все агитаторы образовали коллектив или коллегию во главе с председателем, которым был избран автор этих строк.

Отрезанные от Советской России, мы не знали как следует о строительстве партийно-политической работы в Красной Армии. Но сама природа вооруженных сил трудящихся во главе с коммунистами привела к созданию у нас некоторого подобия или зачатка политотдела. Однако до института политических комиссаров в войсках мы не дошли. Комиссаров в советских частях Орско-Актюбинского района в 1918 году не было. Это задерживало изживание проявлений партизанства. Возникновение нашего агитотдела было известным шагом вперед в деле налаживания политического руководства отрядами. Активными деятелями агитотдела при штабе обороны Орска были товарищи К. М. Шишкин, Колтырин, П. Левушин, Л. Иванов, М. И. Терехов, Пузанов, И. Бронштейн и другие.

Агитаторы разъясняли красногвардейцам сущность Со-

ветов, как власти трудового народа, в отличие от власти буржуазно-помещичьей. Указывали, что только под руководством партии Ленина и с помощью Советской власти можно добиться получения земли и свободы. Призывали наших людей не щадя сил бороться за эту власть. Работники агитотдела доказывали бойцам, что необходимо крепить воинскую дисциплину, бороться против пьянства, мародерства и т. п. В агитотдел ежедневно поступали заявки с просьбой прислать в ту или иную воинскую часть агитатора. Для этих целей мы использовали и других партийцев из отрядов. Зародившись в Орске, наш агитотдел продолжал работать потом в Актюбинске уже в масштабе всего фронта.

Белые атаманы и офицеры, опираясь на казачье кулачество, старались вовлечь в свои ряды и трудовых казаков. Они внушали казакам, что война ведется якобы за Учредительное собрание, играли на сословных предубеждениях, пугали казаков тем, что большевики отнимут у них землю. Вскоре атаманы перешли к насильственной мобилизации казаков в свои банды. Однако среди трудовых казаков, оказавшихся в рядах белых, сильны были сомнения в справедливости войны против Советской власти. Трудовые казаки хотели мира, прекращения гражданской войны.

Однажды, когда я вернулся из очередного продовольственного рейда по тылам белых, член агитколлектива Левушин рассказал мне, что к нашим позициям несколько раз подъезжали группы казаков с белыми флагами и без стрельбы. В агитотделе мы уже знали о колебаниях в войсках врага и решили «поагитировать казачков», устроить «братанье», как это делалось на германском фронте.

И вот однажды я с Левушиным поехали к вражеским линиям, чтобы попробовать поговорить с казаками. Левашев без нашего ведома послал за нами взвод, чтобы выручить нас в случае беды. Мы ехали без оружия. Проехав версты полторы в сторону противника, мы никого не обнаружили.

Впереди был курган, мы заметили, что с него нам машут фуражкой. Если на кургане находится наблюдательный пункт казаков, рассуждали мы, значит позиция их за курганом и нам надо еще ехать вперед. Но едва мы тронулись, как спереди и с боков поднялась цепь про-

тивника. Мы двое оказались отрезанными от своих кавалеристов и почти окружены, но выстрелов не было. Послышался крик:

— Вы советские? Мы хотим с вами поговорить, долго мы будем воевать, за что идет война? Положите оружие!

— У нас нет оружия, — отвечали мы.

Казачи подъехали вплотную. Они могли нас захватить, но не сделали этого.

Начался разговор. Мы говорили, что ошибаются казаки, слушая своих атаманов. Советская власть трудовых казаков не обидит и их земли оставит за ними! Мы раздали казакам полученные недавно из Актюбинска советские газеты. Казаки отвечали, что они «хотели бы замириться!»

Во время разговора я спешил и отошел от лошади. Вдруг вижу, что один казак подошел к моей лошади. Я решил, что сейчас нас будут хватать. Но казак попробовал ослабевшую подпругу (я был плохой кавалерист), покачал головой, подтянул подпругу и отошел.

В разгар беседы подошел какой-то военный, но без погон. Он потребовал прекратить разговоры и сообщить наши условия ему для передачи командованию.

— Я мог бы взять вас в плен, — заявил он, — но я этого не делаю. Я левый социал-революционер и стою за демократию.

— Как же вас, «социалиста», занесло к монархисту Дутову? — не выдержал я. Он смолчал. Казаки загомонили:

— Как можно задержать, они с добром к нам. Мы давно хотели с ними поговорить. Пусть едут свободно домой!

Дело было сделано, рисковать дальше не следовало. Вскочив на лошадей, мы помчались к своим цепям. Стрельбы вслед не было. Таким образом, «братанье» состоялось. Поведение рядовых белых казаков при встрече с нами свидетельствовало, что в дутовских войсках растет тяга к прекращению гражданской войны.

Через несколько дней мы пытались повторить братанье, но были встречены огнем. Очевидно, белое командование сменило ненадежную часть. Но после опыта «братанья» мы стали выделять из наших скудных запасов литературы долю и для солдат противника, раз-

брасывая эту литературу в распоряжении белых. Так началась наша работа в войсках противника. Но пока широкие массы трудового казачества еще не созрели для перехода на сторону Красной Армии. Привычная дисциплина в белоказачьих частях еще была сильна.

Бои продолжались со все большим ожесточением. Не раз судьба осажденных в Орске висела на волоске.

11 сентября на одном из участков обороны противник повел сильное наступление. Первые атаки были отбиты, но белое командование ввело новые силы. Схватки происходили с переменным успехом. Видимо, на этот раз белогвардейцы решили покончить с нами во что бы то ни стало. Их артиллерия без конца била по городу. Упорству белых не уступало и наше сопротивление.

Один из снарядов противника попал в стог сена, недалеко от которого находился склад наших скудных боеприпасов. Огонь вскоре перекинулся на склад. Послышался пронзительный треск лопающихся патронов. Паника в городе, казалось, была неминуемой. Однако этого не случилось. Бойцы резерва, оставшиеся в городе, бросились спасать склад. Рискуя жизнью, они бросались в горящие помещения и вытаскивали оттуда ящики с патронами и снарядами. Благодаря героизму красногвардейцев, катастрофа была предотвращена.

Героизм и стойкость коммунистов, красногвардейцев преодолевали все трудности и опасности. Навстречу рвущемуся к городу врагу наше командование бросило все, вплоть до хозяйственных команд, поваров, хлебопеков, санитаров из госпиталей. И враг был отброшен на исходные позиции. Красногвардейцы и командиры проявили выдержку, несгибаемую волю, преданность делу. Они готовы были умереть, но не отдать город.

Говоря о боевых делах в Орске, нельзя не вспомнить, о гибели одного из наших товарищей. В составе 28-го Уральского полка, оборонявшего Орск, имелся единственный у нас автоброневик. Командовал полком моряк Филипп Ильич Подзоров. Его любимой поговоркой было «Ангел мой», и она стала его вторым именем. Однажды Подзоров с двумя матросами на своем броневику поехали в разведку. Они проникли глубоко в тыл противника и основательно потрепали его. Но при возвращении машина попала в котлован, откуда не могла выбраться. Это было недалеко от Новотроицка.

Ф. И. Подзоров

Белоказаки окружили машину, стреляли в упор. Подзоровцы-моряки отстреливались до последнего патрона. Наконец их пулемет смолк, стрелять было нечем. Обнаглевшие беляки пытались протаранить броню машины пиками. Одновременно они кричали, чтобы матросы сдались в плен.

— Красные моряки не сдаются, — слышалось в ответ.

Тогда дутовцы подвезли к броневiku два воза соломь, обложили ею машину и зажгли. Повалил густой дым, языки пламени стали лизать броню.

— Вылезайте! Все равно вылезете! — злорадовались белогвардейцы.

И вдруг из машины слышалось пение Интернационала. Так, не склонив голов перед врагом, погибли за Советскую власть наши товарищи вместе с героическим командиром Ф. И. Подзоровым.¹

По указанию командования Туркестанской армии наша Орская группа, оставив для охраны города небольшой гарнизон, 27 сентября выступила на Оренбург. Одновременно на Оренбург должна была наступать и актюбинская группа. Мы наступали вдоль Орской железной дороги и по Уралу.

Первый день прошел с успехом для нас. Под станцией Хабаровой были захвачены два орудия противника вместе с прислугой, несколько ящиков с патронами и двести казачьих пик.

28-й Уральский полк, двигавшийся вдоль железной

¹ Трудящиеся Оренбургской области не забыли героев-моряков, отдавших жизнь за Советскую власть. При въезде в Новотроицк на месте, где погибли моряки, установлен постамент с моделью броневика на нем. (Прим. сост.)

дороги, встретил сильное сопротивление противника, однако разбил его у станции Сара и отбросил к станции Кувандык. Но этот полк самостоятельно действовать не мог, ибо понес большие потери и основательно измотался. Поэтому он присоединился к отряду, который двигался по Уралу. Это произошло в станице Губерлинской. Главные силы тоже вышли к этой станице. Так здесь произошло соединение всех наших частей, выступивших из Орска на Оренбург.

Объединенные в одну группу, наши отряды продвинулись к станице Ильинской и заняли ее. Выставив сторожевые посты, войска вместе с большим обозом разместились на привал. Все улицы и переулки были забиты телегами, бойцами. Населения в станице почти не оказалось. Оно было запугано офицерством, поверило, будто большевики уничтожают всех казаков, и ушло с белыми.

В станице произошел случай, показавший нам коварство врага и заставивший усилить нашу бдительность. В штаб к Левашеву пришел оборванный, грязный человек. Он назвался «иногородним мужиком» и жаловался, что, будто бы красногвардейцы ограбили его. По указанию Левашева я пошел на место происшествия. На окраине станицы мне представилась покосившаяся хатенка. Бедность и запустение глядели из всех углов. Выяснилось, что наши бойцы взяли у «иногороднего» ведро напоить коней, пообещав потом его вернуть. Но хозяин не поверил им и пошел жаловаться в штаб. Приказав бойцам вернуть ведро, я стал расспрашивать хозяина, почему он не ушел из станицы.

— А я вас ждал, Советскую власть. Я иногородний бедняк, чего мне с офицерами уходить! — отвечал он.

Едва я вернулся к Левашеву, как в штаб вбежало несколько взволнованных красногвардейцев. Они вели уже знакомого нам человека. Оказалось, что бойцы наши у него винтовку. На наши вопросы он ответил, что подобрал винтовку в степи и хотел приспособить ее для охоты. Он клялся, что патронов к винтовке у него нет. И на этот раз мы поверили ему, обобрав винтовку. Однако бойцы не успокоились. По каким-то признакам человек казался им подозрительным. Они сделали у него еще один обыск и нашли в погребе большое количество патронов. Дело было ясное. «Иногороднего» арестовали. Опросив оставшихся в станице жителей, мы узнали, что

арестованный никакой не бедняк, а один из атамановских прихвостней, член комиссии по приему в казачье звание и лишению этого звания, т. е. весьма влиятельная фигура в станице. Он остался с целью разведать численность советских войск, замаскировавшись под «бедняка» и использовав заброшенную хатку. Коварный шпион получил должное, а мы поблагодарили бойцов за урок бдительности, какой они нам дали.

Во время нашего пребывания в Ильинской белогвардейцы подтянули к станице большие силы. Они рассчитывали окружить нас и уничтожить, сорвав тем самым наше движение на Оренбург. Противник начал наступление с нашей тыловой стороны, открыв интенсивный артиллерийский огонь по станице. Когда наши части двинулись из станицы, конные белоказаки стали обходить нас с правого фланга, стремясь прижать к Уралу, потом они подожгли впереди нас деревянный мост через большой овраг.

Словом, наш отряд оказался в полуокружении. Казаки охватили нас как бы подковой, концы которой упирались в Урал. Противник повел усиленный обстрел шрапнельными снарядами занятого нами небольшого пространства. Наше положение стало критическим. Однако наши разведчики нашли брод через Урал. Но и противник о нем знал. Он бросил туда два эскадрона, чтобы отрезать нас от брода. Но сделать это не удалось. У брода уже стоял наш станковый пулемет, который и задержал казаков. Затем к броду подошел наш отряд и примчалась батарея В. Ходакова. Попытка белых захватить брод была отбита.

В этом бою я убедился в способностях Ходакова, как артиллериста. Его шрапнель сыграла, пожалуй, главную роль в разгроме белых у брода через Урал.

Помогла и наступившая ночь. Под ее покровом мы переправили обозы, артиллерию и весь личный состав.

После боя под Ильинской выяснилось, что наше продвижение на Оренбург продолжаться не может из-за отсутствия патронов и снарядов. Поэтому мы изменили направление и двинулись в сторону Ташкентской железной дороги. Вскоре в районе станции Мартук мы соединились с советскими отрядами, действовавшими со стороны Актюбинска.

Можно назвать несколько причин неудачи наступ-

ления Орской группы на Оренбург. Ошибкой было то, что наши силы дробились на несколько мелких отрядов. Когда Орская группа наступала, Актюбинская только готовилась к наступлению. Путь нашего движения был трудным в силу того, что он проходил по казачьим станицам, население которых белым удалось настроить против нас. Наконец, ошибкой было и то, что мы слишком обременили себя большим обозом, который растягивался на 5—7 километров, сковывал нашу маневренность. На охрану обоза затрачивалось большое число красногвардейцев.

С октября по декабрь в районе Актюбинска шла подготовка к решительному наступлению на Оренбург. На фронте продолжались отдельные схватки с противником.

Для политической подготовки наступления большое значение имела партийная конференция Туркестанской армии в начале декабря 1918 года. Состоялась она на станции Яйсан в служебном железнодорожном помещении. Присутствовало более 100 делегатов. Это были главным образом оренбургские коммунисты, которые после отступления из Оренбурга влились в ряды Красной Армии. Поэтому руководящие деятели Оренбургского комитета РКП(б) и губисполкома оказались и руководителями партийной организации Туркестанской армии.

Конференция избрала армейский партийный комитет из 15 членов. В него вошли А. А. Коростелев, И. Д. Мартынов, С. П. Терехов, Д. Иванов, М. И. Терехов, А. Н. Малишевский и другие. Председателем комитета был избран А. А. Коростелев, я — членом президиума и секретарем комитета. По своим функциям комитет заменил политотдел, отсутствовавший в Туркестанской армии.

Сразу же после конференции все ее делегаты, в том числе и члены комитета партии, отправились в воинские части. В напутственном слове А. А. Коростелев говорил о задачах партийцев в деле политического сплочения бойцов, особо подчеркнув, что долг коммунистов — подавать пример самоотверженности в бою.

В декабре 1918 года началось долгожданное наступление. Оно шло в чрезвычайно тяжелых условиях местной степной зимы, при 30-градусных морозах и неверо-

ятных буранах. Валенки не было, но наши снабженцы изобрели особые боты из киргизской кошмы, которые натягивались на сапоги. К чести снабженцев таких бот было заготовлено достаточно.

Самое главное, что обеспечивало успех наступления, — это высокий наступательный порыв всей массы бойцов. Если во время отхода от Оренбурга наши части тяготели к эшелонам, то теперь они, несмотря на стужу, были в поле, наступающая цепями. В поездах оставались лишь тыловые службы, госпитали, свернутые учреждения Оренбургского губисполкома. По мере продвижения частей и освобождения линии железной дороги продвигались и эти тылы в поездах.

Перед станцией Мертвые Соли мне было поручено А. А. Коростелевым обеспечивать политически успех наступления Интернационального и 28-го Уральского полков.

Противник занимал господствующие над местностью позиции и вёл оттуда сильный огонь. Но это не остановило героев интернационалистов и уральцев. Утопая в снегу, они достигли гребня возвышенности, забросали белых гранатами и ударили в штыки. Мы потеряли в этом бою 19 убитых и 85 обмороженных. Но очередное препятствие на пути к Оренбургу было опрокинуто.

... И вот мы в Оренбурге. Мы победили! Наш восторг и радость невозможно описать.

Через месяц цепные псы империализма с новой силой набросились на молодую Советскую республику. Началось наступление армии Колчака к Волге. Создалась угроза захвата Оренбурга. Противник намеревался соединиться здесь с другими белогвардейскими силами и двинуться вместе к центру России.

Губком партии и созданный в начале апреля 1919 года ревком приступили к срочной организации новых частей Красной Армии, призвав оренбургских рабочих к вооруженной борьбе. И снова оренбургский пролетариат проявил свою глубокую преданность Советской власти. Те рабочие, которые недавно вернулись из Актюбинска и не успели еще отдохнуть, залечить раны и обмороженные ноги, снова брались за оружие, чтобы отстоять Оренбург. Снова большинство оренбургской партийной организации ушло в Красную Армию.

Губком партии назначает меня политкомом 217-го Оренбургского полка. Командовал этим полком И. М. Молодов. Наш полк формировался из рабочих завода «Орлес». Ко второй половине апреля полк состоял из четырех батальонов. Это была весьма своеобразная воинская часть. Большинство ее бойцов продолжало вначале работать на своих предприятиях. По тревожному гудку они оставляли рабочие места и бежали к Пименовской даче, где располагался штаб полка. Здесь они брали свои винтовки. Мы с Молодовым разясняли им задание, а затем шли с ними в бой.

И. М. Молодов

Позднее отпуск на работу из части был запрещен.

Настроение оренбургских рабочих, командиров и политработников, местных партийных и советских работников было здоровым, боевым, но некоторые военные, ввиду тяжелой обстановки, были за отход из Оренбурга, чтобы не быть окруженными в нем. Командующий Южной группой армий Восточного фронта М. В. Фрунзе требовал удержать Оренбург для прикрытия сосредоточения Ударной группы войск в районе Бузулука и контрудара по Колчаку. Твердая линия губкома партии, губисполкома и командования Южной группы скоро покончила со всеми колебаниями. Все силы были брошены на укрепление обороны города.

Наш 217-й полк находился на одном из важнейших участков обороны, за Уралом, в районе станции Меновой Двор, в 5 километрах южнее города. Здесь шли ожесточенные бои с переменным успехом. Белоказаки рвались к железнодорожному мосту через Урал, чтобы через него войти в город. Мы контратаками отбрасывали их.

Командир полка И. Молодов действовал решительно и смело. Этот беспартийный рабочий обладал замечательными качествами командира-самородка, хотя допускал иногда своевольные поступки. Губком партии и командование одергивали Молодова, но все же оставляли его на посту. Моя роль полйткома была нелегкой, но мне удавалось держать вспылчивого командира в необходимых рамках.

217-му полку было приказано отбросить противника к югу от Менового Двора. Удар назначался на 10 мая. Приказ мы получили за три дня и стали готовиться к его исполнению. Одновременно поступил и второй приказ — срочно перебросить один батальон на Салмышский участок обороны. В ночь на 8 мая я отправился с ординарцем в Оренбург, чтобы утром сдать наш батальон командиру боевого участка на Салмыше. Ночевал я в городе. Рано утром я с беспокойством вслушивался в орудейную стрельбу и усиленную ружейную трескотню у Менового Двора. Что бы могло там быть? Звоню в штаб обороны. Адъютант штаба сообщил, что на нашем участке отбита атака противника, а сейчас наши преследуют отступающих белоказakov.

Все же я заехал в штаб обороны города. За столом командующего вместо М. Д. Великанова сидел А. З. Здобнов. Он набросился на меня:

— Ты почему не на боевом участке?

Я объяснил.

— Там что-то неблагополучно, — продолжал Здобнов. — Сейчас Великанов, Акулов и Коростелев поехали туда.

Пулей выскакиваю из штаба и скачу за Урал. Сразу вижу М. Д. Великанова и И. А. Акулова. Вид у них мрачный.

Что же произошло? Оказалось, что белоказакi сосредоточили за возвышенностью превосходившие нас силы конницы, но в первую атаку бросили лишь часть их. Атака была легко отбита, и красноармейцы, преследуя отступавших, стали успешно продвигаться к возвышенности. Молодов, увлекшись преследованием, решил не ждать наступления 10 мая, и двинул оба наши батальона для захвата возвышенности. На этом белоказакi и поймали командира полка. Они атаковали полк своими основными силами и смяли наши цепи.

Направо от железной дороги фланг нашего полка охватывала целая туча вражеской кавалерии. На левом фланге наша 15-я рота была отрезана и отстреливалась в полном окружении. В центре по линии железной дороги шло беспорядочное отступление. Стояла невероятная жара, пот заливал глаза, мешал смотреть. Молодов пытался навести порядок на левом фланге, я поехал на правый фланг, как и советовал Великанов.

Подскакиваю к отступающим красноармейцам. Собираю группу, открываем огонь по обходящей нас кавалерии. Но враг превосходит нас численно, и скоро моя группа оказывается окруженной. Отбиваем несколько бросков белоказаков. Лошадь подо мной убивают. Местами завязываются рукопашные схватки. Вижу, как мой отважный товарищ-помполиткома, коммунист Шагов отбивается от казаков и зарубленный падает. Красноармейцы перестают стрелять. Кричу:

— Продолжать огни!

— Винтовки раскалились, товарищ комиссар, нельзя больше стрелять. Да и патронов мало, для себя беречь надо. Не сдаваться же белой казаре!

Белоказаки, прекратив наскоки, кричали нам со всех сторон:

— Сдавайтесь, красные! Все равно вы окружены! Выдавайте комиссаров, коммунистов!

Вижу, как командир роты, безусый юноша интеллигентного вида, вынимает пачки денег и рвет. Вчера он получил жалование бойцам и не успел раздать. «Не хочет, чтоб деньги белым достались, молодец», — отмечаю я.

Вдруг острая боль пронизывает мне ногу, падаю.

— Комиссара ранило! Спасайте комиссара, — раздаются крики красноармейцев. Они слышны и белоказакам. Теперь враги знают, что тут есть комиссар и, конечно, решают захватить меня. От белоказаков отделяются два чубатых конника и мчатся прямо ко мне, шашки наизготовку. Лежу, корчась от боли, смотрю на свой наган, в нем осталось всего два патрона. Думаю, как их делить? Один — надо для себя!

Кругом продолжают крики красноармейцев:

— Спасай комиссара!

Красноармейцы стреляют по двум казакам, скачущим ко мне. У одного падает подстреленная лошадь, но казак быстро вывертывается из-под нее. Под-

бежавший красноармеец прокалывает его штыком. Второго белоказака убиваю я из нагана.

В этот момент прибыл ожидаемый бронепоезд. Великанов приказал ему выручить нашу группу. Бронепоезд открывает огонь, у него 8 пулеметов и одно орудие. Появление бронепоезда и его огневая атака вызывают замешательство у белоказачков. Вражеское кольцо вокруг нашей группы распадается.

Я попытался подняться, но потерял сознание. Красноармейцы вынесли меня из боя и доставили в бронепоезд, в одном из вагонов которого был устроен санитарный пункт. Когда я очнулся, то увидел возле себя А. А. Коростелева и М. Д. Великанова. Кто-то из них сказал: — Ну, выздоравливай, Башилов. Бой мы выиграли. Белоказачки отступили!

В конце июля по возвращении из госпиталя я получил в политотделе 49-й дивизии назначение на должность военкома 437-го (бывшего 210-го) Оренбургского рабочего полка. Командиром полка вначале был М. Попов, а затем Я. А. Уланов — оба оренбургские рабочие. Начальник политотдела дивизии тов. Поппок меня предупредил, что скоро начнется общее наступление.

Я поспешил упорядочить политработу в полку. Состоялось общее партийное собрание. В полку оказалось 15 членов партии. О предстоящем наступлении открыто не говорилось, но я дал понять коммунистам, что в ближайшее время от них потребуется доказать свою преданность партии и послужить примером для бойцов. На собрании остро встал вопрос о борьбе с пьянством, случаи которого были в полку. Коммунисты избрали бюро полковой партийной ячейки. С его помощью я подобрал батальонных политкомов. Ими назначили товарищей Ритмана, Лобанова и Воробьева.

В полку оживилась партийно-политическая работа, проводились читки газет, беседы. Политотдел 1-й армии снабжал нас литературой. Благодаря дружным усилиям политкомов и бюро партийной ячейки полк получил необходимую морально-политическую подготовку и с нетерпением ждал решающих боев.

Наступление на Южную армию Колчака было назначено на 13 августа. За два дня до этого наш полк был переброшен из станицы Нежинской на левый берег Урала. Исходную позицию он занял в оренбургской роще. Я сно-

ва оказался в тех местах, в которых воевал весной в рядах 217-го полка.

13 августа мы вместе с другими частями 49-й дивизии перешли в наступление в направлении на Актюбинск. Противник был основательно измотан предшествующими упорными боями под Оренбургом, ослаблен и количественно и морально. Наши же войска шли в бой с величайшим подъемом. Поэтому сопротивление противника было сломлено сразу. Полк быстро продвигался вперед.

Наиболее серьезное сопротивление мы встретили в 30—40 километрах перед Актюбинском. Противник, опавшись на небольших высотах, встретил нас сильным пулеметно-ружейным огнем. Но открыт он был преждевременно, с очень большой дистанции, потерь мы не понесли. Белогвардейцы же обнаружили свои огневые точки, а беспорядочность огня указывала на их нервозность. Мы уже научились понимать кое-что в поведении противника. Как только мы начали обходить противника с флангов, он стал поспешно отходить. Путь для нашего продвижения был открыт. Слабость и разложение противника усиливались по мере того, как наши части приближались к Актюбинску. За Актюбинском—безводные песчаные степи. Дальше отступать противнику было некуда. Началась агония белой армии. Солдаты противника стали переходить на нашу сторону.

Однажды мне пришлось быть в разведке. Мы углубились в тыл противника километров на 20. На одной из возвышенностей внезапно столкнулись с кавалерийским отрядом белых, который значительно превышал нас по численности. Когда наша группа и отряд белых пришли в себя от внезапной встречи, мы вдруг услышали голос:

— Что с нами будет, если мы перейдем на вашу сторону?

— Ничего, кроме хорошего, для вас не будет, — ответили мы.

Тогда казаки сдали нам винтовки и шашки.

Спустя дней шесть к нам перешла рота противника. Сначала солдаты очень боялись за свою судьбу. Сказывалось белогвардейское вранье о том, будто большевики расстреливают пленных. Мы накормили перешедших.

а когда они отдохнули, предложили им написать письма друзьям и родственникам, оставшимся у белых, чтобы и те переходили к нам. Число перебежчиков росло с каждым днем, начался массовый переход солдат Южной армии Колчака на нашу сторону. Заняв Актюбинск, мы приняли тысяч пять перешедших на нашу сторону белогвардейцев.

Колчаковцы уже не оказывали серьезного сопротивления. Прибывший в Актюбинск командир 49-й дивизии Г. В. Восканов приказал нашему полку продолжать движение на юг, прочесывая местность, обезоруживая остатки противника. Выполняя эту задачу, 437-й полк дошел до станции Джурун.

В РЯДАХ ЖЕЛЕЗНОЙ

Самоотверженно боролись за власть Советов рабочие и крестьяне Оренбургского края. В рядах Красной Армии, в красногвардейских отрядах, в подполье они проявили изумительную смелость, самоотверженность, упорство в борьбе с белоказаками. Огромную помощь трудящимся края в разгроме контрреволюции зимой 1918 года оказала 24-я Симбирская Железная дивизия 1-й армии. Походы ее славных полков против сил атамана Дутова явились достойным вкладом в дело освобождения Оренбурга в январе 1919 года.

КОМАНДИРЫ, КОМИССАРЫ

В составе Железной дивизии было много выдающихся военных и политических руководителей.

Это прежде всего начальник дивизии — Гая Дмитриевич Гай. Он, даже когда стал командующим 1-й революционной армией Восточного фронта, часто бывал в дивизии, среди ее командиров и красноармейцев. Всю свою неукротимую энергию и отвагу Гай вкладывал в проведение наступательных операций, в которых в сложные моменты участвовал лично.

Во время наступления на Оренбург Гай обратился телеграфно в Симбирский городской комитет Коммунистической партии, с работниками которого был тесно связан в дни создания дивизии и освобождения Симбирска от белогвардейцев, и просил рекомендации в члены РКП(б). Он получил из Симбирска билет члена РКП(б) и с гордостью показывал этот документ своим друзьям.

Гай уже в то время был командиром большого размаха. Строгую требовательность к соблюдению воинской дисциплины он сочетал с уважением и доверием к подчиненным. Гай не ограничивал инициативы красноармей-

цев и командиров, всячески поощрял проявления находчивости и храбрости. Он воспитывал в войсках способность к смелым маневрам, обходам врага, отважным рейдам в тылы противника. Наряду с этим Гай тактично уст-

Г. Д. Гай

ранял отрицательные навыки партизанщины там, где они имели место. «Боевой Гай» — так называли его многочисленные воины, друзья, соратники.

После назначения Гаю командующим 1-й армией, начальником Железной дивизии стал Василий Игнатович Павловский. Он непосредственно руководил наступлением дивизии на Оренбург. Павловский был спокойный и рассудительный командир. Его мягкий взгляд и немного застенчивая улыбка располагали к доверию. Блондин, крупного телосложения, он выглядел настоящим русским богатырем.

В прошлом народный учитель, ставший в мировую войну поручиком, Павловский вырос в Красной Армии в крупного военачальника.

Вначале он командовал 1-й бригадой Железной дивизии. Своим военным опытом не кичился. Скромный и простой, сумел сдружиться с командным и политическим составом, но дружбой никогда не подменял деловых отношений. Даже в условиях непрерывных наступательных боев Павловский умел укомплектовывать личный состав, улучшать боепитание и хозяйство дивизии, развивать ее боевые качества. После взятия Оренбурга Павловский в течение длительного периода командовал Железной дивизией.

В знании военного дела и трудолюбии Павловскому не уступал Александр Игнатьевич Седякин, командир

2-й бригады Железной дивизии, бывший капитан старой армии. Большевиком Седякин стал еще в годы мировой войны. С первых дней гражданской войны он становится командиром Красной Армии. Комбриг Седякин тесно сотрудничал с комиссарами и политработниками. Отличительными его чертами были спокойствие и выдержка. Это оказывало благотворное действие на командиров и бойцов.

Седякин всегда служил примером горячей преданности Советской власти, был чутким, отзывчивым другом красноармейцев.

В Железной дивизии господствовали отношения боевого товарищества. Этому способствовали крепкая партийная дисциплина коммунистов, их идейное сплочение. А. Г. Самсонов, Н. Н. Козырев, В. А. Драбиковский, В. Г. Зуев, Н. Болотников, Георгиевский, Н. Моржов, Д. С. Перкин, Петраков, Мохов и другие коммунисты не щадили жизни в борьбе за победу. Они вдохновляли красноармейцев и командиров на беззаветную борьбу за власть Советов.

Особой любовью и уважением пользовался комиссар дивизии Николай Федорович Панов, бывший слесарь самарского трубного завода. Вернувшись из сибирской ссылки, он стал руководителем большевистской организации завода, организатором отряда Красной гвардии, многие бойцы которого потом сражались с белыми в рядах Железной дивизии.

Н. Ф. Панов был чутким и заботливым товарищем, душевным другом. Он умел вникать во все мелочи походной жизни красноармейцев и направлять наше внимание на разрешение повседневных задач, стоявших перед дивизией.

Панов, спокойный и выдержанный, всегда отрезвляюще действовал на наши чересчур горячие головы. Иногда между нами, политработниками и специалистами, возникали недоразумения. Панов умел их безболезненно устранять. Его советы частенько удерживали нас от скоропалительных решений и необдуманных поступков. За внешней хладнокровием Панова таились горячее сердце и страстная целеустремленность ленинца.

Рядом с Пановым запечатлелся замечательный большевик Александр Григорьевич Самсонов — комиссар 1-го Симбирского полка, энергичный и общительный товарищ.

Самсонов — большевик с 1905 года, прошедший через царские каторги и ссылки. В трудных походах и опасных боях он всегда находился среди красноармейцев. Его коренастая фигура, загорелое мужественное лицо, освещен-

А. Г. Самсонов

ное доброй улыбкой, ободряюще действовали на окружающих. Бойцы любили образную, проникнутую светлым юмором, сибирскую речь комиссара. Его веселые шутки или меткие пословицы вызывали у красноармейцев взрывы смеха и радостного оживления.

Однажды мне пришлось быть в штабе 211-го Курского полка, который наступал на село Николаевку. Под неприятельскими пулями цепи красноармейцев упорно продвигались вперед. Светало. Вперед пошел отряд конной разведки. С разведчиками находился частый участник смелых налетов на противника комиссар полка Валентин Антонович Драбиковский. Он-то и заметил в бинокль сравнительно большую группу людей, внешний вид которых отличался от внешнего вида солдат противника.

Вскоре командир разведки доложил Драбиковскому, что эта группа — партизаны, выведенные разведчиками из неприятельского тыла.

Комиссар подъехал к партизанам. Это оказался крестьянский отряд сел Ивановки, Голубовки и Михайловки Графской волости. В сопровождении красноармейцев партизаны прибыли в штаб Курского полка, который к тому времени занял Николаевку. Сто двадцать человек, вооруженных винтовками и обрезами, с большими муками и потерями прошли через вражеские тылы к Красной Армии.

В. А. Драбиковский

Вожакom партизан и начальником их штаба был Корней Данилович Шанин. Членами крестьянского штаба были Ларион Федосеевич Малютин, Поликарп Анисимов, братья Павел и Афанасий Сбитневые. Они командовали подразделением отряда. С глубоким сожалением вспоминали партизаны командира подразделения Федота Спиридоновича Спиридонова, который был смертельно ранен в боях с белоказачьим отрядом.

— Воевать с Советской властью ивановские мужики не хотят, в войска атамана Дутова идти отказались наотрез, — рассказывал К. Д. Шанин. — Когда дутовцы начали грабить население, отбирать хлеб, ропот крестьян сменился гневным возмущением. Они стали отбиваться от насильников обрезами и вилами. Втихомолку мы стали собираться и обсуждать свое горестное положение.

К. Д. Шанин

Один выход напрашивался — пробиваться в Красную Армию. В сентябре 1918 года мы, бывшие солдаты, организовали свой революционный партизанский отряд села Ивановка. Крестьяне пришли в него со своими винтовками, обрезами, наганами, многие на своих лошадях. К нашему отряду примкнули красные партизаны Голубовки и Михайловки. Штаб начал выставлять дозоры, которые задерживали спекулянтов скотом и хлебом. Немало задержали мы и белоказачьих обозов с хлебом.

Острое столкновение красных партизан с белоказачьим разездом произошло под Самаркой. Белоказачи, понеся потери, поставили между Сорочинском и Михайловской на «Скупой горе» батарею, из которой стали обстреливать партизан. Надо было уходить из села.

Белые стали стрелять по церкви, предполагая, что там находится партизанский наблюдательный пункт. Но там прятались со своим имуществом поп, церковный староста и дьякон с дьячихой. Когда снаряды начали бить по церкви, они с дикими криками понеслись по селу. Ворвавшиеся в село белоказачи погнались за ними. Воспользовавшись суматохой, партизаны скрылись. Хорошо зная местность, они двинулись по вражьи тылам к

Красной Армии. По деревням родичи и сочувствующие прятали их, поддерживали продовольствием, лошадьми, фуражом.

Драбиковский выяснил воинские специальности партизан. Имелись пулеметчики, артиллеристы, разведчики, кавалеристы. В штабе полка партизан распределили по подразделениям. Корней Шанин, слесарь по профессии, хорошо знавший артиллерийское дело, был оставлен техником в 3-й легкой батарее Лунина. В этой батарее остался и Павел Сбитнев, партизан из села Голубовки.

ЕЩЕ СЕМНАДЦАТЫ

Слякоть, проливные ноябрьские дожди сменились стужей, гололедом, колючей снежной крупой. Конь расковыливался, до крови сбивали копыта. Измученные длительными маршами конники Коммунистического польского кавдивизиона Врублевского после упорных боев заняли Грачевку.

Мы с доктором Венценосцевым тоже добрались до Грачевки, привезли халаты и аптечку для перевязочного пункта. В селе царило оживление. Детвора возбужденно ниспала по улицам, путалась под ногами красноармейцев. Хозяйки угощали кавалеристов хлебом, пирогами, беляшами. Бойцы приводили себя в порядок, чистили коней, чинили сбрую. В деревенской кузне ковали лошадей. Отдыхать и спать будто и не собирались. Но красноармейцы, конечно, были рады дать коням короткую передышку, да и самим подремать хоть на ходу.

Разведчики привели нескольких казаков на конях.

— Просятся к вам лично, товарищ командир. Прикажете разоружить и привести, — доложил Врублевскому командир взвода Иванов.

Командир распорядился привести старшего. Иванов вышел и вернулся с молодым казаком. Щелкнув каблуками, немного смущаясь, вошедший отрапортовал:

— Здравия желаю! Есаул Порфирий Константинов с группой казаков прибыли в ваше распоряжение!

— Здравствуй, орел, — приветливо протянул ему руку Врублевский, — командир красного кавалерийского дивизиона рад гостям и своим будущим боевым товарищам по оружию.

Повернувшись к адъютанту. Врублевский сказал:
— Распорядитесь, пожалуйста, Максим, выдать прибывшим консервы, хлеб, махорку. Может, кому надо сапоги, одежонку — выдай из запаса.

Потом Врублевский сказал есаулу:

— А ты, брат, садись, закусывай, не стесняйся: чем богаты, тем и рады!

Есаул аппетитно ел, а Врублевский участливо спрашивал:

— Большой переход сделали?

— Верст сто двадцать.

— Здорово досталось в пути?

— Всяко бывало. Не без драки обошлось, пока по дутовским станицам пробирались. Ну, а в деревнях нам помогали крестьяне. Особенно бабы. Коней меняли. Станичное бабье еще помалкивает, зато деревенские бабы против атамановских казаков лютуют. «Вертайте наших мужиков», — голосят. Их бедняг шомполами да нагайками секут. Если бы не бабы, нам к вам не пробиться.

Мы вышли к казакам. Их было семнадцать. Держа за повод лошадей, они неловко переминались с ноги на ногу. Командир дивизиона поздоровался, пожелал казакам успешной службы в Красной Армии. Красноармейцы поняли, что это не пленные. Первыми к казакам подошли коммунисты. Закурили, завязали беседу. Вскоре отчужденности не стало. Красноармейцы помогали чистить лошадей и определять их к месту. Вместе приводили в порядок оружие, угощали друг друга.

В перевязочном пункте фельдшер Филимонов и доктор Венценосцев лечили казаков. Почти у всех стерлись до крови ноги. Некоторым перевязывали загнившие раны на плечах и спинах, оставшиеся после порок белогвардейскими плетями. Пожилой казак Панфилов благодарил:

— Душевное вам спасибочко. Нас так не баловали. У Дутова порядок другой: растер пятку, рви подштанники на онучи, да помалкивай-знай, а то офицер еще подзатыльник даст.

У молодого казака Николая Воробьева был сильно поврежден глаз.

— За что вас так зверски выпороли? — спросил Венценосцев.

— Стыдно и больно признаться; наши же родные и

близкие пороли. Они обзывали нас большевистскими холодами за то, что мы осмелились слово сказать против зверских порядков Дутова.

Я еще весной был в Оренбурге на митинге молодежи, потом группу тайную у себя в станице организовал. Газеты «Известия» и «Правду» иногда в Сорочинске доставал, читал молодежи статьи Ленина, речи его особенно нравились нам. Мы, молодежь, начинали донимать старших вопросами, допытывались: почему царя сбросили, а старорежимный порядок у казаков сохранился? Почему у нас земли и крупные поместья остаются до сих пор за помещиками Шихабаловым, Аношкиным, Суховаловым и другими, когда под Москвой давно земли помещиков крестьянам пораздавали?

И тогда мы совсем прослыли большевиками. Нас, молодых, начали преследовать богатые казаки. Особенно злобились на тех, кто газеты читал. Был объявлен приказ о явке к станичному атаману всех, способных владеть оружием. Молодежь этот приказ не выполнила. Тогда нас под конвоем погнали на станичную площадь и нагайками при народе выпороли. После порки нас едва живыми приволокли в общественный амбар и заперли на замок. Лишь на престольный праздник выпустили.

Еще до порки парни сговаривались бежать, добраться до Самары к Чапаеву. А когда нас выпустили из холодной, мы окончательно уговорились бежать к красным. В праздник, когда все загуляли, а потом позасыпали, мы отвязали коней и ускакали. Чтобы не было погоны, всех коней из станицы угнали. К вам пробирались. Так нам насоветовал разжалованный Дутовым есаул Константинов, Порфирий Яковлевич. Под его командой мы сюда и явились...

Вступив в Красную Армию, молодые казаки ревностно и верно боролись за Советскую власть.

«ПАРЛАМЕНТЕРЫ»

Не доезжая станции Сорочинской, наша разведка заметила, что в поле идет группа людей, над которой маячит красное пятно. Разведчики сблизились с этой группой.

— Кто вы и куда направляетесь? — спросил командир нашего отряда.

— Мы представители от казаков, идем мириться с Красной Армией, — ответил один из встречающих.

Разведчики доставили стариков в штаб полка. Там их приняли вежливо, даже с почтением. Но опытный глаз комиссара полка В. А. Драбиковского подметил странное в поведении гостей. Они будто прятались за красным полотнищем, бормотали что-то невразумительное о том, что надо кончать воевать и идти на мировую.

В это время в штаб пришли два казака нашего кавалерийского дивизиона и громко заговорили между собой. При звуке их голосов «парламентеры» стали растерянно переглядываться друг с другом. Это не укрылось от наблюдательного взгляда комиссара. «Тут какой-то подвох», — решил он и, обращаясь к вошедшим казакам, лукаво промолвил:

— Подойдите-ка, орлы, порадуйтесь, папани ваши мириться пришли!

Красные казаки приблизились к столу. На миг они будто окаменели от удивления. В «парламентерах» они признали тех, кто порол их на площади в станице. Прийдя в себя, наши казаки разразились проклятиями:

— Собачья порода это, а не люди. Эти гады с нас шкуру своими плетками содрали. Кто же вам, собакам, поверит, что вы сюда явились без злого умысла?

Драбиковский побелел от ярости, но, сдерживаясь, предложил:

— Ну, хотите спасти свою поганую шкуру, выкладывайте правду, зачем вас черти сюда принесли?

Как пойманная стая волков, злобно озирались «парламентеры». Пойманные с поличным, они признались, что пришли отвлечь наше внимание и оттянуть время до прибытия дутовцев.

Комиссар распорядился отправить «парламентеров» в холодную. Провокация матерых белогвардейцев не удалась.

В КРАСНУЮ АРМИЮ

Железная дивизия все ближе подходила к Оренбургу. В Сорочинск прибыл полевой штаб дивизии.

Обстановка для нас становилась затруднительной.

Усиливались морозы. Наша пехота обносилась. Число обмороженных увеличивалось. Двух-трех десятков санитарных кибиток было недостаточно для помощи раненым и обогрева людей. Только выносливость и героизм двигали наши полки по бездорожью, помогали пробираться по обледенелым холмам Сырта.

Ожесточенней становился неприятель. Под Гамалевской и Новосергиевской лютовал его 1-й. Сызранский полк. Между Сыртом и Переволоцкой зверски орудовал белоказачий отряд полковника Степанова.

Наша политическая агитация среди прифронтового населения и в тылу неприятеля привлекала крестьян, которым надоели бесчинства белогвардейцев. Крестьяне с готовностью помогали нам обозами, фуражом, продовольствием, ходили проводниками наших частей в боевых операциях.

При помощи крестьян Курский полк смелым налетом захватил большое село Рыбкино. Комиссар В. А. Драбиковский зашел в поповский дом, где только что находились белые офицеры. На столе стояли нетронутые водка, вина и обильная снедь. В село приехали и обмороженные, уже несколько суток не спавшие начальник дивизии В. И. Павловский и комиссар Н. Ф. Панов. Драбиковский пригласил гостей в дом. Едва они успели сесть за стол, как из другой комнаты появился белоказачий офицер.

— Мы остоленели от неожиданности, — рассказывал впоследствии Драбиковский.

Офицер козырнул и попросил разрешения «доложить». Драбиковский предложил непрощенному гостю сдать оружие. Офицер положил наган на стол, снял саблю и поставил ее у стола комиссара. Павловский налил офицеру стакан вина, придвинул к нему еду.

Офицер назвал себя сотником Васильевым.

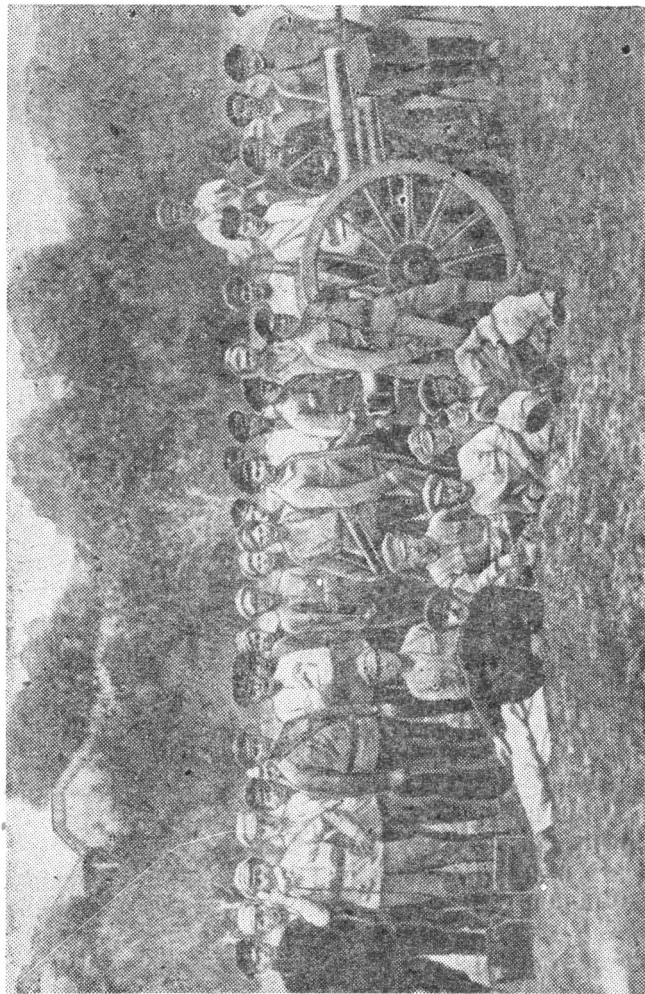
— Из какой части прибыли? — спросил Павловский.

— Я командир 3-й сотни 1-го оренбургского казачьего полка.

— Почему отстали? — продолжал Павловский.

— В сотне действуют подпольщики-большевики. Многие казаки решили перейти в Красную Армию.

Васильев рассказывал, что в Оренбурге сотня несла караульную службу, старалась не попасть на фронт, чтобы не участвовать в боевых операциях против Крас-

-Героическая Смоленская батарея 24-й Железной дивизии.

ной Армии. Теперь надо организовать переход 3-й сотни в Железную дивизию. Люди там подготовлены.

Павловский и Панов посоветовали Васильеву написать письмо в сотню, которой он командовал, Драбиковский помог Васильеву составить письмо.¹ Доставить письмо по адресу вызвался казак Трандафилов, сочувствовавший Советской власти. Однако в казачью сотню письмо не попало. Нашего казака нашли убитым в хуторе между Рыбкиным и Переволоцкой.

Сотник Васильев остался служить в разведке Железной дивизии и немало облегчил нашу борьбу с дутовцами на подступах к Оренбургу. После взятия Оренбурга он работал председателем станичного ревкома.

Нашими частями были разгромлены 1-й Сызранский полк и отряд полковника Степанова.

ОРЕНБУРГ НАШ!

22 января 1919 года Железная дивизия вошла в Оренбург. Дорогу пробил артиллерийский огонь славной Смоленской батареи, подошедшей к району вокзала, и 3-й легкой батареи Лунина со стороны Сырта. Первыми в город ворвались бойцы конной разведки 211-го Курского полка. Затем вошли 211-й Курский, 212-й Московский и 216-й Интернациональный полки. На улицах города они встретились с частями Туркестанской армии, наступавшими от Актюбинска.

Комиссар 2-й бригады Железной дивизии Николай Козырев и начальник политотдела дивизии Георгиев с батальоном красноармейцев окружили тюрьму, разоружили стражу и освободили политических заключенных. Большинство освобожденных было настолько измучено и истощено, что в них едва теплилась жизнь. Многие болели сыпным тифом и находились в бреду. Освобожденные, у которых в городе не оказалось родных и близких, были размещены в жарко натопленных помещениях бывшего кадетского корпуса. Там к вечеру санчасть Железной дивизии развернула госпиталь.

Помнится вступление Смоленской батареи в Оренбург. Вместе с дивизионным врачом Доброхотовым я бы-

¹ Личный архив В. А. Драбиковского.

ла в то время в санитарной летучке артиллеристов. На стенах зданий и кирпичных оградах домов безвестными художниками масляными красками были нарисованы красные звезды, серпы и молоты, красные флаги, призывы: «В бой за власть Советов!», «Отдадим землю крестья-

Лия и Петр Дашевские

нам», «Ленин». «Смерть капиталистам и помещикам!» В некоторых местах эти надписи были повреждены, местами заляпаны известью и смолой. Но в таком виде призывы звучали еще убедительнее. Сколько отваги и самопожертвования понадобилось, чтобы написать эти несмыслимые, неистребимые слова. За все это немало людей пострадало в дудовских застенках,

Красноармейцев-артиллеристов радостно приветствовали рабочие-железнодорожники и их семьи. Они с восхищением прикрепляли к себе на грудь полученные от нас красные звездочки, кумачовые банты. Нам они дарили железнодорожные значки, вышитые кисеты. Женщины и девушки перевязывали гривы коней и стволы орудий яркими платками и украшали зеленью комнатных растений. Пожилые женщины из подойников и ведер поили красноармейцев парным молоком, угощали теплыми ватрушками, беляшами и шаньгами. Но больше всех восторгались ребяташки. Они победно восседали на плечах красноармейцев, смело взбирались на коней. Те, что были пошустрей, взгромоздились на орудия, полевую кухню и санитарные повозки. Так, окруженные радушной массой людей, мы шли от вокзала по оживающему городу.

Толпа привела нас в Форштадт, где снимались с виселиц трупы жертв белогвардейского террора. Близкие и родные опознавали повешенных. Радость освобождения переплеталась с горечью утрат. Это еще более накаляло ненависть трудящихся к белогвардейским палачам, усиливало общее стремление к полному разгрому их.

Вскоре было опечатано интендантство, поставлена охрана у аптек, элеваторов, продовольственных складов, спиртного завода.

На следующий день начал действовать Оренбургский губисполком, где вначале вместе с А. А. Коростелевым и И. Д. Мартыновым работали и политработники 24-й Железной дивизии Н. Ф. Панов и Н. Н. Козырев. В Оренбурге началась новая жизнь...

МОСКВИЧИ В БОЯХ ЗА ОРЕНБУРГ

К НОВЫМ ПОБЕДАМ

Покинув гостеприимную Самару, наш 3-й Московский полк, позднее он стал именоваться 212-м, вместе с другими полками 2-й бригады 24-й Железной дивизии двинулся на восток.

Шла вторая половина октября 1918 года. Позади уже остались серые громады элеваторов станции Богатое, которую полк обошел стороной. У большого села Борское мы пересекли линию Ташкентской железной дороги и стали продвигаться севернее ее. Вторые сутки мы шли без ночевки, стремясь настигнуть поспешно отступавших белогвардейцев. Из приказа командира полка В. В. Гурского было известно, что ближайшей целью нашего наступления является овладение Бузулуком. Дорога шла в лесистой местности, как по темному коридору, двигались мы меж вековых сосен. Справа где-то недалеко гремел бой, но перед нами противника не было.

Я со своей 8-й ротой находился в головной колонне. Красноармейцы шли почти в полудремоте, на привалах засыпали так крепко, что стоило трудов поднять их. Приходилось обшаривать все придорожные кусты и канавы, чтобы не «забыть» кого-нибудь. Однако настроение у всех было боевое. После побед под Симбирском мы уверились, что скоро с белогвардейщиной покончим.

Далеко за полночь рота вышла на поляну с хутором из трех деревянных крестьянских домов, прижавшихся к густому лесу. Я остановил людей и подводы, а сам пошел узнать, что это за хутор.

Справа — большой дом. В нем тихо, темно. У дома стоят две крестьянские подводы.

Долго стучу в дом. После разговоров через дверь меня впускают как «заезжего». Вхожу вслед за хозяином. Остановливаюсь у порога. При слабом свете притушенной лампы вижу: на столе лежат офицерские гимнастер-

ки с погонами, портупей, кобуры. В углу — несколько винтовок. На полу — до десятка человек. Некоторые, приподнявшись, шарят руками под подушками, что-то нащупывая... Один сказал, глядя на мою форменную шинель с пуговицами в два ряда и широкий поясной ремень:

— Да это никак наши?

Другие, проснувшись, впились прищуренными глазами в меня... Момент был рискованный. Мне в упор могли влить пулю. Меня мог сбить стоявший сбоку хозяин. Выскакиваю на улицу и кричу на всю поляну:

— Рота, в ружье, ко мне!

Мгновенно ко мне бросается, щелкая затворами винтовок, десяток красноармейцев. Даю команду:

— Окружить дом — там белогвардейцы!

Гремят выстрелы, звенят разбитые стекла, раздаются крики:

— Лови, лови их, стреляй!

Понемногу все улеглось. В наших руках оказалось трое белых офицеров: начальник контрразведки, подпоручик и интендант полка. Другие успели бежать. Из опроса захваченных выяснилось, что это была офицерская разведка. Она давно следила за передвижением нашего полка, но не ожидала, что мы сделаем дневной переход в 60 верст.

Ночная операция сняла с нас усталость и мы двинулись дальше по лесной дороге. На рассвете 28 октября перед нами оказался Бузулук с его деревянными домами. Улицы города были пустыни. На одной из них нас встретило двое в штатском. Они проводили нас к штабу нашей бригады, который уже обосновался в двухэтажном деревянном доме. Здесь были командир бригады А. И. Седякин, командир нашего полка В. В. Гурский

П. Ф. Савкин

и другие. Состоялось оперативное совещание. Было приказано мне расставить от 8-й роты охрану у штаба, другим ротам — двинуться боевым порядком в разных направлениях по городу, очищая его от противника. Со стороны железной дороги доносилась перестрелка.

Противник, разбитый на подступах к Бузулуку и осведомленный, очевидно, о глубоком обходе города нашими полками с севера, не рассчитывал удержать его. Основные вражеские силы уже отступили. Но так как продвижение наших войск было быстрым, белые не успели провести полной эвакуации. Нами был захвачен в полной исправности бронепоезд. В наступлении на Сорочинскую, Гамалеевку, Новосергиевку он действовал против войск атамана Дутова.

Выставшись, мы пошли по городу, знакомясь с его «достопримечательностями»: базаром, театром, железнодорожной станцией, захваченным бронепоездом. Нас поразило обилие дешевого белого хлеба. Мысли наши понеслись к родной Москве с ее скупыми пайками. Во время прогулки мы снова встретили двоих наших проводников из местных жителей. Оказалось, что это представители местной большевистской организации, действовавшей при дутовцах в подполье. При приближении Красной Армии они сделали все, что могли, чтобы помочь ей. Теперь они пригласили нас зайти пообедать в подготовленную ими столовую. Внимание и помощь трудящихся воодушевляли нас.

В боях и походах обмундирование наших бойцов изнашивалось. Нам было разрешено покупать по вольным ценам у жителей и продовольствие, и обмундирование, и обозное хозяйство: лошадей, телеги, сани, упряжь. Но, пожалуй, главная масса этих вещей поступала к нам от населения, как подарки. И в городе, и в окрестных селах нас не только гостеприимно угощали, но и дарили нам полушубки, варежки, шапки на бараньем и заячьем меху и другие вещи. Благодаря этим подаркам и покупкам наши люди обзавелись необходимым для зимы.

Через некоторое время после занятия Бузулука меня назначили комендантом станции Колтубановки. Я отправился туда с 8-й ротой для охраны станции, поселка и лесозавода, раскинувшегося в огромном лесу. Ко мне стали обращаться по разным вопросам и воинские части, и гражданское население. Сднажды пришел председатель

завкома с вопросом, можно ли созвать общее собрание рабочих лесопильного завода и дать для этого гудок. Я разрешил. Председатель поблагодарил и ушел. А через некоторое время над поселком и окрестностями загудел заводской гудок, оповещающий, что жизнь продолжается, идет по советскому пути.

НА РУБЕЖЕ СОРОЧИНСКОЙ

Пребывание в Колтубановке было коротким. Обстановка потребовала выступления полка на фронт. В полку к этому времени насчитывалось: три батальона (семь рот), 48 командиров, 890 стрелков, 116 пулеметчиков, 75 разведчиков, 39 связистов. Орудий не было. Ряды нашего, как и других полков дивизии, поредели после многочисленных боев. Людское пополнение мы получали, главным образом, за счет местных добровольцев. Боеприпасы и оружие отбивали у противника.

В первой половине ноября 1918 года силами нашей бригады были заняты села Никифоровка, Обуховка, станция Тощая, деревни Кирсановка, Орловка, Ивановка, Елшанка. Противник упорно сопротивлялся, но, неся значительные потери, отходил. Развивая успех, мы 12 ноября заняли с ходу село и станцию Сорочинская. Но противник решил вернуть этот важный пункт. На другое утро неприятельские цепи показались у юго-восточной окраины села. Артиллерия противника начала обстреливать окраины села. Два батальона 211-го Курского полка, при двух пулеметах перешли в контратаку. Противник не выдержал и стал поспешно отступать. Одновременно с 211-м полком были высланы две роты 213-го Крестьянского полка со взводом артиллерии на высоту севернее Сорочинской. Противник был разбит.

Белоказки стали собирать крупные силы в селах Михайловке, 2-й Ивановке и других, близко расположенных друг к другу. Туда мы и направились. В ночь с 23 на 24 ноября 213-й Крестьянский и 212-й Московский полки в жестокий мороз и снежный бурян двигались пешком. За нами двигался обоз из крестьянских подвод с полковым имуществом.

Под утро части подошли к цели. Обнаружив на окра-

инах заставы противника, мы развернулись в цепи. Снежный буран способствовал нашим действиям. Незамеченные, мы подошли к окраинам 2-й Ивановки и с криком «ура!» кинулись в атаку, стреляя на ходу. Противник открыл беспорядочную стрельбу. Решали минуты. Противник, не выдержав, в панике побежал, бросая оружие, снаряжение, продовольствие, лошадей. 2-я Ивановка и Михайловка были нами взяты. Казаков было убито 10, с нашей стороны потерь не имелось.

Во 2-й Ивановке после бессонной холодной ночи, заняв квартиры, мы было начали раздеваться. Но через два часа — вновь тревога. Противник, подтянув резерв, пошел в контратаку. Цепь противника двигалась медленно, увязая в снегу. Мы бросились к ней с криком «ура!». Цепи сближались, падали первые жертвы. Но что это такое? Цепь противника оказалась двойной: сзади, размахивая прикладами и саблями, шли белоказаки, подгоняя крестьян. При приближении к нам крестьяне подняли руки, попадали в снег, крича:

— Не стреляйте, мы свои...

Мы пробежали мимо крестьян и ударили в штыки. Белоказаки, кто успел, спасся бегством, а многие легли. Но бой еще не кончился. Конница противника пробралась к нам в тыл, стремясь захватить обоз. Обнаружив опасность, мы открыли по кавалерии ружейный огонь. С подвод снимали пулеметы, вытаскивали их на холм и тоже открывали огонь по противнику. Ряды белоказачков смешались, повернули коней обратно. Но через час они снова пошли в атаку. Мы вынуждены были отходить. Добравшись до Михайловки, обессиленные двухдневными ночными переходами и боями, мы свалились. В хате с земляным полом, где мне удалось поместиться, не было свободного места, и все не раздеваясь, спали крепким сном.

ОТ БУРДЫГИНО К ГАМАЛЕЕВКЕ

В начале декабря жители сообщили, что белоказаки сосредоточивают крупные силы в районе станций Гамалеевка—Новосергиевка. Из опроса пленных выяснилось, что противник собрал здесь шесть полков, возвел окопы с проволочными заграждениями. Передовая линия про-

тивника проходила через разъезд Бурдыгино. Белые явно готовились нанести нам контрудар. Но и наши войска были полны наступательного порыва. Завязались упорные бои. В течение двух недель белоказаки почти ежедневно атаковали нас, но, не выдерживая штыковых контратак, отходили. Селения и железнодорожные станции переходили из рук в руки. В боях участвовали тяжёлая артиллерия и бронепоезда.

Самолеты 24-й Железной дивизии в с. Сорочинском. 1918 г.

В ночь на 7 декабря на участке 2-й бригады противник провел разведку боем, а утром крупными силами перешел в наступление со стороны Воробьевки. У противника в наступлении участвовала 5-я стрелковая дивизия и несколько казачьих полков. Нашей контратакой противник был опрокинут и бежал.

Во второй половине дня противник вновь предпринял наступление силами в 2000 человек белобашкирской пехоты и 600 белоказачков при пяти орудиях на Кодяковку, Малаховку и Киселевку. После упорного боя нам пришлось отступить. Во время боя были убиты командир 1-го батальона и командир 1-й роты 213-го Крестьянского полка.

На левом фланге противник оказался недалеко от Сорочинской, где находился штаб нашей бригады. Коман-

дир бригады Седякин приехал на передовую. Он приказал контратаковать врага силами Московского и Курского полков. Противник был отброшен, на поле сражения осталось много убитых. Мы захватили 43 пленных. Метким огнем артиллерии был подбит бронепоезд противника.

Белые чинили невероятные зверства. В селе Алдашеве мы нашли в сарае пятерых истерзанных красноармейцев, враги захватили их в разведке. О том, что сделали с ними изверги, говорилось в акте, составленном врачом: «Пастушенко имеет грудное сквозное ранение пулевое, слева направо из русской трехлинейной винтовки. Бурмистров — ранение правого бока, выход в левый бок, бердачной пулей и рублекая рана на правом виске и восемь штыковых ранений. Керин — резаная рана на левом плече, отрезано левое ухо, правое прострелено, шесть штыковых ранений в грудь, два — смертельных, два — легких. Касюкович — две раны в правую и левую стороны груди, девять штыковых ран. Горло прострелено, выколоты глаза, отрезаны губы, резаная рана на левом плече. Тимошкин — две штыковых смертельных раны и пять легких. Горло перерезано шашкой...»

Мы ярошли колонной мимо замученных товарищей, отдали им последние почести.

9 декабря рано утром бронепоезд противника подкрался в тумане к восточной окраине Бурдыгино, которое занимала моя рота, и начал нас обстреливать. Но накануне ночью у нас было установлено 12-дюймовое морское орудие, присланное из Петрограда. Артиллеристы заранее навели его вдоль железной дороги, откуда уже не раз появлялся бронепоезд противника. И теперь, когда вражеский бронепоезд начал обстрел Бурдыгино, раздались оглушительные выстрелы морского орудия. Бронепоезд стал отходить, а вдогонку ему сыпались морские гостинцы. Они разворотили железное полотно, насыпь. Противник не ожидал такого удара. На наших глазах бронепоезд застопорился на насыпи. Рота бросилась вперед. Противник открыл по нас огонь, всеми силами стараясь не допустить к подбитому бронепоезду. Но вскоре команда оставила его. Овладев бронепоездом и осмотрев вагоны, мы установили, что большая часть орудий и пулеметов была испорчена.

О дальнейшей судьбе бронепоезда говорится в опер. донесении штаба 24-й Железной дивизии:

«Подбитый нами броневой поезд противника захватить не удалось по причине малочисленности артиллерии и малого состава частей.

Противник успел исправить путь и увезти поезд по направлению к Барабановке».¹

Две недели под станциями Бурдыгино и Гамалеевка шли упорные бои. Здесь лежал важный рубеж на путях к Оренбургу. В конце концов наши части овладели этими пунктами.

ПОД ХУТОРОМ СУХОВИЛОВЫМ

Однажды 8-й роте было приказано занять и удерживать хутор Суховилов. В его районе образовался многокилометровый разрыв между флангами 2-й и 3-й бригад.

Взяв несколько крестьянских подвод, рота поехала вольной ватагой в степь, отыскивая хутор. Под вечер нашли его. Он состоял из двухэтажного деревянного дома с несколькими служебными и рабочими пристройками. Кругом все было пусто, ни единой живой души. В нижнем этаже — полнехонько пшеницы, которой так не хватало в Москве.

Осмотрев все закоулки, мы выставили за хутором часового. Остальные бойцы роты развели во дворе костер, подвесили котелки и готовили ужин. Все наши пожитки — вещевые мешки, подсумки и винтовки сложили в одной из комнат.

Вдруг видим, к хутору бежит часовой и машет рукой, указывая в степь. Оказалось, что оттуда приближается конный разъезд. Чей он?

— В ружье! — скомандовал я.

Красноармейцы кинулись к винтовкам. Казачий разъезд уже спускался к деревянному мосту.

Даю команду часовому:

— Товарищ Арбузов, беги навстречу и останови, спроси, кто они?

Арбузов повернул обратно, крича:

— Стой! Какой части?!

¹ ЦГАСА, Ф. 1307, д. 46, л. 387.

Всадники остановились по ту сторону моста. Но разглядев, что мы красные и что нас мало, ринулись через мост.

Положение было опасным. Мы понимали, что если они ворвутся в хутор, то порубят нас. В плен белоказаки не брали. Кричу:

— Огонь!

Сам стреляю в лошадиную груду, тороплю других. Красноармейцы один за другим открывают огонь. Конники отпрянули недалеко в степь, а затем вновь галопом кинулись на маленький гарнизон.

Положение критическое. Кричу красноармейцам:

— Давай сюда пулемет!

На деле никакого пулемета у нас не было. Товарищи, поняв мою хитрость, схватили стоявший у крыльца передок от водовозки, развернули его в сторону противника, легли и открыли огонь... из винтовок. Белые приняли наш «пулемет» за настоящий и бежали в степь.

Продержавшись в хуторе положенное нам время, мы были сменены другой ротой нашего полка.

НОЧНОЙ НАЛЕТ

С 26 декабря на фронте наступило сравнительное затишье. Обе стороны готовились к новым решительным схваткам. Но и в этот период красные части наносили крепкие удары по врагу, проявляли чудеса храбрости и находчивости.

5 января 1919 года наш полк совершил налет на позиции 5-го белоказачьего полка и уничтожил его. Накануне вечером командир полка Гурский собрал командиров рот и сказал, что ночью будем атаковать Матвеевку, чтобы врасплох захватить сидевших там белоказачков. В два часа ночи, поднявшись и надев поверх всего белое нижнее белье, мы собрались у штаба полка. Там нас ожидал Гурский. Вызвано было сто двадцать человек. Гурский повел нас в сторону Матвеевки. В пути он приказал приблизиться к деревне осторожно, не курить. Одной группе отряда следовало залечь у начала Матвеевки и ждать сигнала для подъема в атаку. Другой, с которой

шол Гурский и где был я, — обойти Матвеевку и, рассыпавшись в цепь, тоже ждать сигнала для атаки.

Осторожно ступая по хрупкому снегу, приближаемся к селу. Вот небольшой холм, у которого остается первая группа. Наша группа идет в обход деревни по возвышенности за огородами.

Подход совершили удачно. Без шума сняли белоказачьи посты и по сигналу красной ракеты бросились в атаку, рассыпавшись по деревне. Поднялась стрельба. Белоказачи, бросая все, спасались кто как мог. Застигнутые сонными, они не могли сообразить, что происходит, кидались из домов на огороды, в поле, где их настигали наши пули. Так был разгромлен белоказачий полк.

Мы захватили два орудия с упряжками, много винтовок, снарядов, патронов, пулеметов, канцелярию и... праздничные подарки, присланные для белоказачков буржуазией из Оренбурга. Под утро, усталые, но бодрые, мы возвратились домой в село Алексеевское. За этот героический налет командир полка Владислав Владиславович Гурский был награжден орденом Красного Знамени.

В. В. Гурский

НА ОРЕНБУРГ!

В январе войска 1-й армии перешли в энергичное наступление для взятия Оренбурга. 2-я бригада 24-й дивизии действовала на главном направлении. Бригадой командовал С. М. Пугачевский, а командиром нашего, 212-го полка, по-прежнему был В. В. Гурский.

Неудержимой волной тронулся фронт, развернувшись более чем на сто верст! Зимняя стужа, бураны не прекращались, костенели ноги и руки, ветер валил с ног. И все-таки во всех частях чувствовался подъем. Сбивая противника с укрепленных позиций, мы продвигались все ближе к Оренбургу.

Идя справа на расстоянии двух верст от железнодорожного полотна, 212-й полк поднялся на вершину пологого холма. Вдруг по нас грянули орудийные выстрелы, затем застрекотали пулеметы и началась залповая ружейная стрельба. Наша цепь рассыпалась. Открыли огонь пулеметы. Подскакала артиллерия. Началась наша атака Новосергиевки. Двигались медленно, ноги проваливались в снег, приходилось по временам залегать и снова идти вперед, спускаясь по склону холма.

К левому флангу 8-й роты, приближавшемуся к железнодорожным путям, подошел наш бронепоезд, весь белый в морозном инее. Мы еще смелее бросаемся в атаку. С криком «ура!» перебегаем рельсы и оказываемся на улицах Новосергиевки. Наш бронепоезд уже на станции. Другие роты также вошли в Новосергиевку. Устраиваем небольшой привал, подтягиваем артиллерию, обозы, разводим людей по домам для обогрева. К этому времени подошли и дымящиеся походные кормилицы-кухни был объявлен обед. После холодного, морозного перехода и жаркого боя красноармейцы забегали с котелками, полными горячих жирных щей.

В тот же день мы с боем заняли Мамалаевку. Это была настоящая казачья станица. Как-то нас в ней встретят?

Заходим внутрь большого деревянного дома. Пустота, тишина. Но через минуту-две замечаем, что кто-то на печи ворочается, тихо шепчется. Из-за трубы высовываются полные испуга детские лица с лохматыми головами. Зовем их слезть, угощаем сахаром. Но они недоверчивы и не отвечают на наши вопросы.

Накинув наскоро на плечи кацавейку, выходит из проулка казачка, видимо, замерзшая от выжидания, и идет в свой дом, озираясь по сторонам. Мы здороваемся, спрашиваем, где ее муж. Она боится отвечать, ведь «красные, как звери»,—так изображала нас белогвардейская агитация. Но оказалось не так, и женщина, оглядевшись, отдышавшись, говорит:

— Да вы такие же, как наши, русские?.. Вот и говорите по-русски, по-нашему... А мы-то думали и впрямь, что вы вроде разбойников... Ан нет, вы свои, русские.

Так начиналось наше знакомство с жителями станиц Оренбургского казачьего войска, на которых так надеялась их буржуазно-казачья верхушка с атаманом Дутовым во главе.

18 января полки бригады, после занятия Переволоцкой, развернули дальнейшее наступление. На нашем пути встала возвышенность, на которой находилась станция Сырт. Высота была укреплена окопами и проволочными заграждениями. Это была последняя ключевая позиция белых перед Оренбургом. Но наступательный порыв наших войск был так велик, что мы штурмовали укрепленную высоту с ходу. Москвичи и куряне атаковали в лоб. Крестьянский полк двинулся в обход, севернее. Белоказак не выдержали и, не приняв боя, отошли.

Значение этого успеха мы оценили как следует, когда оказались на высоте. Местность просматривалась и простреливалась отсюда на многие версты и на юг, и на север. Владея этой позицией, противник мог бы долго закрывать нам путь на Оренбург. Но его войска были надломлены морально и уже не смогли удержаться.

На станции Сырт мы получили приказ командования 1-й армии. 211-й полк должен был идти на Оренбург по-прежнему вдоль железной дороги, через станицу Берды. 212-му полку приказывалось совершить обходное движение по большой трактовой дороге, шедшей на Оренбург южнее реки Урал, стремительным броском с юго-запада захватить мосты и не позволить противнику их взорвать.

21 января Московский полк, двигаясь от станции Сырт, свернул резко на юг и скоро достиг хутора Рычковки. Река Урал была скована льдом и препятствием не явилась. Серьезных встреч с противником не было, его разъезды быстро уходили.

С утра 22 января мы снова шли на восток от поселка Дедуровки. Все были уверены в победе и это удесятерило наши силы.

Без боя прошли Нижнюю Павловку. Здесь на нашу сторону перешли несколько десятков конных казаков, не захотевших далее воевать за контрреволюцию. Отсюда

до Оренбурга оставалось всего 20 верст. Нам было приказано войти в Оренбург 24 января. Но бойцы, политработники и командиры полка без митингов решили про себя: возьмем раньше!

В полдень 22 января нам стали видны мосты через Урал у Оренбурга. Через некоторое время они оказались в наших руках.

...Походными колоннами батальоны Московского полка движутся по деревянному мосту. Испытываем неописуемую радость. Она становится еще сильнее, когда мы выходим на улицы города. По обеим сторонам дороги стоят жители города. Они восторженно приветствуют нас.

Навсегда запечатлелись в памяти их улыбки, слезы радости, крепкие рукопожатия. Оренбуржцы братались с москвичами, пришедшими к ним на помощь.

Освобождение Оренбурга имело огромное значение для молодой республики Советов.

ПОЛИТРАБОТА В 1-й АРМИИ

ЗА ВОЛГУ

С октября 1918 года штаб и политотдел 1-й Революционной армии размещались в городе Сызрани, только что освобожденном от белогвардейцев. Но все наши помыслы находились в Заволжье, на бескрайних просторах которого вели наступление наши дивизии: Симбирская Железная, Пензенская и Инзенская. После небольшого отдыха в Самаре они продолжали стремительное движение вперед. Ближайшими целями были Бугуруслан и Бузулук, на линии которых пытались закрепиться интервенты и белогвардейцы, разбитые на Волге. С занятием этой линии красным дивизиям открывались пути на Уфу и Оренбург.

Политотдел политически обеспечивал широкое наступление 1-й армии на восток. К этому времени политотдел организационно уже сложился. В нем работали активные деятели партии, прибывшие по призыву Центрального Комитета для укрепления фронта главным образом из Москвы и Петрограда.

Во главе политотдела стоял А. Савельев, большевик с подпольным стажем, член Московского комитета партии. Его заместителем и заведующей агитационным подотделом была Г. И. Клопова — член партии с 1916 года из Москвы. Организационным подотделом ведал К. А. Козлов — большевик с 1915 года. Инструктором подотдела работал старый большевик Я. М. Страумит, бывший секретарь Латышской секции Московского комитета партии. Руководство культурно-просветительной работой было поручено петроградской коммунистке А. А. Дановской, члену партии с 1917 года, бывшей работнице франко-русского завода. Секретарем политотдела был коммунист В. Черникеев.

Важнейшим средством влияния на политико-моральное состояние войск была газета «Набат революции», издававшаяся политотделом. Редактором ее был член

партий с мая 1917 года В. Л. Козлов, присланный из Москвы. Газета носила боевой характер, была любима красноармейцами.

На меня была возложена политическая информация. Заведующий политотделом требовал ежедневной информации о политико-моральном состоянии наступающих

И. С. Башкирцев

частей и наших гарнизонов в Сызрани, Иваченкове, Самаре, Ставрополе, а также о настроениях населения прифронтового тыла. Такую информацию мы получали от комиссаров частей, политотделов дивизий, от посылаемых в части агитаторов и организаторов. Последние, являясь сотрудниками политотдела, давали наиболее объективную информацию о состоянии частей, о настроениях бойцов, о снабжении оружием, обмундированием и т. п.

Среди сотрудников политотдела армии была А. С. Калыгина, член партии с 1916 года, впослед-

ствии она работала в Центральном Комитете РКП(б). А. С. Калыгина работала не только в воинских частях и среди местного населения. Она самоотверженно проникала через линию фронта в расположение противника, добывая ценнейшие сведения.

В 1-й армии были крепкие кадры военно-политических комиссаров дивизий: в Симбирской Железной — Б. С. Лившиц, в Пензенской — Ф. И. Самсонович, вскоре смененный на этом посту К. К. Ратнеком, в Инзенской — Г. П. Звейнек — все старые большевики. Вначале политотдел имелся лишь в 24-й Симбирской Железной дивизии. Заведующим был старый самарский большевик Н. Ф. Панов. В дальнейшем политотделы были созданы и в других дивизиях. Политотделы укомплектовали

комиссарским составом полки, батальоны, дивизионы и другие части, создавали в частях коммунистические ячейки.

Кадры политотделов комплектовались из работников местных партийных организаций Симбирска, Сызрани, Самары и продолжавших непрерывно прибывать в армию московских и петроградских коммунистов.

За время от вступления армии в Самару до взятия Оренбурга в распоряжение политотдела 1-й армии было 647 коммунистов. Две трети из них были направлены в политотделы дивизий и через них в воинские части. Из этих товарищей, большей частью имевших опыт политической работы, в частях создавались партийные ячейки, группы сочувствующих. В партию вовлекались передовые люди рядового и командного состава армии. Ко II армейской партийной конференции (февраль 1919 года) число ячеек в армии выросло до 60, а число членов партии — до 1276, сочувствующих (кандидатов) — до 969. А пять месяцев назад, в дни освобождения Симбирска, в армии было лишь 223 коммуниста и 65 сочувствующих.

Развертывание политотделом партийно-политической работы в армии явилось важнейшим фактором боевых успехов наших войск.

Политотделы в своей работе опирались на комиссаров частей.

Во главе 1-го Симбирского полка, первым ворвавшегося в Бугуруслан, шел бесстрашный комиссар Н. И. Кирюхин, тульский, затем московский рабочий, коммунист с 1914 года. Н. И. Кирюхин пошел на фронт рядовым пулеметчиком 3-го Московского полка. Комиссар 2-го Симбирского полка Н. М. Шверник, знавший его по совместной подпольной работе в Туле, доложил о нем политотделу армии. После этого Н. И. Кирюхин и был назначен комиссаром. Он был прекрасным организатором, всегда находился с массами, заботился о них. Поэтому он пользовался огромным авторитетом среди красноармейцев, которые шли с ним на любые трудные дела.

В августе 1919 года Н. И. Кирюхин своим самообладанием и храбростью спас полк от уничтожения. Дело было так. Под станицей Березинской белогвардейцы перешли в контрнаступление и отрезали два батальона

214-го (1-го Симбирского) полка. Упорный бой длился несколько часов, наши батальоны понесли большие потери. Комиссар Н. И. Кирюхин сгруппировал оставшихся бойцов, организовал из двух пулеметов шквальный огонь по противнику, пробил брешь в его расположении и вывел батальоны к станции Степная. За мужество, находчивость и правильную ориентировку в обстановке тяжелого боя Н. И. Кирюхин был награжден орденом Красного Знамени. Впоследствии он стал способным командиром полка.

Великолепно держались наши комиссары и при взятии Бузулука. Первыми впереди цепей в город въехали на конях комиссар 2-й бригады Н. Н. Козырев и его заместитель В. Г. Зуев — оба старые петроградские коммунисты.

Чтобы лучше обслуживать наступавшие части и более оперативно руководить всей политической работой на фронте, политотдел армии в начале января 1919 года перебазировался в Бугуруслан.

УКРЕПЛЕНИЕ ПРИФРОНТОВОГО ТЫЛА

Для наступления 1-й армии на Стерлитамак и Оренбург было крайне важно закрепить политически весь огромный, недавно освобожденный от белогвардейцев район Бугуруслана — Бузулука. Политотдел армии потребовал от политотделов дивизий энергичной работы по организации в прифронтовой полосе комитетов деревенской бедноты и Советов.

В то время А. Савельев по болезни вынужден был оставить пост заведующего политотделом армии. Вместо него был назначен В. Л. Козлов. Дружно работая со всеми политотдельцами, он успешно развертывал партийно-политическую работу. Многие политработники были брошены на восстановление Советской власти в прифронтовой полосе.

В Бузулукомском уезде хорошо работал политотдел 24-й Симбирской Железной дивизии. В Сорочинскую волость была направлена группа его сотрудников: И. Щербаков, Г. Соколовский, Лесников, Б. Леонидов. Развернутая ими кипучая политико-организаторская деятельность способствовала укреплению Советской власти

в волости. В селах Сорочинском, Тихоновке, Николаевке, Пьяновке, Спасском и других состоялись собрания бедноты, выборы комбедов. После этого общие собрания крестьян произвели выборы в Советы. Представители политотдела всюду выступали с докладами по текущему моменту. Трудовое крестьянство, натерпевшееся от белогвардейцев, горячо встречало представителей Красной Армии. Собрания проходили с подъемом и заканчивались пением революционных песен.

Политотдельцы принимали участие в налаживании практической работы местных органов Советской власти. Лесников, например, помог ряду комбедов и сельсоветов в проведении четкой классовой линии при раскладке и сборе чрезвычайного революционного налога. Главной тяжестью этот налог падал на кулаков. В Сорочинском Лесников и Щербаков вместе с местными коммунистами сплотили революционную молодежь и помогли ей организовать клуб имени Володарского. Собравшиеся на открытие клуба крестьяне послали приветствие В. И. Ленину. Там же Соколовский и Щербаков организовали торжественные революционные похороны павших бойцов и местных красных партизан. Щербаков проводил по селам лекции на темы: «Международное положение и Красная Армия» и «Давайте жить коммуной». После лекций возникали митинги, на которых крестьяне клялись всеми силами помогать Советской власти.

Соколовский, узнав от крестьян, что среди белоказачков имеются желающие перейти в Красную Армию, написал обращение «К трудовым казакам» с призывом рвать с белогвардейщиной и смело становиться на сторону Советской власти. Политотдел дивизии утвердил это обращение, и оно распространялось в расположении противника и по казачьим станицам с аэроплана.

Итоги работы политотдельцев в прифронтовой Сорочинской волости были подведены на волостном съезде Советов. Съезд единогласно принял резолюцию:

«Мы, члены съезда Советов Сорочинской волости, заслушав доклад по текущему моменту, в котором между другими вопросами говорилось о создании еще более могучей Красной Армии... от чистого сердца приветствуем это и клянемся в том, что все свои помыслы и силы положим на то, чтобы это как можно скорее было

сделано, и будем в этом направлении напрягать все свои усилия, чтобы Красная революционная Армия ни в чем не нуждалась, несла высоко свой стяг и разгромила все белогвардейские банды русской и иностранной буржуазии»¹.

Командованием 1-й армии была назначена мобилизация двух лет в Бугурусланском и Бузулукском уездах, в том числе и в Сорочинской волости. Она вылилась в яркую демонстрацию готовности трудовых масс беззаветно бороться за власть Советов.

Ближайший тыл 1-й армии стал ее прочным оплотом в развернувшемся в январе 1919 года наступлении на Оренбург.

Таким был результат деятельности армейских политработников.

АРМЕЙСКИЙ ТЕАТР

К первой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в политотдел армии прибыл из Москвы Первый рабоче-крестьянский передвижной театр. Труппа его состояла из рабочих-участников театральных кружков предприятий Московского уезда. Возглавлял ее режиссер А. Г. Ровный.

Сперва в политотделе скептически отнеслись к этому театру. Но вскоре все мы признали, что он — могучее мобилизующее средство, дающее красноармейцам бодрость и развивающее волю в борьбе за победу над ненавистным врагом.

Режиссер А. Г. Ровный и артисты К. Боярская, Е. Ефимова, К. Кувырталова, М. Кузнецова, Г. Сенцов, И. Тесовский, С. Голубцев, Л. Баклина и другие должны были в декабре 1918 года возвратиться в Москву, но все они решили остаться добровольцами на фронте и обслуживать части Красной Армии.

Вместе с политотделом армейский театр переехал в Бугуруслан. Отсюда он стал систематически выезжать во фронтовые части. Там, где только что кончались бои, выступал наш театр и играл с утра до поздней ночи без отдыха.

¹ ЦГАСА, ф. 157, оп. 2, д. 5, л. 98.

Труппа передвигалась на лошадях, не имела теплых обуви и одежды. Чтобы не замерзнуть, артисты больше бежали за лошадьми, чем ехали. Первой театр поставил пьесу «Савва» Л. Андреева. Ставилась пьеса А. Луначарского «Королевский брадобрей», пьеса А. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» и другие.

Была изготовлена передвижная сцена: железный каркас, покрытый брезентом. Вместо декорации употребляли сукна и расписные ткани. Освещение было установлено на грузовике. Сцену ставили под бугром, а красноармейцы размещались на бугре. Спектакли проходили хорошо, и красноармейцы встречали театр с большой радостью, предлагали свою помощь. В знак благодарности делились с артистами обедами.

Враги, видя огромную вдохновляющую роль театра Красной Армии, пытались сорвать его работу. В Бузулуке во время спектакля началась провокационная стрельба, поднялась паника, давка. Но красноармейцы быстро поймали диверсантов. Ими оказались сынки местных купцов и кулаков.

К июню труппа стала ставить пьесы «Бедность не порок» и «Свобода». Теперь театру для реквизита и для жилья дали железнодорожные вагоны.

ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Оренбург был занят нашими войсками. Через неделю политотдел армии прибыл сюда и разместился в Коробковых номерах.

26 февраля в здании этих номеров собралась II армейская партийная конференция. При открытии ее было сообщено, что нашими войсками занята станция Сара. Эта радостная весть усилила нашу уверенность в окончательной победе, в правильности мудрой ленинской политики нашей партии. Почетным председателем конференции был избран В. И. Ленин.

Конференция приняла приветствие 24-й Железной дивизии, решавшей задачу взятия Орска и выхода за восточные отроги Южного Урала.

Делегаты говорили об огромном размахе политработы в дивизиях и частях, об успехах, достигнутых в воспитании красноармейцев в духе сознательной револю-

ционной дисциплины. Почти во всех частях имелись коммунистические ячейки.

При обсуждении вопросов повестки дня предстоящего VIII съезда партии особой дискуссии не было. К. А. Козлов дал заслуженную отповедь политическому комиссару 1-й армии О. Ю. Калнину. Последний, правильно выступая против тенденции вмешательства партийных ячеек в оперативные распоряжения командования, впал в противоположную крайность. Он недооценивал значения партийно-политической работы, полагался более на строгость командного состава в деле укрепления дисциплины в Красной Армии. Конференция поддержала К. А. Козлова.

Армейская конференция делегатами на VIII съезд партии избрала К. А. Козлова и Л. Б. Сунницу. После съезда они в 1-ю армию не вернулись, так как были направлены на другие фронты.

ГЛАВНОЕ — БОЕСПОСОБНОСТЬ

На первых порах ядром Пензенской дивизии были рабочие полки — Петроградский, Смоленский, Иващенко-ский, вписавшие немало славных побед в историю 1-й армии. Но постепенно старые бойцы выбывали. Пополнения из крестьян изменили состав полков, появлялись неустойчивые элементы. Сказывалась и переутомленность непрерывными походами, а также слабая постановка политической работы в дивизии. Поэтому Пензенская дивизия переживала серьезные трудности, преодоление которых потребовало много внимания и сил политотдела армии.

В ноябре—декабре 1918 года части дивизии потерпели поражение в районе Белебея и оставили его. Некоторые полки были охвачены паникой, падала дисциплина, снизилась боеспособность. Для ликвидации этого положения в дивизию, в Абдулино, выехала заместитель заведующего политотделом армии Г. И. Клопова с группой сотрудников. Для удобства решения встававших перед ней задач политотдел армии назначил ее временно заведующей политотделом дивизии.

Прибыв в дивизию, тов. Клопова проявила себя как

энергичный партийный работник, способный принимать самостоятельные решения. Были приняты суровые меры к паникерам, отстранен от должности ряд командиров, которым красноармейцы не доверяли. Группа Клоповой много сделала для сплочения коммунистов дивизии. Из управлений они были выдвинуты на передовые линии. В полках состоялось много митингов. По инициативе Клоповой Абдулинский ревком призвал железнодорожников встать в ряды Красной Армии. Был создан рабочий отряд в 200 человек. Он сыграл важную роль в укреплении политико-морального состояния личного состава дивизии.

Вынужденная действовать самостоятельно, Клопова в некоторых случаях вмешивалась в оперативные дела командования дивизии. В связи с этим возник конфликт, и Клопова была отозвана в политотдел армии. Начальником политотдела дивизии стал Д. М. Милов. Но работа группы Клоповой дала положительные результаты. Политико-моральные настроения красноармейских масс дивизии значительно улучшились, дивизия перешла в новое успешное наступление.

Второй подобный «кризис» Пензенская дивизия пережила в марте 1919 года. Снова толчком явились неудачи на фронте. В обстановке отступления особенно сказалось плохое материальное снабжение, отсутствие обуви, неудовлетворительный подвоз продовольствия. Части теряли боеспособность.

В этой связи 2 апреля политотдел армии созвал экстренное совещание политкомов. Оно подробно рассмотрело причины кризиса, переживаемого Пензенской дивизией.

После совещания политработники глубоко вникли в хозяйственные нужды дивизии, чтобы выправить дело. Попросили Оренбургский губком партии содействовать лучшему снабжению дивизии продовольствием, и тот срочно оказал необходимую помощь. Одновременно ряд работников политотдела армии был командирован в дивизию, чтобы улучшить массово-воспитательную работу среди бойцов. Многие сделал старый большевик К. К. Ратнек, назначенный вначале заместителем комиссара, а потом комиссаром Пензенской дивизии. В этой должности он остался до окончания войны.

Большую работу по укреплению революционной дисциплины в частях дивизии провели старые большевики

работник политотдела армии Я. М. Страумит и редактор армейской газеты Т. С. Скориков.

«Кризис» в дивизии был быстро ликвидирован, и она в дальнейшем показала себя отлично.

МИТИНГ

В политотделе армии работали три сестры Казаковы, в прошлом московские текстильщицы: Александра, Софья, Варвара. Это были смелые, преданные делу партии товарищи, не щадившие себя на работе. Они пользовались в армии большой популярностью. Не удовлетворяясь культурно-просветительной работой, они просили направить их в полки, действовавшие на передовой линии.

В. П. Казакова была направлена политсотрудником в 213-й Крестьянский полк 24-й дивизии. С апреля по июль 1919 года она вела там плодотворную работу, не раз вместе с красноармейцами бывала в боях, сражалась с винтовкой в руках.

В ночь на 6 июля полк занял село Утаганово на берегу Белой. Река в этом месте имела ширину всего в 30 метров. Красноармейские посты, расположенные на самом берегу, отлично слышали все разговоры у противника и сами разговаривали через речку с солдатами противника.

В. Казакова решила использовать это для агитации среди белых солдат. На следующую ночь она была уже на берегу, в передовых постах, попросила красноармейцев завязать разговор с белыми. Это удалось.

В удобный момент В. Казакова вмешалась в разговор и стала разъяснять вражеским солдатам, что они воюют за интересы богатых, то есть за интересы своих классовых врагов. Белогвардейцы пытались задавать провокационные вопросы, но В. Казакова находчиво парировала их.

Никто не стрелял ни с той, ни с нашей стороны. Беседа все ширилась. Солдаты белых и красноармейцы уже нашли земляков, лежавших в окопах на разных берегах реки. С той стороны спрашивали про советские порядки и получали ответы. Красноармейцы звали белых солдат кончать войну и переходить в Красную Армию. В. Казакова умело направляла беседу в нужную сторону.

Разговоры через реку закончились за полночь. Когда В. Казакова собралась уходить в штаб, красноармейцы с уважением сказали ей:

— Вы, товарищ политбоец, настоящий митинг с белыми солдатами устроили. Те, кто слышал вас, вряд ли теперь будут воевать против нас.

И действительно, вскоре на этом участке большая группа солдат белой армии перешла к нам. Так, наши политработники не только укрепляли ряды Красной Армии, но и разлагали ряды противника.

ГЕРОИЗМ ОРЕНБУРГСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА¹

Оборона Оренбурга принадлежит к числу наиболее ярких страниц в истории гражданской войны не только по своим результатам, не только потому, что закончилась разгромом белых армий, но и потому, что основную тяжесть этой обороны вынесли рабочие города и крестьяне окружающих районов...

В обороне Оренбурга мы имеем пример слитности большевистских организаций с рабочими массами. Рабочие города глубоко верили руководящим организациям и прежде всего губернскому партийному комитету. Когда решался вопрос об обороне Оренбурга, в партийной организации не было двух мнений, вопрос был решен быстро и твердо.

Оборона Оренбурга в 1919 году показывает, как много может сделать революционная армия, состоящая в подавляющей массе из рабочих, руководимых большевистской организацией и командирами, вышедшими из рабочих.

Весной 1919 года Колчак, поддерживаемый Антантой, собрав свои лучшие силы, начал наступление на запад по всему фронту. В начале апреля белоказаки, поддерживаемые пехотными частями противника, берут Орск, Соль-Илецк и подкатываются к самому Оренбургу.

Мы в тот момент не представляли всего значения обороны Оренбурга. Оно стало для нас ясно впослед-

¹ Стенограмма доклада И. А. Акулова на вечере воспоминаний Оренбургского землячества в Москве 29 января 1932 года. Машинописная копия стенограммы хранится в Центральном государственном архиве Советской Армии в фонде Центрального музея Советской Армии. Стенограмма подвергалась составителями стилистической правке и печатается с некоторыми сокращениями. Заголовок доклада дан составителями. (*Прим. сост.*).

ствии, и значение Оренбурга, как звена между европейской и среднеазиатской частями Республики, и значение Оренбурга, как заслона, который дал возможность собраться Ударной группе наших армий под Бузулуком и ударить на Колчака в направлении Уфы.

В апреле губернским комитетом партии было принято решение защищать Оренбург. Город был совершенно не готов к обороне, окопы вокруг него возведены не были. Особая группа, оборонявшая город, получила Оренбург «голеньким».

На кого опирались оренбургские организации, когда решили крепко отстаивать город? На рабочих Оренбурга и прежде всего на рабочих железнодорожных мастерских (в этих мастерских насчитывалось 2500 человек, и в депо — 900 человек), на рабочих завода Орлес, затем на кожевников, рабочих мельниц, пекарей и т. д. Кроме того, мы опирались на рабочих и крестьян, бежавших при наступлении белых к Оренбургу из Орска и Соль-Илецка.

И. А. Акулов

Губком поставил вопрос об обороне города и перед командованием Южной группы армий Восточного фронта. Во главе ее стоял Михаил Васильевич Фрунзе. Это обстоятельство обеспечивало нам сразу же поддержку Южной группы. Фрунзе, как полководец-революционер, понимал всю важность обороны Оренбурга.

Мы знали настроения рабочих через партийную организацию, но требовалось не медлить, нужно было эти настроения перевести в определенные действия, организовать рабочих. После заседания губернского комитета партии два его члена были посланы на конференцию профессиональных союзов и фабзавкомов, проходившую в те дни, и обратились к рабочим, готовы ли они защи-

щать Оренбург. Конференция единодушно отметила, что рабочие готовы драться, и обратилась ко всем рабочим губернии с призывом встать на защиту Оренбурга¹.

Начался организационный период, предшествовавший обороне. Был создан ревком. Прежде необходимо было городу освободиться от всего лишнего для обороны. Поэтому одновременно с созданием ревкома² и упразднением всех гражданских учреждений было решено эвакуировать семьи как ответственных работников, так и те семьи рабочих, которым могла грозить опасность. Одновременно была произведена и эвакуация наиболее ценного имущества.

Наряду с этим было выделено значительное количество коммунистов в Туркестанскую армию, уходившую на Бузулук, в качестве военных и политических работников. Выделены были представители в штаб группы обороны. Шла спешная работа по формированию полков. Для того, чтобы у рабочих не было никаких забот о семьях и о зарплате, губком решил выдать им за два месяца вперед заработную плату.

От Южной группы армий Востфронта было получено некоторое количество оружия, несколько тысяч винтовок. Было приступлено к формированию трех полков: 210-го почти исключительно из железнодорожников, 217-го, в который вошли главным образом рабочие завода Орлес, и 218-го, в который вошли остальные рабочие. Отступившие из-под Орска крестьяне, рабочие, а также сотрудники оренбургской милиции вошли в 218-й полк. Это был наиболее сборный полк. Кроме того, в состав группы обороны вошел 277-й полк — целиком из орских рабочих, и 216-й полк, состоявший главным образом из крестьян Оренбургской губернии.

Кроме этого, мы имели 150 человек конницы, 6 старых орудий и на фронте под Чебеньками — две траншеи

¹ Оренбургская общегородская конференция профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов открылась 7 апреля. Обращение к рабочим и крестьянам Оренбургской губернии с призывом встать на защиту Советской власти конференция приняла 8 апреля. (Прим. сост.).

² 14 апреля ревком передал всю полноту власти Реввоенсовету 1-й армии, на которую М. В. Фрунзе возложил оборону города и подступов к нему. (Прим. сост.).

(37-миллиметровые скорострельные орудия). Был также один бронепоезд.

Весь состав группы к 20 апреля насчитывал 4 тысячи штыков и 150 сабель. Следует, однако, заметить, что конец апреля и начало мая были периодом формирования полков и что 210-й полк был полностью сформирован только к концу апреля.

Наши части испытывали большой недостаток в обмундировании, особенно в шинелях. Обмундирование, шинели мы получили значительно позже. В первое время оренбургские рабочие дрались в чем бог послал.

Какова была численность войск противника? К концу апреля их состав исчислялся в 11 тысяч человек (8 тысяч конницы и 3 тысячи пехоты). Силы противника несколько возросли в июне, количество конницы достигло 10 тысяч человек. Это были 2-й и 1-й оренбургские белоказацкие корпуса. Кроме того, взятие Оренбурга входило и в задачу 4-го корпуса¹, наступавшего в Салмышском направлении в обход города. Следовательно, противник имел силы, более чем в два раза превосходящие силы, которыми располагал Оренбург.

Не буду перечислять всех операций, происходивших под Оренбургом. Я остановлюсь только на важных из них, главным образом на критических моментах в обороне Оренбурга. Первый момент — противник неожиданно нападает с востока. 19, 20, 21 апреля он внезапно хотел ворваться в Оренбург, но был отбит. Это был первый удар по противнику, заставивший его почувствовать, что город не беззащитен. Второй момент — 25—26 апреля под Салмышем. Третий момент — 14—17 мая, подход противника к самому городу, ночной бой, угроза ворваться в город, принудившая нас сжечь деревянный настил железнодорожного моста через Урал, чтобы остановить наступление белоказачков. Вот три критических момента, из которых рабочие Оренбурга вышли с честью, хотя и с большими потерями. На этих трех моментах я и хочу остановиться.

В дни с 19 по 21 апреля белоказацкие части хотели взять Оренбург с налета. Оренбургские рабочие полки,

¹ В середине апреля 1919 года белые имели под Оренбургом свыше 20 тысяч штыков и сабель. (Прим. сост.).

еще как следует не сформированные, отбивают белоказов и закрепляются на позициях у станицы Нежинской. 21 апреля белоказаки переходят в наступление, отбивают наши части от Нежинской и приближаются к городу. Все мы помним тревогу, охватившую город. Помним наши рабочие батальоны 210-го полка, удержавшие наступление противника в трех километрах от города, за Форштадтом. Рабочие отстояли город буквально своей грудью, так как это направление (станицы Нежинская, Каменно-Озерная) было менее защищено естественными преградами и не имело никаких искусственных сооружений, даже элементарных окопов. Рабочие в этом бою показали себя действительными героями, дали понять белому командованию, что с ними справиться нелегко. Противника отбили, и станицы Нежинская и Каменно-Озерная вновь были заняты нами после упорного боя.

Необходимо отметить, что командование Особой группы считалось с возможностью оставления города в эти дни. Распоряжение, отданное 23 апреля начальником обороны Оренбурга командирам 210, 216, 217 и 218-го полков, гласило: «В случае, если бы под натиском противника пришлось отступить и оставить Оренбург...», далее следовало перечисление, какой полк и как должен был отходить, бронепоезду приказывалось при отходе взорвать мост и т. д. Это распоряжение, отданное частям секретным порядком, показывает, что после первых атак белоказаков в апрельские дни наше командование, несмотря на решимость партийной организации защищать Оренбург, не было уверено, что его удастся отстоять. И только боевое настроение рабочих, готовность их драться до конца, требования партийной организации иначе решили вопрос. Оставление Оренбурга могло изменить всю обстановку на южном участке Восточного фронта, создание Ударной группы под Бузулуком могло не состояться так же, как и удар наших войск от Бузулука на Уфу.

Убедившись, что с налета Оренбург не возьмешь, противник решает взять его в обход. Назревает Салмышская операция. Несколько подробнее остановлюсь на ней.

Противник разведкой устанавливает, что нет непосредственной связи между группой, обороняющей Оренбург, и 20-й дивизией 1-й Революционной армии Восточного

фронта, что здесь красный фронт имеет разрыв, и бросает свой 4-й корпус в этом направлении, занимает станицу Сакмарскую, хутора Янгиз и Майорский. Следует отметить: противник вел наступление очень нерешительно, что объясняется весенним разливом рек.

Штаб Оренбургской группы еще не имел сведений о захвате противником указанных пунктов. Но ввиду важности этого направления для обороны, наше командование приказало 277-му Орскому полку занять эти пункты.

Выполняя приказ, Орский полк столкнулся с противником и выбил его, заняв станицу Сакмарскую, хутора Майорский и Янгиз. Однако противник засел на Салмышских высотах и с этих высот стал громить 277-й полк, который нес большие потери. Командование полка (командир М. И. Юлин) приняло решение выбить противника с высот. М. И. Юлин связывается с 211-м полком и, получив обещание поддержки, 26 апреля переходит в наступление. 211-й полк охватывает правый фланг противника, а 277-й — левый, одновременно ударяя «в лоб». Этот удар был так стремителен, что части противника, не ожидавшие его, растерялись, управление частями было потеряно и все они бросились обратно, к Салмышу. На разлившемся же Салмыше не имелось переправы. Был один паром, на котором переправились около 300 человек из всего корпуса. Остальные были перебиты, утонули, попали в плен. 277-й полк забрал 1500 пленных, 34 пулемета, два орудия. 4-й корпус противника был разбит, почти перестал существовать, долгое время не возобновлял активных действий.

М. И. Юлин

Эта удачная атака Орского рабочего полка на 4-й корпус противника, разгром последнего значительно облегчили положение Оренбурга. Для противника этот участок был потерян и ему пришлось перенести атаки на восточное и южное направление.

Моральное значение салмышской победы было огромное. Это была первая победа на Восточном фронте после наступления Колчака. Победа на Салмыше вдохнула силы не только в оренбургских рабочих. Известие о ней подняло настроение красных частей всего Восточного фронта.

Особенно велико значение Салмышского боя еще потому, что, задержав наступление противника в оренбургском направлении, группа, оборонявшая город, прикрыла Бузулук, дала возможность Ударной группе Восточного фронта своевременно развернуться и нанести контрудар на Уфу, решивший по сути дела участь Колчака.

Таким образом, и обход Оренбурга с севера был ликвидирован. Наступает второй период, развивается борьба на восточном и юго-восточном направлениях. Каково было положение фронтов здесь?

210-й полк держал позиции несколько восточнее Нежинской. Оставив 27 апреля станицу Каменно-Озерную, 216-й полк имел позиции севернее между Нежинской и Верхними Чебеньками. 218-й полк — под Донгузской.

28 апреля нашими частями на этом направлении было предпринято общее наступление на противника. Удалось занять Каменно-Озерную. Однако противник, собрав резервы, выбил нас с занятых нами позиций и заставил отойти на прежние. 28 апреля под Донгузской батальон 218-го полка, получив приказ, пошел в наступление на белоказаков. Противник, видя, что наши силы небольшие, погнал батальон обратно. Потери батальона были очень велики. В результате разгрома батальона белоказаки смогли с юга подойти к самому мосту и били из орудий по городу и станции. Однако, благодаря быстрой мобилизации сформировавшегося 217-го полка, рабочих депо, удалось вскоре отогнать белоказаков от моста. Они отошли от города на десяток километров и обстрел города прекратился.

В день пролетарского международного праздника 1 Мая крупных операций с нашей стороны не было. Проводились только демонстративные операции со стороны

противника, главным образом против позиций 216-го полка. В этот день партийным организациям удалось провести собрания, митинги во всех частях, даже на позициях. Проведен был большой митинг и в городском саду.

К этому времени над Оренбургом нависла новая угроза со стороны уральских белоказаков. Они делают попытки прервать железнодорожное сообщение с Самарой и поставить под угрозу снабжение Оренбурга боевыми припасами, оружием, не говоря уже о том, что, если бы противнику удалось закрѣпиться на некоторое время на железной дороге, это психологически тяжело отразилось бы на частях, оборонявших Оренбург.

Командование 1-й армией в ответ на эти попытки белоказаков создает группу тов. Захарова. Она несколько задерживает наступление белоказаков на железную дорогу.

Перехожу к решающему моменту в обороне Оренбурга, к переломному моменту, к боям за переправу через Урал.

6 мая командование 1-й армией отдало приказ о переходе в общее наступление. Этот приказ, насколько я пытался разобраться в материалах, не вызывался никакой необходимостью. Он заставил нас растянуть наши небольшие силы более широким фронтом. Удваивать протяжение фронта было нецелесообразным, так как в Оренбурге имелось вооруженных всего около шести тысяч человек.

Во исполнение этого приказа командующий Особой группой М. Д. Великанов отдал 8 мая свой приказ о наступлении. К чему это привело? К тому, что наши части, не достигнув крупных результатов, понесли большие потери, а на участке 217-го полка произошла катастрофа. Только 277-й полк, имея против себя разгромленный 4-й корпус, занял Казанцево, Сергеевку, Деево. 216-й и 210-й полки успеха не имели. 217-й полк продвинулся на 15 километров к Донгузской, но два его батальона были совершенно разгромлены. Белоказаки дали им возможность продвинуться, заманили их и, видя, что фланг открыт, перешли в наступление. Окончательного уничтожения этих батальонов не произошло лишь потому, что оставшиеся отошли под защиту бронепоезда. Потери 217-го полка были около 300 человек, т. е. в двух батальонах мы потеряли больше половины людей.

После разгрома 217-го полка белоказаки подходят к Меновому Двору, к Гребеням и разъезду Сакмарскому и охватывают Оренбург почти кольцом. Тов. Великанов, выхавший на позиции, был арестован бойцами 217-го полка. Положение создалось такое, что нельзя было по-ручиться, что его не расстреляют. А. А. Коростелеву и мне пришлось ехать туда и выручать Великанова из-под ареста.

11 мая наше контрнаступление снова отбивается с большими для нас потерями. Острый момент пережили мы 12 мая, когда противник на востоке (на Нежинском направлении) подошел на расстояние 8 километров от Оренбурга. Вся городская милиция была собрана и брошена на позиции. Противник не использовал положения, а он мог бы ворваться в город с этой стороны. 13 мая наши части на востоке и на юго-востоке прижимаются противником к Уралу. 14 мая противник переходит в наступление на всем фронте. Резервов у нас совершенно нет, они исчерпаны. Наш 217-й полк выбит с левого берега Урала и отходит в самый город. Орудия, за исключением одного, вышли из строя. Это была решающая ночь. Все бывшие тогда в Оренбурге прекрасно помнят эту ночь, когда город горел в нескольких местах.

Положение было очень тяжелым, противник обстреливал город. Мы вынуждены были собрать последние резервы, т. е. мобилизовать остатки партийцев, еще находившихся на гражданской работе в городе. И в эту ночь атака противника была отбита.

Выяснилось, что участок Бешеный за Маяком совершенно не прикрыт. Белоказаки, подойдя к берегу, могли переправиться (хотя переправа и была трудная) и ударить в тыл. Наши части, услышав выстрелы в тылу, могли бы покатиться. Последние 20 человек партийной организации были брошены на Бешеный, заняли возвышенность и до утра следили за переправой.

Нам пришлось в штабе решать вопрос: рвать мост через Урал или нет? Мы единодушно решили, что моста взрывать нельзя, что он нам еще пригодится для наступления на противника. Это решение как нельзя лучше характеризует наши настроения. В ночь, когда можно было ожидать, что вот-вот казаки ворвутся в город, мы думали о наступлении, учитывали необходимость в ско-

ром времени перейти в атаку на противника и с этой целью сохранили железнодорожный мост. Партийная организация, принимавшая совместно со штабом это решение, прекрасно учитывала настроение рабочих, которые геройски дрались за Оренбург.

Отдельные моменты борьбы за Оренбург показывают, как командование казаков неумело использовало благоприятное положение. В апреле противник хотел, что называется, победным маршем войти в Оренбург. Но после того, как он в течение месяца дрался под городом и оренбургские рабочие основательно намяли ему бока, у него победное настроение пропало. Он стал действовать нерешительно именно тогда, когда победа была близка.

15, 16 и даже 17 мая противник все время атаковал нас на всех участках, но ворваться в город ему не удалось. Атаки белоказачков разбились об упорство рабочих.

В это время командование Южной группы армий Восточного фронта принимает важное для Оренбурга решение. 15 мая по решению М. В. Фрунзе отдается приказ 20-й дивизии сменить 277-й полк, занимавший позиции на левом берегу Салмыша. 277-й полк передвигался вправо к хуторам Белова, Гребени и станице Григорьевке. Это дало возможность 216-му и 210-му полкам сжать фронт. Одновременно с этой перегруппировкой мы получили первые подкрепления. 20 мая в Оренбург пришли Тверской отряд в количестве 250 человек и Интернациональный батальон — 300 человек. Подходят два броневика. Картина резко меняется. Наконец, в обстановке наступает перелом.

20 мая открывается наше наступление на белоказачков. Происходит размыкание полукольца под Оренбургом. 277-й полк берет с боя Нижние Чебеньки, 210-й и 216-й наступают на Нежинскую и занимают ее с трудными боями. Бои ведутся с переменным успехом. Но после занятия Чебеньков 277-м полком белоказачки, опасаясь удара на Нежинскую с фланга или обхода, откатываются к Каменно-Озерной и далее.

В ночь на 22 мая мы начинаем операции на юго-восточном и южном участках. Набросав щиты, наши части проходят через мост на левый берег. Несколько выше моста организуется переправа Тверского коммунистического отряда на лодках. Переправа происходит настоль-

ко неожиданно, что белоказаки спешно отступают, оставляют Меновой Двор.

С этого времени под Оренбургом больших перемен не происходило, указанный фронт с небольшими изменениями держался до начала августа,

С 21 мая мы, наученные горьким опытом, начинаем уже окапываться, чтобы сохранить фронт, и гоним оренбургскую буржуазию на эту работу.

Я не указал, что мы, кроме боевых потерь, несли большие потери и больными. Наши части несли большие потери от лихорадки потому, что не имели обмундирования, особенно в первой половине обороны, бойцы находились на позициях кто в чем, а время было весеннее.

Пока белоказаки находились под самым Оренбургом, надо было особенно быть начеку, так как наряду с большим рабочим населением в Оренбурге находилось много контрреволюционных элементов, в том числе немало родственников казаков, служивших в армии Дутова. Они с нетерпением ожидали вступления белоказаков в город. Наши чекистские органы свою службу несли исправно. Охрана тыла ими была проведена в высшей степени удовлетворительно.

Нужно отметить, что в конце июля белые пытаются путем мобилизации в Верхнеуральске и Актюбинске пополнить свои силы, но крестьянство не дает никаких пополнений в белую армию. Это предопределило разгром белоказачков.

Какие выводы надлежит сделать?

Благодаря обороне Оренбурга удалось создать Ударную группу под Бузулуком, которая по сути дела решила участь Колчака. От Бузулука был нанесен первый удар, был разбит левый фланг Колчака, что заставило его откатиться к Уфе, а потом катиться и дальше. Оборона Оренбурга (так же, как и оборона Уральска) не дала возможности объединиться белым армиям: восточной (Колчак) и южной (Деникин). В этом немалая заслуга оренбургских организаций, оренбургских рабочих и созданной ими Особой оренбургской группы 1-й Революционной армии.

Наряду с обороной мы не забывали и других своих обязанностей перед государством. Все время мы вывозили хлеб и отправляли его в Москву. Если бы нам пришлось отойти от Оренбурга, мы бы весь наш хлебный

Вручение Почетного Революционного Знамени ВЦИК, которым были награждены оренбургские рабочие за героическую оборону города в 1919 г. Вручает знамя Е. Ярославский.

район отдали во власть белых. А ведь это богатейший хлебный район.

Нужно отметить в заключение, что большое значение в обороне Оренбурга сыграла наша печать. Упомянут тов. Мискинова, бессменного руководителя газеты. Несмотря на тяжелую болезнь (последняя стадия чахотки), он все время стоял на своем боевом посту. Как ни ограничены были наши бумажные фонды, газеты и листовки, которые мы выпускали, давали нам возможность поддерживать бодрость в рядах дерущихся за Оренбург рабочих полков, поддерживать бодрость в рабочих семьях, оставшихся в Оренбурге.

Оборона Оренбурга в 1919 году является одной из наиболее красочных страниц нашей борьбы с белыми армиями. Услуга, которую рабочий Оренбург оказал Красной Армии, революции — огромна.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КРАСНОГО КОМАНДИРА¹

НАСТУПЛЕНИЕ

22—23 ноября 1918 года полки нашей 1-й бригады 24-й Симбирской Железной дивизии с боем заняли села Миролюбовку, Матвеевку, Покровку, Романовку, Богдановку.

Деревня Богдановка неожиданно была окружена белоказаками. Две наших роты почти целиком попали в плен. Красноармейцев тут же заставили копать себе могилу, на краю ее белоказаки расстреливали пленников. Двое, когда раздался залп, почувствовав, что они не ранены, свалились в яму и, когда белоказаки пошли за другой партией пленных, вылезли из могилы и кое-как добрались до ближайшей деревни, где их укрыла одна женщина. Часть красноармейцев успела ускользнуть из деревни, но была настигнута в поле и изрублена.

Опасаясь прорыва казаков в наш тыл, штаб Железной дивизии дал приказание нашей бригаде занять Старую и Новую Белогорку и Степановку.²

В ночь симбирцы перешли в Новую Белогорку, а с рассветом повели наступление на Степановку. Стоял сильный мороз. Целый день кипел ожесточенный бой на высотах между Степановкой и Богдановкой. Несколько раз белоказаки шли в атаку, грозя прорвать цепи симбирцев. Но симбирцы не уступали противнику ни шагу.

Белоказаки в конце-концов не выдержали и откатились. Степановка была нами занята.

Но село Степановка было расположено в низине. Бе-

¹ Очерк представляет собой часть записок М. Д. Великанова, хранящихся в личном архиве его супруги Е. Я. Великановой и любезно предоставленных ею составителям. Публикуется впервые. (Прим. сост.).

² Это наступление 2-го Симбирского и других полков 1-й бригады 24-й Симбирской Железной дивизии 1-й армии было проведено 24—25 ноября 1918 года. (Прим. сост.).

локазаки же находились на господствовавших над ним возвышенностях. Всю ночь и весь следующий день их артиллерия громила симбирцев. Комбриг В. И. Павловский был вызван в штаб дивизии.¹ Уезжая, он приказал бригаде отойти в район Покровки — Михайловки — Романовки.

В ночь на 1 декабря наши части спокойно отошли, заняв: витебцы — Покровку, симбирцы — Михайловку и Романовку, карачевцы — Тихоновку. Я со штабом бригады и с резервным батальоном 2-го Симбирского полка находился в Михайловке, в центре линии фронта бригады. С момента принятия такого расположения и до решительного наступления 1-й армии на Оренбург в конце декабря действия нашей бригады ограничивались только разведкой и обороной занятых пунктов.

Белые довольно значительными силами произвели за это время одно наступление на Романовку во фланг нашей бригады. Оно застало симбирцев, которые устроились в деревне совсем по-мирному, почти врасплох. Вследствие отсутствия предварительных соображений об обороне, пришлось принимать бой западнее Романовки, куда случайно отошли оба батальона. Артиллерия с трудом выехала на позицию, долго не могла установить орудия на промерзлой почве и открыть огонь.

Приказав резерву приготовиться, я с ординарцами выехал к симбирцам. Из Романовки в Михайловку отходили хозяйственный и боевой обозы, включая и пулеметные двуколки. Пулеметчики на мой вопрос: «Почему и куда они едут?» — отвечали, что у них-де испортились пулеметы. Обоз, конечно, в Михайловке не остановился, а продолжал уходить дальше на Федоровку. Романовка была оставлена, цепи симбирцев расположились в низине, к западу от нее, артиллерия устраивалась на дороге между Романовкой и Михайловкой.

Белоказаки Романовку обходили с запада, но действовали довольно вяло. Я сразу это заметил и отдал приказание резервному батальону бригады перейти в контр-наступление, продвигаясь между Романовкой и Покров-

¹ В. И. Павловский был назначен временно исполняющим обязанности начальника 24-й Симбирской Железной дивизии. М. Д. Великанову было поручено временное исполнение обязанностей командира 1-й бригады. (*Прим. сост.*).

кой, отрезая белым пути отхода. Остальные части полка также перешли в контрнаступление. Ординарцам я приказал вернуть обозы обратно в Михайловку.

Через некоторое время белоказачи, заметив наши маневры, стали отступать и, построившись в колонны, ушли по дороге в степь. Преследование не представлялось возможным, так как белоказачи были конные, а у нас конницы, кроме ординарцев, не имелось. Карачевцы были в это время разбросаны по хуторам.

К вечеру наша бригада снова была в Романовке.

В другой раз белоказачи предприняли ночную разведку деревни Михайловки, пройдя балками с востока от Покровки. Приблизившись к гумнам, белые разведчики неожиданно открыли огонь по селению. Но паники они не вызвали, так как после случая в Романовке все бойцы и командиры были настроже.

В половине декабря штаб дивизии потребовал от меня спешной переброски одного батальона на поддержку 2-й бригады. Крестьянский полк этой бригады был поставлен в тяжелое положение наступлением белобашкирских частей. 3-й батальон Тупикова был спешно переброшен на подводах по назначению. Выполнив задание, через три дня он, здорово обморозившись, вернулся в полк.

Незадолго перед решительным наступлением на Оренбург по распоряжению командования дивизии в районе, занятом нашей бригадой, была произведена мобилизация людей. Делалось это так: собирався сход крестьян и на нем объясняли, что для пополнения рядов бригады нужны люди такого-то года рождения, подлежащие зачислению в ряды Красной Армии. В нашем районе крестьяне шли в Красную Армию очень охотно, так как с бригадой они уже сжились. Эта мобилизация дала очень хорошее пополнение, значительно укрепившее ряды бригады. Это было первое пополнение по мобилизации. До этого же мы пополнялись добровольцами.

Других особых приготовлений к наступлению не было. Патронов ружейных и снарядов оружейных было достаточно, продовольствия — тоже. Части давно уже ждали наступления. Бригада выступила на Оренбург в составе двух стрелковых полков — Витебского и Симбирского — одного артиллерийского дивизиона двухбатарейного состава и Карачевского кавалерийского полка,

Задача бригады в наступлении на Оренбург заключалась в том, чтобы выходом на дорогу Оренбург — Илекский городок прервать связь оренбургских и уральских белоказаков. Правее бригады наступала 25-я дивизия.

В первый день наступления нами были заняты Старая и Новая Белогорки. Предполагалось, что белоказаки окажут значительное сопротивление, но этого не случилось. После перестрелки с белоказачьими разъездами части бригады без труда заняли Варшавку и Грязно-Иртецкую.

В хуторе, что в 5 верстах к западу от Грязно-Иртецкой, недавно занятом одним нашим батальоном, раздалась стрельба. Оказалось, что две сотни белоказаков пытались захватить хутор. Но так как наш батальон был наготове, то он без труда отбил их атаку.

Горячий бой разгорелся при подходе бригады к селу Мустаеву.

Я шел со 2-м Симбирским полком. Еще верстах в 5 от села было видно, что белоказаки собираются дать нам бой. Их разъезды то и дело появлялись на пригорках, а вдали на участке 25-й дивизии слышалась артиллерийская стрельба.

Лишь только наш полк стал спускаться в низину, чтобы перевалить через небольшую возвышенность, за которой лежало село, белоказаки повели наступление, открыв артиллерийский огонь. Полк развернулся. Разгорелся огневой бой, который продолжался до 14 часов. Белоказаки под действием нашей батареи и под угрозой обхода карачевцами начали отступать, а у самого села обратились в паническое бегство. Карачевцы и конные разведчики на плечах противника ворвались в село, зарубив на его улицах несколько белоказаков, не сдавшихся в плен. Мустаево было занято.

Между тем по направлению к станице Герасимовке продолжался непрерывный артиллерийский бой. Видимо, 25-й дивизии приходилось туго. Высланные мною разъезды донесли, что Герасимовка занята белыми.

Я приказал направить один батальон со взводом артиллерии к Герасимовке. Сам тоже отправился туда. На возвышенностях к востоку от станицы были видны значительные силы белых, оказывавшие упорное сопротивление частям 25-й дивизии. На поле маневрировала бе-

лая конница. Снаряды 25-й дивизии уже долетали до противника. Положение нашего батальона, выделенного от 2-го Симбирского полка, было чрезвычайно выгодно. Он оказался на фланге белоказаков, дравшихся против 25-й дивизии.

Установленный на позиции наш взвод полевой артиллерии открыл огонь, а пехота, продвигаясь под прикрытием пулеметного огня, заняла Герасимовку.

Этот удар был для белоказаков настолько неожиданным, что они быстро снялись с позиции и отошли. Связь с 25-й дивизией была установлена. В первый раз за все время борьбы на Оренбургско-Уральском фронте я имел свои фланги более или менее обеспеченными.

До этого нам почти не удавалось установить связи с 25-й дивизией. Между нами всегда бывал промежуток в 50—70 верст.

Бой под Мустаевым и Герасимовкой был первым и последним, в котором белоказаки пытались оказать более или менее значительное сопротивление при нашем наступлении на Оренбург.

На следующий день к вечеру мы заняли еще несколько хуторов. Разведка и местные жители донесли, что большие станицы по тракту (Нижеозерная и другие) также свободны от белоказаков и что последние стягиваются к Оренбургу. Я приказал бригаде ночью же выступить и выйти на тракт. 2-му Симбирскому и Карачевскому полкам была поставлена задача захватить Нижеозерную.

Около 12 часов ночи я со штабом бригады прибыл в Нижеозерную. Остановился у станичного писаря. Белоказаки еще засветло покинули станицу, отойдя вверх по реке.

Через два дня была установлена связь с Оренбургом, который 22 января был занят частями 2-й бригады 24-й Симбирской Железной дивизии. Я получил приказание стянуть всю бригаду в Оренбург.

После трехдневного перехода я во главе 2-го Симбирского полка прибыл в Оренбург.¹

¹ После освобождения Оренбурга М. Д. Великанов был начальником 25-й дивизии. В марте 1919 года командовал Уфимской группой войск, действовавшей севернее Стерлитамака. В середине апреля М. Д. Великанов был вызван в Оренбург в штаб 1-й армии для принятия командования группой обороны города. (Прим. сост.)

В ГРУППЕ ОБОРОНЫ

В Оренбург пришлось пробираться в самую весеннюю распутицу. На верной, выносливой «Маньке», вывезенной мною еще из Козлова, с двумя ординарцами — чехами Францем и Гришей, перешедшими к нам под Пензой, ехал я туда, где ожидали меня тяжелые испытания.

Через три дня трудного пути мы прибыли в Оренбург. Обстановка там складывалась не из легких. Части 1-й

В штабе обороны Оренбурга в 1919 г. Сидит за столом
М. Д. Великанов.

и Туркестанской армий отходили. В городе остался один полевой штаб 1-й армии. Командарм Гай, будучи не согласен с Фрунзе по вопросу о значении Оренбурга, высказывался за оставление города.

Войск для защиты было недостаточно. В городе формировалось три рабочих полка: 210-й и 217-й и частично 218-й. В районе Сакмарской находился отступавший из Орска 277-й Орский полк. Железный эскадрон 24-й Симбирской дивизии находился непосредственно при штабе армии. Малочисленная кавалерийская часть К. П. Ушакова тоже была в распоряжении штаба 1-й армии.

Доложив командарму о всем пережитом мной в Уфимской группе, я ушел отдохнуть. 19 апреля около 12 часов я был неожиданно вызван в штаб армии. В городе было неспокойно: носились туда и сюда конные, бежали куда-то красноармейцы. На лицах встречавшихся была видна тревога.

Иду в штаб армии и там у Гая и начальника штаба Шафаловича узнаю, что конные белоказачьи части находятся в 15 верстах от города в направлении станицы Нежинской. Наскоро сформированные рабочие полки,

Э. Ф. Вилумсон

все, что имелось в городе боеспособного, готовились к отражению нападения. Сам Гай тоже приготовился во главе своего Железного эскадрона выехать на фронт.

Мне было приказано командовать правым боевым участком. Я тотчас же отправился на место.

Уже в сумерках встречаю отряд Гая, который возвращался в Оренбург. Гай рассказал, что белые отбиты и отступили к Каменно-Озерной. От красноармейцев узнал, что ранен начальник 24-й дивизии Э. Ф. Вилумсон в живот.

...Оренбург встречал пасху. Звон колоколов, освещенные церкви, толпы народа, направлявшиеся к ним — все это как-то не вязалось с тем, что пережитым. В штабе армии я получил более точные инструкции и предписание немедленно отправиться в Нежинскую. Около 2 часов ночи 20 апреля я с ординарцем Гришей Хаслингером отправился к месту назначения.

Станица Нежинская была уже занята кавалерией К. П. Ушакова. Прибыв туда, я оказался во главе введенных мне войск (часть Ушакова и 210-й полк). От-

даю приказ взять Каменно-Озерную. К 2 часам дня Каменно-Озерная без особого сопротивления противника была взята. Белые отступили так поспешно, что в станичном управлении нами были захвачены кулечи, яйца, собранные для них богатыми казаками.

К моему вступлению в командование группой обороны Оренбурга войска, входившие в ее состав, занимали следующее положение. Одна рота добровольцев с самодельным бронепоездом была выдвинута далеко вперед на станцию Донгузская. Около роты занимало станцию Меновой Двор и станицу Благословенку. Часть К. Н. Ушакова и 210-й полк занимали Каменно-Озерную и Нежинскую, 216-й полк держал позиции у хутора Гребени и села Нижние Чебенки. В городе закончил свое формирование 217-й полк и только что приступили к организации из оренбургской милиции 218-го полка. 277-й Орский полк занимал хутор Майорский. Боеспособность частей была такова. Роты на Донгузской и в Благословенке — это необученные рабочие оренбургских железнодорожных мастерских и мобилизованные кустари. 210-й полк боеспособность имел посредственную, но драться мог, численность полка — около 1,5 тысячи бойцов. Конники Ушакова — отличная часть, состоявшая из старых бойцов, 216-й полк — вполне боеспособный и достаточной численности (около 1,5 тысячи человек). 277-й полк представлял собой отличную часть, закаленную в боях на фронте. 217-й полк состоял из рабочих деревообделочного завода Оренбурга, был еще мало подготовлен. 218-й полк формировался из милиции, как боевая единица он мог быть брошен в бой только в случае крайней необходимости.

Артиллерия состояла только из трех батарей.

Через несколько дней после моего вступления в командование группой в Оренбург прибыл бронепоезд «Волгарь» кустарного производства.

Штаб группы состоял из следующих лиц: начальник штаба Лукашевич, начальник оперативной части Денисов, начальник административно-хозяйственной части Федоров, комиссар группы Коростелев Александр, комиссар штаба — бывший военком 1-й бригады 24-й дивизии Функсон. Словом, штаб был организован наподобие штаба дивизии.

Штабу группы подчинялись непосредственно все ука-

Г. А. Коростелев

А. З. Здобнов

занные выше части. Штаб группы занял помещение штаба 1-й армии — здание бывшего Волжско-Камского банка¹, против женской гимназии. Квартировали все в доме, принадлежавшем ранее купцу Хусаинову. Снабжение войск было организовано примитивным способом. Был начальник снабжения, но чем он располагал из огнеприпасов, оружия, продовольствия, мне было неизвестно. Войска снабжались из собственных запасов. Но недостатка особого не терпели. Подчинялась группа командующему 1-й армией.

О противнике было известно, что на левом берегу Урала на направлении Благословенка — Меновой Двор — Донгузская действовал 1-й Оренбургский белоказачий корпус, на направлении Нижние Чебеньки — Нежинка — 2-й Оренбургский белоказачий корпус, на Сакмарском — белогвардейский армейский корпус.

Настроение в войсках группы было удовлетворительное. Оренбургские рабочие твердо решили отстоять Оренбург. Для работы среди войск к

¹ Ныне дом 28 на Ленинской улице. (Прим. сост.).

штабу группы были прикомандированы все оренбургские партийные и советские работники, из которых особенным влиянием среди рабочих пользовались члены губкома партии и губисполкома братья Коростелевы, И. А. Акулов, А. З. Здобнов, И. Д. Мартынов, И. Ф. Киселев. Население пригородной слободы Форштадта было настроено не в нашу пользу, так как отцы, сыновья, братья большинства жителей этого пригорода служили у белых.

ПОБЕДА НА САЛМЫШЕ

Бой на реке Салмыш был первым серьезным ударом Красной Армии по Колчаку. События разыгрались так.

4-й белогвардейский корпус Бакича получил задачу: выйти в район станции Каргала Ташкентской железной дороги, отрезав таким образом войска, оборонявшие Оренбург, от других частей 1-й армии. Если бы белым эта операция удалась, то Оренбург был бы окружен со всех сторон и оказался бы в осаде.

...Белые начали переправу на правый берег реки Салмыш.¹ Командир 277-го Орского полка М. И. Юлин донес мне об этом и спрашивал разрешения отбросить белых, так как условия для переправы были весьма неблагоприятные для противника — один паром и больше никаких переправочных средств. Я отдал приказ начать атаку 27 апреля, но М. И. Юлин по своей инициативе перешел в наступление 26-го и одержал блестящий успех. Белые потерпели полное поражение. Переправившиеся на правый берег были взяты в плен, пытавшиеся переправиться обратно погибли в волнах широко разлившегося Салмыша. 2 орудия, 1500 пленных, около сотни лошадей были трофеями инициативного полка.

Когда в ночь с 26 на 27 апреля я приехал в хутор

¹ Автор описывает завершающее сражение по разгрому белогвардейского корпуса Бакича 26 апреля 1919 года. Но переправа 2-й дивизии корпуса Бакича через Салмыш началась 20 апреля. 277-й Орский полк, переправившись 23 апреля через Сакмару у Сеитово, вступил в соприкосновение с противником. 24 апреля этот полк выбил белых из станицы Сакмарской и хуторов Майорского и Янгиза. 25 апреля продолжались бои, а 26 апреля противнику был нанесен решающий удар силами 277-го Орского полка при поддержке подразделений 211-го Курского полка Красной Армии. (Прим. сост.).

Майорский, в штаб полка, мне доложили о случившемся. 211-й Курский полк 24-й дивизии, наступавший по просьбе командира 277-го полка севернее, тоже пожал победы лавры. Но в основном успех этот нужно приписать 277-му полку, его командованию, которое сумело уловить момент.

Эта победа оказала огромное влияние на оборону Оренбурга. Угроза выхода противника в наш тыл была ликвидирована.

ОТРАЖЕНИЕ АТАК БЕЛОКАЗАКОВ

28 апреля началось организованное наступление белоказаков на Оренбург.

Удару подвергся сначала отряд, выдвинутый на станцию Донгузская. Он частью был вырезан белоказаками, частью в панике бежал в Оренбург. Белоказаки заняли Меновой Двор, левый берег Урала и даже поставили пулемет недалеко от железнодорожного моста через Урал. Наши небольшие части, бывшие на левом берегу, отошли, заняв позицию на правом берегу Урала.

В резерве в то время находился только 217-й полк. Пришлось и его двинуть в бой. Полку была дана задача переправиться по железнодорожному мосту через Урал и отбросить белоказаков. Около 16 часов 217-й полк подошел к мосту, успешно переправился через реку и повел наступление. К вечеру окрестности Оренбурга на левом берегу Урала были очищены от противника.

Приблизительно до 8 мая происходили мелкие стычки, не изменявшие линии фронта, которая проходила от реки Урала через озеро Чернецкое, Меновой Двор, Благословенку, безымянную высоту близ станицы Нежинской, далее на север через Нижние Чебеньки до Сакмары, хуторов Янгиза, Марьевки.

Для удобства управления войска были расположены таким образом. 217-й полк занимал участок по обе стороны Ташкентской железной дороги, имея центром Меновой Двор, подчинялся непосредственно мне. На этом участке находилась и рота 210-го полка, расположенная в станице Благословенке. Два орудия, действовавшие под командой старого фейерверкера, Логвиненко, занимали позицию на Маяке. 210-й и 218-й полки входили в состав 2-й бригады Уланова, они держали фронт от реки Урала

до станицы Нежинской, далее к северу верст на 5 от Нежинской по линии хутор — Нижние Чебенки. 216-й и 277-й полки, занимавшие станицу Сакмарскую, хутор Янгизский, входили в 1-ю бригаду Кашина.

Обе бригады имели по одной 4-орудийной батарее. На участках Меновой Двор и Гребени имелись бронепоезда по одному на каждую бригаду. Кавалерийская часть Ушакова занимала промежутки между 1-й и 2-й пехотными бригадами. В резерве находился только сформировавшийся 3-й батальон 218-го полка и вооруженные рабочие, продолжавшие обслуживать некоторые предприятия Оренбурга. Никаких укреплений войска не возводили, а ограничивались окопчиками для стрельбы лежа.

У противника действовали два оренбургских казачьих корпуса: с юга по Ташкентской железной дороге 1-й корпус и два пехотных полка, с востока — 2-й корпус.

8 мая белые повели атаку одновременно на все участки Оренбургского фронта, наиболее сильно напирая между линией железной дороги и станицей Нежинской. Вокруг Оренбурга загорелся ожесточенный бой. Наиболее слабо защищенный южный участок Меновой Двор—Благословенка не выдержал. Наши войска отошли на правый берег Урала, заняв позиции по обе стороны железнодорожного моста. Другие участки держались крепко и только требовали боеприпасов. Наступили весьма критические дни обороны города. Белые, решив во что бы то ни стало взять Оренбург, в течение 9, 10 и 11 мая продолжали ожесточенные атаки.

10 мая я объехал весь фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением. На Нежинском участке 210-й и 218-й полки не уступали ни пяди, 216-й полк в бою 9 мая нанес серьезное поражение пластунскому батальону, состоявшему из жителей сел Гребени и Чебенки. Дело здесь доходило до рукопашных схваток. Я лично 10 мая вечером видел 50 трупов белоказаков, подобранных нами в Гребенях. Кавалеристы Ушакова стойко держались в промежутке между 218-м и 216-м полками. 277-й полк тоже держался отлично. В ночь с 10 на 11 мая полк сам перешел в наступление и форсировал Салмыш у Имангулово. Впечатление от состояния войск у меня создалось самое хорошее.

Для подкрепления войск, оборонявших переправу че-

рез Урал, 10 мая был вызван батальон 277-го полка. 11 мая атаки белых возобновились. Пришлось в район Чебеньков бросить на подкрепление батальон, сформированный из рабочих Илецкой Защиты, наскоро их вооружив. Рабочие настойчиво требовали пулеметов. Нам пришлось долго уговаривать товарищей, пока они отправились на фронт без пулеметов.

Оренбургский губвоенкомат в марте—апреле 1919 г.
В центре — губвоенком Г. И. Занузданов

11 и 12 мая 216-й полк подался назад, уступив белоказакам Чебеньки.

День 13 мая был самым критическим. Белые возобновили атаки по всему фронту и к вечеру принудили 210-й и 218-й полки оставить станицу Нежинскую и отойти на высоты в 5—6 верстах восточнее Оренбурга.

Артиллерия белых обстреливала весь город, снаряды попадали в вокзал, в штаб. Наша артиллерия стреляла с площади. Считаясь с возможным отходом, я на всякий случай дал распоряжение подготовить платформы для погрузки артиллерии.

М. В. Фрунзе¹ сам вызвал меня к аппарату и приказал держаться во что бы то ни стало, обещав подкрепле-

¹ М. В. Фрунзе — командующий Южной группой войск Восточного фронта, штаб его находился в Самаре. (Прим. сост.).

ние. Все силы были брошены на удержание фронта. Члены Оренбургского губкома партии А. А. Коростелев, И. Д. Мартынов, А. З. Здобнов и много других ответственных партийных и советских работников пошли на фронт, как простые бойцы, неся боевую службу наравне с красноармейцами.

Для объединения командования частями на правом берегу Урала был назначен Оренбургский губвоенком Г. И. Занузданов. Установилась более надежная связь штаба обороны с боевыми участками.

Работа в штабе проходила в страшно напряженной обстановке, вследствие близости противника и нашей величайшей ответственности за удержание города. Не думаю, что наши части могли бы благополучно выбраться в случае взятия Оренбурга врагом, так как в нашем тылу был только единственный железнодорожный мост через многоводную Сакмару. Пешеходный же мост мог быть построен только после спада воды. Безусловно, что артиллерия и обозы достались бы целиком противнику. Гражданское население, главным образом, рабочие, советские служащие, партийные и профсоюзные организации и слышать не хотели об эвакуации.

И. Д. Мартынов

Учитывая, что непосредственная близость фронта к городу могла неблагоприятно отразиться на войсках и чрезвычайно затрудняла оборону, я решил отбросить белых и занять положение, которое имел фронт до наступления белых.

Прежде всего нужно было перенести фронт с правого берега Урала, то есть непосредственно из города, на левый берег реки. В ночь на 22 мая прибывший на под-

крепление и лично мною руководимый Тверской коммунистический отряд переправился на лодках в район дач, одновременно с захватом моста 217-м полком.

Операция удалась блестяще. 217-й полк заранее заготовил деревянные щиты, под прикрытием темноты сделал на мосту настил и захватил левый берег Урала. Тверскому отряду при переправе почти не было оказано сопротивления. Бой разгорелся уже утром, когда белоказачи пришли в себя. Но мы быстро опрокинули конные части противника и заняли Меновой Двор и близлежащий район.

Таким образом, с юга Оренбург снова был обезопасен. Правда, артиллерия белых все еще могла обстреливать город, но только его окраины в районе железнодорожного моста.

20 мая нами было решено расширить позиции на Нежинском направлении. План операции сводился к следующему. 210-й и 218-й полки при поддержке 55-го автобронеполка должны были нанести удар прямо перед собой в направлении станицы Нежинской. Одновременно 277-й полк с батальоном 216-го полка отрезал пути отхода белых, наступая из района Гребени. Весь план был построен на согласовании ударов этих полков.

В 4 часа 22 мая мы с комиссаром штаба обороны тов. Здобновым прибыли на броневиках в 210-й полк. К нашему удивлению, полк и не думал наступать. Командир полка доложил, что красноармейцы отказались выступить и он ничего не может поделать. Мы с Здобновым пошли вдоль окопов, чтобы убедиться в настроении бойцов. Оказалось, что командир говорил правду. Несмотря на уговоры со стороны командного состава, красноармейцы не хотели наступать под предлогом усталости.

Тов. Здобнов собрал вокруг себя людей и начал объяснять всю пагубность их отказа. В это время 216-й полк уже выступил, с его стороны слышна была артиллерийская и пулеметная стрельба. Тогда мы решили воздействовать на бойцов примером коммунистов.

— Хорошо, — сказали мы, — весь комполитсостав с коммунистами и броневиками пойдет один, чтобы поддержать 216-й полк!

Мы и на самом деле двинулись вслед за бронеотрядом, сбили слабое охранение белых и стали их преследо-

вать. Этот пример подействовал, стрелки вышли из окопов и двинулись вслед за нами.

Вследствие некоторой задержки 210-го полка нашему соседу, 216-му полку, выступившему своевременно, не удалось нанести белоказакам решительного поражения. Но пространство мы все же выиграли, взяв станции Нежинскую, Чебенки и, таким образом, избавили Оренбург от непосредственной близости фронта.

Это наступление было последним, произведенным под моим командованием. До 1 июня на фронте установилось некоторое затишье. Я попросил у командующего 1-й армией Г. В. Зиновьева отпуск, который получил. Вскоре я был назначен начальником 20-й стрелковой дивизии.

* * *

Оборона Оренбурга является одной из героических страниц истории Красной Армии. В течение двух с половиной месяцев город выдерживал натиск сильнейшего противника.

Конечно, не искусство командования сыграло тут решающую роль. Командовали мы плохо. Маневр у нас еще отсутствовал. Мы просто старались заткнуть везде дыры на фронте. Инженерное искусство совершенно не применялось, хотя не представляло особой трудности оплести сравнительно неширокий фронт проволокой и окопами. Это было бы очень полезно.

Героизм рабочих и красноармейцев, инициатива начальников отдельных частей — вот что спасло Оренбург. Правда, наш штаб обороны проявил известную выдержку, хладнокровие. Но это было ничто по сравнению с упорством рабочих, желавших во что бы то ни стало отстоять свой родной город.

Большую роль сыграла Оренбургская организация РКП(б). Товарищи А. И. Акулов, Александр и Георгий Коростелевы, И. Д. Мартынов, А. З. Здобнов и другие проявили колоссальную энергию и выдержку, чтобы внушить войскам бодрость и желание драться. Их имена останутся навсегда в истории этого героического эпизода гражданской войны. Н. А. Кашин, Я. А. Уланов, М. А. Шарапов, Г. И. Занузданов, А. С. Шереметьев, К. П. Ушаков — мои близкие помощники по руководству боевыми операциями, должны также быть отмеченными в истории этой героической борьбы.

С САНИТАРНОЙ ЛЕТУЧКОЙ НА ПОЛЕ БОЯ

После освобождения Оренбурга от белогвардейских банд 22 января 1919 года в городе установилась Советская власть. Население вздохнуло свободно. Нас, красногвардейцев, распределили по частям 1-й армии. Меня направили работать сестрой милосердия в военный госпиталь.

5 апреля объявили о подготовке госпиталя к эвакуации.

Вокруг Оренбурга начались тяжелые кровопролитные бои, длившиеся несколько месяцев. Раненых эвакуировали, с ними уехали и более пожилые медицинские работники госпиталя. Было создано санитарное управление обороны города, начальником которого назначили фельдшера Мананникова.

Санитарное управление создало летучки для обслуживания частей, ведущих бои. В задачу летучек входило не оставлять на поле боя ни одного раненого красноармейца.

Меня назначили в санитарную летучку № 2, которая состояла из 2—3 товарных и одного классного вагонов. В товарных вагонах устроили нары. Никакого другого оборудования не было. Медицинский персонал состоял из 1—2 медсестер, военфельдшера, 1—2 санитаров, они же несли охрану. Врача не было. Большинство медработников имело оружие — винтовки, некоторые — револьверы.

На вокзале станции Оренбург развернули походный госпиталь, в котором сделали нары. Никакого инвентаря, постелей не было. Имелось небольшое количество йода и перевязочного материала.

Наша летучка успевала бывать во всех местах, где шли бои, или происходили хотя бы небольшие стычки. Раненым мы немедленно оказывали помощь и доставляли их в походный госпиталь на вокзале, откуда их в

санитарных поездах отправляли в Самару. К месту боев мы выезжали не только в летучке. Там, где не было железных дорог, мы ходили пешком, ездили на случайных повозках.

Впоследствии летучка была реорганизована в санитарный поезд. Он состоял из 5—6 жестких классных вагонов и одного купированного для медперсонала. Почти не было медикаментов, не имелось марлевых бинтов, марли вообще, ваты. Перевязочный материал и тампоны делали из ситца или другой ткани. Было немного йода и спирту, к которым мы относились с большой бережливостью. В санитарный поезд нам дали старенького врача тов. Остросаблину, которая до этого работала в инфекционной больнице. Кроме врача, в санитарном поезде работали военфельдшер Порфирий Бабенко, четыре медсестры: Зина Бабенко, Фрида Походек, Полина Маркович, пишущая эти строки, обслуживающий персонал.

А. И. Назарова-Каныкина

В конце апреля белогвардейцы подошли вплотную к Оренбургу. Ежедневно шли упорные кровопролитные бои. Белогвардейские орудия обстреливали город. Два снаряда разорвались на площади близ дома, где мы жили.

За период обороны Оренбурга мы принимали участие не меньше как в 30 боях и стычках с белогвардейцами, вывезли и вынесли много раненых. Если раненый красноармеец попадался белым, они издевались над ним, прежде чем уничтожить его. 11 мая шел бой под хутором Беловым. Одиннадцать раненых красноармейцев почему-то не успели вывезти. Налетели белогвардейцы и живых раненых изрубили на куски.

Одним из больших боев, в котором я участвовала, был бой 8 мая 1919 года за Уралом. Поздно вечером 7 мая в санитарную летучку пришел тов. Мананников, сообщил о предстоящем большом бое, потребовал, чтобы мы были наготове. Ночью летучка вышла в сторону моста на Урале. Слышалась стрельба, разгорался бой. Мы вышли из вагонов и пошли следом за наступавшими красноармейцами. Раненых перевязывали и отправляли в летучке в город.

Вначале наши наступали и довольно далеко отогнали белых от города. Наши орудия стояли на путях, откуда обстреливали белогвардейцев.

Но вскоре белоказаки, очевидно, получили подкрепление и стали наступать. Красноармейцы и рабочие упорно боролись, однако под натиском численно превосходящего противника вынуждены были отходить. Из этого боя мы вынесли более 100 человек раненых, прирезали их в походный госпиталь на станции Оренбург, положили на нары и на полу. Сами измученные, усталые, мы меняли раненым повязки, давали лекарство, которого было очень мало, поили водой. Были тяжелораненые, а у нас не имелось ни одного врача. Позже привезли откуда-то врача (к сожалению, не помню его фамилию), он оказывал помощь раненым до отправления их в Самару.

Пришли женщины, разыскивавшие своих родных. Мы попросили их принести какие-либо продукты и накормить раненых. Женщины быстро принесли хлеба, молока и еще что-то, накормили бойцов. Некоторые из женщин стали вместе с нами ухаживать за ранеными. На следующий день санитарный поезд увез всех раненых в Самару.

Другой большой бой, в котором я участвовала, произошел 13 мая в 15—18 километрах от Оренбурга, около хутора Белова. В эти дни Оренбург был в тяжелом положении. Белогвардейцы упорно стремились захватить город.

Поздно вечером 12 мая начальник санитарного управления группы обороны тов. Мананников предложил нам не отлучаться от поезда. Вскоре мне дали пропуск, сказали пароль и я ночью пошла через весь город на Михайловскую площадь в инфекционную больницу за врачом Остросаблиной. К поезду возвратились вместе

с ней. В два часа ночи поезд тронулся по Орской линии железной дороги в сторону Белова. Почти весь медицинский персонал собрался в моем купе, стали закусывать. У кого-то был хлеб. У меня было немного сала, сахара и сухарей. Поезд шел медленно. В 15 километрах от города наш вагон вдруг стал вздрагивать, раскачиваться, что было на полках, попадало. Оказалось, поезд сошел с пути. Впереди нас, в тылу наших войск, белогвардейцы разобрали путь.

Начало светать. На высотках с правой стороны поезда были видны конные белогвардейцы, которые обстреливали наш поезд из винтовок. Все стали выходить из вагонов по другую сторону поезда. Я, подбирая медикаменты, задержалась в вагоне, но когда вышла, то увидела, что работники поезда во главе с Марсовым быстро уходили по кювету в сторону города. Я до глубины души возмущилась таким поведением и закричала, чтобы они вернулись.

— Как не стыдно, там идет бой, там впереди мы очень нужны, — кричала я Марсову, — а вы убегаете. испугались белогвардейцев...

С врачом Остросаблиной, машинистом и красноармейцем, фамилий которых я не помню, мы взяли оружие, перевязочный материал и, отстреливаясь из винтовок, пошли оврагом к хутору Белову. На хуторе санитарный пункт был организован в крестьянской избе. Работал один военфельдшер. Он очень обрадовался нашему приходу. Мы с Остросаблиной стали ему помогать.

Бой разгорелся, появилось много раненых, на помощь нам пришли некоторые крестьянки.

Стало светло. После двух часов работы в санитарном пункте меня послали на линию боя. Прямо на месте перевязывала бойцов, иногда переползала на ничейную территорию, чтобы перевязать или перетащить раненого. В этом бою я оказала помощь не менее 120 товарищам. Это был тяжелый бой. На моих глазах многих убило, ранило.

Был такой случай: я лежала недалеко от пулемета, стреляла из винтовки. Смотрю, пулеметчик неестественно повалился. Ранило, подумала я. Пулемет замолк. Другой пулеметчик лежал недалеко, он был убит раньше. Я подползла к пулемету. На помощь мне подполз один рабочий, и мы стали перевязывать пулеметчика.

В это время был убит рабочий, помогавший мне. Я поняла, что это место пристреляно. Взяла патроны и пулемет, стала ползком оттаскивать раненого. Было тяжело, но подоспели рабочие. Пулемет заработал опять.

На поле стояло два небольших стога сена, около которых поместился командный и наблюдательный пункты. Сюда же подносили раненых, чтобы потом отнести их на хутор. Кругом рвались снаряды, свистели пули. Под вечер мы подобрали всех убитых.

Весь день я была в бою, забыв обо всем, с одной думой, как бы вынести всех раненых. Под вечер была ранена сама в обе ноги осколком снаряда. Ранение было не тяжелое. Я добралась ползком к стогу сена, чтобы сделать себе перевязку. Один из командиров увидел, что я ранена, сказал, чтобы я шла на хутор и приняла меры к тому, чтобы вывезти всех раненых к санитарному поезду, иначе ночью могут налететь белогвардейцы и порубить их.

Был уже вечер. Ремонтный отряд восстанавливал пути около санитарного поезда. Из города пришел другой паровоз.

Придя в поселок, я сказала, чтобы мобилизовать всех лошадей с повозками на вывозку раненых. Раненых взяли всех, около 200 человек, кого везли, кого несли на самодельных носилках, кто шел сам при поддержке других. Когда мы подошли к санитарному поезду, рабочие заканчивали ремонт пути, а когда приехали на станцию Оренбург, было уже совсем темно. На вокзале нас встретило много народу. Здесь же был начальник санитарного управления обороны города Оренбурга тов. Мананников. Все думали, что мы погибли. Убежавший при крушении поезда Марсов сказал в городе, что мы, наверное, попали в руки белогвардейцев.

Положение в Оренбурге становилось все тяжелее. Городские учреждения либо были эвакуированы, либо находились в вагонах на вокзале. Поэтому из нашего поезда не стали выгружать раненых и отправлять их в походный госпиталь, как мы это делали обычно, а прицепили другой паровоз и срочно отправили в Самару.

Утром 14 мая на вокзале в Самаре нас встретил член Реввоенсовета Южной группы армий Восточного фронта В. В. Куйбышев. Он стал расспрашивать о бое 13 мая. Это ведь был самый тяжелый бой за период

обороны города. Ему показали меня и сказали, что я была весь день в этом бою. Я рассказала, что видела, как проходил бой, как мы отогнали белогвардейцев. Товарищ Куйбышев передал, чтобы мы, оренбуржцы, держались во что бы то ни стало, что товарищ Фрунзе и рабочие Самары помогут.

В Самаре я навестила раненых красноармейцев, с которыми вместе участвовала в бою 8 мая за Уралом. Выгрузив раненых, наш санитарный поезд вернулся в огненный город — Оренбург. И опять — ежедневно в боях, в стычках с белогвардейцами.

Мне и врачу Остросаблиной часто приходилось дежурить в медпункте губчека, он помещался на Хлебной площади. Наши чекисты вылавливали в городе контрреволюционеров. Некоторые чекисты погибали в этой борьбе, другие получали ранения. И мы первыми приходили им на помощь. В наиболее тревожные дни мы дежурили в здании, где помещался узел связи обороны города. Чаще других на эти дежурства посылали меня, как самую молодую и наиболее подвижную. Нередко приходилось ходить на квартиры, делать перевязки раненым красноармейцам-рабочим, которые по возвращении из госпиталей долечивались дома.

Наши временные санитарные поезда были пополнены вагонами, оборудованием и медицинским персоналом. Но мне не пришлось продолжать работу в этом поезде. В июне меня перевели в полевой госпиталь № 1.

И снова бои. Наш полевой госпиталь следовал за наступавшими частями Красной Армии вплоть до полного разгрома белогвардейцев на Южном Урале.

После разгрома белогвардейцев мы, молодежь, приводили в хорошее санитарное состояние Оренбург, загрязненный во время обороны. Руководила нами в этой работе Мария Постникова.

В 1920 году выдавали красные подарки защитникам Оренбурга. Красный подарок я получила с чистой совестью, с сознанием выполненного долга перед революцией и народом.

Мне было тогда 19 лет. В санитарном поезде я вступила в комсомол.

ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА

Шел 1919 год. Советская Республика, напрягая силы, громила белогвардейцев то на одном, то на другом фронте. Вслед за рабочими в ряды Красной Армии вливались миллионы крестьян. Их надо было цементировать революционной дисциплиной, сознанием справедливости войны против эксплуататоров.

В Красной Армии находилось до половины состава нашей Коммунистической партии. Но политработников, в том числе и в нашей 1-й армии, все же не хватало. Не хватало комиссаров, агитаторов, организаторов, руководителей партийных ячеек. Между тем армия должна была заботиться об укреплении Советской власти в прифронтовой полосе, давать работников в ревкомы сел и станиц. Надо было готовить политические кадры в самой армии.

Учитывая это, II армейская партийная конференция в феврале 1919 года постановила создать при политотделе партийную школу, чтобы в самый короткий срок подготовить кадры коммунистов как для красноармейских частей, так и для сел, освобожденных от колчаковцев.

Политотдел 1-й армии стоял тогда в Оренбурге. Заведующий политотделом Василий Лукич Козлов развернул энергичную работу по созданию партийной школы. Большое участие в организации ее принял Оренбургский губком партии. На заседании 14 марта он утвердил программу школы. Я была назначена заведующей школой.

Газета политотдела армии «Набат революции» 15 марта опубликовала программу партийной школы. Слушателям школы предстояло изучить следующие 10 тем: «Капитализм, империализм, война и революция», «Классовая борьба», «Коммунистическая партия и III Интернационал», «Профессиональное движение», «Национальный вопрос», «Национализация промышленности», «Аграрный

вопрос», «Строительство Советской власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)», «Продовольственный вопрос», «Красная Армия».

Лекторами школы являлись видные работники Оренбургского губкома партии и политотдела армии И. А. Акулов, И. Д. Мартынов, А. А. Сольц, В. Л. Козлов, А. С. Якубов и другие. Ежедневно читались четыре двух-часовые лекции.

В первый набор школы было принято 60 красноармейцев и 20—25 представителей деревни.

Оренбургский губком партии предоставил школе хорошее помещение клуба коммунистов.¹ Внимание к школе со стороны губкома партии и политотдела армии помогло преодолеть все организационные и материальные трудности. Политотделом, например, был издан приказ об оказании школе всяческой помощи. Не будь этого, мне, неопытному работнику, вряд ли удалось бы справиться со сложным и важным делом. Я, например, с ног сбилась в поисках учебных пособий. Пошла в политотдельскую экспедицию литературы, прося подобрать подходящие библиотечки для слушателей. Заведующая экспедицией отнеслась к этому холодно, так как она была завалена требованиями воинских частей на литературу. Заведующий политотделом лично пошел в экспедицию и приказал создать библиотечки для каждого слушателя школы. Особенно нас обрадовало наличие книги В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».

У меня был опыт агитационной работы. Но для руководства политшколой необходимо было и многое другое. Я должна была составлять расписание занятий, контролировать качество лекций, но как это делать — я не знала. Мне много помогли работник политотдела Березин, партиец с большим кругозором и хороший лектор, а также Т. С. Скориков, редактор армейской газеты «Набат революции». Скориков в числе лекторов не значился, но заменял И. А. Акулова по предмету «Профессиональное движение», когда тот, занятый выполнением обязанностей председателя губкома партии, вынужден был иногда пропускать занятия.

Никаких инструкций и положений о партийной школе не существовало. Хозяйственные заботы меня захлесты-

¹ Ныне клуб им. Ф. Э. Дзержинского. (Прим. совет.).

вали. Все я должна была решать и выполнять одна. Других штатных единиц не было. Осваивала я дело руководства школой на ходу, делая ошибки и учась на них.

Однажды заведующий политотделом спросил меня:

— Какова успеваемость в школе и на какую политическую или агитационную работу может быть назначен каждый из курсантов?

Ответить внятно я не смогла. Только после этого во-

А. А. Дановская

проса я поняла по-настоящему свою роль политического руководителя и ответственность за порученное мне дело. Это был хороший урок.

У нас был замечательный состав слушателей. Запомнились мне двое Федоровых — отец и сын, оба коммунисты. Отец — из Оренбургского прифронтового села, а сын — красноармеец. Они старательно учились, были полны революционного энтузиазма и горели желанием оказаться скорее на практической работе. Среди слушателей был В. Т. Обухов, ныне генерал-полковник, Герой Со-

ветского Союза. Для него наша школа явилась началом большой и плодотворной работы в рядах Советских Вооруженных Сил.

Слушатели активно участвовали в установлении самодисциплины, в налаживании всех сторон жизни школы.

Выпуск школы состоялся в городском театре. Прошел он торжественно. После приветственных речей выступали курсанты. Особенно запомнилась мне речь Федорова-младшего. Закончил он речь словами:

— Все знания, которые мы приобрели в школе, отдадим делу Ленинской партии, а если понадобится, отдадим ей жизнь.

54 активных коммуниста — такой первый результат

работы партийной школы. 15 человек из них были взяты во вновь организованный крестьянский подотдел политотдела армии, остальные — распределены по частям.

Вскоре после выпуска партийной школы поступил приказ переезжать в село Сорочинское, где в то время стоял политотдел 1-й армии. Вновь назначенный начальник политотдела тов. Юров тоже проявил живейший интерес к нашей работе.

Наш переезд в Сорочинское совпал с Первым мая — международным днем трудящихся. Эшелон наш был украшен лозунгами, красными флагами и плакатами, он превратился в агитпоезд. На всех станциях мы устраивали митинги, где выступали и курсанты, окончившие партийную школу. Большинство курсантов этот экзамен своей практической деятельности выдержало. Митинги проходили с большим подъемом. Население и красноармейские части встречали нас восторженно. Молодежь дарила нам цветы.

Как ни удачно выступали многие наши курсанты на митингах, все же и их первые выступления перед широкой аудиторией навели меня и других работников политотдела на мысль, что в нашей школе не доставало практики массовой работы. Мы сделали вывод, что в дальнейшем, кроме теоретических, нужны и практические занятия по агитационной и организаторской работе. Это и было потом введено в школе, но уже без меня, так как я вскоре была переброшена на юго-западный фронт гражданской войны.

КОНЕЦ ЮЖНОЙ АРМИИ БЕЛЫХ

В результате успешного контрнаступления Красной Армии 4 августа 1919 года был освобожден Троицк. Фронт Колчака оказался расколотым на две группы: Северная (остатки 1-й, 2-й и 3-й армий) продолжала отходить вглубь Сибири; Южная (армейская группа генерала Белова и белоказацкая армия генерала Дутова) вела бои восточнее и юго-восточнее Оренбурга.

Реввоенсовет Республики приказом от 11 августа разделил Восточный фронт на два фронта — Восточный и Туркестанский. В состав Туркестанского фронта вошли 1-я и 4-я армии.

1-й армии (командующий Г. В. Зиновьев) была поставлена задача — разгромить и ликвидировать оренбургский контрреволюционный фронт и его основную силу — Южную армию Колчака, в последующем выйти на соединение с советскими туркестанскими войсками. Главные силы 1-й армии были сконцентрированы в двух основных районах: в центре — под Оренбургом и на левом фланге — на фронте Верхнеуральск — Троицк. Такая группировка была создана для того, чтобы, действуя по сходящимся направлениям, обойти главные силы противника в районе Орск—Актюбинск, окружить и уничтожить их.

В этой исторической операции наш 435-й (277-й) Орский полк, разгромивший весной корпус Бакича на Салмыше, должен был наступать (в составе 1-й бригады 49-й дивизии) от хутора Нижние Чебеньки вдоль железной дороги на Орск.

Нацеливание нашего полка на Орск как нельзя более отвечало самым сокровенным желаниям личного состава. Радость была общей. И это понятно. Полк формировался в основном из жителей Орска. В полку служило немало целых семей: Выприцкие — 16 человек,

Измюмовы — 12 человек во главе с 80-летним отцом, Тереховы и Мощенковы — 11 человек, Манаевы — 8 человек и другие.

В первые же часы наступления на Верхние Чебенки и вдоль железной дороги противник был выбит с занимаемых им позиций и начал поспешно отходить, огрызаясь артиллерийско-пулеметным огнем. В последующие дни противник пытался оказывать сопротивление в Черном Отроге, Никитино, Саракташе и некоторых других населенных пунктах. Правее нас наступал 433-й стрелковый полк, левее, по правому берегу Сакмары, — 173-й Смоленский стрелковый полк 20-й стрелковой дивизии.

14 августа полк занял Пречистенку, 16—Черный Отрог, 17—Воздвиженку, 19 августа—Желтый и в тот же день подошел к поселку и станции Кондуровка, куда противник успел подтянуть свежие силы. Здесь полку противостояли 33-й Белорецкий и 34-й Ашкадарский пехотные полки, 20-й казачий полк и гусарский дивизион трехэскадронного состава.

М. А. Шалин

Бой под Кондуровкой принял ожесточенный характер. Пулеметно-артиллерийская дуэль с дальних и средних дистанций вскоре перешла в ближний бой, который в свою очередь неоднократно переходил в рукопашные схватки. Потери первого дня исчислялись многими десятками убитых и раненых.

Левый сосед, 173-й полк отстал от нас примерно на 12 километров. В результате левый фланг нашего полка, упиравшийся в Сакмару, оказался обнаженным.

¹ ЦГАСА, ф. 3807, оп. 2, д. 8, л. 27.

Противник немедленно этим воспользовался, начал обстреливать наши окопы артиллерийским огнем с тыла. Кроме того, белые перебросили через Сакмару диверсионную группу с целью дезорганизации нашего тыла. Эта группа перехватывала и убивала одиночно следующих бойцов, громила повозки с боеприпасами и вещевым имуществом, захватила в плен 22 раненых, которых мы перевозили с поля боя в полковой лазарет. Специально высланный отряд красноармейцев вскоре настигнул, а затем изловил или уничтожил диверсантов.

М. И. Терехов

Трехдневные бои под Кондуровкой проходили в тяжелых условиях. Стояла необычная жара. Воды нигде не было, кроме, как в Сакмаре. На левом фланге полка, где шли самые горячие бои, имелся только один колодец, да и тот оказался отравленным. В ближайшем тылу полка правый берег Сакмары находился в руках белых. Днем наш берег простреливался пулеметами противника. В светлое время пулеметный огонь с фронта прижимал бойцов к земле. Воду и горячую пищу в цепи бойцов подвозили только ночью. Бе-

локазики, отходя к поселку Кондуровке, не успели убрать огромное количество своих убитых, но зажгли копны сжатой пшеницы. Огонь распространялся по жнивью и все пожирал на своем пути. Начали гореть и оставленные на поле боя трупы. В нашу сторону подул ветер и погнал дым горелого хлеба, смрад разлагающихся и горящих трупов.

О напряженности боев под Кондуровкой говорят потери сторон. Мы потеряли 50—60 человек убитыми и ранеными. Большие потери имел третий батальон полка. За дни боев из полка выбыло по болезни до 100 человек.¹

¹ ЦГАСА, ф. 3807, оп. 2, д. 8, л. 29.

Потери противника доходили до 500 человек убитых и раненых, кроме того, нами было взято около 100 пленных.

На четвертый день противник из Кондуровки был выбит. 23 августа полк возобновил наступление. Белые начали отходить. Мы без боя заняли Дубиновку. 25 августа после короткого, но сильного боя овладели крупной станцией Кувандык и одноименным поселком.

По данным нашей разведки, на фронте между реками Уралом и Сакмарой белые имели четыре кавалерийских и три пехотных полка, атаманский дивизион в 700 сабель. Главные силы противника начали отходить в общем направлении на станицу Ильинскую. В связи с этим Орскому полку приказали повернуть от линии железной дороги к реке Уралу и наступать на Ильинскую, Подгорное. Нам тогда казалось, что такой поворот еще не изменяет общего направления полка на Орск. Наступление продолжалось в высоких темпах. Но 29 августа в Подгорном полк получил новый приказ: форсировать Урал и наступать в направлении Актюбинска. Как позднее стало известно, командующий фронтом М. В. Фрунзе отдал оперативную директиву об окружении и уничтожении противника, отброшенного в район степей между Туркестаном и Европейской Россией. По оценке командования фронта противник стремился прорваться в южном направлении на Казалинск с тем, чтобы, обойдя Аральское море, выйти к Красноводску и там соединиться с войсками англичан.¹ Поворот нашего полка на Актюбинск был связан с выполнением замысла об окружении и уничтожении Южной армии Колчака.

В день получения приказа в полку произошла смена командования. М. Л. Масютин по болезни выбыл, а в командование полком вступил командир 1-го батальона М. А. Шалин.

Мы начали наступать с настроением скорее дойти до Орска. И каким же горьким было разочарование командиров и бойцов, когда нас повернули на Актюбинск. На неопределенное время откладывалась надежда на скорое свидание со своими родными и близкими. Многие были непрочь встретиться с «приятелями», которые

¹ М. В. Фрунзе. Избр. произведения. Воениздат, 1957, стр. 233.

После нашего ухода из города издевались и глумились над красноармейскими семьями. И всем так хотелось прорваться в Орск. Когда стало известно, что мы наступаем в ином направлении, кое-где в полку, в частности в районе переправы, начались митинги. Политический комиссар полка М. И. Терехов выехал туда и быстро ликвидировал митинговые настроения. Он сам первым во главе конных разведчиков вместе с командиром разведки Д. Колкиным форсировал Урал. Началась переправа батальона... К вечеру 30 августа весь полк форсировал Урал и перешел в наступление в новом направлении.

Продвигались батальонными колоннами по разным дорогам и на широком фронте, имея на значительном удалении впереди и на флангах сильные разведывательные группы. Противник отходил, не принимая боя. Лишь в Кос-Истеке конная разведка полка прижала полусотню казаков. Тем некуда было деваться, они приняли бой и были все уничтожены.

Главные силы белых от нас по существу оторвались. Из перехваченного полком приказа 9-й Стерлитамакской дивизии стало видно, что дивизия белых пыталась выйти из окружения. Начали поступать сведения о захвате и добровольной сдаче в плен отдельных полков, батальонов, сотен противника. Было ясно, что Южная армия Колчака разгромлена и ее остатки всеми силами пытаются вырваться на юг.

При подходе к хутору Александровскому полк получил приказание повернуть на юго-восток и форсированными темпами наступать в направлении на хутор Новороссийский (Ровный), что в 60 километрах восточнее Актюбинска. Это наступление проходило в трудных условиях. Стояла жара. Большую часть расстояния шли без дорог, по безводной степи. На переходах не было ни одной речушки, ни одного хорошего колодца. Коммуникации растянулись, обозы отстали. Многие командиры спешивались и передавали своих лошадей отстающим. Наконец, вышли в район хуторов Новороссийский — Троицкий (Степной). Бани, отдых, хорошее питание быстро выправили положение в полку. Снова можно было услышать песни, смех и увидеть лихую пляску.

Местное население относилось к нам очень хорошо. Когда наш полк пришел в Новороссийский, казахи по

своей инициативе, добровольно пригнали к нам стада овец и крупного рогатого скота, отбитого у казаков, или брошенного ими при поспешном отступлении. Это был убедительный показатель теплого отношения беднейших казахов к Красной Армии. Полуголодные сами они отдавали Красной Армии продовольствие, в котором так нуждались. Мы, оставив себе минимум необходимого, направили все гурты скота органам снабжения армии.

У противника началось массовое дезертирство, многие казаки бросали в степи оружие и разбегались. Появились мелкие вооруженные банды белоказаков. Брошенным оружием вооружалось байство. Позднее мы вынуждены были организовать несколько отрядов по разгрому банд и сбору вооружения.

От Новороссийского полк выслал широкую сеть пешей и конной разведки. Разведкой и опросом местных жителей установили, что через район хутора отступило много войск. Называли цифры в 30—40 тысяч человек и даже больше. Одно было ясно, что противник далеко от нас не уйдет. Стремительное продвижение частей 1-й армии вдоль Ташкентской железной дороги и от Троицка лишило Южную армию Колчака возможности соединения с Уральской белоказачьей армией, отрезало все пути отхода на Красноводск, а вместе с этим разрушило надежды на соединение с войсками англичан. Успешное продвижение левого крыла 1-й армии отрезало пути отхода белых и на восток. Крупных населенных пунктов за Новороссийским не было, дальше шло бездорожье, пески, где не имелось продовольствия и корма.

5 сентября нашему полку частично сдались 3-й пластунский, Ашкадарский и Белорецкий полки, батальон Егерского полка, пулеметная команда 26-го казачьего полка. Появились перебежчики 7-го и 8-го казачьих полков. Всего за день полк взял 700 пленных, 11 пулеметов, много винтовок и имущества связи.¹ 6 сентября мы взяли в плен 1000 человек².

7 сентября в штаб полка вместе с нашими разведчиками прибыли делегаты от казачьей бригады полковника

¹ ЦГАСА, ф. 1591, оп. 2, д. 5, л. 152.

² Там же, л. 153.

Богданова. Делегаты доложили, что бригада в составе 10 сотен, 1500 человек с офицерами, решила сдаться в плен. Мы потребовали сдачи оружия, гарантировали неприкосновенность личности, установили время сдачи — вторую половину дня 8 сентября, указали место, куда должна была прибыть бригада.

В точно назначенное время казачья бригада прибыла в указанное место в полном составе, со всем вооружением и при знамени. Это было в 2—2,5 километрах юго-восточнее Новороссийского.

Для встречи бригады выехали командир, комиссар и адъютант полка. На всякий непредвиденный случай на окраине хутора стояли замаскированные, готовые к немедленному открытию огня, два трехдюймовые орудия и десяток пулеметов. Полковник Богданов в сопровождении адъютанта и трубача подъехал к группе командования нашего полка. Здесь были окончательно установлены условия и порядок сдачи бригады в плен. В основном они сводились к требованию безоговорочной сдачи всего оружия и военного имущества. Мы гарантировали сохранение жизни всем сдавшимся, в том числе и офицерам, за которых Богданов больше всего беспокоился, сохранение личного имущества. Личное оружие оставлялось только Богданову. Он пытался добиться, чтобы оружие осталось у всей бригады и даже намекнул, что на полное разоружение казаки якобы могут и не пойти. Говорил полковник и о готовности бригады принять непосредственное участие в боевых действиях по ликвидации остатков группы Белова.

Мы решительно отклонили просьбу Богданова об оставлении бригаде оружия и его предложение о совместных действиях против Белова. Богданов проявил колебание в принятии окончательного решения об условиях сдачи. Тогда мы ультимативно потребовали: если через двадцать минут бригада не примет наших условий сдачи в плен, открываем боевые действия.

Богданов поскакал к бригаде и на ходу сигналом трубача вызвал к себе командиров сотен. Через 20—35 минут мы получили согласие на все наши требования. Общими сторонами условия сдачи были полностью выполнены. В эту же ночь казачья бригада в полном составе, во главе с Богдановым походным порядком на собст-

венных конях была нами отправлена в Актюбинск.

Вечером 8 сентября в штаб полка явилось 5 офицеров и солдат — представителей частей бывшей Южной армии Колчака. Делегаты заявили, что они решили сдать-ся в плен, готовы передать полку все свое оружие и бое-вую технику, просят от нас гарантии жизни казакам и офицерам.

Командир полка в ночь с 8 на 9 сентября выехал в Актюбинск и лично доложил обстановку командиру 49-й стрелковой дивизии Г. К. Воiskanову и командиру 1-й бригады М. И. Юлину. Командованием были утвержде-ны условия и порядок приема в плен частей Южной ар-мии Колчака.

В ту же ночь комиссар полка со своим ординарцем Павлушей Бережновым, вместе с делегатами отправился в самое логово белогвардейцев — в их штаб, который располагался примерно в 30 километрах от Новороссий-ского. Перед отъездом командир и комиссар полка до-вольно подробно обсудили условия сдачи противника в плен, сдачи оружия и имущества. В пути комиссар всту-пил в разговор с делегатом — офицером. На вопрос, как у них сейчас с дисциплиной, офицер ответил:

— Все развалилось, все вверх ногами. Откровенно го-воря, теперь офицеры боятся своей армии, и это самое страшное.

Отвечая на вопрос, будет ли комиссару предоставле-на возможность поговорить с солдатами, белые парла-ментареры заверили, что такая встреча будет обязательно организована, а если они ее не организуют, «то черт зна-ет что может получиться».

По приезде в штаб противника было созвано совеща-ние руководящего офицерского состава, комиссар про-диктовал условия и порядок сдачи в плен:

— Ни один человек с оружием в руках не должен пройти к нам в тыл. Мы будем внимательно проверять и, если у кого обнаружим оружие, будем строго наказа-вать, руководствуясь законами военного времени.

— Оружие, боеприпасы, все виды войскового иму-щества в полной исправности и без повреждений должны быть по документам сданы Орскому полку.

— Сдавшиеся обязаны строго соблюдать указанные маршруты движения в нашем тылу.

— Сдача оружия и проверочный контроль будут производиться в указанных нами пунктах сбора оружия, подход к ним по войсковым частям, а движение в них — по подразделениям.

Мы предупредили командование белых, что все предметы казенного имущества мы будем изымать как у казаков, так и беженцев. Предупреждение это было не лишним, к нам поступили сведения о том, что много вещей и других складов было разгромлено и к казенным вещам приложили руку не только служивые, но и беженцы. Забегая вперед, надо сказать, что белые выполнили не все свои обязательства. Часть артиллерии они потопили в озерах. Высший офицерский состав, и в первую очередь генералитет, перед сдачей в плен бежал. Вместе с ним исчезла наиболее реакционная и обеспеченная группа беженцев, верхушка казачества. Мы и сами в какой-то степени виноваты в том, что выпустили из рук матерых врагов Советской власти. Этого могло не случиться, если бы мы в свое время потребовали от рядовых казаков, чтобы ге своими силами организовали контроль за выполнением условий сдачи, чтобы никто не удрал и чтобы ничто не было испорчено. Впоследствии полк организовал поиски лотопленной артиллерии.

После того как совещание было закончено, комиссар нашего полка в сопровождении какого-то полковника выехал непосредственно в части, к казакам.

Весть о приезде комиссара — представителя Красной Армии разнеслась по лагерю с быстротой молнии. Со всех сторон сбегались офицеры, казаки, солдаты, беженцы, появились женщины и даже священники. Собрались тысячи людей. Минут через 15, по вызову полковника, подъехала конная полусотня казаков и взяла в кольцо комиссара и сопровождавших его лиц. Полковник объявил, что комиссар Красной Армии будет говорить о прекращении боевых действий и об условиях сдачи в плен. Раздалось громкое «ура!» Оно продолжалось минут десять.

Комиссар, сидя на коне, говорил о задачах Советской власти, о том, что сдавшиеся в плен становятся гражданами рабоче-крестьянского государства и будут обязаны подчиняться всем его законам, активно участвовать в строительстве первого в мире социалистического общества.

ва. Свое выступление комиссар закончил здравицей в честь Советской власти и Красной Армии — армии победившего пролетариата. И снова прогремело мощное «ура!»

После митинга комиссар возвратился в штаб белых, где подписал акт о порядке сдачи в плен остатков Южной армии Колчака. После этого он вновь выехал в лагерь, но на этот раз уже без сопровождающих. Разъезжая по лагерю, комиссар воочию убедился, насколько далеко зашло разложение белой армии: солдаты и казаки были грязные, небритые, нестриженные, без поясов, винтовки заржавлены, кони не чищены, солдаты не обращали внимания на офицеров и т. д.

На следующий день к 10 часам утра офицеры кое-как смогли собрать артиллерию, вывезли на дороги пулеметный парк. Началось движение пехоты. Один казачий полк суетливо наводил порядок. Какой-то пехотный полк изготовил красный флаг и, как знамя, высоко поднял его над своей колонной.

Не доезжая трех километров до Новороссийского, головную колонну встретил командир Орского полка. Обменялись с комиссаром последними сведениями. К приему группы все было готово: установлены пункты сдачи и приема оружия, людей, имущества, назначены коменданты, наряд красноармейцев и пр. И на этот раз, как и при приеме бригады Богданова, были приняты соответствующие меры предосторожности.

Подшли колонны и началась сдача людей, артиллерии, пулеметов. В журнале боевых действий 49-й стрелковой дивизии за 10 сентября записано: «Сегодня исторический день для нашей дивизии, остатки Южной армии Колчака в количестве 20000 сдались нашей армии на участке 1-й бригады¹, образовалась гора винтовок, 10 орудий, масса револьверов, пулеметов. Сдано свыше 200 пулеметов разных систем».²

Подходили полки, по команде своих офицеров сдавали оружие и направлялись для дальнейшей проверки. Некоторые офицеры, сдавая личное оружие, плакали, срывали с себя кокарды. Четверо суток, днем и ночью

¹ Все пленные сдавались на участке нашего полка. В этот день в других полках 1-й бригады сдачи в плен не было. (Прим. авторов)

² ЦГАСА, ф. 1591, оп. 2, д. 5, л. 159.

шла сдача воинских частей и беженцев. Сдавались штабы, полки, разного рода дивизионы, отдельные батальоны, отряды, казначейства, госпитали, спецчасти, тыловые части и учреждения и даже походная церковь, со всеми предметами религиозного культа и церковного обихода. Между прочим, в церкви оказалась довольно богатая утварь (золотые и серебряные чаши, кресты, иконы, массивные и дорогие обложки евангелий и пр.). Все это было заактировано и вместе с трофейными деньгами и казначейством сдано в финансовые органы.

Нам стало известно, что наиболее оголтелая и реакционная часть офицерства и беженцев продолжала отходить в направлении на Иргиз. Вдогонку мы послали свою конную разведку и приданный полку кавалерийский дивизион 49-й дивизии. Нашему эскадрону удалось настичь обозы противника, прикрываемые пехотными и кавалерийскими частями. Эскадрону сдались 9-й кадровый полк, остатки Белорецкого полка, 3-й пластунский полк, военный госпиталь, всего 1822 человека. Части офицерства и казаков все же удалось бежать в Иргиз.¹

13 сентября в результате двухчасового боя кавдивизиону 49-й дивизии сдались в плен еще два полка. К сожалению, ни в документах полка, ни в журнале боевых действий 49-й стрелковой дивизии, не указаны номера этих полков, а только констатируется факт сдачи в плен.²

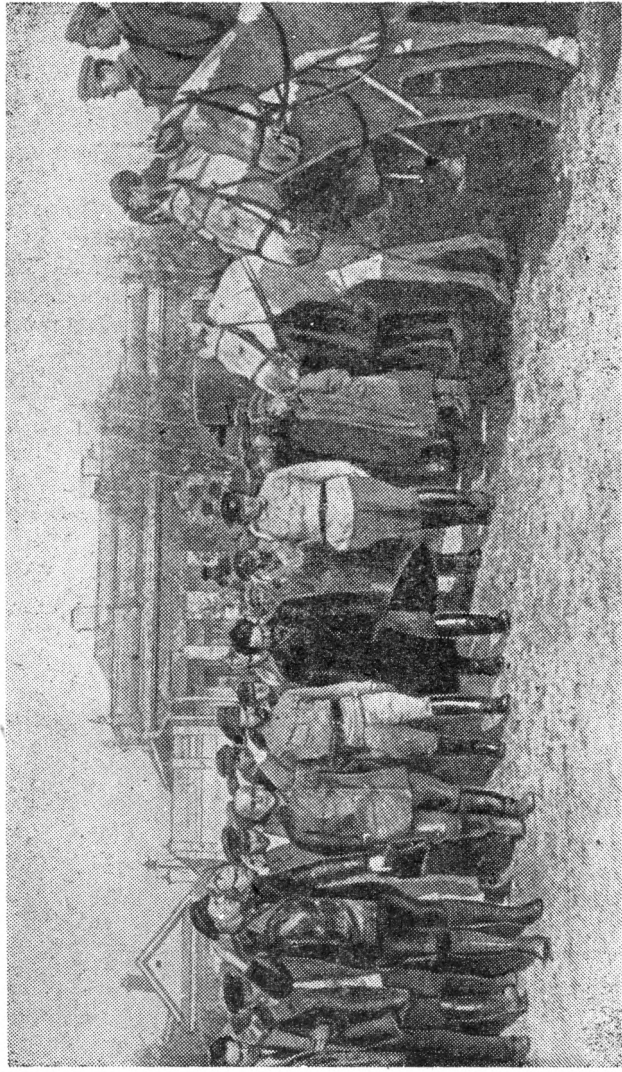
Всего за время наступления нашим полком было взято в плен до 30 тысяч солдат и офицеров. Мы не считали и не отражали в оперативных документах численность беженцев, но примерно их было не менее 20 тысяч человек.

Осмотр беженцев производился довольно поверхностно до тех пор, пока мы не обнаружили в одной из повозок разобранный и тщательно замаскированный пулемет. После этого мы стали жестко проверять все наличие имущества, в том числе и у тех, кто уже раньше прошел проверку.

К нам поступало много жалоб об издевательствах

¹ ЦГАСА, ф. 1591, оп. 2, д. 5, л. 166.

² ЦГАСА, ф. 1591, оп. 2, д. 9, л. 162.

М. И. Калинин и М. В. Фрунзе принимают военный парад, проведенный в Оренбурге в сентябре 1919 г. в честь победы на Туркестанском фронте.

офицеров над солдатами, мордобойстве. Были сообщения об активных организаторах и участниках антисоветских карательных отрядов. Все особо серьезные материалы об этом вместе с виновными были переданы в следственные органы.

Вооружение и войсковое имущество, принятое от сдавшихся в плен частей, мы строго учитывали, упаковывали и отправляли в тыл. Для себя на полковых складах мы временно оставили только около ста пулеметов.

Так, в первой половине сентября 1919 года, благодаря блестяще организованному и победному наступлению 1-й армии Туркестанского фронта, бесславно закончила свое существование разбитая в боях и почти полностью плененная южная армейская группа генерала Белова, так называемая «Южная армия Колчака»

БРОНЕПОЕЗД ИМЕНИ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

Команда бронепоезда имени Брянского Совдепа начала свой боевой путь в 1918 году схватками с германскими кайзеровскими оккупантами на линии Брянск—Киев. Послужной список команды был продолжен затем в составе 1-й Революционной армии в боях против мятежных белочехов. Автор этих строк был тогда пулеметчиком бронепоезда.

В начале 1919 года наша команда получила в Нижнем Новгороде новый стальной бронесостав взамен истерзанного вражескими снарядами старого состава.

В те дни к нам пришла весть о зверском убийстве в Германии вождей немецкого пролетариата К. Либкнехта и Р. Люксембург. Бронепоездники поклялись отомстить за это беспощадным разгромом врагов Советской Республики и назвали бронепоезд именем Розы Люксембург.

В Нижнем команда получила замечательное пополнение в лице артиллеристов и пулеметчиков, многие из которых прославились потом своей меткой стрельбой. Бронепоезд № 10 имени Розы Люксембург принял участие в разгроме колчаковцев на линии Волго-Бугульминской дороги. За героизм, проявленный в этих боях, бронепоезд был 20 мая 1919 года награжден Красным Знаменем. В данное время эта реликвия хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР. На знамени написано с одной стороны: «Стойким бойцам бронепоезда № 10 от РВС Востфронта»; с другой стороны:

«Великий труд, твою творим мы волю,
Твоих врагов сметаем мы с пути
Для нашей счастливой доли.
Мы красный стяг несем для всей земли!».

В двадцатых числах мая бронепоезд во исполнение приказа командующего Южной группой армий Восточного фронта М. В. Фрунзе прибыл на станцию Бузулук.

Снова мы оказались в составе 1-й армии, в которой состояли в 1918 году. Бронепоезд получил задачу — курсировать на участке Бузулук — Новосергиевка, охраняя железнодорожную дорогу от налетов белоказаков.

Командиром бронепоезда в то время был П. Т. Чаплыгин. Молодой, волевой и умелый командир, требовательный к себе и подчиненным, он пользовался уважением и любовью команды. От меня, ставшего адъютантом командира бронепоезда, он требовал поддержания самой прочной связи по линии железной дороги.

1 июня бронепоезд перебросили на участок Сорочинская—Новосергиевка с задачей поддерживать непрерывную связь с гарнизонами, расположенными по линии железной дороги,

В конце июня бронепоезд прибыл на станцию Оренбург в распоряжение командующего 1-й армией Г. В. Зиновьева. Линия фронта проходила у самого города вдоль реки Урала.

Стойкая оборона Оренбурга измотала противника. Советское командование готовило переход наших войск в наступление

В конце июля мы получили приказ командующего армией о подготовке к активным действиям. При участии рабочих Оренбургских железнодорожных мастерских была усилена ходовая часть бронеплощадок, их тележек. Раньше у них от артиллерийского огня часто ломались стаканы (спиральные пружины). Внесенные железнодорожниками усовершенствования устранили этот недостаток. В начавшихся вскоре боях ни одна пружина не полетела.

Товарищи, мои боевые друзья М. Федченко, М. Кирсев, В. Янов, В. Васютин, Н. Силаков, М. Жлобичь, А. Моисеев, М. Жижакин, И. Круглов, М. Зайцев, другие артиллеристы и пулеметчики, бойцы и командиры были преисполнены единым горячим желанием скорее покончить с контрреволюцией.

Первая боевая задача бронепоезда заключалась в том, чтобы поддержать наступление советской пехоты в районе Нижние и Верхние Чебеньки. Командир приказал мне организовать рекогносцировку железнодорожного участка. Наши разведчики обследовали пути вплоть до подходов к позициям белых. Местность у Чебеньков не

раз переходила из рук в руки и пути были исковерканы. Надо было обеспечить проходимость бронепоезда и продвижение его как можно дальше. Большую помощь нам в этом оказали товарищи из ремонтно-восстановительного поезда, созданного силами железнодорожников станции Оренбург. Трудились рабочие под пулями белых, бывали при этом и раненые. Начальник железнодорожных мастерских выделил нам машиниста Кучурука, который оказался замечательным мастером вождения бронепоезда в боевой обстановке.

На рассвете 13 августа бронепоезд с приданным ему 12-м воздухоплавательным отрядом прибыл в район Нижних Чебеньков к месту разобранного пути. Начался огневой поединок с артиллерией противника. Последняя имела более выгодные позиции, она располагалась за холмами и нам видна не была. Бронепоезд же оперировал на открытой местности. Скоро от пристрелки перешли к стрельбе на поражение. Противнику удалось вывести из строя контрольную платформу с запасными частями, а также разрушить полотно дороги в тылу бронепоезда. Для движения бронепоезда остался участок пути длиной всего в полтора километра. Мы посылали свои снаряды за холмы в невидимые вражеские батареи, но, очевидно, не задевали их.

Создалось трудное положение. Но наш командир П. Т. Чаплыгин не терялся в таких случаях и умел держать команду в руках. Немедленно он высадил часть команды для восстановления пути в тылу. Одновременно он приказал мне соединиться с командиром 12-го воздухоплавательного отряда, с которым мы имели телефонную связь.

— Почему ваши аэростаты не в воздухе? — кричал в трубку П. Т. Чаплыгин. — Быстро поднимайтесь и определите нам месторасположение батарей белых!

— Уже поднимаемся, — послышалось в ответ, — ждите корректировку!

Наличие воздухоплавательного отряда, как и бронепоезда, являлось нашим значительным техническим преимуществом перед противником. Воздухоплавательный отряд имел на двух пультмановских полувагонах установки с лебедками для подъема и спуска аэростатов.

Вскоре наши аэростаты были в воздухе, а мы получи-

ли по телефону необходимую корректировку огня. Наши артиллеристы Жижакин, Горбунов, Коротков и Круглов обрушили всю мощь артиллерийского огня бронепоезда на батареи противника. Две его батареи были разгромлены беглым огнем четырех орудий бронепоезда.

Огонь бронепоезда был сейчас же перенесен на окопы, где засела пехота противника. Круша укрепления врага, мы поддерживали наступление нашей пехоты. Успешные действия бронепоезда и вид аэростатов, назначение которых было всем понятно, воодушевляли красноармейцев, и они уверенно шли вперед. Чаплыгин подвел бронепоезд к последнему метру годного для движения пути. Мы перенесли огонь вперед, поражая убежавших колчаковцев, не давая им за что-либо зацепиться.

Из Оренбурга подошел ремонтно-восстановительный поезд, который приступил к восстановлению разрушенного полотна.

Находчивость и распорядительность П. Т. Чаплыгина в бою под Оренбургом 13 августа 1919 года позже была высоко оценена командующим Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе. Когда бронепоезд выступал из Ташкента на Бухарский фронт, М. В. Фрунзе напомнил об умелых действиях нашего командира в бою под Оренбургом и выразил уверенность в дальнейших успехах.

14 августа бронепоезд был передвинут на станцию Оренбург и стал готовиться к выступлению в сторону Илецкой Защиты. Бойцы поезда и железнодорожники в короткий срок отремонтировали мост через Урал. Наша пехота была уже далеко впереди. Бронепоезду пришлось догонять ее. Противник отступал поспешно. Но в нашем тылу оставались разрозненные банды белогвардейцев, пытавшиеся нарушать железнодорожные коммуникации Красной Армии. Бронепоезду была поставлена задача — курсировать от Оренбурга до Акбулака, очищая этот район от остатков белогвардейщины.

Разгром Южной армии Колчака открыл путь на соединение с Советским Туркестаном. Первым эшелсом 1-й армии, отправившимся из Оренбурга в Туркестан, являлся наш бронепоезд. В канун второй годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, 6 ноября 1919 года, мы прибыли на станцию Ташкент.

ПОЛК ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ВОССТАНИЕ

Апрель 1919 года. Вооруженные до зубов американо-английскими империалистами колчаковские полчища продвигались к Волге. Самоуверенные белые генералы писали на своих салон-вагонах победный маршрут: «Уфа — Москва».

Но вдруг враг споткнулся и остановился. Что же случилось? А случилось то, что на него обрушились один за другим неожиданные удары Красной Армии, которую белое командование считало уже окончательно разбитой.

28 апреля из района Бузулука перешла в решительное контрнаступление на колчаковцев Ударная группа Г. В. Зиновьева под общим командованием М. В. Фрунзе. В разрыв между 11-й и 12-й уральскими дивизиями белых врезалась лихая красная кавалерия Ивана Каширина и пошла в направлении на станцию Сарай-Гир.

В это время в селе Кузькине вблизи станции Сарай-Гир восстал прибывший на фронт колчаковский полк имени Шевченко. Солдаты перебили офицеров и, увлекая за собой другие части, перешли на сторону советских войск.

Восстание полка не было стихийным. Его подготовил подпольный комитет Челябинской коммунистической организации. Формировался полк осенью 1918 года украинскими буржуазными националистами в Челябинске. Основная масса солдат состояла из насильственно мобилизованных украинцев-переселенцев Западной Сибири и Алтайского края.

По заданию Челябинского подпольного горкома партии в январе 1919 года в полк проникла большевистская группа, руководимая В. И. Орловским и В. Г. Киселевым. В результате деятельности этой подпольной группы была создана хорошо законспирированная организация,

могущая по первому сигналу Челябинского горкома партии повести за собой солдат против белых. Очень многие должности младших командиров занимали члены подпольной организации, а Степан Пацек, в прошлом фельдфебель, даже командовал 1-й сотней. Все это, безусловно, хорошо содействовало росту влияния подпольной организации на солдат.

Руководил работой подпольной организации ревком во главе с В. И. Орловским. В его состав входили С. Пацек, В. Г. Киселев, Ф. С. Кольчук, В. М. Кароль, М. Мартынюк, Романчук, И. Уштван, Д. Е. Лебединский и Г. Назарук. На случай восстания ревком наметил товарищей на командные должности. Командиром полка должен был стать тов. Пацек. •

Однако в Челябинске план вооруженного восстания в полку не осуществился. События развернулись не так, как предполагал подпольной горком партии.

В конце марта большая часть членов Челябинской партийной организации была арестована, в том числе почти все руководство горкома. Большинство из 66 арестованных коммунистов белые расстреляли. Колчаковской контрразведке, вероятно, стало известно и о большевистском влиянии в полку имени Шевченко, хотя точных сведений о подпольной организации ей получить не удалось. На всякий случай белое командование в марте отстранило полк от несения караульной службы, а вскоре направило на фронт.

В связи с изменившейся обстановкой подпольный ревком принял решение поднять восстание немедленно по прибытии на фронт и организовать переход полка к красным.

30 апреля полк прибыл на станцию Сарай-Гир. Ревком разузнал, что слева фронт проходит совсем недалеко, что где-то здесь прорвалась красная кавалерия, что завтра полк пошлют в село Кузькино, еще ближе к фронту. В. И. Орловский сообщил подпольщикам: есть приказ, что по прибытии в Кузькино полк волеется поротно в части 11-й колчаковской дивизии, то есть будет фактически расформирован. Поэтому ревком решил завтра же в Кузькине поднять восстание, не дожидаясь пока всех разъединят.

Полк двинулся в Кузькино, расположенное по бере-

гам маленькой речушки Ареуз. В село вошли с песней, с приподнятым настроением. На площади составили винтовки «в козлы». Получили приказ: «отдых на два часа. Далеко не расходиться!»

Все, кто знал о предстоящем восстании, а таких было немало, испытывали волнение, но сохраняли хладнокровие.

У местных жителей и солдат ревком уточнил обстановку. Оказалось, что в селе находятся 41-й полк 11-й Уральской дивизии, 46-й полк 12-й Уральской дивизии и егерский батальон, выполнявший карательные функции. В доме на площади, рядом с расположением полка имени Шевченко, размещался штаб 41-го полка. Там же находился и знаменный взвод, выделенный из егерского батальона для охраны полкового знамени и штаба. Штаб 46-го полка стоял недалеко, за мостом. За селом к югу в направлении ожидаемого появления красных, были расположены заставы, солдаты рыли окопы. Позади села, на горе, стояли орудия.

В. И. Орловский

Присутствие других воинских частей в селе не входило в планы подпольщиков и могло помешать успеху восстания. Но скоро стало известно, что в белых частях, стоявших в селе, неспокойно. Утром, в день прибытия шевченковцев, одно из подразделений отказалось выступить на передовую. Командир ударил плетью солдата. Тот, не стерпев обиды, выстрелил и ранил офицера. Все солдаты подразделения разбежались. Скрылся и солдат, стрелявший в офицера. Его укрывал до нашего прихода крестьянин Федор Прокофьевич Сенцов. Белогвардейцы производили дознание, разыскивали солдата, стрелявшего в офицера.

Все эти события были кстати и давали надежду привлечь к восстанию солдат других полков. Ревком решил поднять восстание сегодня же, после того как стадо возвратится с поля и разойдется по дворам, то есть когда на улицах не будет жителей.

Руководителями восстания были назначены Орловский и Пацек. Они обошли сотни, говорили подпольщикам: момент самый подходящий, другого такого не будет; условный сигнал к восстанию — два одиночных винтовочных выстрела из расположения 3-й сотни. Всем держаться вблизи винтовок. После сигнала — расхватать винтовки и дружными залпами вверх подать знак поддержки выступления. Затем — истреблять всех офицеров. Погон пока не срывать. Призывать солдат других частей поддержать восставших. Район действия 2-й сотни — восточная сторона площади у дороги в Сарай-Гир, а 1-й и 3-й сотен — у моста и за мостом.

Все эти указания быстро передавались членам организации и другим надежным бойцам. Нервы натянуты, подпольщики отсчитывают минуты.

Наконец — два условных выстрела разорвали тишину. Их дали Ф. С. Кольчук и И. Уштван. Сделать это им было не легко. 3-я сотня как раз выстраивалась, чтобы выступить в окопы, на позиции. Кругом были белые офицеры.

«Если не дать условных выстрелов, то все дело сорвется», — решил Орловский и энергично махнул рукой Уштвану и Кольчуку.

Услыхав в задних рядах построенных солдат два выстрела, командир сотни поручик Белоконь истошно заорал:

— Кто там стреляет? Сволочи!

Но тут же он свалился, сраженный выстрелом унтер-офицера Василия Минеевича Кароля. В ту же секунду подпольщики дали залп и крикнули:

— Бей золотопогонников!

Группа Леошко, Гребенюка, Романчука и Пчелина покончила с ненавистным сотником Лушней и с двумя взводными офицерами. Недалеко группа Мартынюка и Лебединского уничтожила трех белых офицеров, убежавших с винтовками из улицы «Якупов конец» в расположение 2-й сотни. У моста и в различных концах площади гремели выстрелы. То стреляли по разбежавшим-

ся офицерам. Всюду слышались грозные крики восставших: «Бей белогвардейцев-золотопогонников!»

Внезапно на площади завизжали пули, по восставшим застрочил пулемет с колокольни, стоящей в южной части села. Этого не ожидали. Обстреливали восставших и из штаба 41-го полка.

На мгновение во 2-й сотне возникло замешательство, но члены подпольной организации быстро сориентировались в обстановке. Вдоль северной стороны площади проходил каменный забор. По приказу ревкомовцев восставшие залегли за этим укрытием и открыли огонь по колокольне и по штабу.

К восставшим примкнули солдаты других полков.

Скоро огонь из штаба 41-го полка прекратился. Офицер, стрелявший из пулемета с колокольни, был снят проникшими туда Романчуком, Пчелиным и Петром Калугой, пулемет спущен на землю.

Горячая схватка шла на улице «Городок». Здесь один офицер выкатил пулемет на улицу и готовился стрелять по восставшим. Недалеко стоявший солдат бросился на офицера. На помощь солдату подбежали товарищи, которые и овладели пулеметом.

Когда началась стрельба, командир 46-го полка выскочил из штаба и бросился через речку, чтобы по кустам пробраться на дорогу в Сарай-Гир. Но убежать ему не удалось — на берегу речки он был убит.

Главные события развернулись в расположении 1-й и 3-й сотен около штаба 41-го полка. При первых же выстрелах подпольщики перерезали связь штаба с Сарай-Гиром, с батареями, с заставами на передовой. Атаман Святенко, находившийся в штабе, выбежал вместе с другими офицерами на площадь. К ним бросились со штыками наперевес Степан Пацек и другие товарищи. Атаман выхватил наган, чтобы убить Пацека. Но меткая пуля бросила атамана на землю. Он погиб. Тут же были уничтожены и находившиеся с ним офицеры.

После разгрома штабов часть восставших во главе с Пацеком на лошадях бросилась на передовую снимать заставы белых. По фронту белых началась паника. Там считали, что в село ворвались красные, зашедшие с тыла, о сопротивлении и не думали. Часть солдат 41-го и 46-го полков осталась на месте и сдалась предполагаемым

«красным». Лишь офицеры спасались бегством в сторону станции Сарай-Гир. К восставшим примкнули и солдаты 44-го полка, находившегося в обороне справа.

Сняв все заставы, Пацек с группой восставших устремился на гору позади села для захвата орудий. Несколько орудий офицеры успели увезти в Сарай-Гир. Но три орудия были отбиты у них артиллеристами, решившими перейти к красным. Эти орудия были переданы подоспевшему Пацеку.

Постепенно все стихло. Вечерело. Крестьяне, женщины, дети высыпали на улицу освобожденного от колчаковцев села. Они с восхищением окружили солдат, срывавших с себя погоны. Радости крестьян не было предела. Они от всей души благодарили бойцов за избавление от тяжелой неволи. Крестьянки-матери с гордостью говорили, что их сыновья тоже сражаются в рядах Красной Армии и теперь, наверное, скоро вернутся домой на свои пашни. Многие крестьяне, убегая от белогвардейских репрессий и боясь быть взятыми в армию Колчака, скрывались, а теперь выходили из ям и овинов.

Ревком, не теряя времени, послал тт. Киселева, Кароля и Назарука делегатами в ближайшую красноармейскую часть. Сопровождать делегатов к красным вызвался Тарас Владимирович Мязин.

Уже в глубоких сумерках восставшие части в полном вооружении, с обозом и артиллерией пошли на соединение с красными войсками. Это было 1 мая, в день международной солидарности и братства трудящихся всего мира.

Ночью восставший полк прибыл в ближайшее село Васильевку. Советских войск здесь еще не было. Но вскоре возвратилась делегация полка вместе с разведчиками кавалерийской бригады Ивана Каширина. А затем мимо шевченковцев проследовала советская кавалерийская часть, направлявшаяся для занятия Кузькино.

Вот что доносил 4 мая комбриг Иван Каширин командующему Туркестанской армией:

«К вечеру 1 мая передовые части вверенной мне бригады с боем достигли линии дд. Васильевка (Кормежка) — Тимошкино. В 21 час в д. Аширова (Бакирова) прибыли делегаты от украинского куреня имени Тараса Шевченко из лагеря белых, которые сообщили о переходе

названного выше куреня и остатков 11-й дивизии — 41, 43 и 46-го полков. Из заявления делегатов было видно, что они перебили свой командный состав и стоят перед нами с оружием в руках и готовы перейти на нашу сторону. По установлении связи с названными выше полками совершился фактический их переход на нашу сторону. По приблизительному подсчету перешедших оказалось свыше 1000 чел. состава так называемого «украинского куреня имени Шевченко» и до 1500 человек полков 41, 43, 46 и 22-го Златоустовского — всего до 3000 человек при 11 пулеметах, трех 3-дм. орудиях и обозах (точное число повозок не установлено). Перешедшие принесли с собой винтовки.

И. Д. Каширин

С рассветом 2 мая вверенные мне части были выдвинуты для занятия ж.-д. станций Филипповка и Сарай-Гир. В полдень 2 мая части заняли без боя названные ж.-д. станции и на флангах в дд. Зерикла и Абдулино противника не обнаружили...»¹

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ

2 мая торжественно открылось первое общее собрание солдат восставшего полка. Было вынесено единодушное решение о превращении бывшего колчаковского полка в добровольческий красноармейский полк имени В. И. Ленина. Собрание просило штаб Туркестанской армии о включении полка имени В. И. Ленина в состав бригады И. Каширина. Позднее на имя В. И. Ленина была послана телеграмма:

¹ ЦГАСА, ф. 238, оп. 3, д. 26, лл. 35, 36.

«Приветствуем дорогого вождя российского пролетариата от имени первого имени Тараса Шевченко полка. С радостью сообщаем, что наш полк перебил командный состав, увлекши за собой три полка белоармейцев и батарею, и перешел на сторону красных войск, и теперь, находясь в составе Туркармии в полной боевой готовности, горим желанием немедленно ринуться на врагов трудового народа. Просим Вашего разрешения именоваться украинским Советским добровольческим полком имени Ленина.

Д. Е. Лебединский

Председатель Военсовета полка Орловский».¹

Для ознакомления со всеми обстоятельствами перехода полка на сторону Советской власти штаб Туркестанской армии вызвал представителя полка. Делегатом в штаб армии полк направил Д. Е. Лебединского. В Бузулуке, где находился штаб, он был принят командармом Г. В. Зиновьевым, членом Реввоенсовета Ф. И. Голощекиным и начальником штаба М. В. Поповым.

Доклад Лебединского о подготовке и проведении восстания в курене Шевченко был напечатан

в сокращенном виде в газете Южной группы армий Восточного фронта «Красноармейская звезда» 22 мая под заглавием «Как они перешли к нам».

Ходатайство о включении полка имени Ленина в состав бригады Ивана Каширина было отклонено.

— У нас тоже имеется горячее сердце, — сказал член Реввоенсовета тов. Голощекин, — но у нас имеется также холодная голова. Мы верим вам. Вы кровью спаяны с на-

¹ «Правда», 1919 15 мая.

ми! Но вы целый год были оторваны от нас. Ваш полк необходимо воспитать в коммунистическом духе, влить в него партийцев. Сейчас ваш полк пойдет в Бугуруслан. Туда скоро переедет штаб нашей армии. Там мы еще с вами увидимся...

С целым возом литературы, радостным возвратился Лебединский в свой полк. С ним ехали два работника политотдела армии для ознакомления с состоянием полка. Полк находился в эти дни в оперативном подчинении у комбрига Каширина.

Согласно приказу штаба армии полк направился в Бугуруслан, куда прибыл и штаб Туркестанской армии. Из перешедших совместно с шевченковцами солдат 11-й колчаковской дивизии И. Каширин сформировал 1-й Уральский добровольческий полк.

В Бугуруслане полк был расквартирован по частным домам на юго-востоке города, «за ручьем». Трудовое население встречало новых красноармейцев радостно и делилось с ними последним куском хлеба и кружкой молока. Женщины стирали и чинили обмундирование.

Командование армии после проверки утвердило без изменений назначенный подполным ревкомом руководящий состав полка, а именно: командир полка — Степан Пацек, адъютант — Василий Орловский; командиры рот — Дионисий Лебединский, Максим Мартынюк. Федор Кольчук, Василий Кароль; начальник связи — Василий Киселев, начальник конной разведки — Аким Приходько, начальник пулеметной команды — Михаил Забудский и заведующий хозяйством — Георгий Назарук. Командный состав батареи был утвержден из числа артиллеристов, перешедших вместе с полком. Полк получил наименование: 210-й стрелковый украинский имени В. И. Ленина.

Реввоенсовет Туркестанской армии назначил комиссаром полка Василия Дмитриевича Вершинина, в прошлом рабочего бакинских нефтепромыслов. До этого он был комиссаром школы инструкторов при штабе 4-й армии Восточного фронта.

Вскоре в полк прибыли коммунисты и комсомольцы из числа мобилизованных на Восточный фронт по призыву Ильича «Все на Колчака!». Создается партийная ячейка в составе комиссара В. Д. Вершинина, политрука А. Лютикова, Анисима Фомина и других товарищей. Сек-

ретарем ячейки был избран т. Дорошенко. Была также создана группа сочувствующих партии. Через эту группу вскоре были оформлены как члены Коммунистической

В. Д. Вершинин

партии активные организаторы революционного восстания полка Орловский, Пацек, Киселев, Кольчук, Лебединский и другие.

По просьбе комиссара полка Бугурусланский отдел народного образования направил в полк двух учительниц.

комсомолок. Одна из них стала заведовать полковой библиотекой. Другая — Мария Зосимова работала учительницей полковой школы грамоты, а позднее и медсестрой. Худенькая, маленькая, она бесстрашно шла во время боев на передовую, перевязывала раненых бойцов и сопровождала их в тыл. Позднее Зосимова самоотверженно ухаживала за сыпнотифозными. Все выздоровевшие бойцы и командиры с благодарностью вспоминали выходившую их милую чернявую сестрицу, терпеливо сносившую капризы и брань безумствовавших в бреду тифозников.

Среди бойцов полка развернулась большая организационная и политико-воспитательная работа. Проводились читки газет, беседы о текущем моменте. А смысл и содержание этого момента в те дни был один: разбить и добить Колчака! Бойцы увидели совершенно новый для них мир и не виданные ранее, но доступные каждому трудящемуся перспективы. Не удивительно, что политическая работа создала из каждого бойца, бывшего до этого под гнетом Колчака, не только стойкого солдата революции, но и ценного агитатора, разъясняющего ленинские идеи крестьянам прифронтовых сел и деревень.

Радостным событием в жизни молодого полка Красной Армии было посещение его командующим Южной группой армий Восточного фронта М. В. Фрунзе. Встретили его строго по уставу. Полк был построен. Командир полка Пацек с обнаженной шашкой подошел к командующему быстрым строевым шагом и четко отдал рапорт. После приветствия М. В. Фрунзе обратился к бойцам с краткой речью. Время вычеркнуло из памяти точное содержание его речи. Но что запомнилось бойцам и командирам на всю жизнь, так это скромный внешний облик, простота Михаила Васильевича, задушевность и мягкость его негромкой речи. Посещение нашего полка выдающимся советским полководцем произвело на всех огромное впечатление.

30 мая полку было вручено Красное знамя, на полотнище которого был выткан портрет В. И. Ленина. Знамя вручалось в торжественной обстановке членами Реввоенсовета Туркестанской армии Ф. И. Голощекиным и А. К. Мирским. Принимая знамя, комиссар полка В. Д. Вершинин дал клятву от имени бойцов:

— Клянемся народу, нашей партии и вождю, имя которого присвоено нашему полку, что мы не уроним этой высокой чести. Не щадя жизни будем служить интересам народа. Все силы отдадим защите завоеваний революции.

НА УРАЛЬСК

Вскоре полк был включен в Особую бригаду. Командовал ею боевой соратник Чапаева — Иван Михайлович Плясунков, храбрый человек, бывший унтер-офицер, участник первой мировой войны. В бригаду, кроме 210-го стрелкового полка, вошли Рязанский стрелковый полк, 10-й кавалерийский полк, одна легкая батарея и гаубичный дивизион. Комиссаром бригады был старый большевик П. И. Струппе, член Самарского губкома партии.

Бригада по приказу М. В. Фрунзе была включена в ударную группу войск, находившуюся в оперативном подчинении начальника 25-стрелковой дивизии В. И. Чапаева. Ближайшей боевой задачей ударной группы было — разбить главные силы уральских белоказаков, действовавших в районе Уральска, и соединиться с осажденным Уральским гарнизоном.

В конце июня Особая бригада, в том числе и 210-й полк, выступила в поход. Вскоре заняли деревни Алёксандровку, Малую Глушицу, Дмитриевку.

Вплоть до Большой Черниговки конные части белоказаков отступали без боев. 7 июля в районе Большой Черниговки у хуторов Мордовский и Пьянов части 2-го Уральского конного корпуса генерала Савельева внезапно атаковали Рязанский полк и почти полностью уничтожили его 2-й батальон. Создалась опасная обстановка. На выручку Рязанскому полку комбриг И. М. Плясунков спешно бросил на подводах 210-й полк.

На рассвете 8 июля цепи полка пошли в наступление на белоказаков, занимавших Большую Черниговку. Разгорелся жаркий бой. Осмелевшие после успеха предыдущего дня белоказачьи конные лавы много раз бросались в атаку на цепи полка, пытаясь их смять, но каждый раз не выдерживали губительного огня, рассеивались. Под вечер белоказаки отошли к югу.

Продвигаясь с небольшими боями вперед, 210-й полк 11 июля достиг района станции Переметная. В это же

время части 25-й дивизии вступили в освобожденный Уральск. Кольцо вражеской блокады было разорвано.

После освобождения Уральского Особая бригада была передана в распоряжение 1-й армии для ликвидации отдельных групп противника в районе Илека.

Но прежде чем полк отправился к месту нового назначения, конные части белоказаков с двумя броневиками начали обход правого фланга 25-й дивизии в районе разъезда Ростовский. Им удалось потеснить стоявший здесь 219-й Домашкинский полк. Наш полк был вызван на этот участок. Весь день 14 июля эти две части отражали атаки белоказаков, стремившихся прорваться в тыл 25-й дивизии.

В ожесточенных и упорных боях 210-й имени В. И. Ленина полк проявил себя как верный и смелый отряд революционной армии.

НА АКТЮБИНСК!

В начале августа 1919 года 1-й армии была поставлена задача — перейти в решительное наступление и очистить от противника районы Орская, Актюбинска, Илецкой Защиты.

210-й имени В. И. Ленина полк вошел в оперативное подчинение 49-й стрелковой дивизии и прибыл в Оренбург. Разместились в здании бывшего кадетского корпуса и частично в пригороде, Форштадте. Несмотря на близость фронта — он находился по ту сторону Урала и почти вплотную подходил к городу — жизнь в Оренбурге протекала нормально. Даже работал цирк, на представления которого охотно ходили бойцы.

Во второй половине августа Оренбургская группа 1-й армии, в состав которой был включен полк им. Ленина, перешла в наступление вдоль железной дороги на Актюбинск. Первоначально 210-й полк продвигался в резерве, а затем был выдвинут на передовую. Вблизи станции Акбулак он столкнулся с противником. Бывший командир 3-го батальона полка Федор Кольчук так описывает это столкновение с противником:

«...Наш полк наступал вдоль железной дороги на Актюбинск. Белоказаки, подтянув свежие силы, перешли в атаку. Белая конница, охватывая фланги, густой лавой

атаковала центр полка. Атаку поддерживала гаубичная батарея. Однако стрелковые подразделения нашего полка с ходу дали несколько залпов и бегом устремились навстречу белой коннице. Белоказаки опешили, повернули обратно и начали отступать. В этот день мне с батальоном пришлось пробежать, преследуя их, около 12 километров. История военного искусства мало знает таких случаев, когда пехота преследовала бы конницу. Этот случай говорит о том, что наш Ленинский полк силен героическим порывом и был крепко спаян морально и политически».

В последующие дни наши бои с противником развернулись левее железной дороги в районе поселка Рыбаковского. На подходе к этому поселку наших бойцов встретил торжественным маршем своего оркестра 10-й кавалерийский полк, поджидавший нас здесь. После недолгого отдыха цепи нашего полка и цепи спешенных кавалеристов 10-го полка пошли в атаку на белых, засевших на возвышенности в 3—4 километрах восточнее Рыбаковского. Невзирая на интенсивный огонь пехоты и артиллерии белых, возвышенность была нами занята. Противник, отступая на восток, спустился в низину. Вслед за ним в эту низину спустились и наши цепи. Дальнейшему преследованию белых помешала ночь. 10-й кавалерийский полк передвинулся вправо.

Ночь выдалась туманная. Особенно густой туман окутал низину, где находились цепи нашего полка. Где-то недалеко были и белые цепи. Ночь, туман, близость противника — все это требовало высокой бдительности и усиления охраны полка.

Командир полка С. Пацек, объезжая с начальником команды связи В. Г. Киселевым и двумя разведчиками выдвинутые вперед заставы, в тумане потерял ориентировку и неожиданно наткнулся на разъезд белоказачков численностью около десятка всадников. Пацек, не потерявшись, строго спросил подъехавших казаков:

— Какой сотни, станичники? Где ваш командир? В какой стороне красные, чтобы на них не напороться?

Белоказачков, очевидно, ввели в заблуждение смелый и властный голос Пацека, его осанка и, вероятно, блескшая ночью белая ножна его палаша. Приняв Пацека за офицера какой-то новой части, старший казачьего

разъезда услужливо указал «его благородию», где можно найти командира части.

Выслушав пояснение и не давая белоказакам времени на раздумье, Пацек с Киселевым и разведчиками тут же ускорил якобы к командиру казачьей сотни. А затем, отъехав от казаков и потеряв их из виду, повернул в сторону красных, вскоре прибыл в расположение своего полка.

В течение ночи, как это мы узнали позднее, белые спешно перебросили на этот участок полк пластунов, не менее двух конных полков и усилили артиллерию.

Утром следующего дня, как только рассеялся туман, наши цепи пошли в наступление. Белые встретили нас сильным пулеметным и артиллерийским огнем. Во второй половине дня колчаковцы перешли в контрнаступление, поддержанное огнем артиллерии и действиями конницы на флангах. На правом фланге нас донимала скорострельная батарея, а на левом — белая конница. Более угрожающее положение создалось на левом фланге, где против 3-го батальона Ф. С. Кольчука (около 250 штыков) и нашей конной разведки (40—50 сабель) белые бросили два конных полка.

Численному превосходству белых ленинцы противопоставили свою стойкость и героизм. Ряд за рядом конницы белых был отражен дружными залпами наших стрелков и огнем пулеметов. Наши пулеметы «Максим» за недостатком воды были настолько накалены, что из них нельзя было вести прицельный огонь. Положение спасло наличие четырех пулеметов системы «Кольт», которыми командовал опытный пулеметчик Андрей Новосад. Трудный и жаркий выдался день для наших воинов! Соотношение сил сложилось явно не в нашу пользу. После боя, длившегося с 9 часов утра до 6 часов вечера, наши цепи были вынуждены отойти на исходные позиции. Надо отдать должное и мастерской работе нашей полковой батареи, поддерживавшей все время нас в этом бою.

Ночью после боя к нам перешла группа белых солдат численностью в 80 человек. Такого мы никак не ожидали, и это нас обрадовало и подбодрило. Большинство перешедших оказалось мобилизованными крестьянами Алтайского края, они не хотели воевать за ненавистный колчаковский строй и давно искали удобного случая, чтобы перейти к красным. Наутро многие бойцы полка, алтай-

цы, нашли среди перешедших своих знакомых и родственников. Волнующие сцены встречи земляков и родственников, еще только вчера державших оружие друг против друга, произвели сильное впечатление и глубоко растрогали бойцов.

Рассказы перешедших солдат о бесчинствах и зверствах, творимых карательными отрядами над незащищенным населением в тылу белых, вызвали гнев и возмущение бойцов полка, в особенности тех, у которых семьи томились под пятой колчаковцев. Еще более сильным стало у них желание скорее освободить Зауралье и Сибирь и окончательно разгромить Колчака. Все перешедшие к нам солдаты изъявили желание служить в Красной Армии и были зачислены в наш полк.

Организатором и руководителем перехода этих солдат к нам был подпрапорщик Михеев. Происходил он из рабочей семьи Омска, его два брата служили в Красной Армии. Позднее Михеева назначили командиром 9-й роты нашего полка, а затем он заболел тифом и был отправлен в госпиталь.

Днем никаких событий не произошло, если не считать, что в штаб было доставлено крестьянином, прибывшим из расположения белых, письмо от колчаковцев. Крестьянин около месяца находился у белых подводчиком. Теперь белые его отпустили домой и приказали доставить пакет к красноармейскому командиру. В письме, наряду с грубыми выпадами по адресу «совдепов» и «комиссаро-державия», предлагалось «прекратить участие в братоубийственной войне русских против русских», против «законного правительства, стремящегося навести порядок и умиротворение в нашей многострадальной родине». В случае нашей добровольной явки колчаковцы обещали полное прощение.

Ответ на эту «агитку» был тотчас составлен коллективно и отослан белым с тем же подводчиком. Предложенные некоторыми товарищами варианты ответа в стиле письма запорожцев турецкому султану были отвергнуты. Решено было ответить в корректном, деловом тоне:

«Господин полковник! Мы хорошо знаем, что скрывается за вашими хорошими словами «порядок и умиротворение!» Это — массовые порки и расстрелы незащищенного населения вашими карательными отрядами. Это пре-

жийя кабала для трудового народа... Карта вашего «верховного правителя» бита, и уже близок его конец. Скоро вся Сибирь будет советской... На что вы надеетесь? На солдат?... Но надежных солдат у вас нет... Революция их всех просветила, и они уже не хотят сражаться за чужое им дело и массами переходят к нам... Военное искусство и опыт вашего командования бессильны против сил Революции. Не поможет вам и Антанта. У Антанты и своих хлопот полно, и там рабочий класс поднимается на борьбу за свои права... Отступить вам некуда! Позади вас степи и пески, а надежд на успех у вас нет. Вы обречены, если свяжете свою судьбу с гибнущей колчаковщиной. Лучший для вас исход — сейчас же прекратить сопротивление против трудового народа. Не верьте ложным басням, будто красные расстреливают безоружных пленных офицеров. Ложь!

Командир Н-ского полка Красной Армии».

Дошло ли письмо по адресу — не знаем.

Через день, после ряда небольших стычек с белыми, мы передвинулись вправо по фронту и заняли село Вознесенское, находившееся километрах в 15—20 севернее станции Мартук.

Сюда же был подтянут и полковой обоз.

На другой день рано утром конная разведка доложила командиру полка, что с востока на село движутся густые цепи белых, на флангах пехоты — большое количество конницы.

Тревога! Быстрый подъем полка. Наши цепи выходят из села навстречу врагу. Полковая батарея занимает позицию позади цепей. Белые начинают артиллерийский обстрел села. Наша батарея открывает ответный огонь. Обозы спешно отводят из села в тыл. Белые заметили движение обоза и, приняв это за наше отступление, ускорили свой наступательный марш.

По всему фронту перекачивается непрерывная ружейная и пулеметная трескотня. Имеются уже раненые и убитые.

Цепи сближаются. Белые сосредотачивают огонь по нашему правому флангу, на котором находился наш 1-й батальон. Конница белых численностью не менее двух полков атакует действующий правее нас 10-й кавалерийский полк. Под натиском численно превосхо-

дящих сил он отходит. Подается назад и наш 1-й батальон. Создается угроза, могущая перейти в катастрофу.

Положение спасает командир полка, незабвенный Степан Пацек, для которого этот бой явился последним. Пацек, спешно подняв залегший в резерве 2-й батальон, бросает его на помощь 1-му батальону и 10-му кавалерийскому полку. Белые уже близко. Пацек верхом, с обнаженной шашкой, в сопровождении конных ординарцев, устремляется вперед. Оставалось всего несколько десятков шагов до врага, как Пацек покачнулся в седле. Конь останавливается. Ординарцы бросаются к Пацеку, но тот падает с лошади. А кругом уже кипит рукопашная. Белые пластуны не выдерживают натиска, отступают, сдаются в плен. Отступает и белая конница.

Победа полная! Но куплена она дорогой ценой. Тяжело ранен в грудь командир полка Пацек. Убит командир роты Пчелин. Много ранено и убито бойцов и командиров...

Всех раненых спешно повезли в Оренбург. Рассказывали, что когда Пацек в пути ненадолго пришел в сознание, то первые его слова были:

— Как окончился бой? Чья взяла?

Через день Пацека не стало. Похоронили его в Оренбурге, в братской могиле на привокзальной площади.

Тот, кто знал Степана Пацека, никогда не забудет чистый образ этого водителя красноармейских масс, любимца трудящихся. Он был роста вышесреднего, худощав, с почти сходящимися черными бровями. В смелом взгляде черных глаз чувствовалась огромная сила воли. Весь его внешний и внутренний моральный облик был как бы создан для прирожденного командира. В год гибели ему не было и 24 лет. Он не знал никаких посторонних увлечений, всего себя безраздельно отдавал своему полку. Высокими боевыми качествами полк во многом был обязан ему. Справедливость, товарищеское отношение к окружающим у Пацека были неразрывно связаны с исключительной требовательностью во всем, что касалось выполнения воинского долга. Все эти качества вместе с отвагой и беззаветной преданностью делу трудящихся создали ему высокий авторитет. Бойцы его обожали, командование ценило.

Гибель командира и потери в личном составе омра-

чали радость победы. И все же бой под Вознесенским следует считать одним из наиболее удачных в деятельности полка имени В. И. Ленина.

Бой под Вознесенским явился частью большого сражения советской оренбургской группы войск с частями Южной армии Колчака, происшедшего 29 августа. Оно решило исход похода на Актюбинск. Перешедшие в контрнаступление лучшие, отборочные части белых были разгромлены, дорога на Актюбинск стала свободной.

Командование полком после гибели С. Пацека принял на поле боя его заместитель М. Мартынюк.

Сумерки теплого августовского вечера. Полк отдал последний долг своим верным товарищам, павшим в бою под Вознесенским. У братской могилы прозвучали речи военкома полка Е. А. Елизарова (который сменил В. Д. Вершинина) и военкома батальона тов. Дорошенко. Они говорили о вечной славе героев, отдавших свои жизни за дело трудящихся, о близости окончательной победы над Колчаком, призывали сплотиться вокруг партии большевиков.

Бойцы бережно опустили в могилу гробы с телами павших товарищей. Прозвучали песня «Вы жертвою пали...» и трехкратный залп прощального салюта. Братскую могилу дорогих товарищей засыпали комьями сухой глинистой земли. Холм увенчали красной пятиконечной звездой — символом нашей доблестной Красной Армии.

Наутро полк выступил из Вознесенского на Актюбинск. Шли мимо железнодорожных станций Яйсан, Мартук и других.

В дальнейшем особых событий не было, если не считать захвата небольших групп белоказаков и обоза, везшего продовольствие и патроны для белых частей. В пути мы получили радостное сообщение о взятии нашими кавалерийскими частями Актюбинска.

4 сентября наш полк был выведен в резерв армии и расположен в Актюбинске. Остальные части 1-й армии продолжали преследование противника, отступавшего в Тургайские степи.

В январе 1920 года полк имени В. И. Ленина прибыл в Новосергиевку, где и оставался до 10 апреля, когда был переброшен на Западный фронт против белополяков.

ТАТАРСКАЯ БРИГАДА

Одной из первых крупных национальных частей, сформированных в Поволжье в 1919 году, была наша 1-я отдельная Приволжская татарская стрелковая бригада. Она создавалась для отпора наступавшим весной колчаковцам.

Формировалась бригада в городах Поволжья. Штаб бригады, специальные подразделения и 1-й полк сформированы в Казани; 3-й полк — в Алатыре; 2-й полк — в Самаре, арtdивизион — в Нижнем Новгороде.

1 июня бригада в составе трех полков, кавалерийского дивизиона, одной батареи и со всеми специальными подразделениями выступила из Казани в распоряжение Южной группы армий Восточного фронта. В Самаре бригаду встретил М. В. Фрунзе, внимательно беседовал с молодыми бойцами.

— Национальные формирования для нас — не пустая игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов, — заявил он, — это серьезная мера, вытекающая из всего характера нашего государства и определяемая основными принципами нашей внутренней и международной национальной политики.

После короткого обучения бригада была отправлена под Оренбург.

Командовал бригадой Юсуф Ибрагимов, прибывший из Москвы, член мусульманской военной коллегии при Народном Комиссариате по военным и морским делам. Начальником штаба бригады был А. А. Тальковский — литовский татарин, бывший капитан гвардии. Комиссаром бригады был Ш. Х. Усманов — талантливый татарский писатель. В дальнейшем его заменил Бекир Беловусов. Начальником политотдела был Карим Хакимов.

22 июня бригада выгрузилась на станциях Сырт, Переволочная и развернулась по правому берегу Урала по

линии станиц Зубочистенская, Татищево, Черноречье. Нашими соседями были рабочие полки славной 49-й стрелковой и 3-й кавалерийской дивизий, которые отстояли Оренбург весной 1919 года. Эти части имели уже опыт борьбы с конницей противника и передавали этот опыт нашим бойцам и командирам.

Бригаде было приказано сменить полки 49-й дивизии, очистить правый берег Урала от мелких подразделений противника и закрепиться на берегу.

К. А. Хакимов

На другой же день отдельные подразделения бригады получили боевое крещение. Им пришлось отражать разведчасти противника, пытавшиеся ночью переправиться через Урал.

Разведчики нашего 3-го полка побывали на левом берегу Урала и притащили оттуда трех здоровенных казаков, которые, прося оставить им жизнь, добросовестно рассказали о расположении и о настроениях противника. Пленных казаков мы направили в штаб армии.

6 августа поступил приказ командующего 1-й армией Г. В. Зиновьева: быть в готовности к форсированию Урала. Задача состояла в том, чтобы стремительным ударом захватить станицы противника на южном берегу Урала Кардаиловскую, Краснохолмскую, Городищенскую, в дальнейшем выйти на правый берег реки Илек и захватить Илецкую Защиту.

Коммунисты, политработники бригады довели эти задачи до каждого бойца. В ночь с 10 на 11 августа все полки вышли к берегу реки в ожидании сигнала о форсировании.

11 августа. Три часа ночи. Все части «на линии ог-

ня». Пушки и пулеметы также у самого берега реки, искусно замаскированы и готовы к открытию огня. Командиры, комиссары, политруки, политбойцы в боевых порядках тихонько беседуют с красноармейцами, подбадривают их и следят, чтобы какими-либо неосторожными действиями не выдать противнику подготовку к форсированию. Категорически воспрещено громко разговаривать, курить, вставать во весь рост. Виновных в нарушениях этих требований ожидала суровая кара.

Прохладно у реки. Над рекой — густой туман. Противоположный берег почти не виден, к тому же там лес. Урал слегка волнуется. Течение быстрое. Кругом абсолютная тишина. Несколько таинственно и тревожно. Трудно предугадать коварство противника. Но настроение бойцов и командиров бодрое и уверенное.

Наконец, условный сигнал!...

В то же мгновение лодки и самодельные плоты с бойцами быстро отталкиваются от берега и плывут по заданному направлению.

Передовые подразделения всех трех полков зацепились за противоположный берег, началась перестрелка, а на некоторых участках раздались крики «ура!» Противник застигнут врасплох, он открывает беспорядочный огонь по всему фронту. Но уже поздно, наши части захватили плацдармы. Дело теперь за главными силами — ко времени контратаки противника они должны переправиться.

Тяжело было командирам, бойцам, особенно саперам, преодолевать на подручных средствах и рыбацких лодках широкую и быструю реку. Однако организованность командиров и героизм красноармейцев преодолели все, и главные силы полков успели вовремя переправиться и отбросить противника, уже начавшего теснить наши передовые части. Белоказики упорно сопротивлялись, переходили в контратаки.

Серьезные схватки с белой конницей пришлось выдержать нашему 3-му полку, во главе которого были опытный и храбрый командир из пермских рабочих коммунист Хусаин Мавлютов и комиссар Гали Касымов — бывший унтер-офицер, смелый большевик. Находясь в боевых порядках, они ободряли бойцов и вместе с ними ходили в атаки. Автор этих строк, командуя батареей, совместно с пулеметчиком Сабитовым картечью

из пушек и кинжальным огнем пулеметов отбивали неоднократные кавалерийские контратаки.

1-й полк, неся потери под сильным огнем противника, отразив контратаки казачьей лавы, захватил станцию Кардаиловскую, 2-й полк — станцию Городищенскую. Героически вели себя красноармейцы вторых эшелонов этих полков при форсировании Урала. Когда они достигли середины реки, противник открыл сильный огонь, но никто не нарушил боевого порядка, не ударился в панику. Героические саперы построили понтонный мост через реку и обеспечили быструю переброску артиллерии и транспортов с бойцами на левый берег Урала.

Совместные с соседями действия и взаимная выручка сыграли решающую роль в достижении победы над многочисленной конницей противника. Во взаимодействии с нашей бригадой действовала 1-я бригада 3-й кавалерийской дивизии — командиром ее был И. О. Турчанинов, храбрый, выдержанный и расчетливый военачальник. Своими смелыми налетами он много раз выручал наши батальоны и полки.

Замечательным умелым командиром проявил себя Хуснияр Шайхутдинов, командир 1-го полка. Шайхутдинов не боялся окружения конницей, не суетился, а наоборот, невозмутимо ожидал приближения конной лавы. Спокойно звучала его команда: «Фланговые роты, ложись!» Через их головы по обходящим частям противника открывали огонь пулеметы. Батарея с открытой позиции уничтожала конницу картечью. Таков был Шайхутдинов, бывший унтер-офицер, батрак из Татарии, умевший подписывать свою фамилию только четырьмя буквами «Шайх...».

Белоказики, почувствовав, что имеют дело с устойчивой пехотой и лихой конницей 3-й кавдивизии, начали отходить за реку Илек. 13 августа наши полки заняли хутора Соленый, Колесникова, Ирица, Никитовка, Никольский. Каждый полк, посадив один из батальонов на тачанки, преследовал противника, не давая ему оторваться.

17 августа красные полки после горячих схваток с противником заняли Илецкую Защиту, станицы Лишевку, Озерки. 28 августа к нам в Илецкую Защиту прибыли командующий Туркестанским фронтом М. В. Фрун-

зе, член Реввоенсовета 1-й армии В. В. Куйбышев, командующий 1-й армией Г. В. Зиновьев. Был устроен митинг. М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев поздравили бойцов и командиров с победами и дали высокую оценку действиям частей бригады, отметили образцовое форсирование Урала, умелый захват крупных станиц, разгром многих кадровых полков противника.

М. В. Фрунзе от имени ВЦИК наградил отличившихся красноармейцев и командиров ценными подарками, именными часами, кожаным обмундированием. Это

Я. Д. Чанышев

были самые ценные подарки в те годы. Фрунзе поставил задачи на последующие дни операции, требуя еще более форсированного наступления в направлении Темира и станции Джурун, приказал овладеть этими пунктами не позднее 10—15 сентября. Он потребовал от нашего командования, чтобы в каждом полку были созданы ударные группы, чтобы наступление велось в глубоких боевых порядках, а не цепями, ибо это замедляло темпы продвижения.

— Чтобы своевременно обнаруживать скопления белой конницы, —

учил Фрунзе, — необходимо организовать более глубокую разведку. Надо лучше охранять фланги боевого порядка, а также свои штабы.

Мне Фрунзе дал специальные указания о тактике артиллерии.

— Не бояться конницы противника, — говорил он, — расстреливать ее прямой наводкой и картечью из орудий, из пулеметов.

29 августа М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышев, тепло попрощавшись с нами, отбыли в Оренбург.

Бригада пополнилась свежими и обученными силами, прибывшими из Казани, фронт сократился со 100 до 60 верст, подтянулись тылы. Настроение красноармейцев и командиров было приподнятое. Боевые успехи создавали уверенность в скорой победе.

Политотдел бригады (начальник Н. Еникеев, сменивший Хакимова) и военные комиссары полков развернули большую агитационно-пропагандистскую работу среди местного населения — казахов, татар, а также среди казачества, призывая их к поддержке Советской власти. Это способствовало укреплению дружбы между населением и частями Красной Армии. Наши бойцы, быстро усвоив родственный казахский язык, непосредственно общались с местным населением и устанавливали тесный контакт. Казахи доставляли нам хороших коней для кавалерийских подразделений и артиллерии. За это мы расплачивались или наличными или выдавали расписки, хотя многие отказывались от платы. Казахи своевременно предупреждали нас о скоплении конницы противника, сообщали, в каком направлении он отходит. Многие казахи служили в наших полках и эскадронах в качестве проводников, рядовых бойцов.

30 августа бригада возобновила наступление. Части старались опередить отступающего противника, обойти Актюбинск с запада и раньше захватить Темир и Джурун, что нам и удалось осуществить. 13 сентября части бригады совместно с 1-й кавалерийской бригадой Турчанинова заняли поселок Петровск, хутор Ново-Украинский, станцию Тамды, поселок Сергиевский. Утром 14 сентября кавалерийская бригада и наш 3-й стрелковый полк заняли Темир, выбив оттуда два казачьих полка. Было захвачено много разного оружия, продовольствия, медикаментов и 500 человек пленных. В боях за Темир особо отличились лихие командиры эскадронов 1-й кавалерийской бригады Я. С. Шаробурко, Д. А. Божутин и командир 10-го кавалерийского полка Блюм. Успешные действия частей и соединений 1-й армии, разгром крупных частей противника и захват таких городов, как Актюбинск, Тургай, Иргиз, Темир, действенная агитационно-пропагандистская работа политотдела армии и Оренбургского губкома партии окончательно разложили белоказачьи части. Они начали сдаваться в плен. Лишь самые ярые и злобно настроенные

генералы и офицеры продолжали еще сопротивляться или просачиваться на юг и на юго-запад.

13 сентября в районах станций Мугуджарекая и Берчогур произошла наша долгожданная встреча с войсками Туркестана, наступавшими от Аральского моря. Южная армия белых была разгромлена. Советские войска Туркестанского фронта прошли более тысячи километров, преодолевая горы, степи и реки, уничтожив сотни белоказачьих отрядов, полков и дивизий, блестяще завершили важнейшую операцию, расчистили путь в Туркестан.

Совет Рабоче-Крестьянской обороны в постановлении, подписанном В. И. Лениным, объявил благодарность войскам 1-й армии и приказал выдать месячный оклад жалования каждому ее бойцу и командиру. Это событие в войсках было отмечено торжественно, состоялись митинги, встречи, сабантуи для местного населения. Казахи собирались на эти сабантуи за сотни километров. Устраивались концерты артистов, прибывших из Казани, Оренбурга, выступления бригадного театра.

Опыт боевых действий частей бригады против белого казачества в оренбургских степях помог нам потом в борьбе с басмачеством и войсками эмира Бухарского.

ВОСПОМИНАНИЯ КОМИССАРА

В конце июня 1919 года стало известно о формировании 49-й Оренбургской дивизии. Я уже был членом Коммунистической партии и получил назначение на должность помощника комиссара, а потом комиссара одного из полков этой дивизии. Расставшись с 210-м полком, я выехал в новый полк, который только что начал свои операции против уральских белоказаков. В конце июля я прибыл в штаб 3-й стрелковой бригады 49-й дивизии, в станицу Мухраново. Бригада эта была создана весной 1919 года в Симбирске из рабочих города, значительная часть которых была коммунистами, и из трудящихся крестьян губернии. В бригаде сперва было два полка: 1-й Симбирский рабочий полк и 2-й Интернациональный полк. Вскоре Симбирский рабочий полк получил номер 439, а Интернациональный—440-й. Позднее число полков бригады увеличилось.

Бригадой командовал коммунист В. Г. Пеньевский, член Симбирского губисполкома. Комиссаром бригады был А. М. Измайлов, тоже член Симбирского губисполкома. Его вскоре сменил тов. Киселев, а с сентября комиссаром стал тов. Пудов — мой соратник по 210-му полку. Начальником штаба бригады был Кокурешников-Ховрин, бывший офицер старой армии. На бригаду было возложено обеспечение правого фланга 49-й дивизии в районе Илекского городка, с последующей задачей содействовать 25-й Чапаевской дивизии в разгроме армии генерала Толстова.

Из штаба бригады я отправился в свой полк, на хутор Яман на правом берегу Урала. Полк имел до 1000 бойцов, 6 пулеметов и 2 легких орудия. Командир полка Н. Т. Фокин и комиссар Кокрянецв встретили меня радушно и ознакомили с обстановкой и моими задачами.

Полк, продолжая наступление, вышел на правый берег Урала и был передвинут влево в район Илека и станицы Мухраново. Здесь он сменил 434-й полк, переброшенный под Оренбург. Перегруппировка частей была вызвана подготовкой к решительному наступлению от Оренбурга в целях разгрома Южной армии Колча-

С. Л. Рукавицин, М. Т. Фокин, Н. Т. Фокин

ка и соединения с войсками Советской Туркестанской Республики.

3-я бригада 49-й дивизии, действовавшая на правом фланге 1-й армии, должна была в предстоящем наступлении выполнить роль сковывающей группы. Своим наступлением от Илека в Зауральские степи ей предстояло вбить клин между силами колчаковского генерала Белова и Илекским корпусом уральских белоказаков, чтобы последние не могли помочь колчаковцам под Оренбургом.

Форсировав Урал в районе станицы Рассыпной, полк развернул наступление и с ожесточенными боями занял станицы Затонную и Сухореченскую. В этих боях я на собственном опыте познавал особенности борьбы с уральскими белоказаками.

Классовое расслоение в казачьих станицах низовья Урала не было столь ярко выраженным, как в крестьянской деревне, или даже у оренбургских казаков. Этими

особенностями и объясняется то, что трудовым слоям уральского казачества понадобились гораздо большие сроки и более тяжкие уроки, чтобы они отошли от своих атаманов. Запугивая станичников тем, что большевики отнимут у них землю, казачество и привилегии, офицерская верхушка во главе с генералом Толстовым смогла сформировать значительные силы для борьбы с Советской властью.

В боях и походах нашей бригады мы всегда имели дело с превосходящими силами врага, пользующегося к тому же преимуществами конницы, которой у нас почти не было. Вооружение и снабжение у нас были несравненно хуже, чем у белоказаков. В августе—сентябре, например, мы получали подкрепление оружием и боеприпасами только за счет трофеев, отбитых у противника. Бойцы оборвались, запасов обмундирования не было. И все же мы наступали, тесня врага шаг за шагом. Вспоминая об этом, снова и снова восхищаешься той могучей силой сознательности, с какой дрались наши герои. Силу эту они черпали у партии, у народа, правое дело которого они отстаивали, не щадя своей жизни.

Уральские белоказаки в борьбе с Советской властью проводили тактику «выжженной земли». Отступая в степь, они уничтожали посевы, запасы продуктов, угоняли с собой скот, колодцы нередко отравляли, пленных, особенно коммунистов, часто убивали.

Фанатичные белоказаки проявляли исключительное упорство в бою.

В сентябре в сражении за поселок Кончубей, в результате штыкового удара 439-го полка было заколото 14 белогвардейцев-пулеметчиков. У всех у них на лбах были венчики, которые по канонам православной церкви возлагаются на покойника при похоронах. Я спросил пленного вахмистра: что это значит? Он мне объяснил, что Кирсановскому учебному полку 4-й Илецкой дивизии было приказано стоять «на смерть», поэтому всех рядовых и офицеров и снабдили такими венчиками.

Слепая злоба, непримиримость и грубое коварство уральских белоказаков проявились во время наступления 439-го полка на станицу Затонную. После длительного и изнурительного для обеих сторон боя в рядах отступающей конницы врага появился белый флаг. С ним на окраину станицы вышла с хлебом-солью группа борода-

тых стариков. Но стесило наших конников приблизиться к «хлебосольным» старикам, как по нашим был открыт огонь. Белый флаг был грубой провокацией.

Однако определенная часть трудовых казаков, особенно из числа бывших фронтовиков, находилась в армии генерала Толстова только по принуждению и стремилась прекратить борьбу с Советской властью. Мы знали об этом и вели среди населения разъяснительную работу, посылая в стан врага листовки и письма. В них мы разъясняли, за что борется партия большевиков, за что воюет Красная Армия и как она поступает с людьми, добровольно отказывающимися от борьбы с Советской властью.

Так, нам удалось списаться со стоявшими против нас в станице Сухореченской двумя взводами белоказачков. Командир этих взводов старший урядник Дронов предложил нам встретиться. На встречу я пошел за пределы расположения нашего полка вместе с комиссаром 2-го батальона Тамердином Салехутдиновым и своим ординарцем А. Е. Андреевым.

Делегация белоказачков во главе с Дроновым ожидала нас в двух километрах от Сухореченской. Встретили мы их любезно, угостили папиросами.

Договорились, чтобы казаки привели с собой всю Сухореченскую сотню. Через два дня Дронов известил, что он ожидает нас с двумя взводами, с пулеметом «Льюис» в том же месте. Обмана не было, и казаки перешли к нам. Приняли мы их всех хорошо. Дронов вскоре был избран председателем Сухореченского станичного Совета и очень активно помогал нам в борьбе с белоказачками.

Излюбленным тактическим приемом уральских белоказачков было внезапное нападение превосходящими силами с расчетом вызвать среди наших бойцов панику, а затем беспощадно расправиться с ними. Особенно часто подобная тактика применялась белоказачками во время нахождения наших частей на марше. Внезапные нападения на занятые нашими частями рубежи совершались реже и преимущественно ночью. Тактика противника вытекала из самой природы такого рода войск, каким являлась кавалерия с присущей ей подвижностью. В условиях маневренной войны это составляло ее преимущество.

В ряде боев мы выработали свою тактику, которую противопоставили тактике хитрого, весьма подвижного противника. Мы, прежде всего, противопоставляли ему нашу выдержку, железную дисциплину огня, строгий порядок охранения на марше и круговую оборону занятых рубежей. Кроме того, изучив «мудрость» вражеской тактики, мы скоро убедились в ее шаблонности. Поэтому мы не только успешно отражали наскоки врага, но и наносили могучие ответные удары, заканчивая бой победой.

29 августа 439-му полку было приказано занять станцию Успенскую. В тот же день полк под командованием Коняева, сменившего Н. Т. Фокина, выступил для выполнения этого задания, оставив в Сухореченской одну роту. Форсировав реку Илек, мы завязали бой на подступах к Успенской. Противник, не проявлявший активности во время нашей переправы, внезапно значительными силами обрушился на наш левый фланг, пытаясь прижать нас к реке. Беглым огнем артиллерии он разрушил переправу в нашем тылу, отрезав нам возможность для отступления на исходные позиции. Завязался ожесточенный бой, длившийся до поздней ночи. Противник настойчиво, но тщетно пытался смять наш левый фланг. Одновременно он сильным пулеметным огнем не давал возможности нашему правому флангу, приблизившемуся к Успенской, ворваться в станцию.

Полку пришлось окопаться и провести тревожную ночь в одиночных, наскоро вырытых окопах. Рано утром 30 августа бой возобновился с прежней силой. Мы не ограничивались обороной, а сами атаковали противника. К 10—11 часам утра Успенская была взята, приказ командования бригады был выполнен, хотя и с некоторым опозданием. В этом бою мы захватили несколько пленных и один пулемет. От пленных стало известно, что настойчивые и непрерывные конные атаки белоказачков на наш левый фланг стоили им очень дорого, около 100 убитых и раненых.

Вскоре после взятия Успенской на должность командира полка был назначен Михаил Тимофеевич Фокин — брат Н. Т. Фокина.

В начале сентября, используя свой излюбленный прием внезапного окружения, белоказаки нанесли по-

ражение несколько оторвавшемуся от бригады правофланговому 441-му, бывшему Рязанскому, полку. Создалась угроза захода конных частей противника в тыл штаба нашей бригады.

В связи с этим командир 3-й бригады В. Г. Пеньевский приказал 439-му полку совместно с батальоном 440-го полка овладеть поселком Кончубаем и затем продолжать наступление на станицу Приуральную, расположенную на левом берегу Урала, занять ее, обеспечив этим брод через Урал. Наш полк совместно с приданным батальоном 13 сентября на рассвете выступил из Березовского на Кончубай. Войск противника мы долго не встречали. Лишь на левом фланге приданный батальон вступил в соприкосновение с белоказаками, откуда слышалась сильная пулеметная и ружейная стрельба. Вскоре командир батальона донес, что он напоролся на сильную засаду и подвергается непрерывным атакам конницы. Батальон несет тяжелые потери, среди раненых комиссар 440-го полка тов. Громов.

Командир полка решил быстрее ввести в дело резерв и помочь левофланговому батальону. Вскоре положение на левом фланге было восстановлено. Тогда противник обрушился конницей на правый фланг полка, подошедший уже к Кончубаю. Эскадрон полка под командованием И. П. Бочкарева отражал одну атаку за другой. Бой принял ожесточенный и затяжной характер. Выбрав момент, командир полка М. Т. Фокин подал команду для штыковой атаки. Стрелковая цепь во главе с командиром 2-го батальона коммунистом И. В. Капусткиным под прикрытием сильного артиллерийского огня нашей батареи ворвалась в Кончубай, оставив за собой трупы белогвардейцев. Первыми ворвались красноармеец 2-й роты Д. И. Зайцев и красноармеец 3-й роты А. И. Конюжнов, прикончившие штыками пулеметчиков врага. Конюжнов, уже раненый, продолжал уничтожать белогвардейских пулеметчиков. Около каждого заколотого пулеметчика находилась гора цинковых коробок и растрелянных гильз. На головах белогвардейцев были пресловутые венчики смертников.

За этот подвиг Д. И. Зайцев и А. И. Конюжнов были награждены орденами Красного Знамени.

После занятия Кончубая надо было овладеть бро-

дом у станицы Приуральной. Мы поручили это кавалерийскому эскадрону под командованием И. П. Бочкарева, приказав удерживать брод впредь до подхода полка. Бочкарев, коммунист, являлся мастером партизанской борьбы, кавалерийских рейдов по тылам врага. Задания он выполнял точно. За свое бесстрашие и находчивость он был награжден орденом Красного Знамени.

На другой день на рассвете полк выступил в сторону Приуральной. Не успела сняться с позиции арьергардная рота, как наши передовые разъезды натолкнулись на засаду врага и завязали с ней бой. В течение нескольких минут с тыла, с флангов и с фронта появились густые лавы конницы противника. Наша гаубичная артиллерия открыла ураганный огонь.

Не имея возможности посоветоваться с командиром полка, я принял на себя командирские функции на своем участке. Вместе с начальником пулеметной команды Буровым организуем массированный пулеметный огонь по наступающей коннице. Буров сам берется за пулемет и скашивает более 150 белоказачков. Бой усиливается. Несмотря на тяжелые потери от губительного огня, противник продолжает бросать в атаку новые и новые силы. Но безуспешно. Огонь пулеметов, артиллерии, стрелковых цепей парализует противника, наносит сокрушительный урон его живой силе. Белоказаки были вынуждены отступить, понеся тяжелые потери.

Полк продолжал выполнять боевую задачу и к вечеру того же дня занял станицу Приуральную. Угроза захода белоказачков в тыл нашей бригады была ликвидирована.

Своими активными действиями полки 3-й бригады 49-й советской дивизии успешно выполнили поставленную им задачу обеспечения правого фланга 1-й армии в период разгрома ею Южной армии Колчака в августе—сентябре 1919 года. 3-я бригада сковала большие силы 2-го Илекского белоказачьего корпуса и не только не позволила ему прорваться в тыл советской Оренбургской ударной группы, но и отбросила его от Урала к реке Утве. Тем самым были расчленены силы Оренбургского и Уральского белого казачества в момент решающих боев под Актюбинском и соединения с Советским Туркестаном.

10 октября приказом командующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе была образована Илекская группа 1-й армии со специальной задачей разгромить окончательно 2-й Илекский белоказацкий корпус. Он группировался в полосе речек Утвы и Барбастау, где под командованием генерала Акутина готовился к новым действиям против Уральска и для захвата участка железной дороги Самара—Оренбург.

В состав советской Илекской группы вошла и наша 3-я бригада. Кроме 439-го и 440-го, в нее было включено еще три полка: 436-й (бывший Самарский), 441-й (бывший Рязанский) и Мусульманский.

Во второй половине октября наш 439-й полк перешел в наступление. На этот раз Красная Армия имела в целом численный перевес над врагом. Но противник еще обладал преимуществом быстрого маневрирования конницы и широко использовал его.

20 октября более шести полков противника с артиллерией, траншейными орудиями и большим количеством пулеметов пытались окружить и уничтожить наши 439-й и 440-й полки.

439-й полк находился на марше в районе Бурлинского базара с тем, чтобы совместно с 440-м полком взять этот крупный населенный пункт. Подход 440-го полка задержался, живая связь с ним временно нарушилась. Чтобы не выдвигаться далеко вперед, мы сделали привал в ауле Бис-Тау. Разведка донесла о движении в сторону аула больших масс конницы с пулеметами и артиллерией. Противник находился в 2—3 километрах, его движение просматривалось в бинокль.

Пользуясь удобными подходами, противник силами более трех полков конницы и батальона пехоты повел наступление на наше расположение. Мы заняли круговую оборону в ауле Бис-Тау. Противник быстро окружил наши позиции плотным кольцом, лишив нас связи с внешним миром. Завязался ожесточенный бой. Противник за 2—3 часа выпустил по расположению полка более 600 снарядов. Аул Бис-Тау запылал. Оборона осложнялась тем, что позиции полка хорошо простреливались пулеметным огнем с высоты, занятой противником. Мне пришлось возглавить цепь красноармейцев, расположенную у подножия этой высоты. Мы попытались захватить ее. Однако сильный пулеметный огонь

вынудил нас отойти. Полк нес серьезные потери. Был ранен осколком снаряда командир 2-го батальона И. В. Капусткин. Но этот храбрый коммунист остался в строю. Был ранен комиссар 1-го батальона Гуров, а вслед за ним и командир батальона Кутузов; тяжелое ранение получил командир полка М. Т. Фокин. Пуля пробила ему кость правой руки выше локтя. Фокин долго еще командовал, пока силы не покинули его. Самоотверженность командира полка была отмечена в приказе Революционного Совета Республики, его наградили орденом Красного Знамени.

Создавалась обстановка, грозящая полку разгромом. В командование вступил помощник Фокина — А. С. Семенов. В прошлом учитель и офицер старой армии, чуваш по национальности, Семенов был опытным и авторитетным командиром. Организуем новую попытку штурма злополучной горы, с которой огонь противника буквально сковал нас по рукам и ногам. Штурм этот, поддержанный огнем нашей артиллерии, удался, хотя и стоил жизни славного пулеметчика Савенко. Одновременно с этим начальнику пулемета конной разведки С. Ф. Белякову и красноармейцу той же команды П. Е. Андрееву удается прорваться через цепи противника с донесением в штаб бригады, в котором Семенов сообщал о тяжелом положении полка.

Противник, полагая, что семичасовой бой сломил наши силы, предпринял конные атаки с намерением завершить разгром полка. Однако и на сей раз командование белоказачьей дивизии просчиталось. Даже ранение командира полка не поколебало наших бойцов.

Руководство боем мне пришлось взять полностью на себя. Моим помощником стал председатель полковой партийной организации тов. Савельев. Я категорически запретил впредь до общей команды стрелять по наступающему врагу. Атаки белых не удались, так как они не знали, где мы, в каком месте ждем их.

...Лавы атакующей конницы, обгоняя пехоту, ринулись на наше расположение и были уже в 500—600 метрах. Но по нашей цепи настойчиво передавалась команда: «Не стрелять!» Рабочие-бойцы — волжане и оренбуржцы, — закаленные в боях с конницей, знали, что это значит. И когда атакующие приблизились на расстояние 200 метров, цепенящее молчание на наших

позициях нарушила, наконец, резкая команда: «Огонь!»

Шквал огня девяти пулеметов, оружейный и артиллерийский огонь обрушился на конницу врага на сравнительно узком фронте. Проходит несколько жутких мгновений, и атака белоказачков захлебывается. Пулеметы же прицельным огнем продолжают косить уже поворачивающих вспять белоказачков. Меткий огонь героев-пулеметчиков во главе с Буровым всюду настигает их. Конная разведка Бочкарева преследует в беспорядке отходящего противника. Белоказачки оставляют на поле боя многие сотни убитых и раненых, около 50 человек попадает в плен.

Так кончилось кровавое побоище у маленького, расположенного между пятью горами аула Бис-Тау. В этом бою наш полк понес также серьезные потери, до 60 человек только ранеными. Очень сильно пострадало от артиллерийского огня местное население, которому прятаться было некуда.

На другой день рано утром, перед выступлением из Бис-Тау, к нам прибыли связные 440-го полка. Его командир тов. Гайдаров сообщал, что противник одновременно с окружением нашего полка намеревался нанести удар и по его полку. Однако и эта затея кончилась для врага печально.

Стремительно преследуя врага, наши два полка вскоре взяли крупный населенный пункт Бурли. Продвигаясь дальше, 439-й полк в начале ноября занял Алексеевку (Курганный). В результате совместной операции с 440-м полком мы выбили противника из поселка Тихоновки, выйдя, таким образом, в район Джамбейтинской ставки. Справа от нас части 25-й Чапаевской дивизии после некоторой задержки, вызванной гибелью В. И. Чапаева, с новой силой стали громить врага, выйдя на линию Лбищенск—Калмыков. Слева от нас 435-й (бывший 277-й Орский) полк тоже приближался к Джамбейтинской ставке. Слева от него действовала кавалерийская башкирская бригада Мусы Муртазина.

Прижатые Красной Армией к Каспийскому морю, войска белоказачьего генерала Толстова в январе 1920 года были полностью разгромлены. Богатейшая Уральская область получила возможность приступить к восстановлению разоренного империалистической и гражданской войнами хозяйства.

И М Е Н Н О Й У К А З А Т Е Л Ь

Акулов Иван Алексеевич (1888—1939). Член РСДРП(б) с июля 1907 г. С марта по ноябрь 1917 г. — организатор Центрального Комитета партии среди войск Выборгского гарнизона, редактор большевистской газеты «Знамя борьбы». В декабре 1917 г. Центральный Комитет партии послал И. А. Акулова в Екатеринбург (Свердловск), где он работал секретарем Уральского областного комитета партии. С мая по август 1918 г. И. А. Акулов — комиссар снабжения фронтовой группы в районе Златоуста. С января по февраль 1919 г. — председатель агитколлектива Вятского губкома партии, потом председатель губкома партии, председатель губисполкома. С марта 1919 по 1921 г. — председатель Оренбургского губкома партии. Затем работал секретарем Крымского губкома партии, заместителем Наркома РКК СССР, членом президиума ЦКК партии, в органах ОГПУ, секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, членом президиума ВЦСПС, прокурором Союза ССР и секретарем ЦИК СССР. — 22, 27, 50, 184, 228, 229, 249, 255, 263.

Андреев Иван Ильич (1883—1935) — рабочий Главных мастерских Ташкентской железной дороги в Оренбурге, член Коммунистической партии с 1917 г.; председатель центрального-стачечного комитета оренбургских рабочих в период контрреволюционного мятежа Дутова, член Оренбургского Военно-революционного комитета, член губисполкома в 1918—1920 гг.; первый председатель Оренбургской чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией, заместитель председателя Военно-революционного трибунала. — 82.

Башилов Марк Андрианович (1895—1967). Член КПСС с февраля 1917 г., был председателем агитотдела

Актюбинско-Орского фронта, политкомом 217-го и 437-го полков. После гражданской войны находился на партийной работе. Участвовал в Великой Отечественной войне, был начальником отдела агитации и пропаганды Политуправления Южного фронта. С 1955 г. — персональный пенсионер. — 15, 17, 18, 23, 28, 32, 170, 171, 173, 186.

Башкирцев Иван Степанович. Родился в 1896 г. Член партии с 1918 г. Добровольно вступил в ряды Красной Армии. С августа 1918 г. работал заведующим информационным подотделом политотдела 1-й армии Восточного фронта, с мая 1919 г. — в Военно-революционном трибунале 1-й армии, потом в чрезвычайной комиссии по делам пленных и перебежчиков при Реввоенсовете Туркестанского фронта. В 1921 г. демобилизовался и в дальнейшем находился на партийной, советской и хозяйственной работе. С 1957 г. — персональный пенсионер. — 18, 23, 217, 218.

Березовский Ванифатий Павлович, рабочий, член КПСС с 1918 г., красноармеец Орского отряда. Участник обороны Орска, Актюбинска, Оренбурга. Работник штаба Орского укрепрайона. Был на хозяйственной работе. Умер в Орске в марте 1941 г. — 59.

Березовский Георгий Ванифатьевич. Член партии с 1918 г. Унтер-офицер царской армии. В Орском полку последовательно командовал ротой, батальоном, был заместителем командира полка. Командовал Оренбургским полком, потом 1-й бригадой Оренбургской дивизии. Был секретарем Орского и Оренбургского уездных комитетов партии. Впоследствии находился на руководящей советской и хозяйственной работе. Персональный пенсионер. — 62.

Блюхер Василий Константинович (1889—1938) — выходец из крестьян-бедняков Ярославской губернии, рабочий-слесарь. За храбрость и отвагу, проявленные на фронтах первой империалистической войны, награжден двумя георгиевскими крестами. Член Коммунистической партии с 1916 г. Один из организаторов и руководителей отрядов Красной гвардии и частей Красной Армии, боровшихся против дутовщины на Южном Урале в 1917—1918 гг., командующий партизанской армией во время легендарного рейда по Западному Уралу. В 1919—1920 гг. командовал дивизией, участвовавшей в разгроме Колчака и Врангеля. В 1921—1922 гг. — главнокоман-

дующий, военный министр и председатель Военного Совета Дальневосточной республики. После гражданской войны — командир 1-го корпуса, начальник Ленинградского укрепленного района, военный советник в Китае, помощник командующего войсками Украинского военного округа, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией. Маршал Советского Союза.— 3, 13, 15, 87, 125, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 136, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 147.

Булдаков Андрей Митрофанович, казак Новоорской станицы Орского уезда. Член КПСС с 1918 г. Член Орского исполкома, участник обороны Орска, Актюбинска, Оренбурга. Впоследствии был членом Оренбургского губисполкома и заведующим губсобесом.— 66.

Бурзянцев Михаил Николаевич (1893—1918). Член Коммунистической партии с марта 1918 г., делегат I Оренбургского губернского съезда Советов, член губисполкома, губернский комиссар юстиции. При отходе Красной Армии из Оренбурга летом 1918 г. оставлен на подпольной работе. В июле 1918 г. схвачен дутовцами и после зверских истязаний расстрелян.— 83, 84.

Варенов Трофим Федорович — рабочий. Член партии с 1918 г. Член Орской городской думы от большевиков. Активный участник обороны Орска, Актюбинска и Оренбурга. После был на хозяйственной работе.— 55.

Васильченко Алексей Трофимович — рабочий-столяр, член партии с 1918 г., активный участник обороны Орска, Актюбинска, Оренбурга. Был начальником политотдела 1-й бригады 31-й дивизии. В 1920 г. — председатель Орского уездного совета профсоюзов. Впоследствии был на хозяйственной работе.— 55, 56.

Великанов Михаил Дмитриевич (1893—1937). Родился в Рязанской губернии в семье безземельного крестьянина. Учился в сельской школе, а потом в Рязанской духовной семинарии. В 1913 г. окончил семинарию и учительствовал в земской школе с. Ешкур Рязанского уезда. В 1914 г. был направлен в школу прапорщиков и по ее окончании назначен в 436-й Новоладожский пехотный полк. Всю империалистическую войну провел на фронте и к концу ее получил чин поручика. В начале марта 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию. Воевал с белочехами на Восточном фронте, с белогвар-

дейцами под Симбирском, Самарой, Сызранью. С конца декабря 1918 г. — командир 1-й бригады 24-й дивизии 1-й армии. С конца апреля 1919 г. — начальник обороны Оренбурга. С сентября 1919 г. начальник 20-й стрелковой дивизии. Член Коммунистической партии с 1920 г. После окончания в 1922 г. Высших академических курсов занимал руководящие посты в ряде военных округов страны. — 18, 20, 27, 50, 184, 186, 235, 236, 240, 241, 244, 245.

Вершинин Василий Дмитриевич. Родился в 1895 г. Член Коммунистической партии с 1918 г. В начале 1918 г. добровольно вступает в Красную гвардию, а затем — в Красную Армию. Учился в школе красных командиров, по окончании которой с мая 1919 г. назначен комиссаром 210-го стрелкового имени В. И. Ленина полка, а затем инструктор политотдела Туркестанского фронта. После гражданской войны находился на партийной и советской работе. Окончил Институт красной профессуры. Участник Великой Отечественной войны. С 1957 г. персональный пенсионер. — 29, 32, 283, 291, 292, 293, 301.

Вилумсон Эдуард Фридрихович (1893—1931). Поручик старой армии. В Красную Армию вступил в 1918 г. С июня 1918 г. — начальник штаба 24-й Симбирской Железной дивизии. В 1919 г. — начальник той же дивизии, в апреле — начальник обороны Оренбурга, тяжело ранен в бою под Нежинкой. За героизм при обороне Оренбурга награжден орденом Красного Знамени. После гражданской войны окончил академические курсы высшего командного состава Красной Армии и был на военной работе. Член Коммунистической партии с 1919 г. — 246.

Врублевский — командир Коммунистического польского кавалерийского дивизиона 1-й бригады 24-й дивизии. Участвовал в боях под Оренбургом. Осенью 1920 г. на польском фронте командовал кавалерийской дивизией. Убит на польском фронте. — 195, 196.

Гай (Бжишкян) Гая Дмитриевич (1887—1937) — один из выдающихся командиров Советской Армии, герой гражданской войны, кавалер трех орденов Красного Знамени. В революционном движении участвовал с 1903 г. Член Коммунистической партии с 1918 г. Начальник 24-й Симбирской Железной дивизии. С декабря 1918 г. по

июнь 1919 г. — командующий 1-й армией Восточного фронта, которая участвовала в освобождении Бугуруслана, Бузулука, Оренбурга, Орска и других городов. Осенью 1919 г. формирует 1-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию и участвует в разгроме войск Деникина. Весной 1920 г. назначается командиром 2-го конного корпуса, который в составе 4-й армии Западного фронта прорвал фронт белополяков по реке Западная Двина и зашел далеко в тыл врага. Прикрывая отход 4-й армии и оказавшись отрезанным белополяками от своих войск, корпус вынужден был 26 августа 1920 г. перейти границу Восточной Пруссии, где и был интернирован.

По возвращении из Германии Г. Д. Гай занимает ряд командных должностей, заканчивает Военную академию им. М. В. Фрунзе, адъюнктуру при ней, работает преподавателем в этой академии. С 1933 г. — профессор, начальник кафедры истории военного искусства Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. занимался научно-исследовательской работой. — 18, 25, 49, 189, 190, 245, 246.

Голощекин Филипп Исаевич (1876—1941) — член РСДРП с 1903 г. Партийную работу вел в Петербурге, Кронштадте, Сестрорецке, Москве и других городах. неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. Активный участник революции 1905—1907 гг. В 1906 г. — член Петербургского комитета РСДРП. В 1909 г. — член Московского комитета партии. В 1912 г. на VI (Пражской) конференции избран членом ЦК РСДРП. После Великой Октябрьской социалистической революции — уральский губвоенком, член Реввоенсовета Туркестанской армии, секретарь Уральского обкома и член Сибирского бюро ЦК РКП(б), председатель Самарского губисполкома, секретарь Казахского крайкома ВКП(б). С 1933 г. — главный государственный арбитр при Совнаркоме СССР. — 290, 293.

Гурский Владислав Владиславович (1894—1937). В августе 1918 г. прибыл в 24-ю дивизию с 3-м (впоследствии 212-м) Московским полком. В сентябре назначен командиром полка, а в начале 1919 г. — командиром 2-й бригады 24-й дивизии. С конца 1919 г. — командир 72-й бригады 24-й дивизии. В последующие годы служил в Красной Армии на командных должностях. — 204, 205, 212, 213.

Дановская-Спивак Антонина Антоновна. Родилась в 1897 г. Член Коммунистической партии с мая 1917 г. В 1918 г. по партийной мобилизации направлена на Восточный фронт, работала в политотделе 1-й армии агитатором-организатором, заведующим подотделом культпросветработы, начальником партийной школы. В 1919—1920 гг. находилась на политработе в 12-й армии Южного фронта. После гражданской войны была на партийной, советской и хозяйственной работе. С 1944 г. — персональный пенсионер. — 23, 217, 262, 264.

Даутов Абдулла Мухаметьянович — рабочий, член КПСС с 1918 г. Член Орского исполкома, избранного в июне 1918 г. Участник обороны Орска, Актюбинска, Оренбурга. Видный работник среди татарского населения Орска. Персональный пенсионер. — 59.

Дашевская Лия Моисеевна. Родилась в 1895 г. Член КПСС с 1912 г. В 1917 г. работала в Елизаветградском комитете партии, участвовала в создании Красной гвардии, в боях с немецкими оккупантами и гайдамаками, затем — в составе 10-й армии — в боях за Царицын. С сентября 1918 г. работала в политотделе 1-й армии Восточного фронта, позднее — комиссаром санитарной части 24-й дивизии. В составе этой дивизии была на белопольском фронте и в составе 6-й армии — на врангельском фронте. После окончания гражданской войны — на руководящей партийной работе в Кременчуге, Донбассе. Окончила Институт красной профессуры, работала заместителем начальника кафедры истории Военной академии им. М. В. Фрунзе. Персональный пенсионер. — 18, 21, 23, 189, 202.

Дашевский Петр Моисеевич. В начале 1917 г. в г. Елизаветграде был призван на военную службу в царскую армию. Вместе со своей частью перешел в Красную Армию, попал в кавалерийский дивизион, которым командовал Врублевский. В боях за Оренбург был ранен. В 1920 г. осенью погиб в боях с белобандитами под Кременчугом на Украине. — 202.

Десятерик Прокофий Корнеевич родился в 1902 г. в бедной крестьянской семье. Работать начал с 12 лет. В 1923—1926 гг. учился в Актюбинской губернской совпартшколе. Член КПСС с 1926 г. В 1926—1932 гг. находился на партийной работе. После окончания в 1937 г.

Московского государственного института философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского работал научным сотрудником секретариата истории гражданской войны в СССР, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства. В 1944—1967 гг. руководил архивным отделом Оренбургского облисполкома. Персональный пенсионер.— 2, 34.

Джангильдин Алибий Тогжанович (1884—1953). Член КПСС с 1915 г., активный участник борьбы за установление и упрочение Советской власти в Оренбургской губернии и Казахстане. В 1918 г. — Чрезвычайный комиссар Тургайской области, а затем — Степного края, председатель Тургайского облисполкома. В период гражданской войны — организатор партизанского движения в тылу Колчака. В последующие годы находился на руководящей партийной и советской работе.— 18, 156.

Долгоруков Степан Андреевич, из крестьян, окончил в 1912 г. Вятское сельскохозяйственное училище и работал агрономом. После — учился в Московском коммерческом училище. В феврале 1917 г. вступил в члены РСДРП(б). Приехал в Орск летом 1917 г., работал агрономом земской управы. Один из организаторов Орской большевистской партийной организации. В июне 1918 г. на I уездном съезде Советов избран председателем Орского исполкома. Во время обороны города был некоторое время начальником полевого штаба. С 1920 г. находился в Москве на руководящей хозяйственной работе. Умер в 1937 году.— 55, 56, 58, 60, 67.

Драбиковский Валентин Антонович. Родился в 1893 г., рабочий. С 1914 г. служил унтер-офицером в 11-м Симбирском полку старой армии. В 1918 г. в г. Курске участвовал в формировании Курского полка Красной Армии, с которым вошел в 24-ю Железную дивизию. В боях за Оренбург был тяжело ранен, но оставался в полку. Персональный пенсионер.— 191, 193, 198, 199, 201.

Елькин Соломон Яковлевич (1888—1918). Член партии с 1905 г. За участие в революции 1905—1907 гг. был приговорен к 20 годам каторжных работ. После Февральской революции — один из руководителей Челябинской большевистской партийной организации и Совета рабочих и солдатских депутатов. Активный участник борьбы за установление и упрочение Советской власти на Юж-

ном Урале. В мае 1918 г. во главе Челябинского отряда вместе с В. К. Блюхером прибыл в Оренбург для борьбы с белоказаками. Погиб в бою с белочехами под Бузулуком 26 июня 1918 г.— 87, 89, 125, 126, 129, 137, 138, 140, 145.

Ермаков Афанасий Степанович. Родился в 1887 г., крестьянин. В 1918 г. начал работать по советскому строительству в селах Новопокровской волости. Командир красногвардейского отряда. Делегат I Оренбургского губернского съезда Советов. Участник боев под Орском, Актюбинском, Оренбургом. Долгое время был на судейской работе. Член КПСС с 1919 г. Персональный пенсионер.— 66.

Занузданов Георгий Игнатьевич (1892—1960). Член КПСС с ноября 1917 г. Член Оренбургского Военно-революционного комитета в 1918 г., один из организаторов частей Красной Армии в Оренбурге; командир бригады и помощник командующего обороной Орска. С сентября 1918 г. — помощник командующего Туркестанской армией, с января по июнь 1919 г. — Оренбургский губвоенком, с июня 1919 г. — командир бригады 20-й стрелковой дивизии 1-й армии. В последующие годы был на военной и советской работе.— 173, 252, 253, 255.

Здобнов Александр Зиновьевич (1894—1937). Член Коммунистической партии с апреля 1918 г. Слесарь Оренбургского депо, помощник машиниста, машинист. С 1917 г. принимал активное участие в революционной работе. Был заместителем председателя стачечного комитета, членом Военно-революционного комитета, председателем губернского отдела труда. В 1919 г. находился на политработе в Красной Армии. После окончания гражданской войны — член губкома партии, член КирЦИКа, председатель губпрофсовета, председатель губсовнархоза. С 1922 г. работал в ЦК ВКП(б) заведующим транспортным отделом. В последующие годы находился на ответственной партийной, советской и профсоюзной работе.— 83, 161, 184, 248, 249, 253, 254, 255.

Зиновьев Георгий Васильевич (1887—1934). Член Коммунистической партии с марта 1917 г. В октябрьские дни — председатель Военно-революционного комитета 3-го Сибирского стрелкового корпуса. Весной 1918 г. во главе отряда направляется в Оренбургскую губернию для борьбы с дутовщиной. В мае 1918 г. назначается ко-

мандующим всеми красноармейскими отрядами Оренбургской губернии. В июле 1918 г. после эвакуации из Оренбурга в Актюбинск был командующим Туркестанской армией, с июня 1919 г.—командующим 1-й армией Восточного фронта, с осени 1919 г.—помощник командующего Туркестанским фронтом. С 1928 г.—начальник военно-строительного управления Красной Армии, с мая 1932 г.—начальник и комиссар Военно-инженерной академии. — 3, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 23, 30, 87, 89, 129, 131, 134, 135, 137, 138, 141, 143, 145, 153, 155, 171, 172, 255, 266, 280, 283, 290, 303, 306.

Зуев Валериан Григорьевич. Родился в 1894 г. Член партии с 1916 г. Участник вооруженного восстания в октябре 1917 г. в Петрограде и отпора немцам под Псковом в феврале 1918 г. С 15 июля 1918 г.—сотрудник политотдела 1-й армии Восточного фронта, затем политработник 24-й Железной дивизии, с сентября — заместитель политкома 2-й бригады той же дивизии. Участник боев за Оренбург. С конца 1919 г.—военком 72-й бригады 24-й дивизии, участвовал в ее составе в боях на Южном и белопольском фронтах. В дальнейшем — на военной и хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Персональный пенсионер.— 191, 220.

Ибрагимов Юсуф Ибрагимович (1895—1961). Подпоручик старой армии. Член КПСС с 1917 г. В Красной Армии с 1918 г. Член мусульманской военной коллегии при Народном комиссариате по военным и морским делам. С марта 1919 г. командир Приволжской татарской бригады. Участвовал в разгроме войск Колчака под Оренбургом и Актюбинском. В 1920 г. член Реввоенсовета Туркестанского фронта и военный комиссар Бухары. Участник Великой Отечественной войны.— 30, 302.

Иванов Алексей — рабочий Орска, солдат царской армии. Один из организаторов Орской рабочей дружины в мае 1918 г. Член КПСС с 1918 г. Первый председатель Орского комитета партии, избранного в апреле 1918 года. Активный участник обороны Орска, Актюбинска, Оренбурга. Работал в Оренбургской губчека. В последующие годы был на хозяйственной работе. — 59, 60, 67.

Кадомцев Михаил Самуилович (1886—1918). Профессиональный революционер. Член партии большевиков с 1905 г. Военно-полевым судом приговорен к вечной ка-

торге. В 1917—1918 гг. — начальник штаба боевых дружин в Уфе, командовал отрядами Красной гвардии. Погиб в боях с белогвардейцами под Самарой.— 126, 127, 128.

Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — один из выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, верный ученик В. И. Ленина. Член КПСС с 1898 г. С марта 1919 г. — Председатель ВЦИК, с декабря 1922 г. — Председатель ЦИК СССР, с января 1938 г. по март 1946 г. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР.— 31, 51, 52, 277.

Калнин Оскар Юрьевич (1895—1920). Член партии с 1911 г. Активный участник Октябрьской революции в Москве. С июля 1918 г. по апрель 1919 г. — политический комиссар и член Реввоенсовета 1-й армии Восточного фронта. Впоследствии — военком 11-й Петроградской дивизии, командир 143-й бригады 48-й дивизии Западного фронта. Погиб в бою в ноябре 1920 г.— 224.

Каширин Иван Дмитриевич (1890—1937). Родился в Верхнеуральске Оренбургской губернии. Подъесаул казачьих войск. В марте 1917 г. на румынском фронте примкнул к революционной группе казаков 1-й Оренбургской дивизии. Был членом, а потом председателем казачьего комитета дивизии. В марте 1918 г. вместе с братом Николаем формировал казачьи добровольческие полки для борьбы с дутовцами. В апреле 1918 г. принят в члены большевистской партии. В годы гражданской войны — командир верхнеуральских полков Красной Армии, командир отдельной Оренбургской казачьей кавалерийской бригады, носившей его имя. С 1920 г. по 1932 г. работал в ВЧК—ОГПУ, с 1932 г. по 1936 г. был главным государственным инспектором Народного комиссариата совхозов и являлся членом коллегии НКВД СССР.— 3, 85, 283, 288, 289, 290, 291.

Каширин Николай Дмитриевич (1888—1938). Член Коммунистической партии с 1918 г. Один из организаторов и руководителей красногвардейских отрядов на Урале. Командовал дивизией, корпусом, группой войск на Восточном, Западном и Южном фронтах. После гражданской войны работал помощником командующего в ряде военных округов, командующим Северо-Кавказским военным округом, начальником главного управления бое-

вой подготовки Народного Комиссариата по военным и морским делам. — 3, 13, 15, 85, 87, 126, 127, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 145, 146.

Кирюхин Николай Иванович (1898—1948). Рабочий-печатник в Москве и Туле. Член Коммунистической партии с 1913 г. Был в ссылке. В старой армии служил пулеметчиком. После Февральской революции 1917 г. — член Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьской революции работал в рабочем кооперативе г. Москвы. С начала гражданской войны находился на Восточном фронте. В июне 1918 г. — пулеметчик 213-го полка 24-й дивизии. С октября 1918 г. по декабрь 1920 г. — помощник комиссара, затем комиссар 214-го полка той же дивизии. Участвовал в боях за Оренбург. С 1920 г. работал на командных должностях. После гражданской войны окончил Военную академию им. Фрунзе. В 1940 г. — инспектор пехоты Московского военного округа. В годы Великой Отечественной войны — командир корпуса и заместитель командующего армией. — 219, 220.

Киселев Иван Федорович (1888—1938) — казак станицы Линевской Оренбургского уезда. Член Коммунистической партии с октября 1916 г. В 1918—1919 гг. — председатель исполнительного комитета Совета казачьих депутатов 1-го округа Оренбургского казачьего войска, председатель казачьей секции губисполкома. Впоследствии заместитель председателя ЦИК и заместитель Народного комиссара внутренних дел Киргизской (Казахской) АССР. В 1925 г. отозван на работу в Центральный Комитет партии. В 1932—1934 гг. работал начальником управления милиции РСФСР, а затем — помощником прокурора СССР. — 14, 73, 83, 85, 87, 89, 93, 249.

Кичигин Семен Афанасьевич (1886—1918) — рабочий-кондитер. Член Коммунистической партии с 1905 г. В 1917 г. — член Оренбургского комитета большевиков. В ночь на 7 ноября 1917 г. арестован Дутовым за революционную деятельность. 12 декабря бежал из дутовской тюрьмы вместе с 32 большевиками. После освобождения Оренбурга 18 января 1918 г. — член Военно-революционного комитета, комиссар организационной комиссии. Во время эвакуации красных войск в Актюбинск по поручению партийной организации остался

в тылу врага, где вел агитацию среди крестьян. 3 июля 1918 г. ночью в селе Репьевке попал в засаду и был зарублен казаками. — 69, 83, 84.

Клецов Иван Петрович. Крестьянин, красногвардеец. Член Коммунистической партии с 1918 г. Во время обороны Орска и Актюбинска в 1918 г. был адъютантом штаба фронта. Впоследствии находился на советской и хозяйственной работе. — 61, 65.

Клопова Галина Ивановна. Родилась в 1898 г. Член большевистской партии с 1916 г. В 1918 г. вела партийную работу в 1-й армии Восточного фронта, заведовала агитационным подотделом политотдела армии, политотделом 20-й Пензенской дивизии, была политработником 9-й армии Южного фронта. После окончания гражданской войны находилась на партийной работе. Персональный пенсионер. — 217, 224, 225.

Кобозев Петр Алексеевич (1878—1941). Вступил в РСДРП в 1898 г. Окончил Рижский политехнический институт. До 1915 г. (с перерывами) — инженер, преподаватель. Активно участвовал в работе социал-демократической организации Латышского края. В 1914—1917 гг. находился в ссылке в Оренбурге. Один из руководителей Оренбургской социал-демократической организации. После Февральской революции 1917 г. — начальник и комиссар Ташкентской железной дороги. В мае 1917 г. отозван в Петроград, по списку большевиков избирался в городскую думу и в городскую управу. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания, делегат II съезда Советов. С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. — Чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК РСФСР по Западной Сибири и Средней Азии, возглавлял борьбу с дутовщиной. В 1918 г. — Народный комиссар путей сообщения РСФСР, член Реввоенсовета Восточного фронта, член Реввоенсовета Республики. В 1919—1920 гг. — член комиссии ВЦИК и СНК по Туркестану, затем — член коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции. Участвовал в ликвидации деникинщины. Был председателем Совета Министров Дальневосточной республики, председателем Дальневосточного ревкома. В дальнейшем находился на научно-педагогической работе, профессор. — 3, 7, 13, 19, 35, 36, 38, 42, 43, 44, 59, 63, 68, 78, 95, 147.

Козлов Василий Лукич. Родился в 1891 г. Большевик

с мая 1917 г. Был членом ВЦИК, заведовал конторой газеты «Известия ВЦИК». Летом 1918 г. послан в 1-ю армию Восточного фронта. Был председателем реввоен-трибунала, редактором армейской газеты «Набат револю-ции», заведующим агитационным подотделом политотде-ла, заведующим политотделом армии. С апреля 1919 по 1920 г.—начальник политотдела 24-й дивизии.—218, 220, 262, 263.

Козлов Константин Александрович. Родился в 1898 г. Большевик с 1915 г. В 1-й армии Восточного фронта с ле-та 1918 г. — заведующий политотделом армии, затем за-ведующий организационным подотделом политотдела ар-мии. Делегат VIII съезда партии. После этого находился на политической работе на Южном фронте. Персональ-ный пенсионер.—217, 224.

Козырев Николай Никитович (1881—1939). Рабочий, член большевистской партии с 1906 г. Был в эмиграции во Франции, учился в партийной школе В. И. Ленина в Лонжюмо. С июля 1918 г. — политком 2-й бригады 24-й дивизии. Участвовал в боях за Оренбург. С конца с 1919 г.—военком 24-й дивизии. После гражданской войны находился на партийной и советской рабо-те.—191, 203, 220.

Колесов Ф. И. (1891—1940) — член партии с 1917 г. Активный участник Октябрьской революции в Туркестане. С ноября 1917 г. до ноября 1918 г. — председатель Совнаркома Туркестанской республики. В 1919—1922 гг. — на командно-политической работе в Красной Армии. В 1923—1928 гг. — на ответственной хозяйствен-ной работе.—153.

Колоколов Степан Константинович. Казак поселка Уртазым Орского уезда. До революции за убийство по-селкового атамана был сослан на каторгу. После Фев-ральской революции возвратился в поселок Уртазым. В начале 1918 г. организовал там Советскую власть, создал партизанский кавалерийский отряд, с которым летом 1918 г. влился в Орский полк. Участник боев под Ор-ском, Актюбинском, Оренбургом. С 1926 г. в поселке Верхней Кардаилловке Кваркенского района Оренбург-ской области был председателем сельскохозяйственной артели. Член партии с 1918 г. Умер в 1947 г. — 63, 66.

Кольчук Федор Самсонович. Родился в 1895 г., унтер-офицер старой армии. В Красной Армии с мая 1919 г. —

командир роты, батальона 210-го им. Ленина полка 24-й дивизии. Член КПСС с 1921 г. В 1930 г. окончил Военную академию им. Фрунзе и потом занимал командные должности в Красной Армии. Во время Великой Отечественной войны командовал 47-м стрелковым Будапештским корпусом. Генерал-майор в отставке.— 284, 286, 291, 292, 295, 297.

Конценебин Иван Иванович. Рабочий, унтер-офицер царской армии. В 1918 г. — помощник Орского уездного военного комиссара. Затем помощник командира 2-го и 1-го орских полков. В 1919 г. — помощник интенданта бригады. — 60.

Коростелев Александр Алексеевич (1887—1937) — член партии с 1905 г., токарь по металлу. Партийную работу вел на заводах Самары и Оренбурга. После Февральской революции — председатель Оренбургского Совета рабочих депутатов. В 1918 г. — член Оренбургского Военно-революционного комитета и председатель губисполкома. В 1919 г. был политическим комиссаром штаба обороны Оренбурга, членом Реввоенсовета и затем начальником политотдела Туркестанской армии. С мая 1921 по апрель 1922 г. — член коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, возглавлял комиссию содействия хозяйственным органам. С 1922 г. находился на руководящей профсоюзной и административно-хозяйственной работе. На XI, XII и XV съездах партии избирался членом ЦКК. — 22, 26, 35, 36, 38, 68, 69, 79, 80, 88, 89, 91, 92, 146, 147, 149, 152, 154, 155, 170, 172, 173, 181, 182, 184, 186, 203, 236, 247, 253, 255.

Коростелев Георгий Алексеевич (1885—1932). Рабочий, принимал участие в революционном движении с 1904 г. Член Коммунистической партии с 1905 г., один из организаторов и руководителей Оренбургской социал-демократической организации. Неоднократно арестовывался за революционную деятельность. С 1910 г. по 1913 г. находился в ссылке. После Октябрьской революции при дутовщине в Оренбурге работал в подполье. После освобождения города 18 января 1918 г. — член Военно-революционного комитета, губисполкома, председатель губсовнархоза. В сентябре 1921 г. избран секретарем Киргизского обкома РКП(б). На XII съезде партии избран членом ЦКК и с этого времени бессменно работал членом президиума ЦКК. Ряд лет был председателем Мос-

ковской контрольной комиссии РКП(б). — 17, 51, 147, 152, 154, 155, 248, 249, 255.

Косливец Дмитрий Семенович, Крестьянин села Са-
ра Орского уезда. Член Коммунистической партии с
1918 г. Избирался членом Орского исполкома в 1918 г.
Участник обороны Орска, Актюбинска, Оренбурга. Впо-
следствии много лет находился на финансовой работе.
Умер в Москве в 1960 году. — 66.

Краснощеков Михаил Минович (1888—1966). Член
Коммунистической партии с 1917 г. Один из организато-
ров отрядов Красной гвардии и частей Красной Армии в
Оренбуржье и Ташкенте. В 1919 г. был заместителем; а
затем с 8 по 27 мая — командующим Актюбинским фрон-
том. В 1920 г. — помощник командира 10-й кавалерий-
ской дивизии корпуса Г. Д. Гая на польском фронте. С
сентября 1922 г. — командующий частями особого на-
значения Джетысуйской области. В последующие годы
работал на руководящих должностях. — 65, 87, 173.

Куйбышев Валерьян Владимирович (1888—1935) —
один из видных деятелей Коммунистической партии и
Советского государства, верный ученик В. И. Ленина,
член КПСС с 1904 г. В начале июля 1918 г. назначен по-
литическим комиссаром 1-й армии Восточного фронта.
8 сентября 1918 г. переведен на ту же должность в 4-ю
армию Восточного фронта. С 31 октября 1918 г. по ап-
рель 1919 г. возглавлял Самарский горисполком, а за-
тем — губисполком. В апреле 1919 г. вновь возвратился
в армию и был последовательно членом реввоенсоветов
Южной группы армий Восточного фронта (9 апреля—
31 июля 1919 г.), Астраханской группы войск (31 июля —
14 августа 1919 г.), 11-й армии (14 августа — 12 октября
1919 г.). В октябре 1919 г. назначен членом Реввоенсове-
та Туркестанского фронта и особой комиссии по делам
Туркестана. После гражданской войны работал секрета-
рем ЦК РКП(б), председателем ЦКК РКП, председа-
телем Госплана СССР и заместителем председателя
Совнаркома СССР. — 13, 50, 260, 261, 306.

Курач Павел Селиверстович (1894—1937). Член Ком-
мунистической партии с ноября 1917 г. Один из органи-
заторов подпольной Красной гвардии в Оренбурге. После
освобождения города в январе 1918 г. — помощник на-
чальника Красной гвардии и комиссар 6 района, член
Оренбургского Военно-революционного комитета, орга-

низатор, а затем помощник командира и командир 1-го Советского казачьего полка. За боевые отличия на фронтах гражданской войны награжден двумя орденами Красного знамени. После гражданской войны — Оренбургский губвоенком. С 1924 г. работал в военкоматах. — 82, 89, 90.

Лебединский Дионисий Емельянович. Родился в 1889 г. Унтер-офицер старой армии. В январе—мае 1918 г. был красногвардейцем Тираспольского отряда. В Красной Армии с 1 мая 1919 г. служил командиром роты 210-го полка им. Ленина, сотрудником политотдела 72-й бригады 24-й дивизии. После демобилизации весной 1921 г. — на педагогической работе. Пенсионер. — 29, 32, 283, 284, 290, 291, 292.

Левашев Андрей Ефимович (1874—1937). Слесарь Оренбургских главных железнодорожных мастерских, организатор и руководитель подпольного отряда Красной гвардии в Оренбурге в ноябре 1917 г. — январе 1918 г., активный участник гражданской войны в губернии. В июле—сентябре 1918 г. — начальник обороны Орска. В 1919—1920 гг. — командир 92-й бригады 31-й стрелковой дивизии. В последние годы находился на хозяйственной работе. — 82, 154, 172, 173, 174, 175, 179.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (22 апреля 1870 г. — 21 января 1924 г.) — величайший гений человечества, создатель Коммунистической партии Советского Союза, основатель Советского социалистического государства, вождь и учитель трудящихся всего мира. — 4, 7, 8, 13, 14, 16, 18, 19, 25, 30, 31, 32, 68, 87, 88, 121, 147, 153, 156, 161, 162, 175, 197, 202, 221, 223, 263, 289, 290, 291, 293, 295, 301, 308.

Липов Григорий Петрович. Родился в 1899 г. Член КПСС с 1919 г. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. До 1925 г. — партийно-политический работник. Позднее находился на ответственной работе в Прокуратуре СССР, редактировал юридический журнал, был председателем военного трибунала войскового тыла Брянского фронта. Из армии демобилизовался в конце 1947 г. по болезни. — 2, 4, 7, 10, 21, 27, 95, 97.

Лысов Николай Васильевич — казачий офицер, перешедший на сторону Советской власти. Весной 1918 г. добровольно вступил в Красную гвардию. Летом 1918 г.

был назначен командиром Орского кавалерийского полка. Участник боев под Орском и Оренбургом.— 62.

Малишевский Аркадий Николаевич (1886—1921). Член КПСС с июня 1917 г. В 1917—1918 гг. — председатель Орского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, военком Орского уезда, начальник Орского гарнизона, помощник начальника, а затем начальник обороны Актюбинского района. В 1919—1920 гг. — командир 93-й, а потом 3-й бригады 31-й стрелковой дивизии, комендант Орского укрепленного района. В дальнейшем занимал военные посты.— 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 64, 67, 181.

Малянов Игнатий Иванович. В 1905 г. работал машинистом на Сибирской железной дороге. Преследовался за революционную деятельность. Член Коммунистической партии с ноября 1917 г. В 1918 г. избирался членом Орского уездного исполкома. Активный участник обороны Орска, Актюбинска, Оренбурга. В 1919—1921 гг. — член Военного совета Орского укрепленного района.— 53, 54, 56.

Макарова-Мутнова Мария Михайловна (1894—1964). В 1914 г. вступила в РСДРП(б). 8 сентября 1915 г. была арестована за революционную деятельность, а 7 января 1916 г. выслана из Самары в Оренбург. В марте 1917 г. избрана членом Совета рабочих депутатов. В ночь с 6 на 7 ноября 1917 г. арестована Дутовым вместе с группой большевиков. После побега из тюрьмы 12 декабря 1917 г. работала в подполье. В 1918—1921 гг. — член губисполкома и комиссар социального обеспечения. С 1918 по 1924 г. — член оренбургских горкома и губкома партии. По окончании Промакадемии работала в Москве директором фабрики «Пролетарский труд». — 36.

Мартынов Иван Денисович (1883—1953). Происходит из крестьян, сельский учитель. Член КПСС с 1910 г. В Оренбурге с 1913 г., вел подпольную работу. 7 ноября 1917 г. арестован Дутовым, 12 декабря совершил побег из тюрьмы, нелегально переехал в Бузулук. Участвовал в наступлении Красной гвардии на Оренбург. После освобождения Оренбурга от Дутова 18 января 1918 г. — член Оренбургского Военно-революционного комитета, губисполкома, председатель губпродкома. С июля 1918 г. по январь 1919 г. — чрезвычайный комиссар по снабжению войск Орско-Актюбинского фрон-

та. В 1919—1920 гг. — заведующий Оренбургским губпродкомом, потом народный комиссар по продовольствию КирАССР. В последующие годы работал секретарем Саратовского и Тамбовского губкомов партии и председателем Новосибирского губисполкома. В 1943 г. перешел на педагогическую работу в Московский авиационный институт. Являлся членом ВЦИК шести созывов и членом ЦИК СССР четырех созывов. — 17, 22, 51, 76, 79, 83, 91, 118, 147, 152, 154, 181, 203, 249, 253, 255, 263.

Мелентьев Семен Васильевич. Родился в 1893 г. Член КПСС с августа 1917 г., активный участник борьбы за Советскую власть в Оренбургской губернии. В 1918 г. — председатель Акбулакского ревкома, политработник штаба Туркестанской армии в районе Актюбинска. В 1919 г. — председатель ревкома Илецкой Защиты, затем райисполкома, участник обороны Оренбурга. С августа 1919 г. по март 1921 г. — председатель Соль-Илецкого райисполкома. В дальнейшем находился на партийной и хозяйственной работе. Персональный пенсионер. — 2, 4, 5, 17, 28, 39, 41, 43, 46, 50.

Мискипов Василий Исаевич (1882—1920). Член большевистской партии с 1903 г. После разрыва оренбургских большевиков с меньшевиками — секретарь Оренбургской большевистской организации. В ночь на 7 ноября 1917 г. арестован Дутовым. Бежал 12 декабря из тюрьмы, работал в подполье. После освобождения Оренбурга в январе 1918 г. — член Оренбургского Военно-революционного комитета, комиссар печати, член губисполкома. В годы гражданской войны один из руководителей Оренбургской большевистской организации. — 239.

Молодов Иван Митрофанович (1891—1937). Рабочий Оренбургского лесопильного завода. В 1911—1914 гг. находился на действительной военной службе. С 1914 по март 1918 г. — на фронте. За боевые заслуги произведен в штабс-капитаны, награжден четырьмя георгиевскими крестами, орденом Анны 4-й степени, бельгийскими и французскими знаками военного отличия. Был тяжело ранен, два раза контужен. В 1917 г. был избран командиром 192-го полка, произвел его демобилизацию. В марте 1918 г. возвратился в Оренбург. 4 апреля участвовал в освобождении города от банд белоказаков. Добровольно вступил в Красную гвардию, организовал пулемет-

ную команду и командовал ею до сентября 1918 г. С октября 1918 г. по апрель 1919 г. — командир 2-го Ленинского кавалерийского полка, с апреля 1919 по октябрь 1919 г. — командир 2-го рабочего полка. В последующие годы — начальник завода «Орлес», председатель, член месткома этого завода. С 1922 г. инвалид II группы, персональный пенсионер. — 183, 184, 185.

Назарова-Каныкина Анна Ильинична родилась в 1900 г. в семье рабочего-железнодорожника. Участвовала в героической обороне Оренбурга в 1919 г. В 1920—1922 гг. работала в Оренбургской ЧК, в комсомоле, училась в вечерней фельдшерской школе. С 1923 по 1956 г. работала на партийных, советских и профсоюзных должностях в Казахстане. Член КПСС с 1925 г. Персональный пенсионер. — 256, 257.

Нуриманов Багау Ялалитдинович. Член КПСС с 1917 г. Член Временного революционного Совета Башкирии. Председатель оренбургских мусульманского Военно-революционного комитета и губернского мусульманского комиссариата. В 1918 г. растрелян белогвардейцами. — 83.

Обухов Василий Тимофеевич — сын казака-бедняка. В 1917 г. на фронте активно участвовал в работе полкового комитета. По возвращении в Оренбургскую губернию добровольно вступил в ряды Красной гвардии. В 1918—1919 гг. командовал 1-м Советским казачьим полком, в 1920 г. — кавалерийской бригадой. — 89.

Обухов Виктор Тимофеевич родился в 1898 г. в семье казака-бедняка. В начале 1918 г. добровольно вступил в красногвардейский отряд в Оренбурге. Позднее служил в 1-м Советском казачьем полку. В КПСС вступил в 1918 г. В Красной Армии на командных должностях прошел путь от командира эскадрона до крупного военачальника. Окончил Военную Академию имени Фрунзе, Герой Советского Союза. Генерал-полковник в отставке. — 90, 264.

Олеандер Павел Петрович (1885—1942) — венгр, родился в рабочей семье, работал строителем. В 1903 г. вступил в ряды социал-демократической партии. В августе 1914 г. взят в плен русскими войсками. Член Коммунистической партии с марта 1918 г. В 1917—1919 гг. — активный участник борьбы за Советскую власть в Оренбуржье. В 1920—1921 гг. — организатор

и руководитель венгерской секции коммунистов при Оренбургском губкоме партии. В последующие годы находился на партийной, советской и хозяйственной работе в Москве. — 4, 5, 17, 18, 158, 159.

Орловский Василий Иванович (1896—1927). По окончании духовной семинарии учился на естественном факультете Пермского университета. В 1916 г. призван в царскую армию, служил рядовым. После Октябрьской революции — член исполкома Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в Екатеринбурге. Примыкал к большевикам. Летом 1918 г., когда Екатеринбург был захвачен чехами, болел тифом. По выздоровлении переехал в Челябинск, где его не могли опознать. Установил связь с членами Челябинской подпольной организации партии И. Х. Васановым, В. Г. Киселевым и другими. В Красной Армии с 1 мая 1919 г., работал начальником штаба 210-го полка им. Ленина, начальником админотдела штаба дивизии. По окончании в 1924 г. военной академии работал в оперативном управлении Генерального штаба. Член КПСС с 1920 г. — 283, 284, 285, 286, 290, 291, 292.

Павлов Сергей Дмитриевич (1897—1946). Член КПСС с мая 1917 г., активный участник Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде, подавления контрреволюционного мятежа Керенского — Краснова под Пулково и Гатчиной, а также ликвидации ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве. В конце ноября 1917 г. Петроградский Военно-революционный комитет направил под командованием С. Д. Павлова отряд матросов и красногвардейцев на подавление контрреволюционного мятежа атамана Дутова в Оренбургской губернии. Красногвардейские отряды Урала, Поволжья и присланные из центра были сконцентрированы в Бузулуке и под командованием С. Д. Павлова 18 (31) января 1918 г. освободили от дутовцев Оренбург. В 1918 г. командовал интернациональной дивизией. В 1919 г. — командир бригады 35-й дивизии, начальник 35-й дивизии. В 1922 г. — главком народно-революционной армии Дальневосточной республики. — 3, 8, 121, 122.

Павловский Василий Игнатович (1887—1928). Учитель, во время первой мировой войны окончил школу

прапорщиков, дослужился в царской армии до штабс-капитана. В июне 1918 г. в качестве командира Нижегородского рабочего отряда прибыл на Восточный фронт под Симбирск. С конца июля 1918 г. — заместитель начальника 24-й дивизии. С ноября 1918 г. временно исполнял обязанности начальника 24-й дивизии, а затем стал ее начальником. Коммунист с 1919 г. В 1923—1925 гг. окончил военную академию и занимал ряд ответственных военных должностей.— 19, 190, 199, 201, 241.

Панов Николай Федорович (1890—1938). Рабочий-металлист. Член КПСС с 1911 г. Неоднократно арестовывался и подвергался ссылкам. С февраля 1917 г. работал в г. Самаре на трубочном заводе и вел партийную работу. С установлением Советской власти был членом коллегии охраны г. Самары. В мае—июне 1918 г. в дни обороны города от белочехов был военкомом одного из отрядов. В конце июня 1918 г. Самарским губревкомом направлен на партийно-политическую работу в Сengiлеевские отряды Г. Д. Гая. С конца июля 1918 г. — начальник политотдела 24-й дивизии, участвовал в боях за Оренбург. С 1922 г. находился в Самаре на партийной работе. На XIII, XIV, XVI партийных съездах избирался членом ЦКК.— 191, 199, 201, 203, 218.

Пацек Степан (1895—1919). Родился в Холмской губернии. Учился в учительской семинарии. Унтер-офицер старой армии. Участвовал в боях против немцев под Псковом в феврале 1918 г. В Красной Армии с 1 мая 1919 г. в должности командира 210-го полка им. Ленина. Убит 29 августа 1919 г. в бою против белых на Актюбинском фронте под селом Вознесенским вблизи ст. Мартук. Похоронен на привокзальной площади в Оренбурге.— 284, 286, 287, 288, 292, 293, 296, 297, 300, 301.

Пискунов Николай Кондратьевич (1894—1964). Крестьянин-бедняк из с. Лиховки Днепропетровской области. С 1909 г. жил в пос. Шандаш Орского уезда. Член КПСС с 1918 г. Принимал активное участие в борьбе против Дутова, Колчака и белополяков на Орско-Акдюбинском, Оренбургском и Польском фронтах. В годы гражданской войны был помощником командира, а затем командиром орской батареи. В Советской Армии служил с 1918 по 1946 г. Уволен в запас по болезни в звании полковника.— 65.

Подзоров Филипп Ильич (1893—1918). Активный участник борьбы за власть Советов в Оренбуржье, организатор и первый командир 28-го Уральского стрелкового полка. Погиб в августе 1918 г. при обороне Орска.— 173, 177, 178.

Попов Михаил Павлович. Сын служащего. Прапорщик царской армии. Добровольно поступил в 1918 г. на работу в Орский уездный военкомат. Член партии с 1918 г. В 1919 г. командовал Орским полком. Участник Великой Отечественной войны. Убит на фронте 20 ноября 1941 г. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.— 62.

Пугачевский Семен Михайлович. Член Коммунистической партии с 1918 г. В старой армии служил унтер-офицером, добровольно вступил в Красную Армию. С июля 1918 г. командир Ставропольского участка Симбирской группы войск. Затем — командовал Симбирской группой войск 1-й армии, работал в штабе 1-й армии, был комендантом гор. Сызрани. С января 1919 г. командовал 2-й бригадой 24-й дивизии.— 213.

Ратнек Карл Карлович. Родился в 1894 г. Учитель. Член КПСС с 1910 г. Был членом подпольного Виденского комитета партии Рижского уезда. Арестовывался царскими властями. Участвовал в Октябрьском вооруженном восстании в Петрограде и в подавлении мятежа юнкеров. Был членом Петроградского комитета большевиков, редактором газеты Латышского района. В начале 1918 г. работал в Народном комиссариате внутренних дел страны. В июне 1918 г. по партийной мобилизации прибыл на Восточный фронт в 1-ю армию. До конца года работал председателем армейской Чрезвычайной комиссии. С января 1919 г.— заместитель комиссара 1-й Пензенской дивизии. С июня 1919 г. заместитель комиссара 49-й Оренбургской дивизии. В сентябре 1919 г.— комиссар 20-й Пензенской дивизии. Участвовал в освобождении Советского Кавказа и Закавказья. После гражданской войны работал членом Реввоенсовета Кавказской Краснознаменной армии, членом Закавказского крайкома партии. Окончил институт Красной профессуры. Работал в Центральном комитете партии, членом бюро Средневожского крайкома, членом Политбюро ЦК Компартии Белоруссии, заведующим отделом Ленинградского обкома партии. Участвовал в Великой

Отечественной войне. В 1944 г. — заместитель министра просвещения советской Латвии. Персональный пенсионер. — 218, 225.

Рудаков Даниил Иванович. Крестьянин из с. Романкуль Орского уезда. Унтер-офицер царской армии. Член КПСС с 1918 г. Красногвардеец Орского отряда. В Орском полку был последовательно начальником разведки, помощником командира, а в конце 1919 г. — командиром полка. Впоследствии находился на советской работе. — 65.

Рукавицин Семен Лаврентьевич (1898—1959). Член КПСС с августа 1917 г. Служил в старой армии. В марте 1918 г. прибыл в Оренбург. Заболев тифом, Рукавицин не смог эвакуироваться в Актюбинск в начале июля 1918 г. и остался в Оренбурге на нелегальном положении. По выздоровлении сплотил группу молодых рабочих и организовал бойкот призыва в дутовские войска. После освобождения Оренбурга от белых войск в январе 1919 г. добровольно вступил в 1-й Оренбургский рабочий полк, участвовал в обороне Оренбурга. В июне 1919 г. назначен помощником военкома, а потом военкомом 439-го полка 49-й дивизии. После гражданской войны до 1934 г. находился на политической и оперативной работе в войсках и органах ОГПУ. В 1934 г. по мобилизации ЦК ВКП(б) направлен на работу членом Верховного суда РСФСР. С 1939 г. служил в Советской Армии на оперативной работе. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенные годы работал в органах НКВД. — 23, 33, 309, 310.

Савкин Петр Филиппович. Родился в 1896 г. Член КПСС с 1924 г. В 1918—1919 гг. — командир роты, затем батальона 3-го (212) Московского полка 24-й дивизии. Участник борьбы за Оренбург в 1919 г. Участник Великой Отечественной войны. Персональный пенсионер. — 18, 20, 204, 205.

Самсонов Александр Григорьевич (1887—1960). Рабочий-металлист. Член КПСС с 1905 г. За участие в Свеаборгском восстании был осужден на каторгу, где пробыл до 1917 г. После Февральской революции работал в Самаре на трубочном заводе. В июне 1918 г. участвовал в обороне Самары от белочехов. Затем Самарским губревкомом был направлен для партийно-политической работы в Сенгилеевские отряды Г. Д. Гая. С

конца июля 1918 г. — комиссар 1-го (214) Симбирского полка 24-й дивизии 1-й армии. В октябре — декабре 1918 г. — комиссар Самарского полка той же дивизии. — 191, 192.

Седякин Александр Игнатьевич (1893—1937). В мае 1917 г., будучи штабс-капитаном и дивизионным инженером старой армии, вступил в партию большевиков. Работал председателем исполкома Совета солдатских депутатов 5-й армии Северного фронта. После Октябрьской революции был организатором отряда Красной гвардии и частей Красной Армии. В июне 1918 г. направлен в 1-ю армию Восточного фронта. Командовал бронепоездом № 65, 1-м Курским полком, 2-й бригадой 24-й дивизии. Участвовал в боях за Оренбург. С января 1919 г. — на Южном фронте: помощник командующего 13-й армией, комиссар штаба фронта, командир 3-й Воронежской бригады, начальник 31-й и 15-й дивизий. В 1921 г. при ликвидации Кронштадтского мятежа командовал Южной группой 7-й армии. По окончании гражданской войны занимал ряд высших командных постов Красной Армии: начальника Военно-технической академии им. Дзержинского, инспектора высших учебных заведений и др. — 190, 191, 205, 210.

Соколов Данила Федотович. Рабочий-печник. Член Коммунистической партии с 1918 г. Активный участник обороны Орска, Актюбинска, Оренбурга. Избирался членом Орского уездного комитета партии. Был на хозяйственной работе. — 55.

Сольц Арон Александрович (1872—1945). Член РСДРП с 1898 г., большевик. Революционную работу вел в Вильно, Петербурге и других городах. Неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства. После Февральской революции — член редакции московской газеты «Социал-демократ», а затем «Правды». После Октябрьской революции — на ответственной советской и партийной работе. В 1919 г. — член Оренбургского губкома партии. С 1920 г. — член ЦКК, с 1921 г. — член президиума ЦКК партии. Затем был членом Верховного суда СССР, занимал ответственные посты в Прокуратуре СССР. — 263.

Страумит Ян Мартынович. Член КПСС с 1912 г. В 1915 г. был членом Рижского комитета партии. В 1917 г.

работал членом Лефортовского райсовета в Москве. В 1918 г. направлен Центральным Комитетом партии на Восточный фронт, работал в Чрезвычайной комиссии 1-й армии. В 1919 г.—заведующий организационным отделом политотдела 1-й армии, комиссар бригады. Впоследствии был на партийной работе.

Участвовал в Великой Отечественной войне в рядах Московского ополчения. Персональный пенсионер.— 217, 226.

Суворов Яков Маркович. Родился в 1889 г. Член КПСС. В 1917—1918 гг.—командир 17-го Сибирского стрелкового полка, прибывшего в Оренбургскую губернию из Петрограда в составе «Северного летучего отряда». Участвовал в рейде В. К. Блюхера в качестве работника штаба отрядов. — 4, 7, 8, 13, 14, 15, 121, 133.

Суница Д. Б. Родился в 1887 г. Член большевистской партии с 1905 г. В годы гражданской войны — политработник 1-й, Туркестанской и 5-й армий. В последующие годы — на партийной и преподавательской работе.— 224.

Терехов Михаил Иванович. Родился в 1896 г., рабочий, член Коммунистической партии с 1918 г. Один из организаторов Орской партийной организации. Военный комиссар 277-го Орского полка. За Салмышский бой награжден именными часами ВЦИК. После окончания гражданской войны находился на советской и хозяйственной работе. С 1958 г. персональный пенсионер. — 28, 32, 61, 67, 174, 181, 266, 268, 270.

Терехов Сергей Павлович (1897—1937). Член Коммунистической партии с января 1917 г. Окончил два курса Пермского университета. Член Оренбургского губисполкома. В 1918—1919 гг.—комиссар 3-го интернационального полка, комиссар 31-й Оренбургской дивизии, член Реввоенсовета Туркестанской армии. В 1921—1923 гг.—председатель Оренбургского губисполкома. В 1925 г. отозван в Москву для работы в приемной М. И. Калинина. — 82, 83, 84, 85, 149, 155, 181.

Токарев Василий Ефимович. Член КПСС с апреля 1919 г. В 1918 г. был пулеметчиком бронепоезда. В 1919 г. — адъютант, а затем командир бронепоезда № 10 им. Розы Люксембург. Участвовал в разгроме Южной Армии Колчака и в боях с басмачами в Туркестане. Участник Великой Отечественной войны.— 32, 279.

Усманов Шамиль (1898—1938). Солдат старой армии.

1918 г. Был военным комиссаром Приволжской татарской бригады. Участвовал в боях под Оренбургом. Секретарь ЦИК Татарской АССР. Поэт и писатель.— 152, 302

Фильченко Степан Романович. Родился в 1899 г. Член КПСС с апреля 1918 г. Участник гражданской войны. С 1920 по 1937 г. находился на руководящей партийной работе, был секретарем Орского укома, членом бюро Оренбургского губкома, секретарем парткомиссии 3-й стрелковой дивизии, начальником политотдела МТС. Окончил Коммунистический университет им. Свердлова. С 1937 г.— на административно-хозяйственной работе на 1-м Московском авторемонтном заводе. На этом же заводе два года работал освобожденным секретарем партийного бюро. С 1958 г. персональный пенсионер.— 4, 6, 8, 53, 55, 57, 61, 67.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925), выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, верный ученик и соратник В. И. Ленина, талантливый полководец и виднейший организатор советских Вооруженных Сил, один из основоположников советской военной науки. Член большевистской партии с ноября 1904 г., профессиональный революционер. В 1918—1920 гг. последовательно занимал посты командующего 4-й армией Восточного фронта, командующего Южной группой армии Восточного фронта, командующего войсками Восточного, Туркестанского и Южного фронтов. В 1921—1923 гг. — командующий войсками Украины и Крыма. В 1924 и 1925 гг. — Народный комиссар по военным и морским делам СССР. — 24, 25, 26, 27, 30, 49, 50, 94, 183, 229, 230, 237, 245, 252, 261, 269, 277, 279, 282, 283, 293, 294, 302, 305, 306, 316.

Хакимов Карим Абдрауфович (1892—1937). Член Коммунистической партии с апреля 1918 г. В 1918 г. — член мусульманского Военно-революционного комитета, комиссар народного просвещения Оренбургской губернии, командир татаро-башкирского батальона интернационального полка. В 1919—1920 гг. — начальник политотдела Приволжской татарской стрелковой бригады, военком 2-й Туркестанской дивизии, инструктор политуправления Туркестанского фронта, секретарь Временного ЦК Компартии Туркестана, заместитель начальника политуправления Туркестанского фронта, секретарь ЦК

Компартии Бухарской Народной Советской Республики. С 1921 г. — на дипломатической работе.—302, 303, 307.

Цвиллинг Самуил-Моисеевич (1891—1918). Член Коммунистической партии с 1906 г. Весной 1906 г. был арестован за распространение листовок и сбор средств на нужды РСДРП. В 1907 г. являлся одним из руководителей боевой дружины Томского комитета РСДРП. В октябре 1907 г. арестован и осужден на четыре года тюремного заключения. В 1912—1916 гг. вел партийную работу в Тобольске, Екатеринбурге и Троицке. В 1917 г.—руководитель Челябинской организации РСДРП(б), председатель Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов, член Уральского областного комитета РСДРП(б).

После Октябрьской революции — комиссар Советского правительства в Оренбургской губернии, председатель Оренбургского Военно-революционного комитета, председатель Оренбургского губисполкома. Погиб 2 апреля 1918 г. в станице Изобильной в бою с белоказацкими бандами.— 4, 5, 7, 35, 37, 38, 42, 43, 44, 47, 68, 69, 70, 71, 73, 74, 76, 77, 100.

Чанышев Якуб Джангирович. Родился в 1892 г. Член Коммунистической партии с марта 1917 г. Участник Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане. Военком Татарской стрелковой бригады на Восточном и Туркестанском фронтах. Делегат X, XIV и XVI съездов партии. Во время Великой Отечественной войны командовал дивизией, корпусом, был заместителем командующего армией. Генерал-лейтенант в отставке.— 32, 302, 306.

Чапаев Василий Иванович (1887—1919) — герой гражданской войны, талантливый командир Красной Армии, член Коммунистической партии. — 197, 294, 318.

Чистов Борис Николаевич. Родился в 1898 г. Член Коммунистической партии с 1917 г. В 1918 г.—политработник 1-й армии Восточного фронта, потом секретарь Симбирского горкома и укома партии, член бюро Ульяновского губкома ВКП(б). В 1927—1931 гг. — инструктор агитпропотдела Центрального Комитета партии, редактор журналов «Спутник агитатора для деревни» и «Вопросы шефства города над деревней». Окончил институт Красной профессуры, кандидат исторических наук. Персональный пенсионер.— 2, 34.

Шалин Михаил Алексеевич. Родился в 1897 г. Член КПСС с 1918 г. Активный участник гражданской и Великой Отечественной войн. Генерал-полковник в отставке. — 2, 32, 62, 266, 267, 269.

Шарапов Михаил Андреевич (1884—1937). Орский рабочий. Член партии с марта 1918 г. Один из организаторов большевистской группы в Орске. В 1917—1918 гг. — начальник штаба Орской Красной гвардии и уездный военный комиссар. Во время обороны города летом 1918 г. — начальник штаба войск Орского фронта. Впоследствии был начальником штаба обороны Актюбинска, затем начальником штаба дивизии, бригады. В конце 1919 г. командирован в военную академию, по окончании которой занимал командные посты в Красной Армии. — 62, 64, 67, 151, 152, 255.

Шереметьев Александр Степанович (1897—1962). Казак из поселка Переволоцкого. Член Коммунистической партии с июля 1919 г. С конца 1917 г. — председатель комитета 8-го казачьего полка, а потом член комитета и начальник 2-й Туркестанской казачьей дивизии. В 1918 г. делегат первого Оренбургского губернского съезда Советов, член губисполкома и его революционного штаба, заместитель председателя комиссариата трудового казачества и военный комиссар казачьего войска. С января 1919 г. — председатель войскового исполкома и начальник войсковой казачьей милиции. Во время обороны Оренбурга — командир 3-го рабочего полка. В 1920 г. — командир стрелкового полка на Польском фронте. В последующие годы был на руководящей партийной, советской, административной и хозяйственной работе. Участник Великой Отечественной войны. — 4, 11, 68, 74, 112, 117, 255.

Юлин Михаил Иванович. Родился в 1895 г. Почтово-телеграфный служащий. Службу в старой армии закончил в чине прапорщика. В Красной Армии с 1918 г., прошел путь от красноармейца до командира 49-й стрелковой дивизии. Активный участник борьбы против оренбургского и уральского белоказачества. После гражданской войны работал в Народном комиссариате иностранных дел СССР. С конца 1928 г. — в органах НКВД. В 1941 г. призван в Красную Армию. В октябре 1941 г. убит под Москвой. — 233, 249, 273.

Яковлев Андрей Зиновьевич. Линейный механик Ор-

ской почтово-телеграфной конторы. Принимал активное участие в установлении Советской власти в Орске. Первый председатель Орского Совета, избранного в ноябре 1917 г. В марте 1917 г. был делегатом первого Оренбургского губернского съезда Советов. Вскоре по приезде со съезда в Орск уехал на рыбалку на реку Урал, был схвачен белоказаками и расстрелян.— 58, 60.

Якубов А. С. (1882—1923). Член Коммунистической партии с 1900 г. Партийную работу вел в Тифлисе, Москве и Сибири. После Октябрьской революции — член коллегии Наркомпрода РСФСР, член Реввоенсовета Республики, Народный комиссар рабоче-крестьянской инспекции СССР.— 263.

Ярославский Емельян Михайлович (1878—1943) — партийный и советский деятель, историк, публицист, академик. Член Коммунистической партии с 1898 г.— 239.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>С. М. ЦВИЛЛИНГ.</i> В дутовском царстве	35
<i>С. В. МЕЛЕНТЬЕВ.</i> В суровые годы	39
<i>С. Р. ФИЛЬЧЕНКО.</i> Орские большевики в борьбе за власть Советов	53
<i>А. С. ШЕРЕМЕТЬЕВ.</i> В борьбе за трудовое казачество	68
<i>Г. П. ЛИПОВ.</i> Краснохолмцы	95
<i>Я. М. СУВОРОВ.</i> В боях с дутовцами	121
<i>Г. В. ЗИНОВЬЕВ.</i> Освобождение Оренбур- га	143
<i>П. П. ОЛЕАНДЕР.</i> Интернациональный полк.	158
<i>М. А. БАШИЛОВ.</i> Из записок политбойца	170
<i>Л. М. ДАШЕВСКАЯ.</i> В рядах Железной	189
<i>П. Ф. САВКИН.</i> Москвичи в боях за Орен- бург	204
<i>И. С. БАШКИРЦЕВ.</i> Политработа в 1-й ар- мии	217
<i>И. А. АКУЛОВ.</i> Героизм оренбургского про- летариата	228
<i>М. Д. ВЕЛИКАНОВ.</i> Из воспоминаний кра- сного командира	240
<i>А. И. НАЗАРОВА.</i> С санитарной летучкой на поле боя	256
<i>А. А. ДАНОВСКАЯ-СПИВАК.</i> Партийная школа	262
<i>М. А. ШАЛИН, М. И. ТЕРЕХОВ.</i> Конец Южной армии белых	266
<i>В. Е. ТОКАРЕВ.</i> Бронепоезд имени Розы Люксембург	279
<i>В. Д. ВЕРШИНИН, Д. Е. ЛЕБЕДИНСКИЙ.</i> Полк имени В. И. Ленина	283
<i>Я. Д. ЧАНЫШЕВ.</i> Татарская бригада	302
<i>С. Л. РУКАВИЦИН.</i> Воспоминания комис- сара	309
Именной указатель	319

ЗА СЧАСТЬЕ НАРОДНОЕ.

**Воспоминания участников
гражданской войны в Оренбуржье.**
Челябинск, Южно-Уральское кн. изд.,
1969 г.

352 с. с илл.

9 (с) 22 + 9 (с 17)

Редактор **В. П. Романенко**

Худ. редактор **Я. Н. Мельник**

Технический редактор **О. Я. Поня-
товская**

Корректор **С. А. Кулакова**

Исправления

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
111	14-я сверху	человек.	человек:
125	8-я снизу	округ	круг
166	10-я снизу	графа Ко-	графа Ка-
267	11-я снизу	става.	става ¹ .
301	8-я сверху	отборочные	отборные
343	Отсутствует последняя строка		Член КПСС с марта 1917 г. В Красной Армии с весны.
347	4-я сверху	В марте 1917	В марте 1918
351	1-я сверху	1969 г.	1968* г.

За счастье народное

Сдано в набор 19/X 1969 г.
Подписано к печати 24/XI 1969 г. ФВ02706
Формат бумаги $84 \times 108/32$ — 10,875 физ. п. л.,
18,3 усл. п. л., 17,5 уч.-изд. л.
Бумага типографская № 2.
Тираж 10000. Изд. № 2685.

Южно-Уральское книжное издательство,
г. Челябинск, пл. Революции, 2.

Типография Оренбургского обкома КПСС
«Южный Урал», г. Оренбург,
ул. Постникова, 9,

Заказ № 2249.

Цена 51 коп.

Переплет 20 коп.